

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТЯЛЛЕ

ПАНДЕМИЯ

Человек, такой,
каким мы его знаем, —
худший вирус
планеты...

18+

Впервые на русском! Новый роман от мастера остросюжетного жанра

Annotation

Равновесие – штука хрупкая, минуты спокойствия преходящи. Комиссар Франк Шарко, начиная расследование убийства, даже не подозревал, что речь пойдет ни много ни мало о выживании человечества. А начинается все сравнительно безобидно: в заповеднике на севере Франции находят мертвых лебедей, в Париже несколько человек заболевают гриппом. Однако это не обычный осенний всплеск заболевания, служба биологической безопасности Института Пастера утСПбверждает, что речь идет о совершенно новой, более того, искусственно выведенной разновидности вируса. Криминалисты с набережной Орфевр, 36, сбиваются с ног. Эпидемия вот-вот охватит планету, но совершенно непонятно, чей дьявольский план стоит за погибшими птицами и цепочкой странных убийств. Ясно одно: уже запущен обратный отсчет, и для решения загадки остаются дни, часы, минуты... Впервые на русском! Новый роман от мастера остросюжетного жанра.

- [Франк Тилье](#)

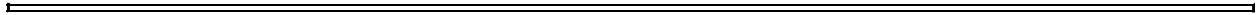
-
- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

Франк Тилье

Пандемия

Оставь надежду всяк сюда входящий.

Данте. Божественная комедия

В конечном счете использование живого для уничтожения других живых существ несет эмоциональный заряд, связанный с самими основами нашего вида... и может оказаться преступлением или нарушением человеком табу жизни.

Патрик Берш. Тайная история биологических войн

Franck Thilliez

PANDEMIA

Copyright © 2015, Fleuve Editions, Département d'Univers
Poche

© Н. Хотинская, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Первым звуком, который услышал Габриэль, было звяканье цепи, прикованной к его левой лодыжке.

Голова болела нестерпимо. Скорчившись на боку, он провел пальцами по металлической поверхности, царапавшей его правую щеку. Это была, похоже, стальная вентиляционная решетка. Когда по такой проходят девушки, то у них взлетает вверх подол платья. Габриэль, вообще-то, любил такие решетки.

Он расслышал внизу журчание воды. Куда его притащили? И зачем? Он еще не проспался после дрянного вина, но точно помнил ту черную фигуру, словно вынырнувшую из ниоткуда, под мостом. Габриэлю почудилась гигантская птица, с клювом и длинными когтями, блеснувшими в свете луны, а потом он ощутил боль в затылке и зажмурился – чтобы проснуться здесь, в темени, непрогляднее, чем беззвездная ночь.

Он привстал во мраке, и сильный запах защекотал ему ноздри. Мята. Да, пахло свежей мятой. Он не без труда дотянулся до закованной лодыжки и попытался высвободиться, как вдруг крошечный огонек замаячил позади. Он угадал пламя свечи, кружок робкого света, точно мыльный пузырь, в котором он, казалось, видел окружающее сквозь грязное стекло. Озираясь, он выхватывал лишь фрагменты действительности: кусок потолка, переплет решетки, край стены... Станный звук заставил его замереть. Он доносился с другой стороны от источника света. По диагонали, в углу, противоположном тому, где находился он.

Габриэль хотел было подняться, но в голове все закружилось. Он застыл на четвереньках, подобравшись, точно готовый броситься пес. Габриэль изрядно выпивал, да и ум уже притупился, но чують опасность он умел. С годами в нем развился инстинкт выживания – просто так, голыми руками, его не возьмешь.

Очень быстро он сообразил, что странный звук был звяканьем цепи. Другой цепи.

В круге света возникла рука: пять молящих пальцев скрючивались, хватая тьму. Габриэль видел только эту руку, пытавшуюся дотянуться до свечи, и понял, что это вряд ли получится. *По ту сторону*, надо понимать, был кто-то, кого наверняка похитили и приковали, как и его.

Он осторожно пополз по металлической решетке, обдирая ладони и

колени. Его остановила собственная цепь, натянувшись до предела. Тогда он тоже вытянул правую руку к свече, подражая другой руке, вцепившейся теперь в решетку, словно желая ее вырвать. Но Габриэль не смог коснуться ни свечи, ни раскрывшейся перед ним руки. Как он ни силился, как ни напрягал каждый мускул, каждую фалангу, все было тщетно.

Не успел он открыть рот, как слева от него, примерно в метре, возникла третья рука, маленькая и скрюченная. Потом еще одна, длинная и худая, обозначилась в последнем углу.

Над протянутыми друг к другу руками, между тенью и светом, появились лица.

Лица, обросшие густой бородой, морщинистые, с безумными глазами.

И тогда в поле зрения возник силуэт последнего человека. Он стоял, он не был прикован, весь в черном, в черной фетровой шляпе.

Пятница, 22 ноября 2013 года

Амандина Герен наблюдала за маленькой колонией грамотрицательных бактерий – несколькими сотнями единиц *Escherichia coli* – под линзами мощного микроскопа. Организмы, подкрашенные фиолетовой горечавкой, размером едва ли больше трех миллионных метра, плавали в питательном растворе. Микробиолог оторвалась от микроскопа и уступила место своему стажеру.

– Вот, посмотри, они испытывают легкий стресс.

Она догадалась, что Лео под дыхательной маской чувствует себя не лучшим образом. В этой стерильной среде работали с сальмонеллами, стафилококками, *listeria*, которые доставали из морозильников с температурой -80° , расположенных в углу лаборатории: эти бактерии редко смертельны, но обращаться с ними надо с крайней осторожностью.

– В состоянии стресса скорее я.

– В худшем случае заработаешь диарею на три-четыре дня. А вот скажи мне, каковы причины стресса у бактерий?

– Перепады температуры, холод, тепло, изменение окружающей среды с химической точки зрения... давление, освещенность.

– А каковы их стратегии противостояния стрессу?

– Они потребляют как можно меньше энергии, перестают двигаться или жмутся друг к другу. Некоторые бактерии, например сибирской язвы, образуют споры, чтобы защититься от окружающей среды.

– Отлично. Когда...

Кто-то энергично постучал в единственную прозрачную стенку охраняемой лаборатории типа УББ2^[1]. Амандина обернулась. Это был Александр Жакоб, руководитель Группы микробиологического реагирования, ГМР. Она кивком пригласила его войти, но он покачал головой. Очевидно, ему не хотелось облачаться в халат. Поняв это, она дала несколько указаний своему студенту, опустила маску, сняла перчатки и вымыла руки, тщательно оттирая каждый палец и между ними и уделив особое внимание коротко стриженным ногтям. Она вышла через тамбур. За ее спиной на двери висела желто-черная табличка – предупреждение о микробиологической опасности.

- У нас санитарная тревога. Ты можешь выехать через полчаса?
- Я работала над своей темой со стажером, но ничего страшного.

В этот день Амандина дежурила по микробиологии до семнадцати часов. Она должна была быть постоянно на связи и готова приступить к делу максимально быстро в любом месте Франции. Нечто вроде опергруппы при Национальной жандармерии^[2], только по биоопасности, включавшей четырех ученых, титулованных и мобильных, из двенадцати сотрудников ГМР.

– Отлично. Поступил вызов из префектуры Севера. Мчись в орнитологический заповедник Маркантер, в Бэ-де-Сомм. Официальная причина закрытия парка – проблемы технического обеспечения. ИЭН^[3] требует полной секретности. Возьмете машину Жоана, он уже в курсе. Протокол обычный.

- Очень хорошо. А истинная причина закрытия парка?

Александр Жакоб имел секретный допуск и не был склонен к болтливости.

- Что можно, по-твоему, найти в птичьем заповеднике?

Амандина сказала стажеру, что работа окончена, сама вымыла и продезинфицировала оборудование, после чего бросила халат в корзину для зараженных отходов. Шапочки она не носила: ее волосы длиной от силы в несколько миллиметров едва прикрывали почти лысый череп, поражавший всех, кто видел ее впервые. Обычно такое встречается у мужчин, никак не у красивых рыжих женщин. Длинные волосы у Амандины можно было увидеть только на редких фотографиях, последние – трех-четыrehлетней давности.

Она заскочила в свой кабинет за кое-какими вещами и встретила с коллегой Жоаном Дютреем на переполненном паркинге Пастеровского института. Здесь, в Париже, как и в Лилле, тысячи увлеченных людей, верных духу Луи Пастера, исследовали рак, болезнь Альцгеймера, гены, боролись с недугами. «Исцелять иногда, облегчать часто, слушать всегда». И все это требовало великодушного участия. «Пастер-Лилль» и «Пастер-Париж» существуют в наши дни во многом благодаря пожертвованиям.

Двое микробиологов прошли через кордон безопасности и оказались в сердце Пятнадцатого округа, недалеко от вокзала Монпарнас и его гигантской башни. Они отправились в путь на «рено-кангу» Жоана. В багажнике все необходимое оборудование уже было безупречно уложено между чемоданами и канистрами. В мире Жоана все должно было быть симметрично, наверно, по этой же причине длинный пробор делил его черную шевелюру ровно посередине. Амандина пристегнула ремень.

– Ты, может быть, больше меня знаешь об этом деле с Маркантером? Мне кажется, что Жакоб меня недолюбливает.

– Брось, он прекрасно к тебе относится, просто дай ему время привыкнуть к столице. Он приехал с Юга, еще не освоился. И потом, прикинь, какое на Жакоба давление. Легко ли явиться и принять бразды правления после ухода на пенсию одного из самых видных наших ученых...

Амандина покосилась на коллегу. Они были ровесниками, по тридцать четыре года, хотя Жоан выглядел старше со своим пробором, смотревшимся очень интеллектуально, маленькими усиками и черными, сросшимися в одну линию бровями. Диковинки природы можно найти не только в чашках Петри.

– Ну что там в парке Маркантер?

– Тревогу поднял один из гидов-натуралистов, наткнувшись в заповеднике на три трупа диких лебедей. Он дал знать директору. Тот, следуя инструкциям на случай обнаружения мертвых перелетных птиц, немедленно позвонил в НСА^[4]. Через полчаса эпиднадзор был в курсе и распорядился закрыть заповедник. Ветеринарные службы тоже едут туда.

– Перелетные птицы... Последняя тревога такого типа во Франции была в две тысячи седьмом, если мне не изменяет память.

– Да, в департаменте Мозель. И ничего угрожающего, просто какой-то вирус.

– Будем надеяться, что и здесь то же самое. У нас тут большие миграционные потоки, хорошего мало, если объявится H5N1^[5], пусть даже, как сказал бы Жакоб...

– ...«Мы владеем ситуацией!»

Он заметил, что Амандина зевнула. Лицо его посерьезнело.

– Кстати, как поживает Фонг?

– Поживает... – Она вздохнула. – Жакоб не в меру любопытен, мне известно, что он пытается разузнать о моей личной жизни. Задаёт вопросы направо и налево. Не знаю почему.

– Почему? Потому что он в ответе за безопасность своей лаборатории, вот почему. А в ней найдется чем убить тысячи человек. Вот он и выясняет анамнез каждого из нас. Плюс к тому он слегка параноик. Естественно, раз у него допуск.

– Про Фонга знаешь только ты. Это ни в коем случае не должно дойти до ушей босса, ясно? Не хочу, чтобы он использовал мою личную жизнь против меня, если однажды ему вздумается ставить мне палки в колеса. Мне нравится выезжать на места, общаться с людьми. В лаборатории я иногда задыхаюсь.

– Ты можешь на меня положиться.

Она наклонилась к авторadio, попала на новости и предпочла переключить на музыку. Шлягер Гольдмана «Comme toi». Молодая женщина откинула голову на подголовник и посмотрела на дома предместья, почему-то вдруг притихшего. Безликие коробки, ни проблеска надежды. Серо, грязно, уныло, как заляпанное ветровое стекло. Особенно в конце ноября, когда начинаются затяжные холодные дожди. Она любила большие города и в то же время ненавидела их. Жоан понял, что лучше оставить ее в покое, и сосредоточился на дороге.

Два часа спустя они приехали в департамент Сомм. Природный заповедник находился прямо на берегу бухты. Выйдя из машины,

Амандина потянулась и посмотрела на горизонт. Краски были типичны для осеннего дня, но молодая женщина подумала при виде Северного моря, катившего вдаль свои волны, что оттенки серого могут быть изумительны.

Она вдохнула полной грудью свежий воздух. Наверно, надо было бы ей чаще приезжать на Северное побережье с Фонгом. Отдохнуть у моря, на природе, побыть вдвоем. Но у нее работа, экспертизы, лабораторные исследования – не продохнуть.

А сегодня...

Жоан подхватил оба их чемодана с оборудованием – по одному в каждую руку, вопрос симметрии, – и Амандина не возражала. Она взяла пустую канистру.

Исследователи представились директору заповедника:

– Жоан Дютрей, а это Амандина Герен, мобильная бригада ГМР института «Пастер-Париж».

Мужчина протянул им полную руку. Ему было лет пятьдесят, и очки в овальной оправе не скрывали тревоги на его лице.

– Я Никола Пьон. Двое из ветеринарной службы и двое пожарных уже на месте.

Директор повел их по заповеднику, который простирался, насколько хватал глаз. Большие клинья птичьих стай рассекали небо, движимые непостижимой волей к выживанию. Величественный балет... Одни следовали в раскаленные земли Африки, другие прибывали из ледяных северных краев. Амандина знала, что эта часть северо-востока Европы, наряду с Бельгией, Германией, Болгарией, была важным миграционным коридором, принимающим ежегодно десятки тысяч птиц. Жоан внимательно смотрел вокруг.

– Больше мертвых особей не обнаружено?

– Мы обошли заповедник, на первый взгляд все нормально.

– Что вы можете сказать об этих лебедях?

– По словам одного из моих сотрудников, еще вчера они были на пруду, вполне живые. Они летят с севера, в частности из России, на долгую зимовку. Этот вид редко встречается в Маркантере, и перелет в этом году запоздал. Наверно, зима будет мягкая. Или вообще от глобального потепления все пошло вразнос, поди знай.

Они подошли к небольшому водоему, посреди которого возились в лодке люди в масках и перчатках. Пожарные гребли, удерживая лодку на месте. Ветеринары доставали трупы лебедей и укладывали их в белые чехлы, которые, в свою очередь, заворачивались в биологическую упаковку. Птицы будут подвергнуты вскрытию в стерильных условиях лаборатории

типа УББЗ+, по части безопасности там все на высшем уровне. С подозрением на птичий грипп не шутят.

Амандина посмотрела на других птиц на пруду. Утки, цапли, водяные курочки... Потенциальные носители вируса, которые вскоре продолжат свой перелет в менее суровые края. И станут, как любое живое существо, переносчиками микробов.

Исследователи облачились в защитную одежду: перчатки, комбинезоны, маски, бумажные бахилы. Жоан, надевая шапочку, объяснял директору процесс, пока Амандина доставала оборудование.

– Вдобавок к работе ветеринарных служб мы возьмем пробы воды, ила и отложений там, где есть испражнения мертвых лебедей. Вирус – если это действительно вирус – растворился в тысячах литров, но, сами понимаете, мы не увезем такое количество в багажнике, чтобы все проанализировать в лаборатории.

– Мы наполним канистру несколько раз, всасывая воду вот этим насосом, при помощи специальных фильтров изолируем микроорганизмы и сохраним в конечном счете лишь несколько миллилитров жидкости. Жидкости с высокой концентрацией микробов, – добавила Амандина.

Пьон нервно расхаживал взад-вперед. Объяснения, казалось, до него не доходили.

– Мои сотрудники ждут указаний, люди хотят попасть в заповедник. Когда я смогу открыть парк?

Ученые переглянулись. Жоан повернулся к возвращающейся лодке и дружески помахал рукой, предоставив объясняться Амандине.

– Мы возьмем пробы и передадим их в Национальный центр изучения гриппа при Парижском институте Пастера. Это единственная лаборатория, помимо Лиона, занимающаяся всем, что касается гриппа, в национальном масштабе. Через несколько часов, если все будет в порядке, мы узнаем, идет ли речь о вирусе птичьего гриппа H5N1.

– А если так?

– Ваш заповедник, вероятно, будет закрыт на несколько дней, пока мы не убедимся, что нет других мертвых птиц, и префект не примет решение.

– Закрыть весь заповедник из-за трех мертвых лебедей? Но...

– Нам очень жаль, но инструкции в случае подозрения на птичий грипп очень строгие. Вам не хуже нас известно о риске распространения этого опасного вируса в птицеводстве. Периметр безопасности должен быть максимально широк.

Пьон обреченно кивнул. Все эти меры казались ему явным перебором. Всего лишь каких-то три мертвых лебедя – в конце концов, может, было бы

лучше никому ничего не говорить и выбросить птиц в помойку. Встревоженный, он ушел звонить.

Жоан и Амандина приветствовали сотрудников ветеринарной службы. Беседа была короткой и вежливой. Потом они заняли места в лодке, и сидевшие на веслах пожарные доставили их к поплавкам, которыми коллеги обозначили места обнаружения лебедей. В водорослях на поверхности плавали испражнения.

– Готово дело!

Они молча наполнили канистру водой из пруда, взяли пробы ила, осадка, достали насос, установили фильтры, трубки и запустили систему. Аппарат был самодельный, но работал хорошо. Вода втягивалась в канистру и пропусклась через специальные фильтры, способные удерживать микроорганизмы больше двух часов.

Амандина ощутила легкий озноб, размещая пробы жидкости в специальную биологическую упаковку тройной толщины. Быть может, он там, невидимый, спящий, готовый напасть, пресловутый H5N1, вирус птичьего гриппа. Этот серийный убийца редко поражал человека – надо было вдохнуть его в очень больших количествах от уже больных птиц. Но если такое случалось, то каждый второй случай заканчивался смертельным исходом.

Дело сделано. Пара охотников за микробами незаметно удалилась со своими чемоданами и канистрой. Несколько любопытных туристов и орнитологов, ожидавших у входа в парк, проводили их взглядом. Их наверняка приняли за обслуживающий персонал. И тем лучше.

Перекусив в местной забегаловке, они выехали на автостраду и направились в столицу. Развязки, пробки, гудки. Амандина не заметила, как пролетел день. Почувствовав, что виски стискивает боль, она поняла, что забыла принять пропранолол.

Они добрались наконец до Института Пастера. Пока Жоан доставал из багажника чемоданы, молодая женщина посмотрела на часы:

– Черт, почти семь. Я обещала Фонгу, что вернусь не поздно.

– Не беспокойся, я сам. Мне все равно надо кое-что доделать в лаборатории.

– Ладно, сначала займусь дезинфекцией.

– И расслабься немного, ладно? Амандина, ты работаешь на износ.

– Трудно, но я попробую.

– Кстати, ты скажешь Фонгу про лебедей? У него еще есть связи в ВОЗ^[6]. Он мог бы дать нам горячие сведения, каких мы не дождемся от Жакоба.

– Что-то мне не хочется, чтобы он совал в это нос. Ты же его знаешь: когда он в теме, то ни за что не успокоится.

Жоан захлопнул багажник.

– Смотри сама, но это бы хоть заняло его.

– Фонг не скучает.

Она ответила довольно сухо.

– Ладно, держись, Амандина. До понедельника.

Держись... Он нашел верное слово.

Потому что, переступив порог своего лофта в предместье на юго-западе Парижа, она отнюдь не ощутила облегчения.

Скорее даже наоборот, это было испытанием.

Амандина приветствовала Фонга издалека.

Он помахал ей рукой через закрытую стеклянную дверь. Амандине хотелось обнять его, поцеловать, как сделали бы любые супруги, прошедшие день в разлуке.

Но она не могла этого сделать из-за плексигласовых перегородок.

Прежде следовало пойти под душ.

Удалить максимум микробов. Еще и еще.

В большом лофте, площадью двести двадцать квадратных метров, было две ванные, две гостиные и две кухни, большая и маленькая. Все перегороджено небьющимся стеклом или цельными стенами, со сложной сетью прозрачных коридоров, чтобы супруги не пересекались.

Когда все шло из рук вон плохо, у нее было свое личное пространство, у него свое. Они ходили параллельными коридорами и никогда не посягали на территорию другого. Два отдельных существа, живущие под одной крышей в странном лабиринте.

В ванной Амандина сунула свою одежду в корзину для белья, стоявшую под набитым аптечным шкафиком. На стене висел календарь, где она отмечала все даты своих месячных. Она энергично намылилась антибактериальным гелем, самым эффективным из имеющихся в продаже (его тестировали коллеги из Пастеровского института в Лилле), вспенила на голове шампунь, убивающий все микробы, и обильно ополоснулась горячей водой. Потом вытерлась полотенцем, выстиранным в специальных, антибактериальных порошке и кондиционере.

Перед зеркалом она набросила тайское кимоно из серого атласа и намазала лицо кремом. В тридцать четыре года ее гладкое, без единого волоска, тело казалось фарфоровым. Амандине была необходима эта чистота, чтобы хорошо себя чувствовать. После ритуала, продолжавшегося около часа, она могла наконец встретиться с мужем в одной из двух гостиных. В доме стояли увлажнители, которые, как правило, были эффективной защитой от микробов, и гигрометрические датчики. Гостиная Амандины находилась по другую сторону ультрапрочного плексигласового стекла, окруженного герметичными прокладками; у нее был свой телевизор, свое убранство, свой диван. Отсюда она также контролировала всю домашнюю электронику: автоматическое закрытие ставней, регулирование температуры, активацию сигнала тревоги, выключение

света...

Фонг приготовил курицу по-тайски с кокосовым молоком. Две цветные тарелки стояли на маленьком круглом столике. Амандина прижала Фонга к себе, погладила по спине. Каждый день, когда она могла ощутить его, прикоснуться к нему, был днем, выигранным у болезни. И не важны были ни муки, ни жертвы, ни эти толстые стекла, за которыми они походили порой на рыбок в аквариуме.

Амандина убедилась, что курица хорошо прожарена, и открыла бутылку минеральной воды.

– Что, если нам съездить к морю вдвоем? На Северное побережье. Ветер и свежий воздух. Йод пойдет на пользу твоему организму. Там сейчас никого нет, не сезон, пляж будет только наш.

– Тебе захотелось просто так?

– Да, просто так.

Фонг задумался над предложением на несколько долгих секунд. Когда он размышлял, крошечные морщинки расходились гусиными лапками от его черных глаз. У него было круглое и мягкое лицо азиатского типа, небольшие залысины и зубы чистой белизны.

Он улыбнулся ей; от этой улыбки она до сих пор млела, после пяти лет брака. Ему исполнилось сорок три. Они познакомились на научном конгрессе по биологической безопасности, поговорили, усыпая речь варварскими названиями бактерий, и больше не расставались. Перед самой свадьбой Амандина спросила его, готов ли он жениться на женщине с таким опасным именем^[7]: ведь цианид, смертельный яд, который может убить так, что и не заметишь, пахнет миндалем.

– Я рискну. Миндаль может быть и сладким, – ответил он. – Да, море – это хорошая идея. Мне будет полезно немного проветриться. Завтра?

– Лучше в воскресенье. Будет свободнее на дорогах. Завтра я займусь уборкой, а потом посмотрим кино. Да, и еще, на следующей неделе я хочу взять отгулы, подам запрос в понедельник.

– Это правда?

– Я слишком заработалась, мне надо оторваться от пробирок и сделать паузу в подготовке моей ЛРИ^[8]. Проводить больше времени с тобой.

– Тоже отличная идея.

Амандина кивнула на оригами, лежавшие на столе гостиной. Драконы, стрекозы, птицы невероятной сложности. Некоторые из них требовали сотен складываний и десятков часов работы. У Фонга были длинные и тонкие пальцы пианиста.

– Ну, сколько ты продал сегодня?

– Четыре. Двух скорпионов, одного оленя и сердце с крыльями, вон оно.

Прежде Фонг гонялся за микробами по всему миру. Теперь, запертый в четырех стенах, он делал бумажные фигурки. Но он держался. Его интернет-магазинчик, электронная переписка с незнакомыми людьми и пакетики, которые Амандина каждый день относилa в абонентский ящик, позволяли ему сохранять подобие связи с миром.

– Чудесно, Фонг, у тебя все больше клиентов. Придется кого-то нанять, если так будет продолжаться.

Фонг спокойно отпил глоток воды. Он всегда оставался вежливым, учтивым, даже в самых ужасных ситуациях. Но Амандина знала, как не хватает ему внешней жизни, общества, даже простых прогулок, которые он совершал до болезни.

– Может, теперь расскажешь мне, что тебя мучит? Я чувствую, как ты напряжена.

Поколебавшись, Амандина решила рассказать ему о трех мертвых лебедях, о своей поездке с Жоаном в Маркантер, о подозрениях на грипп H5N1. Фонг внезапно заинтересовался. До работы в лабораториях инфекционной больницы Сен-Луи он три года трудился в ВОЗ в качестве эпидемиолога. Человек цифр, весь в статистике, расчетах, прогнозах. Пневмония была его коньком, он много ездил, в Африку, Латинскую Америку, Мексику... Вдобавок о гриппе он тоже знал немало.

– Я не помню, говорил ли тебе о SHOC^[9] Room.

– «Шокрум»? Что это? Восточная кондитерская?

Фонг не знал, шутит она или нет. У Амандины бывали порой неожиданные, даже нелогичные реакции. Видно, ум ее путался, смешивал все, с этой массой проектов, которые она вела одновременно. Пришлось объяснять:

– Ага, швейцарская восточная кондитерская. Она находится в женевских офисах. Это помещение, полное компьютеров...

– Где сотрудники-наблюдатели отслеживают различные очаги гриппа – особенно птичьего – по всему миру. Да, я знаю...

– Значит, тебе известно и то, что у них там есть система под названием GPHIN^[10], отлавливающая все, что касается гриппа, в Интернете на семи языках. Его поисковики шерстят веб наподобие «Гугла». Газеты-онлайн, блоги, медицинские сайты – все. Несколько слов по-русски о мертвой птице – и через несколько секунд на экранах высвечивается информация...

– Впечатляет.
– Я позвоню бывшему коллеге, Клоду Бейзу, он передо мной в долгу. Мы наверняка разузнаем больше о твоих лебедях.
– Ты предлагаешь мне действовать через голову шефа, так?
– По правде сказать, твое дельце меня возбуждает.
– Меня тоже. И на худой конец, неплохо бы знать как минимум столько же, сколько этот психоригидный Жакоб.

Фонг набрал номер, поговорил несколько минут и повесил трубку.
– Похоже, там горячо.
– Горячо, то есть?
– Это все, что он мне сказал, сейчас у них там запарка. Но он обещал послать мне информацию по электронной почте сегодня вечером или самое позднее завтра. Я сказал, чтобы он поставил тебя в копию.

После вестерна, который они посмотрели, сидя на двух отдельных диванах, они проверили электронную почту и отправились в спальню, за ласками добравшись до этой комнаты, рассеченной надвое большим плексигласовым стеклом. Две входные двери, две кровати, *почти* рядом, но разделенные. На этот раз они вошли в одну дверь – которая запиралась на ключ, как все двери в лофте, – и легли вместе в кровать Амандины. Она никогда не заходила на территорию Фонга, кроме кухни.

Фонг любил гладить рукой голову жены, чувствовать, как коротенькие рыжие волоски покалывают ему пальцы. Он лег, дотянулся до коробки с защитными масками и передал ее Амандине.

– Ты уверен, что сегодня не твоя очередь?
– Абсолютно.
– Ладно, надену.

Она надела на голову резинку и прикрыла маской лицо. Так они не будут целоваться и обмениваться массой микробов. Амандина знала, что более двухсот типов бактерий передается в процессе обычного поцелуя. Фонг, со своей стороны, надел презерватив. Хоть и уверяли, что его болезнь не передается половым путем, Амандина не хотела, чтобы он подвергся малейшему риску.

Потому что опасность была не в нем.

Вот уже два года Фонг страдал синдромом приобретенного иммунодефицита взрослого возраста, СПИДВ. Редкая болезнь с симптомами, похожими на те, что наблюдаются при СПИДе у людей, зараженных ВИЧ-инфекцией. Но в отличие от СПИДа синдром приобретенного иммунодефицита взрослого возраста вызывается не вирусом, передается не половым путем и поражает без видимых причин лиц тайского и тайваньского происхождения в возрасте около сорока лет.

Причину подозревали генетическую. Никакого лечения на данный момент не было. Слишком мало случаев, недостаточно исследований и финансирования. СПИД убивал миллионы человек, СПИДВ был каплей в море. По большому счету всем было на него наплевать.

У Фонга больше не было иммунной системы, он был безоружен перед микробами. Малейший гастроэнтерит, самый безобидный вирус извне – и он окажется на больничной койке там, где, по печальной иронии судьбы, прежде работал: в инфекционном отделении больницы Сен-Луи. Однажды простой насморк, подхваченный от Амандины, развился у него в острую респираторную инфекцию и едва не убил. Молодая женщина долго не могла простить себе свою оплошность.

Фонг отказывался от госпитализации, хоть и знал, что внешняя среда рано или поздно dokonает его организм, если в ближайшие годы не найдут лечения. После инцидента с насморком Амандина решила, что они должны переехать, чтобы дышать хоть чуть-чуть более здоровым воздухом в безопасной для Фонга обстановке. Они продали свою парижскую квартиру, чтобы поселиться у леса в специально оборудованном лофте. Архитектор, знавший о болезни Фонга, разработал сложнейшие планы. Лабиринт коридоров, герметичные перегородки, очистительные фильтры, много плексигласа, замки на всех дверях, бронированный вход, сигнал тревоги... Настоящий бункер. Амандина всегда боялась взломщиков, нападения, которое могло бы оказаться роковым для ее мужа: микробы, принесенные ворами, воспалившаяся рана... Разумеется, Фонг не мог больше работать, заниматься спортом вне дома, контактировать с внешним миром. С кино, посещением музеев, даже с магазинами было покончено. Слишком много микробов.

Теперь, стоило молодой женщине приболеть или хотя бы заподозрить начало простейшего насморка – что случалось несколько раз в год, –

супруги переходили на карантин, разделенные стеклами, они общались при помощи усилителей звука. В распоряжении Фонга оставались его спальня, гостиная, ванная и большая кухня. Амандина оказывалась по другую сторону стекол, перемещаясь по паутине коридоров. Он стирал свое белье, Амандина свое. Если он хотел преподнести ей цветы, то их вручал курьер, а Фонг находился в метре за стеклом.

Узнав о болезни Фонга, Амандина тоже хотела бросить работу. Ведь при том, что она постоянно контактировала с микробами, жизнь мужа подвергалась опасности. Потом, по зрелом размышлении, она решила, что происходило скорее обратное: работа с опасными микроорганизмами, в зоне риска, при постоянной опасности заражения принуждала ее к ежесекундной бдительности.

Они были ее гневом. Ее наваждением.

Она поклялась, что ни вирус, ни бактерия не убьет Фонга, пока она живет с ним рядом. Она берегла его, как собственную плоть.

Оградить его во что бы то ни стало.

В эту ночь он вскоре уснул – он часто очень уставал, – а она, нежно погладив его по щеке, ушла в свой кабинет, где еще немного поработала. Тема ее исследований была связана с генетической и фенотипической изменяемостью некоего типа бактерий с непроизносимым названием, разбиралась в которых лишь горстка специалистов-микробиологов. Амандина поставила себе цель через год или два сдать на ЛРИ. Чтобы получить лицензию, нужно было с юных лет проявлять склонность к исследованиям, выделяться среди коллег, публиковать статьи. Это был ее случай, ей всегда хотелось понять мир. И попытаться, на микроскопическом уровне, добиться прогресса.

Но подготовка требовалась поистине титаническая. Она выматывала ее психологически.

Чуть позже она получила электронное письмо с личного адреса Клода Бейза, знакомого из ВОЗ, отправленное в 00:24. В теме значилось «Лебеди». Она открыла его и прочла.

Добрый вечер, Фонг (и добрый вечер, мадам Фонг).

Рад был слышать тебя по телефону, надо бы повидаться, если ты как-нибудь выберешься в Женеву. Я тоже иногда бываю в Париже, буду держать тебя в курсе.

Итак, вот новости насчет твоих лебедей. Три перелетные птицы из заповедника Маркантер – не единственные жертвы. Еще четыре лебедя были обнаружены позавчера на границе

Нидерландов.

Три вчера утром в природном заповеднике Цвин в Бельгии. Один в Германии в среду вечером. Иными словами, на всей протяженности их миграционного коридора.

Мертвый лебедь в Бельгии был окольцован и оснащен GPS-передатчиком, принадлежащим Wildlife Conservation Society, неправительственной организации со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Этот аппарат наверняка позволит узнать, где птицы подцепили болезнь, и определить ее очаг(и). Очевидно, что мы напали на след.

На данный момент результаты анализов этих лебедей еще не поступили из различных центров изучения гриппа; мы ждем. Как бы то ни было, знай, очень может быть, что большая бяка спокойно гуляет в кишках этих дражайших лебедей и в их испражнениях. И убивает их.

Будем начеку... Я буду держать тебя в курсе и немедленно сообщать обо всем, что происходит. Хотя это я могу для тебя сделать.

Разумеется, пусть это письмо будет спрятано в укромном уголке твоего компьютера.

Клод.

Р. С.: Где ты теперь работаешь? Я не совсем понял твои слова.

Усталая Амандина выключила компьютер. Мертвые птицы – странно все это. Надо дождаться результатов. Если присутствие H5N1 подтвердится, Европейский союз, ВОЗ, ИЭН точно знают, как действовать. У них есть превентивные планы во многих областях – Биотокс, Вижипират, ORSEC, – в том числе и гриппа. Таким образом, наступит фаза второго плана гриппозной пандемии – хотя на этой стадии слово «пандемия» не вполне уместно, речь идет скорее о предпандемической тревоге, – состоящая в принятии мер и информировании, чтобы избежать распространения вируса в птицеводческих хозяйствах: как и в Маркантере, затронутые водоемы будут изолированы, ветеринарные службы поставлены на ноги, проинформированы птицеводы, работающие вблизи зон риска. При малейшем подозрительном случае птицевод должен о нем сообщить, и все его птицы будут уничтожены.

Не может быть полумер с вирусами типа *Influenza*. Эти микроорганизмы слишком непредсказуемы. И опасны. Достаточно вспомнить знаменитую испанку – ученые до сих пор называют этот вирус вирусом-убийцей, – которая унесла в 1918-м миллионы жизней, убив больше народу, чем мировая война. И такое бедствие может возникнуть в любой момент.

Молодая женщина вымыла руки в своей ванной и вернулась в гостиную, чтобы погасить свет. Она покосилась на десяток origami, лежавших на столе.

Ее взгляд остановился на белом лебеде, который раскинул крылья, словно хотел взлететь.

И может быть, унести к новым горизонтам этот чертов вирус.

Понедельник, 25 ноября 2013 года

– Чертов вирус!

Франк Шарко стукнул по экрану своего компьютера, будто мультяшка, заблокировавшая все пиксели, могла исчезнуть как по волшебству. Собственное бессилие его раздражало. Он и так-то с компьютерами не очень ладил. Люси Энебель, сидевшая на другом конце общего зала криминального отдела, на третьем этаже дома 36 по набережной Орфевр, подняла бровь и покосилась в его сторону.

– Думаю, у меня то же самое, что у тебя.

На экране человечек с лицом пирата непрерывно колотил по голове полицейского. При каждом ударе он противно вскрикивал: «Эх! Эх!» Внизу экрана стояла подпись: «CrackJack».

– Очень смешно.

Лейтенант Франк Шарко попробовал разные комбинации на клавиатуре, потом выключил компьютер принудительно и снова включил. Пока машина загружалась, он быстрым шагом пересек помещение. Лейтенант Робийяр улыбнулся. В кои-то веки его коллега занялся административными делами и печатал отчеты, вот уж непруха!

Шарко обнаружил, что у Люси на экране идет та же мультяшка. Вдруг прозвучал голос Робийяра:

– Бум – и мне тоже досталось!

Он распрямил свое большое тело бодибилдера – в свои сорок он еще тренировался в спортзале четыре раза в неделю – и поднялся, хрипло закашлявшись. Выглядел он не лучшим образом. При нем даже не было его неизменной оранжевой спортивной сумки, как всегда по понедельникам.

– Извините меня... Так... Выпьем кофе, пока не наладится?

Он обошел помещение, собирая мелочь, взял металлический поднос и вышел в коридор. К кофейному автомату стояла очередь. Вирус, очевидно, распространился по всему этажу.

Когда десять минут спустя он вернулся с напитками, Николя Белланже, их шеф, как раз вошел в общий зал. Лет тридцати, небрежно одетый в джинсы и однотонную рубашку. Этаким беззаботный шик. Рядом с ним стояла Камиль Тибо, его подруга. Она работала в административном

отделе, через два кабинета.

Шарко вернулся на свое место у окна, выходящего на Новый мост и Сену. Они старели, но пейзаж – нет. Небо было цвета серебряного слитка. Низкий небосвод, монотонный, без оттенков; выходить на улицу не хотелось.

Его компьютер загрузился, но маленький пират никуда не делся и по-прежнему блокировал все программы. Невозможно было кликнуть ни на одну иконку.

Николя вышел на середину помещения:

– Что ж, похоже, неделя начинается скверно. С одной стороны, у нас мелкие неприятности, которые временно парализовали работу некоторых наших компьютеров.

– Ребята из отдела информатики бегают по всем офисам и отключают сетевые кабели, – добавила Камиль.

Белланже затянулся электронной сигаретой. Элегантная модель из красного дерева с запахом ледяной мяты. Он бросил курить, с тех пор как они поселились вместе с Камиль.

– А с другой стороны? – насмешливо бросил Франк.

– Найдены трупы человека и собаки рядом с национальной автострадой сто восемнадцать, в Медонском лесу. Мужчина лет пятидесяти. Тревогу подняла его жена, ночью она позвонила в ближайший комиссариат. По предварительным данным, мужчина всегда выгуливал свою собаку в полночь, перед сном. Долгая прогулка по лесу.

– Такая долгая, что он не вернулся.

– Точно. Прокуратура начала следствие, служба криминалистического учета уже на месте преступления, и Поль Шене, судмедэксперт, тоже выехал.

– Если Шене поднял зад, значит дело серьезное.

– Сам все поймешь, когда увидишь труп.

Все встали. Люси указала на место четвертого из команды, лейтенанта Леваллуа:

– Жак сегодня не работает?

– Он звонил. Приболел.

Шарко улыбнулся. Леваллуа зачастую проводил субботние вечера бурно, и понедельник не был его любимым днем.

– Похмелье после выходных?

– Он не исключение, несколько человек на этаже отсутствуют. Но мы и вчетвером справимся как большие. Во всяком случае, попробуем.

Общий зал разом опустел. Николя задержался наедине с Камиль. Он

прочел печаль в ее глазах и успокаивающе погладил по спине:

– И от тебя расследования никуда не убегут, поняла?

– Когда?

– Ты перенесла пересадку сердца всего год назад. Через несколько месяцев подготовишься к конкурсу на звание лейтенанта, а когда придет время, я задействую свои связи. Но наберись терпения.

Он поцеловал ее в губы.

– Ладно, мне надо бежать.

– Береги себя.

Оставшись одна, Камиль подошла к окну и посмотрела вслед Николя и его команде, выходящим со двора дома 36.

Добраться до Медона, на юге Парижа, в понедельник утром было нелегко.

Перегруженные дороги, авария на окружной, дорожные работы, не говоря уж о пертурбациях в Управлении парижского городского транспорта, где в последнее время сложилась нелегкая обстановка. Страна была парализована забастовками, как никогда. Бастовали учителя, шоферы-дальнобойщики, железнодорожники, и всего круче – весь младший медперсонал вышел на улицы. Они устраивали уже третье шествие в знак протеста против реорганизации больничных служб. Правительство не уступало, напряженность нарастала, но в высоких сферах полагали, что движение скоро выдохнется.

Два полицейских фургона припарковались за вереницей других машин на обочине дороги, между деревьями в желто-рыжей листве. Осень захватила каждый уголок леса, окрасив его в красивые медные оттенки.

Четверо полицейских углубились на сотню метров в лес. Коллеги-криминалисты установили ограждение вокруг трупов – человека и его собаки, – стремясь отыскать максимум следов.

Лица были серьезны, никто не разговаривал, слышался только шорох шагов по растительному ковро. Офицер службы криминалистического учета Оливье Фортран подошел к Белланже и его спутникам. Они пожали ему руку и быстро распределили обязанности. Люси и Шарко надели защитные комбинезоны, чтобы не загрязнять место преступления, а Робийяр и Белланже заговорили с Фортраном и коллегами из муниципальной полиции, которые прибыли первыми.

Франк и Люси подошли к телу, придерживаясь размеченной полицейскими дорожки. Было холодно, и лесная сырость словно тисками сжимала грудную клетку. Шарко такую погоду ненавидел.

Темноволосый мужчина склонился над трупом, упираясь коленом в землю. Поль Шене, судмедэксперт, которого пара хорошо знала. Пару раз в год они обычно обедали вместе, просто удовольствия ради. Собака лежала метрах в двух. Старый, черный с белым кокер, весь покрытый кровью и листьями. Шене выключил диктофон и спрятал его в карман.

– Не очень красиво, да?

Зрелище действительно было не из приятных. Мужчина лет пятидесяти в тренировочном костюме лежал лицом к небу. Его глаза

засыпали землей, ее напихали и в рот, так глубоко, что шея вздулась. Пересекающиеся царапины обезобразили лицо, как будто его пытались просунуть сквозь решетку. Увидев такое, Люси Энебель представила, как ожесточенно бил напавший, справа, слева, по диагонали. Грудь тоже не пощадили. Царапин здесь не было, зато десятки дыр по всему торсу, больше всего в области сердца.

Шене попросил фотографа распечатать последние снимки: крупные планы кистей рук и ногтей. За много лет, что Шарко знал судмедэксперта, тот всегда выглядел так: маленькие круглые очки и аккуратно подстриженная борода. Профиль угловатый, как скальпель.

Люси принялась. Пахло...

– ...Мята, – сказал медик.

Воздух был такой сырой и холодный, что облачко пара вырывалось изо рта при каждом слове. Судмедэксперт указал на труп:

– Это я расстегнул куртку и поднял футболку, чтобы осмотреть тело. Множественные проникающие ранения, нанесенные холодным оружием. Такие проникающие, что... – он перевернул труп, уже окоченевший, как бревно, – в верхней части туловища орудие убийства повсюду прошло насквозь. Взгляните...

Он показал несколько мест на груди, потом на спине. Люси уже не раз убеждалась, что только у свежих трупов такая белая, почти прозрачная кожа. Очень быстро она становится молочно-желтой, потом темнеет. Зеленеет, чернеет... Это обусловлено химическими реакциями внутри тела, процессами разложения, размножением всевозможных бактерий: труп становится маленькой автономной фабрикой, постепенно пожирающей себя.

– Отверстия четкие, расположены по два, в трех сантиметрах друг от друга. На первый взгляд они выглядят круглыми, это не лезвие. У меня такое чувство, что кое-где на спине можно найти соответствия, то есть места, где орудие убийства вышло. Над этими элементами мне еще предстоит поработать.

Поодаль люди, кто в стерильных комбинезонах, кто в гражданской одежде, сновали по опушке леса. Десяток насекомых, начавших строить муравейник расследования.

– ...И с собакой то же самое. При вскрытии будет легко установить размер и форму повреждений, но я сказал бы, что проникновение как минимум на пятнадцать сантиметров.

Шарко прикинул длину руками и присвистнул сквозь зубы:

– Ничего себе. А ты представляешь тип оружия?

– У меня такого нет даже в Институте судебной медицины, когда я потрошу трупы. Во всяком случае, похоже, это редкая вещица. Не из тех, что берут с собой на улицу.

Он выпрямился и снял двойные латексные перчатки. Под белым хлопковым комбинезоном на нем была тонкая кожаная куртка.

– Окочение еще не до конца наступило. Мертв, стало быть, меньше десяти часов.

– Иначе говоря, остановка жизненных функций в районе полуночи как минимум.

– Его убили здесь?

– Непохоже, листья вокруг были бы в большем беспорядке. И больше крови. Но трупные пятна указывают на то, что его не перемещали. Или, если перемещали, это не заняло много времени. Не больше четверти часа...

Люси огляделась. Вокруг были только деревья.

– И потом, собака. Ее как будто нарочно положили здесь, рядом с хозяином.

Она уставилась на разинутый черный рот, полный земли. На засыпанные грязью глаза. На изрезанное лицо. Почему убийца устроил все именно так? Гнев? Стыд? Мсть? Он не хотел встречаться взглядом со своей жертвой? Люси отошла к собаке, которую *просто* убили, почти чисто. Действительно мизансцена или пес случайно попал под раздачу?

Поль Шене взял свой чемоданчик с оборудованием и измерительными приборами.

– Ладно... Заберу его, пока он свежий, и вызову ветеринара для вскрытия. Псина – это не мое.

Он махнул рукой служащим похоронного бюро, которые курили в сторонке, и вышел из периметра с Шарко и Энебель.

– Да, как поживаете-то вы оба? Дети, новый дом?

Люси засунула руки в карманы:

– Все путем. Устроились хорошо, всего на две остановки скоростного метро дальше добираться до работы, но это ничего, и потом, мы часто ездим на машине. А Жюль и Адриен уже большие мальчики, шестнадцать месяцев.

– Шестнадцать месяцев. Бог ты мой... Обязательно надо успеть пообедать вместе, пока они не поступили в университет, а я не впал в старческий маразм.

– Назначим встречу в морге.

Он попрощался и ушел. С Люси разом слетела веселость, когда хозяин и собака исчезли в черных чехлах и отправились к столам для вскрытий и

ящикам морга. Им повесят бирку на ногу – или на лапу. Еще вчера они были живы. А сегодня... Какой-то монстр решил сократить их жизнь. Отнять ее без разрешения.

Она всмотрелась в окружающий лес. Черные стволы, почти голые деревья, листья, трепетавшие на ветру и бесшумно падавшие на землю. Осень продолжала свою подрывную работу.

– Что скажешь?

– Когда находят трупы в лесу, следствие затягивается. Способ убийства, эта земля на его лице... Выглядит как-то ненормально.

– Убийство всегда ненормально.

Шарко дал ей легкого тычка в бок:

– Угу. И тебе это очень нравится, а?

Николя Белланже, договорив с муниципальными полицейскими, подошел к ним со своим блокнотиком в черной кожаной обложке. Резким движением он закрыл его и сунул во внутренний карман куртки.

– Его зовут Феликс Бланше, пятьдесят три года. Жил в доме в пятистах метрах отсюда, с женой и собакой. Местные полицейские и семейный врач сейчас там. С женой плохо.

Лейтенант Шарко легко мог себе представить, какой это был удар. Бедная супруга, наверно, никогда не оправится. А ведь им придется ее допрашивать... Вот что Шарко ненавидел больше всего, что рождало в нем лютую злобу. Эти чертовы убийцы не только отнимают жизнь, они разрушают семьи. Часто близкие не могут пережить испытание и превращаются в настоящих зомби.

– Что удалось обнаружить?

– Ребята нашли возле тела обрывки раздавленных листьев мяты и фрагменты, похожие на кусочки губки. Все это пойдет на анализ.

Шарко выдохнул через нос:

– Мята и губка, надо же.

– Следов пока не нашли, слишком много листьев, земля относительно сухая. Не нашли и крови в других местах, лес большой. Точно не известно, где он был убит. Здесь или где-то дальше.

Франк посмотрел на часы:

– Мне надо кое-куда позвонить. Робийяр останется с ребятами из службы криминалистического учета, чтобы получать информацию напрямую. Вы дуйте к вдове, надо действовать, пока все не усложнилось. Смотрите аккуратней, она знает только, что ее мужа убили, но не знает как. И возвращайтесь с уловом. Будет хорошо для группы закруглить это дело по-быстрому. Надо набирать очки.

Шарко поправил воротник застегнутого на все пуговицы пальто и по примеру своей подруги засунул руки в карманы.

– Мечтать не вредно.

Александр Жакоб собрал девять из двенадцати сотрудников ГМР в зале заседаний Пастеровского института в Париже. Из отсутствующих двое были в командировке где-то в Юго-Восточной Азии, третий работал над срочным случаем в лаборатории Центра изучения гриппа.

Стаканчики с кофе были зажаты в руках или стояли на столе. На большой белой доске в глубине зала еще можно было разглядеть следы событий, которыми занимались другие команды Пастеровского института: заражение *Pseudomonas aeruginosa* в университетском госпитальном центре Клермон-Феррана, поломка рентгеновского аппарата в больнице Лиона, заболевание в яслях, вызванное употреблением апельсинового сока...

Это импровизированное совещание в понедельник утром не предвещало ничего хорошего. Амандина и Жоан сидели рядом в конце стола. Лица закрытые, встревоженные, в ожидании информации. Молодая женщина поделилась с коллегой сведениями от знакомого Фонга из ВОЗ. Жоан выразил свое изумление, проведя ладонями по обе стороны пробора, и сказал только: «Горячо».

Жакоб включил эпидиаскоп, присоединив к нему экран своего ноутбука. Появились окрашенные фиолетовым сферы на небесно-голубом фоне. Они были, казалось, увенчаны темной короной, окруженной тысячами волосков. В центре можно было различить маленькие прозрачные пузырьки. Амандина узнала вирус гриппа, похожий на мягкого морского ежа, в котором не было ничего симпатичного.

– Все сказанное здесь должно остаться в этих стенах. Министерство здравоохранения, ИЭН и высокие инстанции требуют от нас полной секретности. Пресса рано или поздно узнает о лебедях, но это не должно исходить от нас. Разумеется, никто из вас не вправе сообщать журналистам что бы то ни было без моего разрешения.

Он обвел присутствующих взглядом. Его голубые глаза, маленькие и круглые, глубоко сидели в глазницах под выступающим лбом. Всякий раз, когда Амандина его видела, ей вспоминался большой муравьед. Она всегда думала, что мозг у него, должно быть, значительно больше среднего, при таком размере и странной форме черепной коробки, на которой росли редкие светлые волосы.

– Стало быть, как вы все знаете, мы обнаружили в пятницу трех

мертвых лебедей в парке Маркантер. Амандина и Жоан взяли пробы совместно с ветеринарными службами.

Он нажал кнопку. По экрану поплыли мертвые птицы разных видов.

– Между четвергом и десятью часами вечера воскресенья еще сорок семь перелетных птиц были найдены мертвыми в разных заповедниках Европы. Дикая лебеди, гуси, серые журавли...

По группе пробежал шепоток. Амандина с коллегой озабоченно переглянулись. Значит, отмечены новые случаи после письма знакомого из ВОЗ. Почти полсотни перелетных птиц, разных видов, в разных местах... Это было уже много.

– При таком значительном количестве и обширной географии есть, по всей вероятности, еще десятки, если не сотни птиц, которых не обнаружили или о которых не сообщили, оставшихся на лоне природы, – продолжал Жакоб.

Шеф указал на экран, где снова был увеличенный вирус. Потом он перевел взгляд на молодую женщину лет тридцати в белом халате, с волосами цвета воронова крыла и стрижкой каре. Она нервно теребила свой стаканчик, сжав губы.

– Анализ проб, взятых в Маркантере, делала Северина. Северина?

Северина Карайоль встала. Маленькая, плотно сбитая, скромная женщина. Она работала в Центре изучения гриппа пять лет и проводила рабочие дни, а порой и выходные, повторяя одни и те же жесты, следуя одним и тем же протоколам. Она анализировала пробы. Амандина была с ней хорошо знакома еще с университета, вот только Амандина потом взлетела, Карайоль же увязла. В ее работе в Пастеровском институте не было ничего захватывающего, но делала она ее профессионально.

– Результаты показывают, что речь не идет о H5N1, но есть сильное подозрение на наличие штамма подвида H1N1. Анализы продолжаются в данный момент.

Это было все, Северина разговорчивостью не отличалась. Она села. На всех лицах отразилось беспокойство. Гриппы типа H1N1 в обиходе назывались, когда переносились людьми, сезонными гриппами. Одну из этих инфекций рано или поздно подхватывали все и хорошо знали их характеристики: кашель, температура, ломота, озноб... Этот грипп был очень заразен и до сих пор убивал сотни тысяч человек по всему миру.

Жакоб поднял палец:

– Северина, ты могла бы высказаться определеннее. Этот вирус, изъятый в Маркантере, задал нам задачу. Тесты с известными иммунными сыворотками, классические методы ничего не дали. Пришлось частично

расчленил вирус, чтобы сравнить с мировым банком данных. Там тоже нет соответствий. Некоторые части его генома наводят на мысль о H1N1, но можно сказать наверняка, что это неизвестный вирус.

В зале заседаний все встревоженно переглядывались. Для Амандины «неизвестный вирус» означал две вещи: отсутствие защиты иммунной системы и, главное, отсутствие вакцины. Она помнила, какой хаос возник во время пандемии *Influenza* H1N1 – печально известного мексиканского гриппа – в 2009-м. Та же история: неизвестный штамм, откуда-то взявшийся в мексиканской глуши, за несколько недель облетел весь мир. У Амандины еще сидели в голове цифры: 21 апреля 2009-го сотня случаев, 6 мая – 1600 случаев, 13-го – 5200 и так далее до распространения по всей планете. Серьезная угроза, которая доказывала, что вирусы так и будут постоянно эволюционировать в природе, в постоянной борьбе с иммунной системой и таким образом развиваясь.

Александр Жакоб продолжал свои объяснения:

– Сейчас наши команды расчлняют его, чтобы он показал свое истинное лицо. Только ли он птичий? Произошел ли в результате мутации свиного вируса или даже человеческого? Каков его точный фоторобот? Способен ли он преодолевать барьер видов?

Амандина наблюдала за Севериной Карайоль – та затуманенным взглядом смотрела в некую воображаемую точку и не двигалась, только пальцы по-прежнему теребили стаканчик. Вот уже которую неделю она была, казалось, не в своей тарелке. Амандина несколько дней была ее соседкой в лаборатории Центра изучения гриппа, помогала ей с анализами. Она чувствовала, что Северина держится отстраненно. *Отсутствует.*

– В ближайшие часы и дни мы увидим истинное лицо этого милого экземпляра. ВОЗ уже сообщила странам-членам, их будут держать в курсе развития ситуации в реальном времени. Пока же сохраняем бдительность и работаем.

Он снова обвел присутствующих взглядом.

– Мне бы хотелось иметь вас всех под рукой, так что, пожалуйста, никаких отпусков и отгулов в ближайшие дни. Если у вас есть стажеры, прошу вас передать их на время другим отделам. У нас по-прежнему предпандемический план, фаза два. Как вам известно, не в пример H5N1, H1N1 намного легче передается человеку. В нашем случае предстоит выяснить, как он распространяется, как размножается, вычислить его инкубационный период... Будем надеяться, что цифры окажутся благоприятными и этот вирус не распространится с легкостью среди птиц.

Вот это грозило бы серьезным кризисом. И вы знаете, как это происходит, на опыте две тысячи девятого. Убивает не столько агрессивность вируса, сколько неизвестность, помноженная на панику и страх, которые она порождает среди населения.

Он выключил экран:

– Вопросы?

Амандина подняла руку:

– Известно, откуда взялся вирус?

– Скоро выясним. Мы анализируем миграционные пути птиц, просчитываем. И потом, лебедь, умерший в Бельгии, был окольцован и оснащен GPS-передатчиком. Это даст нам ценные сведения о его передвижениях в последние дни и, возможно, укажет место, где он подцепил микроб.

Высокий темноволосый мужчина поднял руку и взял слово. Это был Ромен Лакомб, из команды, работающей над вакцинами.

– Все эти птицы повсюду... Обширная география... Возможно, на лоне природы остались мертвые птицы, о которых мы не знаем... Значит ли это, что ситуация выходит из-под контроля?

У Жакоба зазвонил мобильный. Он извинился и вышел. Когда три минуты спустя он вернулся, взгляд его был на удивление мрачен.

– По всей вероятности, да, ситуация выходит из-под контроля.

Он хотел было закончить совещание, но Жоан задал последний вопрос:

– Я, кажется, видел сегодня в кулуарах людей из Министерства внутренних дел. Я не ошибся?

– Полицейских из антитеррористической бригады, да. Ничего сверхобычного. Из соображений государственной безопасности они любят быть в курсе всего, что происходит в наших лабораториях, особенно когда имеет место санитарная тревога.

Больше Жакоб ничего не добавил и быстро ретировался. Все встали, кроме Северины Карайоль, которая так и сидела неподвижно. Как пришибленная.

– Обнаружение неизвестного вируса всегда производит такое впечатление?

Северина подняла голову и посмотрела на Амандину, которая подошла, чтобы задать ей вопрос. В помещении остались только они двое.

– Извини, Амандина, но... мне правда что-то нехорошо.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Все пройдет, спасибо. Просто накопилась усталость за последние

дни.

– Это не усталость. Что-то другое мучит тебя уже довольно давно. От усталости так не мнут стаканчики.

Северина не смогла выдавить улыбку. Она подавленно молчала.

– Это твой красавец-врач?

Лаборантка вздрогнула, глаза ее увлажнились. Она встала.

– Нет больше красавца-врача. Этот говнюк Патрик исчез из моей жизни так же, как появился: в два счета. Я не хотела тебе говорить. Не хотела тащить личные проблемы в лабораторию. И потом, что бы ты могла сделать? Ничего... Ничего тут не поделаешь...

Судя по тону ее голоса, все было серьезнее, чем думала Амандина.

– Когда он ушел?

– Уже почти полтора месяца. Но, как видишь, я все еще не могу оправиться.

Она швырнула стаканчик в корзину и пошла к двери. Уже на пороге обернулась к Амандине:

– Парни из антитеррористической бригады... Жакоб говорит, что ничего страшного, но до сегодняшнего дня я никогда не видела их в кулуарах. Они здесь что-то расследуют, как ты думаешь?

– Наверно, да. У меня такое впечатление, что наш шеф что-то от нас скрывает.

Лицо Карайоль помрачнело. Она исчезла, не сказав больше ни слова.

Оставшись одна в своем кабинете, Амандина скомкала заявление на отпуск, которое уже подготовила. Фонг, конечно, расстроится, но молодая женщина сказала себе, что это вопрос нескольких дней. Как только тревогу по гриппу снимут, она возьмет две недели отпуска. Ей это было нужно, она действительно устала. Напряжение, стресс, работа, все более важная, сокращения...

В воскресенье, проведенное с Фонгом в Бэ-де-Сомм, ее немного отпустило, но недостаточно. Они наблюдали за перелетными птицами и говорили о H5N1.

Амандина вернулась к действительности. Первым делом она пристроила своего стажера в другую команду, пока все утрясется. Запросы на микробиологическую экспертизу от фармацевтических и косметических лабораторий скапливались на ее столе. В этой работе, как и в анализе проб в Центре изучения гриппа, не было ничего увлекательного, но она приносила Институту Пастера деньги. Сегодня, если не считать редких миссий охотницы за микробами, ее работа в ГМР заключалась скорее в поисках финансирования, чем в научных исследованиях. Но денег отчаянно

не хватало. Был ли у нее выбор?

Стук в дверь отвлек ее от мыслей. Это был Жоан, заглянувший в дверь. Его пробор был не очень аккуратным – признак крайней нервозности.

– Поехали! У нас новое сообщение из Центра гриппа. Жакоб дает нам карт-бланш на изыскания и принятие необходимых мер. И снова придется действовать тихо.

– А куда мы сегодня едем?

– Остаемся в Париже.

Амандина встала и надела пальто.

– В Париже? Что за тревога?

– Та самая, горячая. И на этот раз речь уже не о птицах. Имеем первый случай у человека.

Люси сидела в кресле, зажав руки между колен, напротив Натали Бланше, вдовы.

Лейтенант полиции настояла на том, что сама поведет беседу, решив, что женщина, переживающая личную драму, легче откроется женщине. Шарко держался в стороне, в тени, за спиной подруги, и молчал, а другие полицейские и семейный врач ждали за дверью.

Ставни в доме были закрыты. Лишь маленькая настольная лампа в углу освещала комнату. Натали Бланше никуда больше не выйдет, не захочет никого видеть. Ее мир рухнул. Она погрузится во тьму и будет глушить боль антидепрессантами и снотворными. Женщина все время плакала и без конца задавала одни и те же вопросы: «Почему его убили?», «Как?», «За что?».

Люси Энебель говорила мягко и внятно, выдерживая долгие паузы между словами. Она делала записи в блокноте, зная, что вдове предстоит давать показания позже, на набережной Орфевр.

– Поверьте, мы предпримем все возможное, чтобы найти того, кто это сделал. Но нам нужно, чтобы вы описали события этой ночи. Чем точнее, тем больше у нас шансов быстро продвинуться вперед.

Мадам Бланше посмотрела на нее долгим затуманенным взглядом. Глубоко вздохнула:

– Когда у мужа дневная смена, он возвращается сюда около половины одиннадцатого, в зависимости от пробок на дорогах. Он ужинает, немного смотрит телевизор и около полуночи выводит Джипси...

Она говорила в настоящем времени, отрицая случившееся. Люси подхватила эту манеру, стараясь не волновать ее понапрасну.

– Где он работает?

– Он бригадир в аэропорту Орли, занимается техническим обеспечением. Ремонт машин, всякое такое. Я знаю, что его рабочее место под аэропортом и в подчинении у него десяток человек.

– Он иногда работает по ночам?

– Да, посменно по две недели. У него как раз заканчивается... заканчивался дневной цикл.

– Значит, в котором часу он вчера вышел с собакой?

– Не помню. За полночь, точно. Может быть, в четверть первого.

– Хорошо. Он зовет Джипси, выходит. Он ведет собаку на поводке?

Она покачала головой. Люси приходилось мириться с рыданиями и долгими паузами, тормозившими допрос.

– Джипси пятнадцать лет... Феликс только берет с собой фонарь. Знаете, такие большие кубические фонари, которые держат как факел?

Люси повернулась к Шарко. Судя по всему, фонарь пока не нашли.

– Джипси не мог защитить своего хозяина...

– Он не укусил бы и кошку.

– Сколько времени длится прогулка?

– Полчаса, около того.

– И вы позвонили в полицию...

– Только через полтора часа. Муж все не возвращался, я умирала от беспокойства. Надо было позвонить раньше, но...

– Вы не могли догадаться.

– Я не решалась.

– Вы знаете, как они обычно гуляли?

– Точно не знаю, но всегда одним и тем же маршрутом, в этом я уверена. У Феликса есть привычки, и его не заставишь им изменить. Привычки, он... говорил, что это святое. – Она высморкалась и указала направление. – Он сворачивает налево и возвращается с той же стороны. Наверно, идет к пруду. Иногда Джипси приходит с мокрыми лапами, даже в сухую погоду.

Люси не заметила никакого пруда вблизи от трупов. Шарко вышел с телефоном в руке, чтобы навести справки.

– А... у вашего мужа были неприятности на работе?

Лейтенант полиции продолжала допрос еще довольно долго, пока не почувствовала, что Натали Бланше на грани нервного срыва. Вдова не могла больше отвечать на вопросы, сдали нервы.

Люси молча встала с комом в горле. Как будет жить эта женщина, одна в четырех стенах? Кто о ней позаботится? Чуть наклонившись, Люси погладила ее по спине. Она заговорила от чистого сердца, хоть ей следовало всегда сохранять дистанцию:

– Мы разыщем того, кто это сделал. Но сюда придут полицейские. Посмотреть компьютеры, бумаги, фотоальбомы. Это не очень приятно, но необходимо.

Мадам Бланше кивнула. Потом заглянула в глаза Люси и вцепилась в ее руку:

– Я хочу... увидеть лицо того, кто сотворил такое. Хочу посмотреть ему в глаза, как смотрю вам. Хочу спросить его, *почему*...

Люси сделала глубокий вдох, выйдя на дневной свет. Такие допросы были похуже присутствия на вскрытии. Горе живых, их недоумение... Шарко, беседовавший с муниципальными полицейскими, подошел к ней:

– Идем, поговорим по дороге к пруду. Туда.

Они свернули с асфальтированной дорожки на лесную тропу.

– Фонарь не нашли, зато обнаружили много следов крови и борьбы в трехстах метрах от того места, где были найдены тела. По всей вероятности, там и произошло убийство.

Шарко плотнее запахнул полы пальто. Резкий ветер бил в лицо.

– Ну? Что дало окончание беседы?

– Немного. Работа, собака, телевизор, баиньки, и так каждый день. Детей нет. Тихая, спокойная жизнь на опушке леса. Хороший дом, это ее наследство... Убитый две недели работал днем и как раз должен был перейти в ночную смену.

Шарко сверился с навигатором в своем телефоне. Пруд был в четырехстах-пятистах метрах слева.

– Наверняка этой дорогой он и шел вчера вечером при свете своего фонаря. Вариантов тут немного. Еще одна дорога ведет к пруду, но она совсем с другой стороны.

– Там, где нашли трупы...

Они шли молча, пытаясь представить собаку и ее хозяина, идущих тем же путем. Дорога вела прямо, а узкая тропинка уходила дальше в лес. Это она вела к пруду. Водоем показался в последний момент после поворота. Темный круг метров пятьдесят в диаметре. Крутые берега, узкий спуск с другой стороны, камыши и заросли крупных кувшинок.

Криминалисты с их начальником Оливье Фортраном и Паскаль Робийяр ставили желтые вехи и фотографировали землю метрах в тридцати от места, где стояли Люси и Шарко, и всего в трех метрах от пруда. Парочка спустилась к воде и подошла к ним по другой дорожке.

Робийяр с замотанной шерстяным шарфом шеей отделился от группы и объяснил:

– Вероятно, именно здесь их убили, в нескольких метрах от спуска. Сломанные ветки, следы, указывающие на борьбу. И опять те же самые листья мяты на земле. Довольно много крови на семи-восьми метрах, дальше более...

Он хрипло закашлялся и достал носовой платок.

– Извините, кажется, подцепил какую-то заразу.

– Ты скверно выглядишь.

– Знаю. И лучше не становится. Все болит, ломит... – Он поморщился. – Так я говорил, много следов крови на семи-восьми метрах, дальше они становятся реже. Убийца пытался стереть кровь, но действовал поспешно. Следы на листьях, развороченная земля. Короче, мер предосторожности он принял мало.

Шарко внимательно огляделся. Вода, деревья вокруг, густая растительность. Потом он сосредоточился на следах борьбы и крови.

– Дорога проходит совсем близко от места, где обнаружили тело. Там, где мы припарковались. Может быть, убийца тоже оставил там машину и хотел увезти тела, но не смог?

– Кто-то помешал? Испугался?

– Фонарь нашли?

– Все еще нет. Возможно, он выбросил его в воду?

Берег там, где они стояли, был отвесный, подойти к воде невозможно. Рядом зашуршали ветки. Взлетела черная птица, похожая на ворона. Шарко проводил ее взглядом и повернулся к Люси, а Робийяр между тем отошел к полицейским из службы криминалистического учета.

– Что скажешь?

– Не знаю, странно это. Знал ли убийца, что у Бланше закончилась смена в Орли и он будет здесь этой ночью? Ждал ли он, прячась за деревьями, вооруженный своими странными ножами? Вот он застигает Бланше врасплох, завязывается борьба. Он убивает его и пытается увезти.

Шарко потрогал узел своего полосатого галстука, глядя вдаль. Люси знала, что на душе у него беспокойно.

– Тебя, похоже, не очень убеждает этот сценарий...

– Почему он пытался забрать и собаку? И потом, если он все спланировал, если имел целью убить и увезти Бланше, почему не напал на него в более доступном месте, не в лесной чаще? Не ближе к машине? Зачем так усложнять?

– Место здесь уединенное. Чтобы быть уверенным, что его не застигнут врасплох?

– А если все как раз наоборот, это его застиг врасплох Бланше?

Шарко присел, провел рукой по листьям у ног. Пересыпал немного земли между пальцами, не сводя глаз с поверхности пруда.

– У меня такое впечатление, что сегодня ночью наш убийца был занят другим делом. И что он не ожидал появления человека с собакой в глухом

лесу. Его застигают врасплох, завязывается борьба... Нашу бедную жертву убивают и перетаскивают в лес, чтобы... удалить ее от этого пруда.

Он выпрямился и достал мобильный телефон.

– Надо вызвать водолазов.

«Рено-кангу» Жоана свернул к площади Бастилии.

Микробиологи направлялись на улицу Мерлен в Одиннадцатом округе Парижа. Амандина только что приняла все противовирусные препараты, которые всегда носила с собой в сумке. Из-за болезни Фонга она постоянно пичкала себя профилактическими средствами, антибиотиками, сиропами... Не считая препаратов от мигрени, которые она принимала каждый день. Уже два года ее организм походил на большой химический завод, и это не могло не сократить ей жизнь. Но не важно, она делала это ради Фонга.

Она держала в руках ксерокопию справки, которую передал ей Жоан. Он коротко изложил ей суть дела:

– Нашего человека зовут Жан-Поль Бюиссон, шестьдесят три года, вдовец. Позавчера, в субботу, он показался своему лечащему врачу, доктору Дулленсу. Налицо все симптомы гриппа. Дулленс сообщил в сеть РГНГ^[11] региона Иль-де-Франс, он весьма заинтересован в биологическом наблюдении за сезонным гриппом. В своем кабинете он сделал экспресс-тест на полоске, который ничего не дал: никакой реакции, результат отрицательный.

– Значит, это не штамм сезонного гриппа, который ходит сейчас по нашей территории.

– Нет. Но, судя по симптомам, врач почти уверен, что речь идет о вирусе гриппа. Поэтому он взял у пациента мазки из носа и горла, заполнил справку, которую ты держишь в руках, и послал все в Пастеровский институт на анализ...

Амандина внимательно прочла справку. За границу больной не ездил, прививки против сезонного гриппа не делал. Симптомы – кашель, головная боль, температура, ломота. Врач взял мазок из носовой полости, чтобы получить образцы микробов, и поместил его в специальную пробирку.

– Пока Северина Карайоль была сегодня утром с нами на совещании, ее коллега работал над этим мазком. Открывается упаковка, достается пробирка, и начинаются тесты. Через два часа они идентифицировали грипп типа А. Далее сосредоточились на подтипах. И вот тут-то все и застопорилось. Вирус в их пробирках не соответствует ни одному известному подтипу гриппа.

В морозильниках Пастеровского института в Париже хранились вирусы всех известных в мире подтипов гриппа. Сотни и сотни штаммов,

которые рано или поздно заражали людей в том или ином месте планеты, были взяты на анализ и заморожены в лабораториях. Амандина положила справку на приборную доску.

– В точности как с перелетными птицами... Ты думаешь, есть связь?

– Об этом говорить пока рано. Надо дождаться полных результатов анализов, и у птиц, и у человека, чтобы можно было сравнить штаммы. Но, признаться, я все время об этом думаю.

– Если так, наш человек наверняка контактировал с дикими птицами. И в ходе этого контакта птица передала ему вирус.

– Мы это узнаем, когда поговорим с ним.

– Если это подтвердится, ты понимаешь, что это значит?

– Что этот вирус гриппа имеет генетический код, совместимый с развитием у человека. Что в силу какой-то генетической рекомбинации он способен перепрыгивать от птиц к человеку и может прицепиться к каждому из нас так же легко, как ракушка к скале. И тот факт, что пошла волна сезонного гриппа, только осложняет дело. За деревьями мы рискуем не увидеть леса.

Он тронулся вновь, притормозив на красный свет. Был двенадцатый час, движение спокойное. Ехать осталось недолго.

– Сейчас пациент на пике болезни, стало быть, очень заразен. Я могу заняться им один, если хочешь. Не хотелось бы, чтобы ты принесла какую-то пакость домой. Ничто ведь не мешает этому H1N1 наброситься на организм Фонга. Никакого лечения, никакой защиты.

Амандина никогда не забывала, что даже лечение может убить Фонга. Например, некоторые вакцины, содержащие живые ослабленные вирусы, были для него опасны.

Она покачала головой:

– Это моя работа, Жоан. Наше дело защитить людей.

– Всему есть предел. Обычно твои козявки в лаборатории. Работа на земле – это для тебя довольно ново, и...

– ...У нас есть защитные маски, прикроемся, нет проблем.

– Хорошо. Но, признаться, мне иной раз трудно тебя понять. Ты как будто постоянно ходишь с гранатой с выдернутой чекой в руке.

– Какие инструкции дал Жакоб?

– Первым делом расспросить Бюиссона. И, учитывая, что он ничего не знает о штамме, надо уговорить его провести несколько дней в центре инфекционных заболеваний, чтобы проследить за развитием болезни и уберечь от заражения других людей.

Амандина кивнула с серьезным видом:

– Может быть, этим новым вирусом заражен не только он. Ты об этом думал?

– Пока, по данным РГНГ, это единственный случай.

– Но добрая часть населения вне пределов этой сети. Это как с нашими птицами. На каждый обнаруженный труп приходится десяток необнаруженных.

– Знаю, знаю. Но пока нам придется довериться показателям, у нас нет выбора. Будем надеяться, что они верны и что Бюиссон действительно единственный случай.

Жоан искал место для парковки добрых пять минут. Припарковавшись, они взяли свои чемоданчики, позвонили в интерфон и вошли в дом, указанный в ориентировке. На лице Амандины была написана тревога. Она шла в клетку со львами. Возможно, Жоан прав. Не слишком ли все это рискованно? Не стоило ли ей самоустраниться от этого случая, учитывая необычность ситуации?

Но с неизвестным вирусом имеешь дело не каждый день. Амандина хотела докопаться до сути, понять, как вирус проник сюда, в эти стены. Охота за незримым возбуждала ее.

В чемоданчиках биологов были, помимо дезинфицирующих средств и оборудования для взятия проб, новенькие защитные костюмы в упаковке: шапочки, маски, перчатки, бахилы, комбинезоны с застежкой на животе.

Они облачились на лестничной площадке, удовольствовавшись только маской и перчатками. Лучше все-таки не переносить вирус, трогая дверные ручки, мебель. Ведь даже на воздухе вирусы гриппа продолжают жить несколько часов. И потом, исследователи еще ничего не знали об этом новом штамме. Очень ли он заразен? Каков его инкубационный период? Как легко он передается? Каким путем? Желудочным или, как большинство вирусов гриппа, воздушно-капельным?

Жан-Поля Бюиссона предупредили, что к нему зайдут двое микробиологов из Института Пастера, но больше он ничего не знал. Его удивили и напугали их маски, когда он открыл дверь. Жоан принялся его успокаивать, Амандина же держалась поодаль, удостоверившись, что ее маска плотно прилегает к лицу. Бюиссон был носителем миллионов вирусов гриппа, он распространял их при каждом слове, при каждом чихании. Исследования показывали, что при чихании невидимые капельки разлетаются в радиусе до двух метров. У гриппа нет мозга, но природа наделила его целью: постоянно искать хозяев, чтобы в них размножаться.

– Это, конечно, впечатляет, но это простая предосторожность. У вас грипп, и вы наверняка заражны.

Войдя в квартиру, ученый протянул ему маску:

– Наденьте, если вас не затруднит. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Бюиссон надел маску, имевшую форму утиного клюва, Жоан удостоверился, что она надета как следует. Мужчина в пижаме выглядел скверно. Красные глаза, глубокие черные круги под ними, осунувшееся лицо. Он провел ученых в гостиную и сел на диван, закутавшись в плед. На столе дымилась чашка с чаем. Жоан сел, а Амандина осталась стоять, скрестив на груди руки.

– Маска, ваш приход сюда... Вы не все мне сказали. Со мной что-то серьезное?

Амандина покачала головой:

– Не беспокойтесь. Просто ваш врач входит в сеть РГНГ. Это мощный орган наблюдения за гриппом. Несколько сотен терапевтов-волонтеров, но еще и медицинские центры и больничные лаборатории централизуют

данные, сводят статистику и посылают пробы на анализ, все это в целях санитарного контроля и профилактики. Забота всегда одна: не допустить, чтобы неизвестные микробы размножились и распространились среди населения. Мы делаем анализы и, главное, расспрашиваем людей, у которых взяли пробы. Мы что-то вроде полицейских дознавателей, только преследуем микробы. Оpozнаем их, отлавливаем, препятствуем их распространению. Вы понимаете?

Он как будто успокоился:

– Да-да, я понял.

Он закашлялся в маску. Амандина кончиками пальцев протянула ему новую, ибо влажная маска быстро теряла свою эффективность. Жоан приступил к вопросам. Он держал лист бумаги на твердой подложке и ручку.

– Прежде всего, как вы себя чувствуете, месье Бюиссон?

– Плохо... Температура была под сорок сегодня ночью. Сейчас немного снизилась, наверно, благодаря лекарствам.

– Вы раньше болели гриппом?

– Было два или три раза, да... Скверное воспоминание от каждого раза... Большая гадость этот вирус.

– В вашей справке написано, что первые симптомы вы почувствовали в пятницу. Так?

Он надолго задумался.

– Да. В пятницу утром мне уже было неважно. Не хотелось есть, усталость какая-то... Насморк я подхватил еще три-четыре дня назад, а тут начался кашель с мокротой. После обеда стало еще хуже. Сильная усталость, все болело, трясло. К врачу я пошел около пяти.

– Вы куда-нибудь выходили в этот день?

– Да, утром, купить газету.

– А где киоск?

– Метрах в пятидесяти отсюда.

– Больше никуда?

– Были у меня планы на вечер, но я слишком плохо себя чувствовал... Остался дома, лежал.

Жоан делал записи.

– Случалось ли вам в последние дни контактировать с людьми, у которых были симптомы болезни? – спросила Амандина. – Головная боль, кашель, воспаленное горло, насморк, температура, ломота...

– Насколько я помню, нет. Кашляли, конечно, тут и там, сезон простуд, верно? Такая сырость стоит в эти дни.

Стуча зубами, он взял чашку с чаем и сжал ее обеими руками. Приподнял маску, отпил глоток и поставил чашку на место. Амандина уставилась на зараженную чашку. Войдя сюда, она ни к чему не притрагивалась.

– Проблема в том, что я много встречаюсь с людьми. Я член небольшой театральной труппы, мы сейчас готовим спектакль. Еще я казначей в клубе авиамоделизма и почти каждый вечер хожу играть в бильярд. Ну и всякое другое.

Жоан кивнул, но их задачу то не облегчало. Столько возможностей подхватить и передать вирус. Он сосредоточился на вопросах, каждый из них был важен.

– Как правило, инкубационный период гриппа, то есть время от момента, когда вы заразились, до того, когда болезнь проявляется и становится очень заразной, примерно сорок восемь часов. Может быть, конечно, побольше или поменьше, то зависит от штамма вируса. Есть какие-то соображения, где и от кого вы могли заразиться гриппом? Подумайте... Это, должно быть, было где-то в середине прошлой недели. В среду, четверг, может, и раньше.

Больной поерзал на диване.

– Понятия не имею.

– Вы как-то планируете ваши дни, ведете ежедневник? Что-то в этом роде?

– Я записываю встречи в телефон. То есть помимо постоянных дел.

– Мы бы хотели его посмотреть.

Он сжал ладонями виски.

– Да-да... Извините, мне трудно сосредоточиться. Голова раскалывается, просто ужас.

Жоан помолчал, чтобы Бюиссон вновь сфокусировал внимание.

– Я понимаю. Вы рыбачите? Охотитесь?

– Нет.

– Из Франции не выезжали?

– Я сказал это моему врачу, когда он заполнял справку. Нет.

– Бэ-де-Сомм? – спросила Амандина. – Маркантер?

– Что я там забыл?

Двое ученых переглянулись. Жоан чуть наклонился вперед и продолжал приглушенным маской голосом:

– Вы не контактировали в последнее время с дикими птицами? Скажем, утки, гуси, лебеди... В парке? У пруда?

Бюиссон вздохнул и сощурился:

– Нет.
– С другими животными? Домашней птицей, свиньями?
– Нет, говорю же вам. Я был в Париже. Никаких животных, даже собак, ничего.

Амандина попыталась привести в порядок свои мысли. Где-то же Бюиссон подцепил болезнь. Был ли он «пациентом зеро» или «случае-индексом», отправной точкой возможной эпидемии? Или сам контактировал с кем-то другим? С кем-то, растворившимся среди миллионов человек в столице, кто контактировал с птицами? И если так, то как его найти?

Бюиссон забеспокоился. Он смотрел на Амандину и Жоана с подозрением.

– При чем тут вообще животные? Вы говорите о свиньях... Была же история со свиным гриппом несколько лет назад... Что это значит?

Жоан решил, что пора его просветить. Он откашлялся:

– Месье Бюиссон, вы заразились гриппом типа А, это самый распространенный тип. Но проблема в том, что ваш грипп неизвестен.

– Как это – неизвестен?

– Анализы еще не закончены, но, похоже, мы никогда его не встречали, даже в мировом масштабе. Ни сегодня, ни в прошлом. И вы единственный установленный на сегодняшний день больной, который им заразился.

– Единственный? Но... как я мог подцепить такую пакость?

– Мы не знаем. И поэтому мы здесь.

Тут вступила Амандина:

– Надо знать, что вирус гриппа постоянно мутирует. Его восемь генов как восемь игроков футбольной команды. Эти игроки все время меняются местами, иногда покидают поле и заменяются другими, более результативными... В ста тридцати странах мира более ста пятидесяти лабораторий наблюдения заняты тем, что берут анализы у больных и составляют фотороботы этих футболистов. Они наблюдают за гриппом уже больше шестидесяти лет так же серьезно, как телескопы наблюдают за звездным небом в поисках метеоритов. Но они оперируют бесконечно большими величинами, а мы бесконечно малыми. Вы понимаете?

Он кивнул.

– Во Франции это делается в Париже и Лионе. Есть целые альбомы фотографий, которые похожи, но всегда найдутся мелкие отличия. И когда мы видим перед собой команду, не совпадающую с имеющимися на фотографиях, мы пытаемся выяснить, где, когда и кем она составлена.

Жан-Поль Бюиссон вздрогнул:

– Что же теперь будет?

– Нам бы хотелось, чтобы вы побыли несколько дней в центре инфекционных болезней Сен-Луи в Десятом округе. Вы будете под наблюдением, врачи изучат поведение этого вируса, но, главное, вы никого не заразите. Очень важно, чтобы эта футбольная команда не отправилась в турне по всей Франции, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Старик поднялся, по-прежнему закутанный в плед.

– Хорошо. Пойду соберу вещи.

Он направился в спальню.

– И не забудьте показать нам ежедневник в вашем телефоне, – сказала Амандина, доставая свою завибрировавшую трубку. – У вас наверняка был длительный контакт с этой футбольной командой в тот или иной момент.

Она ответила на звонок, не снимая маски, поговорила с минуту и отключилась в ярости. Жоан подошел за новостями:

– Что ты такая злая?

– Это был журналист из «Буа дю Нор», который интересуется мертвыми птицами в Маркантере. Не знаю, откуда он получил информацию и как раздобыл мой номер телефона. Я послала его подальше.

Журналист времени не терял. Надо сказать, что у этих людей глаза и уши повсюду. Грубить журналистам не рекомендуется, это может только усилить их любопытство, их подозрения. Амандина, однако, не хотела связываться, Жакоб высказался недвусмысленно, и для этого есть отдел внешних связей. Как бы то ни было, информация о мертвых птицах скоро распространится среди населения. Пойдут слухи.

А это плохой знак.

Ее телефон снова зазвонил. Это был Фонг. Она отошла, чтобы поговорить с ним, потом вернулась к Жоану.

– Фонг хочет нас видеть, ему надо нам кое-что показать. Удостоверимся, что больной помещен в Сен-Луи, посмотрим его расписание и едем ко мне.

– Что показать?

– Не знаю. Он только сказал, что мы упадем.

Паскаль Робийяр в самом деле чувствовал себя скверно.

Когда Люси и Франк вернулись с сэндвичами, купленными в ближайшей булочной, он сидел под деревом у пруда, сжав голову руками. Он поднял на них лихорадочно блестящие, налитые кровью глаза и покачал головой, когда Люси предложила ему поесть.

– Не хочется. Мне холодно, меня трясет. Наверно, это грипп. Пусть кто-нибудь отвезет меня домой, у нас только одна машина.

Шарко повернулся к Люси:

– Отвезешь его? А я вернусь с криминалистами.

Люси бросила взгляд на четырех водолазов в гидрокостюмах, которые только что погрузились в воду. Ей бы очень хотелось знать, что они поднимут с илистого дна.

– Хорошо. Держи меня в курсе, если что обнаружат.

– А ты смотри не подцепи заразу. Выглядит это скверно, не хотелось бы, чтобы ты заразила этой пакостью близнецов.

Он обратился к Робийяру:

– Держись... Сядь сзади, подальше от Люси, и прикрывай рот шарфом, пожалуйста.

Робийяр с большим трудом поднялся с земли. Странно было видеть в таком состоянии его, всегда поддерживавшего олимпийскую форму. Он скрылся в лесу, Люси пошла следом.

Оставшись один, Франк Шарко прислонился к дереву недалеко от следов крови, энергично жуя сэндвич с тунцом и майонезом. Сначала Леваллуа не смог оправиться после выходных... Теперь Робийяр... И тут это убийство... Ближайшие дни обещают быть трудными, а личный состав ослаблен. Вряд ли ему удастся проводить больше времени с сыновьями. Когда же он наконец решится и бросит свою работу?

Что-то держало его в этой окаянной профессии. Что-то сумрачное, непонятное. Какая-то непроглядная тьма... И это длилось уже двадцать пять лет.

Четверть века во тьме, боже мой...

Шарко шмыгнул носом. Действительно, здесь слегка пахло мятой. Почему убийца разгуливал, имея при себе срезанные листья мяты? Что за бред?

Пузырьки воздуха лопались на поверхности пруда. Водолазы

сосредоточились сначала на периферии. Им понадобилось не больше пяти минут, чтобы найти у самого берега, там, где произошла борьба, грязно-белый шлем с налобным фонариком.

– Он был на глубине больше двух метров, – сказал человек-лягушка и снова нырнул.

Шарко вытер руки бумажным полотенцем, отпил глоток воды и внимательно рассмотрел предмет. Он походил на строительную каску, с круговым источником света, прикрученным сверху ремешками. Никаких следов водорослей или ила, в воде он явно пробыл недолго. Принадлежал ли он убийце? Потерял ли тот его в процессе борьбы и не смог достать?

Шарко попросил службу криминалистического учета отправить шлем на экспертизу. Там могли быть волосы, чешуйки кожи, еще что-то...

Через час второй водолаз вылез из воды, снял ласты, погасил фонарь и направился к Шарко. Здоровенный детина с отпечатавшимися на лице следами маски.

– Наши люди нашли кубический фонарь чуть подальше и еще кое-что там, с другой стороны. Четыре привязанных камня удерживали на дне большой полотняный мешок. Они сейчас обрезают веревки, чтобы поднять мешок на поверхность.

– Очень хорошо. Ничего не забудьте. Ни груз, ни веревки.

Лейтенант Шарко посмотрел на склон. Точно напротив того места, где нашли фонарь, и доступ к нему затруднен из-за растительности. Берег был высокий и крутой.

– Там глубоко?

– Ну, не мелко. Примерно два с половиной метра. Вообще-то, этот пруд – настоящая дыра.

Шарко представил себе действия убийцы. Принести камни, веревки, глубокой ночью, привязать мешок и бросить его в воду. Это наверняка потребовало времени и усилий. Он хотел быть уверен, что мешок не найдут. Наверно, он знал эти места, знал, что пруд глубокий. Кто-то из местных?

На поверхности показались трубки и кислородные баллоны. Три человека всплыли с грузом и положили его у берега. Шарко подошел ближе.

– Сколько он весит?

– Я бы сказал, килограммов шестьдесят...

Они снова погрузились в воду. Шарко рассмотрел плод их поисков. Это был большой крепкий мешок темного цвета, в таких перевозят рис и тому подобные продукты. Ни марки, ни опознавательного знака, тут ловить

нечего. Края были скреплены большими застёжками, какие используют в промышленности. Лейтенант позвал криминалистов:

– Откройте его, пожалуйста.

Полицейские развернули синее брезентовое полотнище, положили на него мешок, достали из своего чемоданчика тонкие кусачки и вскрыли застёжки. Потом осторожно перевернули мешок.

На полотнище посыпались кости всех размеров. На некоторых еще держались кусочки мяса или сухожилий, словно обгрызенных. Четыре черепа с остатками плоти глухо стукнулись о землю. Полицейские переглянулись.

Шарко внимательно смотрел на мертвые головы. Лиц было не различить, глаза как будто растаяли. Кое-где остались пучки волос. Лейтенант выпрямился и потер руки:

– Так... Увозим все это.

На них повисли еще четыре трупа.

Поль Шене, судмедэксперт, с ума сойдет от радости.

Амандина и Жоан вышли из больницы Сен-Луи, поместив туда Бюиссона. Они ехали в сторону юго-западного предместья. Молодая женщина просматривала листки своего блокнота, куда она записала данные из ежедневника больного и новые сведения, полученные от него уже в больничной палате.

– Во вторник Бюиссон весь день был со своей театральной труппой, в районе площади Шатле. Доехал туда на метро, говорит, что пообедал в кафе «Циммер». Вечером бильярд в Десятом округе. Поужинал дома, лег около одиннадцати. В среду, по его словам, с утра ничего особенного не делал, только сходил за покупками в угловой магазин. Есть название магазина. Потом он пообедал со своим сыном, он секретарь суда во Дворце правосудия, а после обеда снова репетировал с труппой. Ужинал в Двадцатом округе с «подругой», Матильдой Жамбар.

– Хорошая жизнь, а? Этому пенсионеру скучать не приходится.

– Часть четверга провел в авиамodelьном клубе, пообедал у друга, координаты у меня есть, после обеда опять театр. Хватит. Он прямо-таки энерджайзер, этот тип.

Она захлопнула блокнот.

– Дерьмово.

Двадцать пять минут спустя они приехали в Севр. Лофт стоял уединенно, в стороне, у самого леса. Снаружи он походил на большую глыбу из стекла и бетона. Жоан единственный приходил сюда иногда обедать или ужинать и соблюдал все драконовские меры гигиены, введенные Амандиной. Она оберегала мужа, как медведица, защищающая свою территорию. Может, это был перебор, но Жоан никогда не позволял себе судить ее.

Прежде чем войти, они смазали руки антибактериальным гелем и надели бахилы. Амандина отперла бронированную дверь. Они направились в гостиную молодой женщины по застекленным коридорам, которыми Фонг никогда не ходил.

Жоана не переставала впечатлять изобретательность их системы, эта замысловатая архитектура и то, как они жили вместе. Это было любопытно и ужасающе одновременно. Непрестанный бой с незримым противником превратил Амандину в настоящую маньячку чистоты. Можно было провести рукой над любой из дверей и не найти ни единой пылинки.

Таец же, со своей стороны, был ходячим парадоксом, доказывавшим, что природа лечит болезни так же, как и создает их. Сколько они еще так продержатся вдвоем? Жоан представлял себе миллионы микробов, скапливающихся на стеклах, на одежде, только и ожидающих малейшей слабину, чтобы проникнуть *внутрь* Фонга. И уничтожить его.

Одним движением молодая женщина повернула диван на колесиках так, чтобы он смотрел на плексигласовое стекло. Фонг подошел к нему с другой стороны и нажатием кнопки включил усилитель звука, встроенный в стену. Без этой системы через толстое стекло они бы вряд ли смогли друг друга услышать.

– Привет, Жоан.

– Рад тебя видеть, Фонг.

Таец придвинул стул поближе к стеклу и сел, держа на коленях две сложенные карты. Он махнул рукой Амандине, которая села рядом с коллегой.

– Ну что, я слышал, у вас горячо?

– Вроде того, – ответил Жоан. – Неизвестный штамм H1N1. Один заболевший человек на данный момент. Изолирован. В лаборатории заканчивают расчленение, чтобы узнать, идентичен ли этот штамм обнаруженному у птиц, и начать охоту на наш вирус. Пошла гонка против часовой стрелки.

Фонг улыбнулся:

– Мне бы нежелательно его подцепить.

Амандина не оценила юмора. Фонг поддел ее:

– Моя жена часто находит мой юмор сомнительным...

– Это еще мягко сказано, – сухо отозвалась Амандина.

– Ладно. Есть догадки о его происхождении? Об отправной точке?

– Пока ни малейших.

– Больной контактировал с птицами?

– Нет.

– Ничего из региональных сетей наблюдения? РГНГ? «Сантинель»?

Жоан и Амандина покачали головой.

– Пресса в курсе?

– Пока нет.

– Они заняты по горло со всеми этими забастовками. Дела в стране плохи.

Фонг встал и отошел налить себе чая. Амандина тем временем приготовила две чашки кофе.

– Ты отлично выглядишь, – сказал Жоан в усилитель звука. – Хотел бы

я сохранить такое тело атлета, как у тебя. А я сразу набираю вес, если сижу на месте. Как тебе удается?

Фонг насыпал несколько ложек китайского чая в ситечко и погрузил его в кипящую воду.

– Лофт большой, хоть моцион совершай.

Жоан указал на экран:

– Ты по-прежнему охотишься за микробами, как я погляжу?

– Нельзя сказать, чтобы я шел в ногу со временем. Коротая жизнь, складывая бумагу, да брожу по Интернету, копаю на предмет микроорганизмов. Знал я времена поинтереснее.

Он вернулся, сжимая двумя руками горячую чашку.

– Кстати, копая, я заметил, что в последние несколько месяцев большие бляки снова гуляют по миру. На Гаити, как на грех, завезли холеру, а что еще хуже – в Заире Эбола.

– В Заире всегда была Эбола.

– Да, но тут другое дело. Источник, похоже, очень активен, а штамм агрессивен. Пора бы заняться этим вирусом вплотную, пока не стало поздно... И вообще, все эти вспышки не сулят ничего хорошего.

«Ничего хорошего» в его устах прозвучало как-то зашифрованно. Амандина вернулась с кофе, подала чашку Жоану и села на место.

– Объяснишь нам? Мы, вообще-то, по идее, на работе, а наш шеф сейчас особенно бдителен.

Фонг развернул карту Европы и прижал ее к стеклу. На ней было много линий и крестиков, нанесенных красной ручкой.

– По последним данным, мы имеем сто две мертвые птицы, о которых сообщено в SHOC Room. Они отмечены крестиками.

Сто две... Количество случаев еще увеличилось после сообщения Жакоба.

– Как видите, обнаружены они вдоль двух миграционных коридоров. Один ведет от севера Европы в Африку, ось Север/Юг, другой – из северных областей к западу Европы, ось Восток/Запад.

Амандина всмотрелась в карту. Крестики стояли во многих странах. Франция, Бельгия, Нидерланды...

– Самый восточный крестик в Германии. А в других странах, дальше на восток, ничего нет? В Польше, России?

– Вы увидели ровно то, что надо было увидеть. Мой знакомый из ВОЗ переслал мне по электронной почте информацию о мертвом лебеде, оснащенном вот таким передатчиком.

Фонг показал Жоану крошечную черную коробочку на широкой

резиновой ленте.

– Память о моих былых годах на земле, я использовал их для лис. Его надевают на шею лебедю и следят за ним в реальном времени, час за часом.

Амандина знала, как работают эти маячки: один такой был спрятан под пассажирским сиденьем ее машины. Таким образом, в случае угона она могла определить ее местонахождение с помощью приложения в своем мобильном телефоне. Некоторые расценивали это как паранойю, но для нее речь шла просто о безопасности.

– Наш лебедь был на гнездовье в России и начал свой перелет в конце сентября. Его звали Мак-Дум... Глупо давать имена лебедям, вы не находите?

– Ураганам же дают, – отозвался Жоан.

– Ладно, пусть. Итак, наш милейший Мак-Дум пересек Белоруссию, Польшу, потом... он прибыл... сюда...

Он чуть отстранил карту от стекла и ткнул пальцем в север Германии:

– На остров Рюген. Самый большой принадлежащий Германии остров в Балтийском море. Настоящий миграционный перекресток для тысяч птиц – журавли, гуси, лебеди, всевозможные пернатые прилетают сюда набраться сил на день или два, чтобы продолжить свой долгий путь. Мак-Дум приземлился здесь седьмого ноября, у меня есть точные GPS-координаты места его пребывания, дивной красоты водоема. Он улетел на следующий день. Наш милейший Мак-Дум пролетает над северным побережьем Германии, делает несколько привалов и наконец приземляется в природном заповеднике Цвин в Бельгии, где и умирает одиннадцать дней спустя от вашего птичьего гриппа H1N1.

Он сложил карту и серьезно посмотрел на двух ученых:

– Ни одна птица не умерла на востоке острова Рюген. И я проверял, все виды, затронутые вирусом, делают остановку на этом немецком острове, прежде чем продолжить свой путь.

Амандина нахмурилась:

– Значит, очаг заражения находится точно на острове Рюген... Но зараженные лебеди, которые летели вместе, должны были умереть одновременно, разве нет? Все затронутые виды должны были умереть в нескольких сотнях километров от острова, когда разразилась эпидемия?

– Вирусы могут функционировать по-разному у птиц и у людей, – возразил Жоан. – Есть две гипотезы. Возьмем случай лебедей. Гипотеза номер один: они все одновременно подцепили вирус на Рюгене, но некоторые особи или некоторые виды восприимчивее других к микроорганизму и умирают раньше. Другие птицы прекрасно могут быть

носителями болезни, оставаясь при этом здоровыми и играя лишь роль переносчиков. Таким образом, вирус может жить у них очень долго без малейших тревожных признаков.

– Как, впрочем, и у людей, – заметил Фонг. – Некоторые могут подцепить вирус гриппа, даже не зная об этом, и просто быть носителями, другие отделаются легким насморком, а третьи от него умрут.

– А гипотеза номер два? – спросила Амандина.

– Один лебедь подцепил вирус на Рюгене. И он передает его другим во время остановок, через свои испражнения. Это менее вероятно, но возможно. Вирус размножается и распространяется в воде или в иле, другой лебедь контактирует с водой и подцепляет вирус. Он умирает где-то дальше. И так далее. Ничто не мешает объединить две гипотезы. Короче, все это сложно, мы ничего не знаем о новом штамме, возможно, он проявляет ультрарезистентность в естественной среде. Вирусы гриппа так мутируют, что могут вести себя очень по-разному в разных штаммах и у разных видов.

Фонг принес свой ноутбук.

– Да, это настоящие боевые машины, запрограммированные на максимально быстрое распространение и размножение... Мой знакомый из ВОЗ сообщил мне, что немецкие власти частично закрыли доступ на остров Рюген вчера вечером. Сделанные снимки поступили в SHOC Room, затем к высоким чинам ВОЗ. Так что, я думаю, ваш Александр Жакоб в курсе с сегодняшнего утра.

Амандина и Жоан удрученно переглянулись. Жакоб, конечно, не все им рассказал, вечно он прячется за печатью пресловутой «секретности».

– Стало быть, наш H1N1 родился на этом острове, – сказал Жоан. – Со всеми этими разными видами птиц и их контактами через экскременты и оперение он может быть результатом случайной мутации, дурной игрой природы...

– Это было бы возможно, не будь снимков, которые я вам сейчас покажу. Вы не поверите своим глазам.

Фонг вывел на экран фотографию и повернул его к стеклу. На ней был мертвый лебедь, частично разложившийся, плавающий в лужице воды.

– Снято вчера вечером, около семи, в час обнаружения, на острове Рюген. Немецкие ветеринарные службы нашли на острове двадцать лебедей в таком состоянии, в разных местах, где концентрация перелетных птиц очень высока. Все делалось, разумеется, в полной секретности, с периметром безопасности под защитой полиции.

Он развернул вторую карту, почти новенькую, на которой была изображена Германия.

– Откуда ты взял эту карту? – спросила Амандина.

Фонг смутился:

– В книжном магазине в центре. Все в порядке, я был осторожен. Надел перчатки, взял новую маску и выбросил ее, вернувшись, в корзину для заразных отходов, ясно?

Амандина начала жалеть, что втянула его в это дело. В азарте Фонг нарушил установленные правила, пусть даже чуть-чуть.

– Ты не должен был ни в коем случае выходить один. Это запрещено, ты же знаешь.

– Все хорошо, Амандина. Это больше не повторится, договорились?

Молодая женщина с трудом сосредоточилась на карте, когда муж повернул ее к ним.

Он отметил точками двадцать мест на острове Рюген.

Жоан всмотрелся и вытаращил глаза:

– Ты шутишь?

– Поверь мне, я не шучу такими вещами.

Жоан вздохнул и поерзал в кресле, держась за голову. Амандина же застыла, уставившись на карту. Двадцать точек, изображавших мертвых лебедей, расположенных друг от друга, судя по масштабу, в нескольких сотнях метров, образовали три идеальные окружности.

Три концентрические окружности.

Фонг отхлебнул чая.

– Природа не могла сотворить «это».

Ученые кивнули. Они просто остолбенели. У Амандины не укладывалось в голове то, что видели ее глаза. Эта геометрическая фигура

была вызовом логике.

– Если не природа расположила мертвых лебедей так, что они образуют три концентрические окружности, значит это...

– ...кто-то. Кто-то, хотевший, вероятно, распространить вирус гриппа в природе, используя лучшее орудие распространения из всех возможных...

– Птиц.

От этих слов в комнате повеяло холодом. В эту минуту завибрировал мобильный Жоана. Жакоб интересовался госпитализацией Бюиссона. Поговорив несколько минут, он отключился.

– То, чего мы боялись, сами себе в этом не признаваясь, идет полным ходом.

Встревоженные лица. Сжатые губы. Фонг стоял, насторожившись, по другую сторону стекла.

– Еще случай?

– Госпитализирован в Ларибуазьер.

Сидя в своем кабинете, Николя Белланже держал в руках фотографию в рамке.

На глянцевой бумаге красовалась женщина внушительной стати с короткими темными волосами. Улыбка озаряла ее прямые, угловатые черты. Это была Камиль, она работала в жандармерии на севере страны, женщина, в которую он безумно влюбился.

Чуть больше года назад Камиль пересадили сердце во второй раз. У нее был врожденный порок сердца, и первая пересадка, сделанная двумя годами раньше, была отторгнута ее организмом. К счастью, ей нашли новое совместимое сердце и второй раз вскрыли грудь. Тяжелая операция прошла успешно, и по сей день новая сердечная мышца исправно выполняла свою роль. Ни хронического отторжения, ни других тревожных сигналов. Однако реабилитация была непростой.

Их встреча была результатом стечения невероятных обстоятельств. Познакомились они годом раньше, в августе 2012-го ^[12], в ходе расследования темного дела, наверно одного из самых трудных, которые пришлось вести Николя за всю его карьеру. В этих сумерках их пути пересеклись. Они много выстрадали, пережили несколько худших дней в своей жизни, но в конечном счете оба остались живы и были вместе.

Это дело Николя довел до конца со своей командой и думал, что оно похоронено навсегда. Но была эта «штука», полученная им на работе через несколько дней после окончания следствия. «Письмо» в большом конверте.

Слова, написанные тушью на человеческой коже.

У Николя перед глазами были две опечатанные улики. Конверт с маркой с одной стороны и полоска кожи, упакованная в пластик, с другой. Образец был тщательно проанализирован в лаборатории. Анализ ДНК показал, что кожа женская. Она была, несомненно, частью гнусного трафика, который они разоблачили в 2012-м, и принадлежала кому-то из несчастных людей, используемых как сырье.

В дверь постучали. Николя отложил рамку и спрятал улики в ящик. Это была Камиль. Она села напротив него:

– Что-то твоя команда сильно поредела. На месте один Франк.
– Паскалю Робийяру в самом деле худо, и Жак вряд ли вернется. Тоже слег с гриппом. А Люси...

Николя вздохнул и покосился на стенные часы.

– Думаю, она занята своими пацанами... Быть полицейским и родителем одновременно непросто.

– Зачем ты попросил меня прийти?

– Я только что из отдела киберкриминалистики. Кто-то сумел проникнуть в нашу компьютерную сеть, хоть она и очень хорошо защищена, и заразить всю нашу систему. Вирус проник в слабое место и начал стирать файлы в наших компьютерах, в Интернете, переписку, контакты, документы. К счастью, на базах стоит защита, которую вирус пытался уничтожить, но, слава богу, не смог, иначе была бы катастрофа. Компьютерщики сейчас восстанавливают данные. На ваших компьютерах тоже будут кое-какие потери, но всего лишь за последние часы работы перед вирусом.

– Классно.

– Специалисты быстро поняли, что вторжения извне не было, то есть вирус пришел с одного из наших компьютеров.

– Они знают с какого?

– Да. С моего.

– Ты шутишь?

– Я получил флешку сегодня утром по почте. Анонимно. Она была в конверте из пузырчатой пленки. Мой адрес написан на компьютере. Никакой сопроводительной записки, ничего. Только флешка в конверте, я чисто машинально сунул ее в свой компьютер, на ней ничего не было. То есть это я так подумал...

– На флешке прятался вирус.

– Точно. Он ухитрился обойти наш антивирус. Это значит, что антивирус его не распознал. Что это новый вирус, специально созданный. И вот что выяснилось потом.

Николя пристально посмотрел на Камиль и повернул к ней экран своего компьютера. Сообщение на белом фоне занимало все пространство.

Молодая женщина не поверила своим глазам.

Предпандемический план, фаза 3.

Вирус гриппа, животный или гибридный, животное-человеческий, вызывает спорадические заражения или мелкие очаги у людей без передачи от человека к человеку.

Фраза еще звучала в ушах Амандины. По словам Жакоба, в ВОЗ уже говорили о повышении уровня тревоги до третьего. Решение будет принято в ближайшие часы.

Случай Бюиссона больше не был единичным, у него появился младший братик.

Вирус был обнаружен в лаборатории вирусологии больницы Ларибуазьер. Пациент пришел в отделение скорой помощи с симптомами гриппа, усугубленными хронической астмой. Затрудненное дыхание, температура 40, его госпитализировали, взяли анализы. В лаборатории на месте не смогли определить подтип гриппа. Опасаясь такого рода сигналов после пандемии 2009-го, заведующий лабораторией отправил образец в Центр изучения гриппа при Пастеровском институте специальным курьером и с пометкой «срочно». Там тоже, как в случаях с птицами и Бюиссоном, вирус не поддавался никаким идентификационным тестам и не соответствовал ни одному известному вирусу гриппа.

После этого открытия был задействован межминистерский антикризисный комитет (МАК) и разрабатывались фазы предпандемического плана по гриппу. Первоочередная задача: следовало остановить вирус. Гонка началась, но все еще было не критично. Два случая, без распространения вируса среди окружающего населения, – с этим можно было справиться. И потом, чтобы эпидемия могла развиваться, нужно совпадение целого ряда условий, удачное сочетание инкубационного периода с периодом заражения, особенно агрессивный вирус. Все ученые были на передовой, уткнувшись в свои пробирки.

– Эти птицы, расположенные концентрическими кругами, как ты думаешь, это форма теракта? – спросила Амандина.

– Мне так не кажется. Я не спец по биотерроризму, но террорист скорее предъявил бы требования, верно? Что значит этот символ? И потом, почему грипп? Почему не оспа или чума?

– Чума – не тот микроб, который легко вынести из лаборатории.

– Как бы то ни было, это акт серьезный, злонамеренный. И тревожные

звоночки наверняка уже раздаются повсюду у политиков и высоких чинов. Не знаю, как они станут разруливать ситуацию, но, боюсь, это будет сложно, наделает шуму, и не только во Франции.

Амандина не могла оторваться от своих черных мыслей.

– Представь, ты располагаешь зараженных птиц, набитых до отказа вирусами, на этом проклятом острове и предоставляешь действовать природе. Трупы заражают других птиц, которые рассеиваются повсюду, на тысячи километров, распространяют вирусы в каждом водоеме, заражают все новых пернатых...

Машина въехала на больничный паркинг. Амандина вышла первой и направилась к багажнику.

– Ты помнишь историю с миксоматозом?

– Наполовину. Освежи мне память.

– Тысяча девятьсот пятьдесят первый год... Профессор Делиль раздражен нашествием кроликов на двести гектаров его поместья в замке Майбуа. Поместье между тем огорожено, профессор проверяет решетки несколько раз в неделю. Выйдя из себя, он выписывает из швейцарской лаборатории через Пастеровский институт агрессивный штамм миксоматоза, свирепствующий в Австралии, и вводит его двум кроликам. Месяц спустя местных кроликов косит мор, а через три года девяносто процентов диких кроликов, но и кролики на фермах тоже вымирают. Затронута вся Европа, никогда не знавшая этой болезни. И как, по-твоему, болезнь вышла за пределы закрытого парка Майбуа?

– Через птиц?

– Через птиц, да, так полагают... Птицы клюют, например, труп зараженного кролика, переносят таким образом вирусы и передают их другим кроликам. А если здесь птицы точно так же передают наш неизвестный грипп H1N1 человеку? Конечно, заражение не может быть непосредственным, но рано или поздно оно состоится. Охотник убивает зараженную утку, ощипывает ее, вот и вдыхает вирус. Перелетная птица умирает вблизи фермерского хозяйства и распространяет вирус... Плохо проваренное мясо... Больная курица снесет яйцо, а кто-то его съест... Велика вероятность, что это БУДЕТ, Жоан, и скоро. Где и когда – этого мы знать не можем.

– По самому пессимистичному сценарию – да. Но надо сохранять оптимизм и продолжать работать на совесть. Мы на то и существуем, чтобы не допустить подобной катастрофы.

Потоп сначала обрушится с неба, потом Апокалипсис выйдет из недр земли. Цвета станут черными, потом красными. Ты, читающий это послание, знай, что я выйду из глубочайших бездн и приду за тобой. Хоть ты прячься, хоть будь на виду посреди улицы.

Этот мир должен быть очищен, отмыт. На ниве растут всходы, грозная черная рать созревает для будущей жатвы, и посев этот скоро пробьет толщу земли^[13].

Камиль уставилась на символ из трех кругов. Этот рисунок был ей слишком хорошо знаком. Молодая женщина съежилась на стуле, вдруг оцепенев. У Николя был очень озабоченный вид.

– Это послание высветилось на моем экране, перед тем как уничтожили вирус. Техник говорит, что оно было частью компьютерной программы, но появилось только в моем компьютере.

Николя достал бумажный конверт, который перед тем убрал в ящик, и подвинул его к Камиль. Она узнала его сразу, с такой редкой маркой, на которой был изображен вид Земли из космоса. Его получил Николя после тяжелого дела 2012-го, когда они думали, что все кончилось.

Потом Николя показал письмо на человеческой коже. Камиль наклонилась над столом и подвинула к себе жуткий лоскут, защищенный пластиком. Она прочла послание, которое и так помнила. Особенно конец, списанный почти слово в слово с последних строк «Жерминаля» Золя. Глаза ее перебегали от экрана к письму.

– То же содержание. Вплоть до знаков препинания. Ты объясняешь мне, что... что...

Она не смогла закончить фразу. Николя кивнул, сморщившись:

– Ты была без сознания в тот вечер, но я в точности помню слова, которые он мне сказал, перед тем как пустить в себя пулю. Они до сих пор звучат у меня в голове. *Вы скоро умрете, молодой человек. Вы и многие другие. Когда Человек в черном осуществит Великий Замысел, у вас не будет никаких шансов. Эта история не закончена, и вам нельзя было в нее соваться.*

Камиль содрогнулась. Она помнила это дело. Как его забыть? Она тогда чуть не погибла. Конечно, Николя, Шарко и их коллеги раскрыли его, но так и не смогли допросить виновных, все были мертвы. Они не нашли

никаких следов так называемого Человека в черном, кроме слухов да старой фотографии восьмидесятых годов, расплывчатой, смазанной, на которой угадывался силуэт человека, одетого в черное, на фоне клиники в Мадриде. Дело осталось открытым, но время, новые расследования и отсутствие следов оказались сильнее терпения команды.

Николя единственный из них слышал эти последние зловещие слова о Великом Замысле и о существовании Черной комнаты... Перед смертью тот человек сказал ему: *Я потерпел поражение, мне не удалось добраться до Черной комнаты, но придут другие.* Потом было это анонимное письмо, пришедшее несколько дней спустя, с тремя концентрическими окружностями, символом, известным только преступникам, с которыми они имели дело, и дававшим основания полагать, что есть еще кто-то за всеми этими ужасами.

Человек-невидимка, без лица, без личности, который ускользнул из сетей. Человек, о существовании которого они даже не подозревали прежде. Пресловутый Человек в черном...

Николя нервно вертел в руке электронную сигарету.

– Ты помнишь, что я говорил тебе о трех кругах?

Разумеется, Камиль помнила. Эти три круга были символом, используемым преступниками в деле 2012-го. Это была их подпись.

– Внешний, третий круг символизирует первый слой злодеев, самых видимых, самых экспрессивных, – сказала Камиль. – Серийные убийцы, палачи, те, что на поверхности и действуют не прячась. Люди импульсивные, порочные, они убивают, как дышат. Наемники на службе у злодеев из второго круга.

– Второй круг... Тайное пространство, в котором живут злодеи более умные, способные манипулировать и поработать, чтобы наносить свои удары. Эти не нападают на отдельных людей случайным образом, как серийные убийцы; они глубже укоренены в обществе, они проникают в слабые места системы, чтобы развивать свою преступную деятельность и действовать под покровом тайны.

– Всевозможные махинации, организованная преступность, торговля людьми... Порок и извращение на более высоком уровне. Они без колебаний пользуются услугами людей из третьего круга, бедолаг, способных на худшее ради денег, психопатов, психологически неустойчивых личностей. Эти два круга мы ликвидировали в прошлом году, – уточнила Камиль.

– Да, мы их ликвидировали, нанесли удар проклятой организации, которая подписывается этим символом. Вот только остался еще один круг,

поменьше, в этой иерархии Зла. Последний круг, внутри которого находится тот, до кого мы так и не смогли добраться, тот, о чьем существовании мы даже не подозревали, кого нет нигде и кто, похоже, сегодня бросает нам вызов.

– Человек в черном, – добавила Камиль.

Молодая женщина помолчала. Страшные картины, жуткие лица убийц всплывали в ее памяти. Конца ее кошмарам не предвиделось. Николя отпил остывшего кофе и продолжал:

– Если убийцы, с которыми мы имели дело в прошлом году, входят лишь в третий круг, если такое чудовищное занятие, как торговля людьми, – дело людей из второго круга, ты только представь, какой монстр живет в круге первом... Вообрази, какие могут быть намерения у этого Человека в черном. Он играет по-крупному. Это письмо на коже и компьютерный вирус тому доказательство.

Николя задумчиво уставился в пустоту.

– Мы выкололи часть сорной травы, торчавшей из земли, но остался корень, невидимый, глубоко зарытый. И сегодня этот корень породил новую сорную траву... Опять начинается, как будто все, что мы сделали, было ни к чему.

– Ты все-таки спас много жизней, – возразила Камиль. – В частности, мою.

Она встала и прижалась к своему мужчине.

– Мы все уже забыли про это письмо. Больше года прошло... Год Человек в черном вынашивал свою месть, не подавая ни малейших признаков жизни. И вот он снова появился. Он или кто-то из его присных прислал мне флешку, которая заразила наши компьютеры и показала мне это окаянное письмо с угрозами. Он готов осуществить свой Великий Замысел. Но что это за Великий Замысел? А эта пресловутая Черная комната, на что она похожа? Где спрятана? Что в ней?

Камиль посмотрела на экран:

– У нас есть компьютерный вирус. Что можно сделать, чтобы найти его автора?

– На сегодняшний день, к сожалению, немного. Интернет не в нашей компетенции, это дело киберкриминалистики. Вирус подписан неким CrackJack. Это не подделка, нужно много времени и ума, чтобы обойти наши системы безопасности и создать такого вредителя. Рад тебе сказать, что команды мобилизуют все свои знания, чтобы попытаться выяснить, кто он.

Повисла пауза. Неведомый «кто-то» проник к ним. Правда, виртуальным путем, но им нанесли удар. Им, представителям

национальной полиции. Затронув их, посягали непосредственно на систему.

Николя отстранился от подруги и уставился на письмо на коже. Это послание показывали специалистам – историкам, религиоведам, – чтобы попытаться понять его смысл. Преобладала идея обновления, очищения, истребления дурного семени для лучшей жатвы. Потоп, Апокалипсис... Библейские катастрофы. *Цвета станут черными, потом красными.* Камиль покачала головой:

– Это просто бред психопата, возомнившего себя богом.

– Ничего хорошего, когда психопаты мнят себя богами. Особенно если вспомнить об ужасах, с которыми мы столкнулись в прошлом году. Не нравится мне это. Совсем не нравится. Сегодня этот Человек в черном начинает действовать. Он хочет завязать битву и на этот раз больше не прячется. Он открывает лицо.

Его слова становились все тяжелее. Николя было страшно, Камиль это чувствовала. Это он получил письмо, с его фамилией, его именем, адресованное на набережную Орфевр. И отправитель письма мог быть кем угодно. Он мог следовать за ним в метро. Наблюдать за его домом. Постучать в его дверь. Это бессилие перед невидимым врагом было хуже всего.

Белланже вздохнул и поднялся:

– Ладно... Пойду объясню все это Люси и Франку. Дождись меня сегодня, ладно?

Камиль поцеловала его. Ей хотелось сказать, что они его возьмут, рано или поздно припрут к стенке, но она вышла, не проронив ни слова.

Амандина надела маску, перчатки и комбинезон, застегнув молнию до самого верха. Надо быть осторожнее, больницы опасны, микробы вылетают из горла больных, распространяются в вентиляционных системах, садятся на дверные ручки...

Жоан взял только маску и держал ее в руке.

Войдя в больницу, они по лестнице поднялись в отделение пульмонологии. Амандина ни к чему не прикасалась. Ни к перилам, ни к стенам. Тео Дюрье лежал в отдельной палате, и посещения пока были запрещены. Амандина нашла его лечащего врача. У больного были расстройство сознания, потеря ориентации, учащенное дыхание. Астма все усугубила, но в больнице его состояние стабилизировалось.

– Вы говорили с его женой?

– Я ждал результатов анализов, прежде чем что-либо ей сообщать.

Жена ждала в коридоре, расхаживала взад-вперед, скрестив на груди руки. Амандина сообщила врачу информацию, которой располагала, и дала ему инструкции:

– Предупредите персонал. С этой минуты никому не входить в его палату без маски и перчаток, выбрасывать их после каждого использования. Никаких посещений, полная изоляция. Больницы – первые рассадники вируса. Вентиляция, ослабленные пациенты...

Врач кивнул. Амандина направилась к молодой женщине.

– Мадам Дюрье?

– Что происходит? Они говорят, что это грипп, но...

Амандина сразу приступила к сути: Тео подцепил неизвестную форму гриппа, о которой на данный момент врачи ничего не знают. Проводятся углубленные анализы, ученые делают все возможное. Самое главное сейчас – понять, как он подцепил вирус, и не допустить его распространения, отсюда изоляция.

Жюстина Дюрье смотрела на Амандину с выражением бессилия:

– У меня двое маленьких детей.

– Где они?

– В детском саду. – Она нервно покосилась на часы. – По идее, мне надо идти за ними через полчаса. Я приняла меры, когда выяснилось, что у мужа грипп. Но... что ни делай, малыши все цепляют только так. Что с ними будет, если и у них эта болезнь? Они слабенькие и...

– Не беспокойтесь. Мы за всем этим проследим, хорошо?

Она кивнула. Амандина не выказывала своей тревоги, но дело сильно усложнилось. Имея мужа-эпидемиолога, она наизусть знала цифры и статистику, по гриппу они были неутешительны. Ребенок, заболевший классическим гриппом, мог один заразить каждого пятого одноклассника. Легко представить цепную реакцию, которую вызывал любой инфицированный малыш. Вирус распространялся со скоростью лесного пожара. Не говоря уж о том, что вирусы гриппа могут быть смертельны для детей младшего возраста.

– После того как заберете детей, ни с кем не разговаривайте, никаких дружеских поцелуев, уходите как можно быстрее. Вы и ваши дети можете быть носителями вируса, часто бывает бессимптомная фаза, которая длится от одного до трех дней: вы больны, заразны, но сами этого еще не знаете. Надо любой ценой избежать распространения вируса.

– Носители? Но мы все делали прививку от гриппа. Я не понимаю. Зачем тогда прививки, если...

– Я вам объясняю: ваш муж заразился новым вирусом гриппа, мутировавшим и непредсказуемым, от которого вакцина этого года не защищает. Случай исключительный, надо создать новую вакцину, а это займет время.

Амандина перевела дыхание, чуть нажав на маску. Она все еще думала о лебедях, расположенных концентрическими кругами.

– Когда у Тео появились симптомы?

– Ему стало совсем худо в ночь с пятницы на субботу.

Это совпадало со случаем Бюиссона. Двое мужчин наверняка подцепили вирус одновременно...

– А как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

– Отлично. Вот как мы поступим: вы с детьми посидите дома. Закройтесь в квартире, никуда не выходите и никого не впускайте. Мы свяжемся с врачом, он придет, чтобы осмотреть вас и прописать противовирусные препараты. Это профилактика, чтобы избежать появления гриппа или затормозить его.

Амандина протянула ей карточку кончиками пальцев.

– Если у вас или у ваших детей появятся симптомы, сразу сообщите нам, хорошо? Это очень важно.

– Хорошо.

– Вы или ваш муж знаете некоего Жан-Поля Бюиссона?

– Я, во всяком случае, не знаю.

– Вы можете дать мне точные сведения о том, что делал ваш муж за последнюю неделю? Скажем, со среды.

– Я... Я не знаю... К чему эти вопросы?

Амандина вздохнула и сделала знак врачу, что намерена войти в палату.

– Я пытаюсь понять, как он заразился гриппом.

Жоан говорил по телефону, он махнул рукой Амандине, чтобы входила без него. Она сделала глубокий вдох и шагнула в ров со львами.

Тео Дюрье не спал, но явно чувствовал себя скверно, лежал на больничной койке, глядя в потолок. Амандина подошла ближе, но оставила между ними добрый метр дистанции. Главное – не терять бдительности. Она играла с огнем. Вирус был здесь, в полной боевой готовности, подстерегая момент, чтобы проникнуть в ее дыхательные пути.

Она представилась и повторила вопросы, которые уже задавала предыдущему больному.

Тео Дюрье выдавил из себя ответ между шумными вздохами:

– Я... я не знаю, жил как обычно. Работа, метро, один раз пообедал с коллегой в пиццерии, дважды около полудня совершал пробежки.

Амандина записала имена, которые он с большим трудом ей продиктовал.

– Вечером я... еду прямо домой, полчаса на метро. Я бухгалтер на набережной Орфевр, тридцать шесть. Работаю в административном отделе...

Амандина записала и продолжала расспрашивать. Как и у Бюиссона, никаких контактов с дикими животными, никаких путешествий. Молодая женщина записывала все, что можно, но ясности это не добавляло. У Дюрье и Бюиссона болезнь проявилась одновременно, они наверняка были в достаточно продолжительном контакте с одним и тем же человеком, который передал им вирус где-то в среду. Но кто это был? И где состоялся контакт?

Она вышла из палаты, было уже около половины пятого. Жоан поднял свой мобильный, подходя к ней.

– Я только что говорил с Жакобом. Готово дело, начинаем кое-что узнавать о нашем вирусе. И новости нерадостные.

– Рассказывай.

– Во-первых, вирус, найденный у лебедей, абсолютно идентичен вирусу первого обнаруженного случая у человека. Амандина, это один и тот же штамм.

Худшая гипотеза подтвердилась. Грипп заражал и птиц, и людей. Значит, мог перескакивать с одного вида на другой.

– Наш «H1N1/Маркантер/11/2013» содержит гены нескольких вирусов гриппа, птичьего, свиного и человеческого. И от него нет никакой защиты.

– Откуда он взялся?

– Пока трудно сказать, надо еще покопаться, послать штамм в полторы сотни лабораторий наблюдения по всему миру, чтобы все приложили руку. Но если у него есть человеческий ген, хотя нашли его у птиц, значит...

– ...где-то в мире, возможно, уже есть зараженные люди.

Амандина пыталась собрать фрагменты головоломки, но ей это никак не удавалось. Если вирус не хранился в Мировом банке штаммов гриппа, значит никто никогда его не встречал, ни одного случая не было выявлено службами здравоохранения или центрами наблюдения. Выходит, он был выведен в лаборатории? Был ли это генетически модифицированный штамм, в котором объединили свиной, птичий и человеческий вирусы, чтобы превратить его в грозное оружие?

– Единственный положительный момент – новых случаев у людей пока нет, – продолжал Жоан. – Может быть, среди людей он плохо распространяется? И умрет естественной смертью?

– Хотелось бы в это верить.

– Ну а что дали твои расспросы?

Амандина провела рукой по лбу. Она чувствовала приближение мигрени.

– Немного. *A priori* нет никаких точек соприкосновения с Бюиссоном. Я отправлю эту информацию в ИЭН, они свяжутся со всеми знакомыми Бюиссона и Дюрье, с людьми, которых они встречали и которые установлены... процесс быстро станет тяжким и неуправляемым.

– Ладно... Засим, после этих превосходных плохих новостей, хочешь кофе? Чая?

– Лучше уйти отсюда. Я только схожу в туалет.

В дамской комнате она приняла полтаблетки пропранолола, чтобы остановить головную боль. Иногда это помогало, иногда нет. Ее мигрени были настоящим бедствием и преследовали ее многие годы. Она сдавала анализы, никто не мог докопаться до происхождения головных болей, но предполагали, что они могли быть вызваны гремучей смесью антивирусных препаратов, перепадов давления между лабораторией-бункером и внешним миром и постоянного стресса Амандины. Ей советовали поменьше работать, что в последние месяцы было невозможно.

Она вернулась в коридор, делая вид, будто все в порядке. Она не любила, чтобы кто-нибудь видел, как она глотает свои лекарства.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросила она Жоана.

– Одно могу сказать наверняка – что на сегодняшний день мы потеряли след нашего вируса. Жив, мертв? Никто не знает.

– Дерьмово...

– Да. И вдобавок Жак обрвет и мечет. Он хочет посадить одного из нас на анализы проб, поступающих в Центр изучения гриппа, чтобы среагировать максимально быстро, если появятся новые случаи. Он уже несколько часов пытается дозвониться до Северины Карайоль; у нее срабатывает автоответчик.

– Это не похоже на Северину, она никогда никого не подводила.

Жоан посмотрел на часы:

– Ты уже провела в центре прошлую неделю, теперь я займусь анализами. Позвоню тебе, если появятся новые случаи, будь на связи. Что бы ни случилось, работаем.

– Ладно. Не знаю, как у тебя, а у меня очень скверное предчувствие.

Было десять часов вечера, когда Шарко вернулся в их дом в Со, южном пригороде Парижа.

Дом, построенный лет пятнадцать назад, находился всего в нескольких километрах от прежнего жилища полицейского и был ничем не примечателен: городской дом площадью меньше сотни квадратных метров, беленые стены, два этажа. Люси всегда мечтала о собственном гнездышке с тремя комнатами, садиком, качелями для детей и подстриженной лужайкой... Оставшись в ближнем предместье Парижа, они не могли позволить себе ничего лучшего, не будучи миллионерами. Но и это было неплохо, городок очень славный, и они вполне там освоились.

Как часто бывало, близнецы уже спали. Шарко чувствовал, что упускает драгоценные мгновения, всякий раз, когда не заставал их улыбок, их по-новому произнесенного «папа». Бесшумно войдя, он поцеловал Жюля и Адриена в лобики. Прикосновение и тепло кожи, щетина и бархат. Шарко поправил им одеяла и вышел, оставив дверь открытой: он хотел слышать малейший звук.

Люси приготовила большой стейк с кровью для него, а для себя достала остатки ветчины и овощной салат. Принюхавшись, Франк уселся за стол. Кухня была современная, практичная и выходила в гостиную. Негромко бормотал телевизор.

Разумеется, Люси тревожилась, и очень скоро они заговорили о «деле». Это вечная проблема четы полицейских. Приносишь грязь в дом и остаешься на службе повсюду, сам того не сознавая. Все равно что спать в обнимку с пушкой.

Шарко нехотя рассказал все, что узнал от Николя: компьютерный вирус, послание с тремя кругами, высветившееся на его компьютере... Люси была ошеломлена. Она тоже была тогда задействована, разрываясь между расследованием, своей матерью и близнецами, которым было всего два месяца.

– Как это воспринял Николя?

– Как бы ты восприняла на его месте? Они с Камиль умирают от страха. Нет ничего хуже, чем чувствовать, что ты под угрозой, не зная, что делать.

– Мы все под угрозой, не он один.

– Да, но это он получил письмо, он вырвал Камиль из их когтей и

ликвидировал их организацию.

Шарко жевал мясо молча, механически, уставившись в пустоту. Люси не стала ему мешать. Он выпал из действительности, как это часто бывало, погружившись в свои темные глубины. Он тоже знал, что такое страх, смотрел ему в лицо множество раз. И в работе, и в личной жизни. За двадцать пять лет он вынес больше, чем любой другой полицейский.

И все же был еще жив.

Он пришел в себя, поняв, что тарелка уже опустела.

– Я сейчас из Института судмедэкспертизы, есть много информации от Шене по нашему делу.

Он достал из кармана куртки листок бумаги.

– Во-первых, жертва и ее собака. Их обоих убили довольно странным оружием. Внимательно осмотрев раны, Шене обнаружил отклонение книзу между точками входа на груди и выхода на спине. У инструмента были изогнутые острия. Шене нарисовал, как он его себе представляет.

Люси взяла протянутый листок и рассмотрела карандашный набросок. На нем было два изогнутых, очень длинных острия, параллельных, на расстоянии несколько сантиметров.

– Похоже на штуку, которая была у Фредди Крюгера в «Когтях во тьме». Не знаю, видела ли ты этот фильм.

– Я как раз о нем подумала. Только здесь не совсем лезвия, скорее заостренные и изогнутые цилиндры. Да, именно как когти.

– Иными словами, мы имеем убийцу, который избавился от костей в лесной глуши, но разгуливает с таким оружием... И без колебаний уничтожит всякого, кто встанет ему поперек дороги.

Шарко положил нож и вилку на пустую тарелку. Он только сейчас осознал, что с ужином покончено; он не ел, просто заглатывал пищу, слишком занятый своими мыслями.

– Я думаю, он был в гневе, – произнес полицейский. – В ярости, что ему помешали. *А, ты видел, что я делаю? Хочешь кричать? Ручаюсь, ты у меня замолчишь...*

– Земля в глазах, в горле...

Шарко кивнул:

– *Я тебя научу молчать.* Шене говорит, что горло забили землей после смерти. Убийца не выказал никаких угрызений совести, он не пожалел времени, чтобы перенести тела подальше от места преступления.

Люси ела медленнее, она не была голодна.

– А трупы из пруда?

– Шене пригласил антрополога из Института судмедэкспертизы. Он

был там и собирался работать всю ночь. Я заеду туда завтра утром, пораньше.

Люси пыталась мысленно подвести итоги. Голова пухла, и ночь обещала быть беспокойной: полицейскому трудно уснуть, когда в мозгу крутятся одни и те же вопросы.

Ее мысли прервал Шарко:

- Еще этот запах в лесу. Мята... Я не могу усмотреть связи.
- Это только начало, Франк. Мы не можем ускорить события.
- Поэтому люди и умирают.

Люси встала и убрала со стола. Потом подошла и обняла Шарко сзади. Тело его было напряжено куда сильнее обычного. Остов словно отлит из стали. Но даже самая крепкая броня рано или поздно дает трещину. Слишком много психопатов на этой планете. Их битва не имела большого смысла, Шарко это знал.

И все же они устремлялись в нее вновь и вновь, расследование за расследованием.

Просто потому, что это была их работа.

И они были созданы для нее.

Вторник, 26 ноября 2013 года

Амандина проснулась как от толчка – так пробуждаются от кошмара.

В ее голове возникла связь.

Было почти семь часов утра. Она вскочила с кровати и проверила сообщения на мобильном телефоне, лежавшем рядом. Минут двадцать назад пришло сообщение от Жоана: «Все усложняется. Постарайся найти „Вуа дю Нор“...»

Не теряя времени, она бросилась в гостиную, где оставила свой блокнот. Нашла записи, сделанные в процессе беседы с Жан-Полем Бюиссоном. Она перечитала каждую строчку и сосредоточилась на последней встрече пенсионера с сыном, секретарем суда: они обедали во Дворце правосудия. Она перевернула несколько страниц. Другой больной из Ларибуазьер, отвечая на вопросы, сказал, что работает бухгалтером на набережной Орфевр, 36. А ведь дом 36 совсем рядом с Дворцом правосудия.

Она заглянула в Интернет. Судя по фотографиям и пояснениям, подследственные и служащие даже могли переходить из одного здания в другое по длинным коридорам. Это была ниточка, за которую стоило потянуть.

Амандина надела серые брюки из искусственной кожи, свитер в тон, проглотила свои лекарства и позвонила Жан-Полу Бюиссону. Пенсионер поворчал, что его так рано разбудили в больнице, но Амандине требовались кое-какие уточнения. Во-первых, как его сын, секретарь суда, не загрипповал ли? Не заболел? Бюиссон ответил, что нет, во всяком случае, вчера был здоров.

Затем молодая женщина попросила рассказать подробнее о встрече с сыном во Дворце правосудия. Бюиссон сказал, что они сначала собирались пойти в ресторан в Первом округе, но в итоге пообедали во Дворце, потому что сын был плотно занят. Они встретились на ступеньках со стороны площади Дофина и поели в заведении, служившем столовой полицейским, адвокатам и всему судебному миру. Потом они расстались и с тех пор не виделись.

Она поблагодарила его, повесила трубку и задумалась. Возможно,

именно в стенах Дворца правосудия Бюиссон и Дюрье встретили пациента зеро, сами того не зная. Поэтому стоило пойти задать несколько вопросов в административном отделе Тео Дюрье на набережной Орфевр и попытаться встретиться с сыном Бюиссона, прежде чем начать свой день в Институте Пастера.

Фонг подошел к ней сзади и нежно обнял:

– Уже на посту, моя крошка?

– Я, кажется, напала на след.

– Опять это ночное озарение из тех, что у тебя случаются? Что же это?

– Скажу тебе, если подтвердится.

Она взяла экологически чистое яблоко из корзинки с фруктами, подхватила сумку, сунула в нее планшет и поцеловала Фонга в щеку.

– И не делай больше глупостей, как вчера, договорились? Если тебе надо за чем-то выйти, скажи мне.

– Хорошо, шеф.

Он надел маску и проводил ее до двери. Помахал ей через окошко и вернулся в свою стеклянную тюрьму. Амандина ненавидела эти моменты, когда ей казалось, что она бросает Фонга.

Через несколько минут она припарковалась у станции метро и села на девятую линию. Из-за забастовок были перебои на линиях С и А скоростного метро. В вагоне на нее, как всегда, поглядывали с любопытством. Алебастровая кожа, маска на лице, военный «ежик». Ее, наверно, принимали в лучшем случае за больную с тяжелой патологией, в худшем – за наркоманку.

Сидя в уголке, она не поднимала глаз, стерильные руки бегали по экрану планшета. Она зарегистрировалась на сайте «Вуа дю Нор» и загрузила сегодняшнюю газету.

Люди кашляли. Большинство вежливо прикрывали рот рукой, а потом брались за стойки, сиденья, дверные ручки. Некоторые вирусы, в том числе и грипп, на металле могли жить больше суток. Микроорганизмы разлетались повсюду, от одного человека к другому, проникали в носовую полость, оттуда в легкие, а затем и в кровь. Ничто не могло помешать им распространяться. В одном только вагоне их было в миллионы раз больше, чем людей на Земле.

Амандина пробежала глазами страницы газеты. Забастовки, требования, политические конфликты, хлеб насущный французской осени. На странице 9 она остановилась, ошарашенная. На фотографии был мертвый лебедь на поверхности водоема. И ужасный заголовок: «Подозрения на грипп H5N1 на севере Франции?»

Молодая женщина оказалась перед свершившимся фактом: произошла утечка, вдобавок опасная и лживая, ибо речь шла о H5N1, а не о H1N1. Она внимательно прочла статью. Директор заповедника Маркантер отвечал на вопросы, он не мог отрицать присутствия ученых из Института Пастера, которые потребовали закрытия парка. Ниже один из руководителей ИЭН, отвечая журналисту, пытался разрядить ситуацию: нет, речь вовсе не идет о H5N1, анализы в Институте Пастера в Париже еще проводятся, но в любом случае нет абсолютно никаких причин для беспокойства. На вопрос: «Зафиксированы ли еще случаи смерти птиц?» – он ответил: «Насколько мне известно, нет». Однако же следом журналист говорил о трех других лебедях, найденных мертвыми в Бельгии, и предполагал, что таковые могут быть и в других местах Европы. Разумеется, он многое преувеличил: птицы-де в процессе перелета, и если они являются носителями вируса, то он может очень быстро распространиться по всей Европе.

Эта статья один к одному копировала сценарий фильмов-катастроф и вполне могла воспламенить коллективное воображение. Амандина остолбенела. Как сумел журналист все разнюхать так быстро? Никто не мог знать заранее, что лебеди умрут в Маркантере. Амандина видела лишь одну возможность: кто-то из заповедника поговорил с журналистом до или после их приезда.

Она выключила планшет и спрятала его в сумку. Положение было катастрофическое. Теперь пресса вцепится в них мертвой хваткой, будет ждать результатов, требовать объяснений. Если они узнали о лебедях, то не замедлят провести и о случаях у людей. Министру здравоохранения, политическим инстанциям и ВОЗ придется выступить официально.

Молодая женщина встала и вышла из вагона. Пересадка. Ничего не трогать, не смотреть людям в лицо, идти с опущенной головой. Не существовать, быть призраком, который не хочет неприятностей на свою голову и не собирается завязывать разговор или помогать туристу найти дорогу. Свести к минимуму биологические контакты.

Через несколько остановок она вышла на станции «Сите» по четвертой линии. Быстро пробежать по туннелям серо-стального цвета, похожим на коридоры океанского лайнера. Микроорганизмы наверняка гуляют по ним, как по бульвару. Она вышла на воздух и смогла наконец освободиться от маски. Было четверть девятого.

Она послала сообщение Жоану: «Статья убойная. А я, кажется, напала на след, буду держать тебя в курсе». Потом она большими шагами пересекла бульвар Пале и надела новую защитную маску. Свобода была недолгой.

На посту охраны дома 36 по набережной Орфевр она предъявила свою профессиональную карточку: ей нужно в административный отдел, чтобы задать несколько вопросов об одном из служащих, Тео Дюрье. Она хотела поговорить с его непосредственным начальником.

Охранник заглянул в компьютер, позвонил и вернулся к ней. Начальник, Габен Кудрье, ждал ее на втором этаже.

Перед тем как войти, Амандина надела пару прозрачных латексных перчаток и огляделась. Жизнь кипела. Полицейские машины, фургоны сновали туда-сюда; десятки человек тянулись к огромному Дворцу правосудия рядом; полицейские шли на службу.

Она вошла в боковое крыло здания. Ей было странно находиться здесь, в этом мифическом месте, где распутывали самые громкие уголовные дела. Однако чем выше она поднималась по старым деревянным ступенькам, тем больше нарастало в ней неприятное ощущение. Она видела большие эмблемы, висевшие или нарисованные на стенах, черного тигра на белом фоне в память о Жорже Клемансо^[14].

Габен Кудрье ждал ее в начале коридора, уходящего вправо, приветственно протягивая руку. Она показала ему свою в перчатке и избежала рукопожатия.

– Меня зовут Амандина Герен, я работаю в Институте Пастера. Вчера я виделась в больнице с одним из ваших служащих, Тео Дюрье, который заразился особо опасным вирусом гриппа.

– Я знаю, да. Его жена сообщила мне, что он слег, два дня назад. С ним что-то серьезное?

– Довольно-таки, особенно потому, что он астматик и это все усложняет. Я пытаюсь понять, где и как он мог подцепить грипп. Прежде всего мне хотелось бы знать, есть ли у вас еще случаи. Еще кто-нибудь отсутствует или представил...

– Отсутствующих полно. Только в моей команде не хватает трех служащих. И, насколько я понял, других отделов это тоже касается.

Амандина жадно впитывала его слова. Кудрье добавил бесцветным голосом:

– Очень удачно, что вы пришли. Потому что у нас тут, похоже, мор.

Двадцать четыре километра коридоров, тысячи дверей, сотни кабинетов. Парижский Дворец правосудия был земным «Титаником», пропускавшим через себя в среднем пятнадцать тысяч человек в день: население небольшого города.

После того, что она узнала в доме 36, Амандина больше часа бегала по этому лабиринту, поднималась на этажи, наугад стучала в двери. Почти везде ей не везло. Больных не было. Но то здесь, то там она узнавала, что такой-то адвокат загрипповал, другой взял больничный с конца уик-энда. Отдельные случаи, но они были.

Молодая женщина размышляла, расхаживая взад-вперед перед оградой Дворца правосудия, где поджидала Жоана и Александра Жакоба. Напротив нее выстроились в ряд одна за другой машины жандармерии. Она видела всех этих людей, которые входили и выходили, рассеивались на улицах столицы, трогали, дышали, обменивались микробами. От этой мысли ее бросило в пот. Может быть, именно в этот момент вирус играл в чехарду. А еще перелетные птицы... Они наверняка разлетелись повсюду, садились на природные и искусственные водоемы, приближались к жилым зонам и к другим диким животным. Кое у кого из людей есть маленькие пруды при домах, куда они приманивают перелетных птиц и кормят их. Через перья, испражнения, воду, на которую садятся птицы, они вступают в контакт с людьми...

Боже милостивый.

Она наконец увидела своих коллег. Они пересекли бульвар и подошли к ней. Жакоб был взвинчен.

– Сколько случаев?

Трое ученых направились к ступенькам Дворца правосудия и встали в сторонке справа от входа. Амандина опустила маску. У двоих других они висели на шее на резинках.

– Префектура полиции затронута, судебные отделы тоже. Только на набережной Орфевр из трехсот человек в уголовке, отделе по борьбе с наркотиками, бригаде быстрого реагирования и штабе тридцать один не вышел на работу.

Жакоб схватился за голову:

– Это невозможно! Может быть, это сезонный грипп, нет?

– Да, но двенадцать заболевших в пятницу, семь в субботу и остальные

в понедельник... это слишком много. В отделе кадров мне сказали, что все назвали одну причину: грипп.

– Новые случаи со вчерашнего дня?

– Еще трое не вышли сегодня утром. Итого тридцать четыре.

– Больше десяти процентов личного состава за несколько дней. С ума сойти...

Все трое серьезно переглянулись.

– На автомобильных заводах останавливают конвейеры при трех процентах невыхода, – сказал Жакоб. – Здесь, у чиновников, недалеко до дезорганизации. Невышедших станет еще больше. Больные не вернуться, число новых случаев, боюсь, будет нарастать *креcendo*, если вирус передается так легко, как мы думаем. Этак он скоро выкосит полицейских и персонал, работающий во Дворце правосудия.

Амандина указала на бесконечный холл за спиной:

– Я прошлась по нескольким этажам здания: тот же сценарий. Случаев немного, но все же есть, там и сям. Никакой видимой связи между заболевшими. Поражение отделов и персонала на первый взгляд случайно.

Если было слово, которое Жакоб ненавидел, то это слово «случайно».

– Ты сказала «на первый взгляд».

– Все это время я над этим думаю. В глаза бросаются два пункта. Во-первых, совпадение первых случаев заболевания: все началось в пятницу, то есть мы имеем основания полагать, что это *наш* вирус. Некоторые служащие совсем разболелись и остались дома, другие держались и все же вышли на работу, но в понедельник тоже свалились.

– В пятницу, – повторил Жоан, – как Бюиссон и Дюрье. Это значит, что они подцепили вирус где-то в среду. И стало быть, все одновременно.

Амандина посмотрела своему шефу в глаза:

– Все эти больные, зараженные нашим H1N1... О чем мы говорим?

Жакоб стиснул зубы:

– Мне очень жаль, но я не могу об этом распространяться.

– Мы не дураки, – отрезала Амандина, – и должны знать, если хотим хорошо работать. Если отместить гипотезу, что стая перелетных птиц могла проникнуть сюда на прошлой неделе и заразить всех, речь идет о намеренном акте, не так ли? Кто-то хочет посягнуть на правосудие? Есть ли лучшее место, чем здесь?

– Войдем... – только и ответил Александр.

Амандина и Жоан незаметно переглянулись. Все трое вошли во Дворец и остановились у поста охраны. Жандармы досматривали входящих. Как в аэропорту, они сложили сумки, ключи, куртки в корзину,

которая поехала по движущейся ленте к сканеру. Сами же прошли через рамки с металлодетектором. Жандарм остановил Амандину, когда раздался звонок.

Он подошел к ней с ручным металлоискателем:

– В карманах больше ничего нет?

Порывшись, Амандина достала немного мелочи:

– Наверно, это...

– Вы не могли бы снять маску и положить ее в лоток? Я проверю.

– Почему я должна снимать маску? Я уже проходила через рамку, ничего не сработало. Я просто выпила во Дворце кофе, отсюда и мелочь.

– Прошу вас. Что-то может быть спрятано в маске или даже между ней и вашим лицом.

Амандина колебалась, Жакоб пристально посмотрел на нее, призывая делать, что говорят. Скрепя сердце она повиновалась и опустила маску на грудь. Жандарм провел металлоискателем по ее телу. Амандина крепко сжала губы. Его лицо было прямо перед ней.

– Прошу прощения, такова процедура.

Он сказал это, дыша ей в лицо. Амандина задержала дыхание.

Пройдя контроль, она кинулась в туалет и подставила лицо под воду, а потом оттерла его мылом так сильно, как только могла. Руки ее дрожали.

Она вытерлась, проглотила таблетки и поспешила надеть новую маску.

Жакоб и Жоан остановились посреди длинного сводчатого коридора с внушительными колоннами из белого камня. Жоан поднял голову и посмотрел на шарообразные камеры, висевшие в каждом углу.

– Кто-то пришел с неизвестным вирусом и выпустил его где-то здесь, во Дворце правосудия, с целью заразить людей, – предположил он. – Распространить неизвестный вирус гриппа. – Он посмотрел на Жакоба. – Скажите мне, что я ошибаюсь.

Начальник ГМР провел рукой по лицу. Осунувшиеся черты, красные глаза выдавали усталость. После обнаружения лебедей он вряд ли много спал, буквально разрываясь на части. Худший сценарий-катастрофа в действии: какой-то псих разгуливал на свободе с вирусом гриппа, нигде не зарегистрированным и, похоже, исключительно заразным.

– В этом деле надо не терять из виду наших целей. Указания идут с самого верха, и они более чем ясны: мы должны сосредоточиться на вирусе, ничего не разглашая. Узнать его как можно лучше, отловить, попытаться выяснить, откуда он взялся. Я один уполномочен общаться с полицейскими службами. И никто ни слова прессе. Работайте, вот и все.

Амандина внутренне кипела. Почему он не скажет им, что они правы? Чертова секретность...

Жакоб провожал взглядом полицейских, жандармов на посту, подсудимых и судейских, сновавших, точно свободные электроны.

– Подумаем и предположим – я говорю: предположим, – что кто-то захотел распространить здесь вирус гриппа. Как заразить всех этих людей одновременно, если не аэрозолем, который позволит частицам зависнуть в воздухе на несколько секунд? Повсюду камеры и жандармы. И потом, помещение слишком большое. Люди должны были бы пройти сквозь облако точно в нужный момент.

– Он мог использовать другие пути распространения, кроме воздуха, – предположил Жоан. – Воду, но в случае с гриппом это работает плохо, или же...

– Пищу, – сказала Амандина, – я об этом думала. Это второй пункт, о котором я хотела вам сказать. Идемте за мной. И наденьте маски.

Они пошли по коридору, анонимы среди анонимов. Их маски порой привлекали взгляды, но не более того. Здесь никто никого не знал и всем было на всех плевать. Носителю вируса это наверняка было известно.

По пути Амандина заговорила о статье в «Буа дю Нор».

– Это один из пожарных, присутствовавших, когда нашли мертвых лебедей, разгласил информацию, – объяснил Жакоб. – Но это все равно мало что меняет. Вчера вышла статья в Бельгии о лебедях в природном заповеднике Цвин. Им пришлось очистить парк от публики, так что это не прошло незамеченным. Начинаются утечки и в Германии. Теперь эстафету приняли социальные сети. Пресса идет за нами по пятам.

Он говорил тихо, почти шепотом.

– Журналисты хотят знать, что происходит. Чтобы хоть немного разрядить ситуацию, министерство решило послать депешу в агентство Франс Пресс и сообщить, что вирус, убивший птиц, не H5N1, а другой тип, H1N1, который в данный момент идентифицируют. Чиновники будут двигаться поэтапно. Сначала птицы, потом люди...

Они пересекли зал ожидания, который охраняли на высоте нескольких метров статуи Карла Великого, Наполеона, Людовика Святого и Филиппа Августа. Затем спустились по лестничному пролету, который привел их к закрытому окошку. Справа от него была дверь с надписью «Ресторан». Амандина толкнула створку, но дверь была заперта на ключ. Она настойчиво постучала.

– Этот ресторан – точка соприкосновения между Бюиссоном, нашим активным пенсионером, и Дюрье, который работает в административном отделе дома тридцать шесть. Я звонила его жене перед вашим приходом: Дюрье ест здесь почти каждый день. Бюиссон же обедал за этой дверью в прошлую среду со своим сыном, секретарем суда. Они встретились на ступеньках, как мы с вами, зашли сюда, поели и вышли. Надо бы проверить всех заболевших, но... в поисках места, где вы хотите заразить максимум людей из всех секторов полиции и правосудия, какое бы вы выбрали?

Дверь распахнулась перед Жоаном.

– Ресторан. Ограниченное пространство, большая концентрация людей, где перемешаны все отделы. Пища, чтобы занести в нее вирус. Идеально.

Перед ними стоял один из служащих ресторана. На нем была белая куртка, синие брюки, поварской колпак. Он с любопытством уставился на них, особенно на их маски. Жакоб объяснил причину их визита:

– Мы из Института Пастера. Нам бы хотелось осмотреть ресторан и задать вам несколько вопросов.

Мужчину звали Артур Каплан. Он посторонился, пропуская их.

– Что случилось?

– Ничего страшного, успокойтесь. Вы работали на прошлой неделе?

Он кивнул.

– Не было ничего подозрительного в среду? Какого-нибудь происшествия, примечательного факта?

Каплан подумал и покачал головой:

– Но я, знаете ли, работаю в кухне. Нас в бригаде двенадцать поваров, и в часы обеда мы не отходим от плиты.

Амандина и Жоан вошли в огромный зал, раскинувшийся под залом ожидания. Все это очень напоминало рабочую столовую. Сотни столов и придвинутых друг к другу стульев, стойка самообслуживания... Молодая женщина осмотрела системы вентиляции и отопления. Вентиляторов не было, вентиляционные люки скрыты. Слева персонал расставлял на стойке десерты и закуски. В конце, за стойками, два кассовых аппарата.

– Сюда может войти кто угодно?

– Вообще-то, это для персонала Дворца правосудия. Жандармы, чиновники, полицейские, судейские. Но каждый может привести с собой кого-то извне.

– Как осуществляется контроль?

– В окошке внизу лестницы. Служащий спрашивает, откуда вы, и может потребовать документ, например полицейскую карточку. Вы платите и получаете чек, который дает право на одно горячее блюдо с пятью дополнениями. Набираете, отдаете чек в кассу, вон там, и можете усаживаться.

Жакоб обернулся к окошку:

– Но можно ведь войти и без чека.

– Да. Там, в конце зала, есть кафе. Действительно, ничто не мешает пройти прямо туда.

Александр вернулся в зал, оглядел стены, потолки:

– Камер видеонаблюдения нет?

– Зачем они? Что-то вы меня тревожите, еще и в масках.

– Нет ли больных среди кухонного персонала? Симптомов гриппа? – Жакоб показал на свою маску. – Поэтому мы их и носим. Мы исследуем способы распространения гриппа, часто контактируем с больными.

– А, понятно. Э-э... насколько я знаю, нет.

Начальник ГМР направился к стойке и присоединился к своим подчиненным. Неужели они ошиблись?

– Вы можете все-таки пойти проверить?

– Конечно.

Он ушел. Амандина рассматривала стойку. Все в свободном доступе, фрукты, йогурты, куски торта, закуски, напитки, хлеб. Только основные

блюда – судки для которых еще пустовали – были защищены закругленным стеклом. Кассы располагались подальше, в конце стойки. Как заметил Жакоб, можно было не только войти в ресторан без чека, но и взять поднос, набрать еды и, например, развернуться, не пройдя через кассу.

Молодая женщина размышляла. Она представляла себе «их человека», имеющего при себе исключительно заразный вирус, крошечную невидимую бомбу. Даже если у него их было феноменальное количество – миллиарды частиц, – они могли уместиться в сосуд размером с булавочную головку. Но он, наверно, растворил их в жидкости, чтобы распространить более эффективно и широко. Он наверняка очень нервничал в окружении полицейских, жандармов, судейских. Как не броситься в глаза? Как выложить вирус *куда-то*, не привлекая к себе внимания?

Она представила себе горячие блюда за стеклом. Добраться до них было трудно, однако именно в эту точку следовало бить, чтобы затронуть максимум народу. Запустить микроб в гигантское блюдо макарон. Вирусы гриппа передаются в основном воздушным путем, через капельки слюны, через аэрозоли. Но частицы вполне могут осесть на руках, а руки мы подносим ко рту, к носу. Вдыхаем вирус через контакт пальцев с дыхательной системой.

Амандина попыталась изобразить жест, достать рукой до виртуальных блюд. Нет, невозможно, надо изогнуться, чтобы дотянуться до них через стекло. Это бы наверняка заметили. И потом, вирусы не очень любят тепло.

Она вернулась к десертам и фруктам. Здесь все было намного проще. Можно было взять еду, потрогать и поставить на место. Достаточно выложить вирусные частицы, например, на яблоко, и заражение гарантировано. Но заразится только тот, кто съест яблоко, – не самый эффективный способ, чтобы охватить максимум человек.

Думай, думай...

Голос повара, который открыл им дверь, оторвал ее от мыслей. Он вернулся из кухни.

– Э-э, вы говорили о больных, – сказал он. – В кухне никто не болен, но один коллега говорит, что есть проблема с персоналом, который убирает и вытирает столы.

Три пары глаз устремились на него. Жакоб закивал: мол, продолжайте.

– Обычно их восемь, а вчера вышли только пятеро.

Амандина поднялась наверх. Большое окно выходило на зал ресторана. Она задумалась: уборщики и клиенты заразились, а повара – нет. Как же действовал «их человек»?

Прошло несколько минут. Жоан поднял глаза на Амандину:

– Кажется, я понял! Иди сюда!

Амандина сбежала по ступенькам. Жоан указывал на лотки с приборами. Молодая женщина ощутила прилив адреналина, внезапно поняв, что он имеет в виду.

– Ну конечно. Ножи, вилки. Это же очевидно. Легко, взяв вилку, выпустить вирус в лоток... И все, кто берет приборы, имеют шанс заразиться. Вирус на руках... Руки у рта...

– Это к тому же объясняет, почему сын Бюиссона не заболел, в отличие от отца. Лотков с приборами несколько. Кому не повезло, те заразились. Радикально, эффективно. Это же какие нужны мозги, чтобы прийти сюда и сделать такое под носом у полицейских. Мы имеем дело не с последним кретином.

– Как подумаю о трупах птиц на Рюгене, мурашки по спине... За всеми этими ужасами есть метод.

Жакоб достал телефон.

– Вы думаете, что уже слишком поздно? – спросила Амандина. – Что мы не сможем остановить вирус?

Пальцы Жакоба судорожно сжали трубку.

– На данный момент мы не задаем вопросов. Нас просят действовать, и мы действуем. Надо подключить коллег, искать больных и тех, кто с ними контактировал. Может быть, этот вирус не выдержит долгой дистанции, может быть... он не передается так легко, как классический грипп, от человека человеку. Может быть... внешние условия не позволят ему выжить. Пока я не хочу больше ничего об этом слышать, и не злите меня, ясно?

Он схватился за голову, потом набрал номер и прижал телефон к уху.

– Когда мы закончим, окажи мне услугу, Амандина. Съезди к Северине Карайоль и выясни, что с ней происходит. Я не могу до нее дозвониться. Мне понадобятся все.

Люси завезла близнецов в ясли и своим ходом добиралась до набережной Орфевр, а Шарко тем временем нетерпеливо ждал Поля Шене в приемной парижского Института судебно-медицинской экспертизы.

Здание из красного кирпича, расположенное на отшибе, на набережной Рапе, было как бы вторым домом сыщиков из уголовки. Прихожей исследований. Здесь вскрывали трупы, утопленников, выловленных со дна Сены, повешенных, попавших под машины, «гнилых», которых находили иногда спустя недели, умерших у себя дома в одиночестве, о чем никто даже не знал. Шарко давно сбился со счета, сколько раз он бывал в этих мрачных коридорах и сколько выпотрошенных трупов видел. Эти ужасы были частью его будней, все равно что покупать утром багет.

Шене вышел за ним, и они, поздоровавшись, углубились в сумрак здания. Шарко давно освоился с трупами, но так и не привык к запахам, пропитавшим стены и висевшим в воздухе. Здесь воняло смертью. Конечно, через пять минут он переставал это замечать, но преодолеть этот рубеж было всегда непросто.

– Надо договориться как-нибудь поужинать у нас. Приказ Люси. У тебя ежедневник при себе?

Шене достал телефон и посмотрел на экран:

– У меня лекции в разных местах и много занятий в университете в эти дни. После новогодних праздников, ладно?

– Забьем вторую субботу января. Одиннадцатое.

– Одиннадцатое? Там что-то намечено у родителей жены, и...

– Восемнадцатое января.

Медик постукал пальцами по сенсорному экрану:

– Записано.

Франк тоже записал дату в свой бумажный блокнотик.

Они вошли в один из многочисленных залов вскрытия. Острые углы, отточенные инструменты, нездоровый блеск металла. Одно из четырех тел, найденных на дне пруда, лежало на столе из нержавеющей стали, освещенное мощной хирургической лампой. Шене взял со стола несколько листов и протянул их Шарко:

– Вот копия первых выводов. Просто записки антрополога, официального заключения еще нет. Но главное здесь.

Лейтенант полиции сложил листки, сунул их во внутренний карман

куртки и устался на кости, которые сложили на столе скелетом. Под лампой были видны кусочки плоти, оставшиеся на черепе, ребрах, бедрах.

– Эксперт основательно поработал над этим, он продолжает с другими, выискивает детали, но уже можно сказать, что мы имеем дело со сходными случаями. В мешке было четыре тела взрослых мужчин кавказского типа. Приблизительный возраст – от тридцати пяти до пятидесяти лет. Примерный рост найдешь на листках.

Шене надел перчатки и взялся за лучевую кость.

– Смотри, плоть была съедена кислотой. Это видно по чешуйчатости корок, а некоторые кости почти сварены.

– Кислота... Радикальное решение.

– Всегда легче избавиться от скелетов, чем от целых тел. И главное, без риска разложения. Такие трупы гораздо труднее обнаружить. Если бы вашего убийцу не застукали, эти кости могли бы пролежать на дне пруда еще много лет. Во всяком случае, кислота – это не та бытовая химия, которую найдешь в продаже. Крутое средство. И потом, понадобились десятки литров на каждое тело. Реакция с плотью была бурной и скверно пахнущей.

Шарко представил себе убийцу в маске и перчатках, выливающего литры кислоты на распростертые на земле тела... Пары, едкий запах от соприкосновения с плотью... Каким чудовищем надо быть, чтобы сотворить такое?

– Трудновато сделать это в квартире.

– Нужно много места, причем укромного. И потом, время, чтобы кислота разъела плоть... Семьдесят кило дохлятины, ты только представь. Он наверняка делал это несколько раз, чтобы прийти к такому результату.

– Тип, который живет в уединенном месте. Или имеет погреб или сад, укрытый от посторонних глаз.

Шарко подумал об уголке, где убийца выбросил мешок: он явно знал эти места. Медон, лес. Должно быть, он все разведal заранее.

– Возможно. Но в подвале вряд ли, из-за сильных запахов и вредных испарений. Соседи бы учуяли. Разве что он действительно живет в уединенном месте. Как бы то ни было, пробы плоти ушли на токсикологический анализ. Идентификационные тесты ДНК скоро придут.

Поль Шене отложил локтевую кость.

– Во всяком случае, ваш парень не церемонится. Кислота, раны другой жертвы и ее собаки. Манипуляции с человеческим телом его не пугают.

– Следов от пуль нет?

– Ни одного не обнаружено. Невозможно определить, как они были

убиты и когда. Это большая загадка. Но относительно свежие, я бы сказал, две-три недели максимум. А вот на одной берцовой кости есть следы незалеченного перелома.

Шене показал пальцем на челюсти:

– У всех четверых зубы в очень плохом состоянии. Некоторые даже выпали уже в мешке. Я запрошу исследование зубных отпечатков, но у меня большие сомнения, что эти типы когда-нибудь посещали дантиста. И посмотри сюда, это очень интересно.

Он указал на ту часть черепа, где еще осталось немного темной плоти и волосы:

– На задних поверхностях видны воспаленные зоны, это означает, что человек постоянно чесался, обычно такое бывает при наличии вшей в волосах. Это встречается в основном на социальном дне. Ты можешь попытаться поискать среди бомжей. Мне приходилось их вскрывать, есть много общего.

Франк удовлетворенно улыбнулся:

– Хорошая мысль. Я свяжусь с ББПЛ^[15], как знать. Отличная работа, Поль.

– Похвали лучше антрополога.

– Сделай это от меня.

Они еще немного поболтали, потом Шарко поблагодарил и покинул паркинг Института судебно-медицинской экспертизы под однообразно серым небом. Это начинало уже давить на психику, этот свинцовый колпак, накрывший столицу, эта сырость, леденившая тело, пропитывавшая одежду.

Полицейский пересек мост Шарля де Голля, миновал Аустерлицкий вокзал и направился в Пятый округ. По дороге он позвонил Жюлю Шапнелю, коллеге из группы исчезновений ББПЛ, базирующейся на улице Шато-де-Рантье, и объяснил суть дела: четыре человека, представители городского дна, пропали в последние недели. Шапнель и его команда насчитывали не меньше трех тысяч тревожных исчезновений в год в одном только Париже. *A priori* у него не было текущих дел, касающихся бомжей, но, может быть, у коллег? Шапнель обещал разузнать, на всякий случай, и отключился.

Двадцать минут спустя Шарко въехал в подземный паркинг близ бульвара Пале и поднялся к набережной Орфевр. Когда он вошел через главный вход и направился к лестнице С, люди, которых он никогда не видел, – медики, судя по халатам, перчаткам и маскам, – выйдя из тени, велели ему идти в свой отдел и не выходить до новых инструкций. Лица и

оснащение могли напугать хоть кого. Шарко вспомнились фильмы о вирусах, и по спине у него побежали мурашки.

Когда он спросил, в чем дело, ему ответили, что идут учения.

Но такого сыщика, как он, провести нелегко.

Шарко сразу понял, что ему лгут.

Франк Шарко и Люси Энебель сидели в офисе уже больше двух часов, не зная, что в действительности происходит. К ним присоединилась Камиль.

Все трое думали об ученых в защитных комбинезонах и о медиках, окопавшихся внутри здания и фильтровавших входы и выходы. Кто эти люди в масках, которые мешают им делать свою работу? Почему ничего им не говорят? Всех руководителей вызвали на срочное совещание с высокими чинами из министерств внутренних дел и здравоохранения.

– Как вы думаете, все это связано с гриппом? – спросила Камиль.

– Да, у меня такое впечатление, – ответил Франк. – Нас всего трое в команде, а должно быть пятеро. Робийяр и Леваллуа слегли. И так во всех отделах. Много сразу, вот что странно. Как ты себя чувствуешь, Камиль?

– Хорошо... Ну, то есть какое там хорошо. Не идет из головы послание в компьютере Николя с тремя кругами. Я думала, что все это похоронено.

Люси, прильнувшая к окну, тоже чувствовала себя не лучшим образом. Никогда она не видела Паскаля Робийяра таким больным. Вчера она отвезла его домой, была с ним в тесном контакте. В машине он всю дорогу кашлял и, хоть прикрывал рот шарфом, вдруг заразил ее?

Шарко встревоженно смотрел на Люси. У него тоже не шли из головы слова, которые произнес Николя. *Когда Человек в черном осуществит Великий Замысел, у вас не будет никаких шансов. Эта история не закончена, и вам нельзя было в нее соваться.*

Была ли связь между этими словами и тем, что происходило сейчас в их коридорах? Телефонный звонок оторвал его от мыслей. Звонил техник из научной лаборатории: ему прислали по электронной почте профили ДНК четырех скелетов.

После этого Франк сделал несколько звонков и послал запросы в НАКГО – Национальную автоматизированную картотеку генетических отпечатков. Это немного отвлекло и помогло скоротать время, а потом поступил еще один звонок, из химической лаборатории. Техника на проводе звали Марк Ланжолье.

– Это по поводу каски с налобным фонарем, которую вы нашли в пруду. Волос на ней нет, и мы не смогли получить ДНК из-за пребывания в воде. Зато, не знаю, заметили ли вы, но каска, изначально белая, приобрела светло-желтый оттенок, она шелушится, если ее поскрести. Мы

проанализировали эту субстанцию, которая наличествует и на фонаре, и на ремешке... Это H_2S : сероводород.

Шарко записал название на уголке листа.

– Газ, который пахнет тухлыми яйцами, это он?

Он посмотрел на Камиль: она незаметно прислушивалась.

– Точно. Встречается в отстойниках, шахтах, колодцах, сточных трубах и желобах. Короче, везде, куда стекают разлагающиеся вещества.

– Наш человек может работать в этой области?

– Газ осел на каске в такой концентрации, что это представляется мне более чем вероятным. И не забудьте о налобном фонаре. Это указывает на что-то вроде сточных труб, туннелей, подземелий.

Шарко подумал о количествах кислоты, понадобившихся, чтобы растворить тела... О густых парах, которые должны были при этом выделиться... Кислоту ведь используют иногда в крайних случаях для прочистки канализации. «Их человек» был связан с промышленной средой, техническим обслуживанием...

– Спасибо. А остальные следы, найденные возле трупа? Мята...

– Листья мяты, да, садовой. Еще мы выбрали рядом с трупом и собакой кусочки губки, которые подвергли спектральному анализу. Мы заключили, что они пропитаны уксусом, абсентом и лауданумом.

– Лауданумом?

– Его называют еще опиумным вином, он существует сотни лет. Его еще можно найти в аптеках в форме капель, хотя используют его редко. Он может быть заменителем жестких наркотиков, например опиума.

– И что же это за смесь лауданума с уксусом и абсентом?

– Не знаю... странный коктейль. Пропитываешь им губку, прижимаешь к лицу, это наверняка здорово бьет по шарам, дает тебе чувство мощи, непобедимости, как опиум.

Шарко поблагодарил и повесил трубку.

– Мята, абсент, лауданум? – заинтересованно повторила Камиль. – Что за дело вы расследуете? Николя мне ничего не говорил.

С Камиль Шарко казалось, что он имеет дело с Люси-бис. Они были очень похожи и, наверно, поэтому так хорошо ладили.

– Потому что это больше не твоя работа, Камиль, и Николя не может рассказывать тебе обо всех наших расследованиях. Есть другие темы для разговоров, поинтереснее, чем рассказы о том, как психопаты убивают людей, тебе не кажется?

Из-за ожидания все слишком нервничали, атмосфера была

наэлектризована. Камиль предпочла уйти в свой угол.

Наконец в общий зал вошел Николя Белланже со свернутыми листками в правой руке. По его лицу все поняли, что новости он принес плохие.

Николя вымученно улыбнулся своей подруге. Камиль было тяжело видеть его таким, озабоченным, встревоженным, усталым. Капитан полиции глубоко вдохнул и начал:

– Все эти люди внизу – из парижского Пастеровского института. У нас было совещание с представителями Министерства здравоохранения и другими чинами, которые ни полслова не сказали о том, что происходит на самом деле. Обстановка быстро накалилась. Мы все знаем, но официально ничего не должно выйти из этих стен. При том, сколько возникает вопросов и как давят журналисты, правительству скоро придется выступить с официальным заявлением.

– Так что же все-таки происходит?

Николя перевел дыхание и сказал:

– Вроде бы кто-то зашел в прошлую среду в ресторан Дворца правосудия и выложил там неизвестный вирус гриппа. Тот самый вирус, который косит наши ряды.

Белланже увидел, как побледнели его коллеги. Камиль застыла. Гнетущая тишина окутала их.

– Неизвестный... вирус?

Люси произнесла это непослушными губами. Она думала о Паскале Робийере... горе мышц.

– Грипп, которого они не знают и от которого, стало быть, нет вакцины. Вроде того, что был в две тысячи девятом году, пресловутый мексиканский грипп. Эта пакость может вызвать пандемию. Леваллуа и Робийяр наверняка им и заразились.

Он рассказал им о вирусе, возможно распространенном в ресторане. Увидел ошеломленные лица. Люси почувствовала, как убыстрился ее пульс. Она сразу подумала о своих близнецах.

– Что нам грозит?

Белланже пробежал глазами свой блокнот. Он пытался все записывать, тоже ошарашенный свалившимися новостями.

– Еще рано строить догадки, но эксперты из Пастера говорят, что симптомы такие же, как у классического гриппа. Некоторые сопротивляются вирусу, другие более восприимчивы, а кое с кем совсем плохо. Несколько больных, в том числе и Робийяр, были госпитализированы, чтобы врачи могли как можно лучше изучить

поведение этого нового вируса и по возможности избежать его распространения.

Шарко встал со стула и облокотился на радиатор. Ладони у него взмокли, ноги были ватные. Его не пугали убийцы, потому что у них было лицо. Но вирус, да еще и неизвестный...

– Они считают, что у этого вируса корни птичьего, свиного и человеческого гриппа. Он вроде как смесь всех трех, а значит, может передаваться от одного вида к другому. Надо знать, что вирусы гриппа постоянно мутируют, реорганизуются, и достаточно неудачного стечения обстоятельств, чтобы появился мутант, способный поражать людей.

Его взгляд стал еще серьезнее.

– Тот, кто распространил вирус, заразил также перелетных птиц на острове, где они садятся тысячами. Это было между седьмым и восьмым ноября. Это стало известно, потому что один лебедь был оснащен передатчиком. Держитесь крепче: наш «убийца» расположил трупы зараженных птиц на этом острове тремя концентрическими кругами.

Молчание. Шарко, Камиль и Люси осенило одновременно.

– Символ из трех кругов. Это он! – воскликнула Камиль.

– Человек в черном... – добавила Люси. – Снова он. Боже мой!

Полицейские в этот момент ощутили, что не просто потерпели неудачу. Они поняли, что дали чудовищу спокойно подготовить западню, которая теперь захлопнулась за ними.

– Вспомните начало послания, которое я от него получил, – сказал Николя. – *Потоп сначала обрушится с неба.* Птицы – это и есть потоп. Они распространяют микроб повсюду, где садятся. И очень вероятно, как говорят люди из Пастеровского института, что эта зараза скоро будет поражать людей. Завтра, через неделю, через месяц... Трудно сказать. Одно несомненно: их не остановить.

Он вздохнул. Взгляд его устремился в глаза Камиль.

– За всем этим стоит один и тот же человек. Тот, кто послал мне ужасное письмо в прошлом году, тот, кто запустил компьютерный вирус, тот, кто распространил грипп. Тот, кто создал нам все эти проблемы. Человек в черном.

Он подошел к своей подруге и попытался ее успокоить:

– Его удар направлен не только на нас. Он посягает на власть. На государство. И очень организованно. Эксперты из Института Пастера и все, кто имеет отношение к здравоохранению, подняты на ноги. Они боятся, что вирус распространится среди населения и возникнет паника. Можно арестовать убийц, но как остановить вирус? Я ничего в этом не понимаю,

но у меня такое ощущение, что зло уже свершилось. Что эти типы, там, внизу, ничего не могут изменить, хоть и пытаются убедить нас в обратном. И вдобавок им придется-таки выступить, оповестить население. Такое дело не замнешь: слишком много больных, слишком много свидетелей, слишком много мер надо принять по отношению к другим странам.

Он выглядел совсем убитым.

– Мой вопрос может показаться странным, – сказала Люси, – но... почему «просто» грипп? Почему не что-нибудь более разрушительное? Эбола там... или я не знаю...

– Еще рано выдвигать гипотезы; они не отвечают на этот вопрос. Откуда взялся этот вирус? Как этот тип его раздобыл? У антитеррористов пришлось слить две команды, так много больных в их рядах. Им приходится реорганизоваться.

– Я видел, действительно в их офисе народу не много, – кивнул Шарко.

Антитеррористы располагались по соседству, в конце коридора. Белланже продолжал:

– Они просмотрят все записи камер видеонаблюдения во Дворце правосудия, особенно у постов охраны. Если тот человек явился в столовую Дворца в среду, он же должен был в какой-то момент войти и выйти.

– Да, но вирус не звенит под рамкой, – вставила Камиль. – К сожалению, этот человек может выглядеть как угодно. Ты думаешь, что действовал сам Человек в черном?

Николя пожал плечами:

– Даже если он, нам это мало что дает. Все, что мы имеем из нашего дела две тысячи двенадцатого: совершенно размытая фотография, сделанная в восемьдесят третьем году в Испании, он весь в черном, с ног до головы. Можно полагать, что ему сегодня как минимум пятьдесят.

Франк Шарко чувствовал, как в нем поднимается гнев.

– Он ли, другой ли, какая разница. Эти паршивцы проникли сюда, в наши стены. Один из них пошел на риск, внедрился к жандармам, полицейским с этой пакостью в кармане. Он мог бы сделать это в аэропорту, в школе... Но нет, ему нужны мы. Он хочет иметь возможность наслаждаться в реальном времени своей... своим...

– Своим творением, – докончила за него Люси. – Художник, который видит, как на его глазах рождается картина. Он не хочет пропустить ни одного этапа. Это, должно быть, истинный бальзам на сердце – видеть, как люди заболевают один за другим, говорить себе, что заражение сработало и ничего нельзя поделать. Что вирус будет продолжать распространяться, что

бы ни предпринимали.

– Специалисты говорят, что наш человек воспользовался нынешним всплеском классического гриппа, чтобы навести тень на плетень. И это сработало, никто поначалу не обратил внимания. Все было тщательно срежиссировано и просчитано. Вирус, птицы... А теперь вмешалась пресса. Никто не может воспрепятствовать журналистам делать свою работу. Они вцепились в здравоохранение мертвой хваткой, бикфордов шнур подожжен. Грипп – это пугает. Все эти рассказы об H5N1, о множестве мертвых птиц, о пандемии. А когда людям страшно...

– Они повинуются инстинкту, – перебила его Камиль. – Становятся неконтролируемыми. Опасными...

Николя раздал всем отпечатанные листки:

– Следом за радостными новостями вот вам документ, который надо заполнить немедленно для Института эпидемиологического надзора. Им нужна информация обо всех, кто контактировал с больными. Внизу налаживают работу врачи, нам дадут лекарства, чтобы затормозить развитие гриппа. Если у нас нет симптомов, никто не мешает нам работать, им не нужен паралич государственных служб, это был бы худший вариант. Все должно выглядеть нормальным в глазах граждан.

Шарко глухо заворчал:

– Нормальным? Ты видел, какой тут бардак? Мой стол завален бумагами, компьютер еще глючит, половина рабочих мест пустует. Нас уже здорово задело.

– И это наверняка еще не все, но меры принимаются. Они раздадут нам маски, которые надо будет надевать при малейшем признаке, чихании или ломоте. Нам все это объяснят. Остановить этого или этих типов стало задачей номер один для уголовки и антитерроризма. Управление внутренней разведки тоже задействовано. Наш отдел – или то, что от него осталось, – особо затронут, в частности из-за письма на коже и, главное, нашего прошлогоднего расследования. Все наши документы и досье, касающиеся этого дела, перейдут в соседний кабинет и во внутреннюю разведку. Все должны быть в курсе.

– Мы все прошерстили. Они ничего не найдут.

– Они хотят получить эти досье, оставим их им. Знай они раньше, забили бы тревогу, обнаружив три круга на острове Рюген, мы не потеряли бы время. Так что будем работать совместно с ними и с учеными из Пастера, это решено и подписано. Защищенный сервер обмена данными будет установлен в нашей сети. Делимся информацией, в пределах разумного конечно. Если мы понадобится Министерству внутренних дел

или здравоохранения для расследования, поиска, вмешательства или не знаю чего еще, мы в их распоряжении. То же и в обратную сторону: мы должны быть прозрачны в наших продвижениях. Короче, работаем в одной упряжке.

– А как работать-то, раздвоиться?

Камиль злилась. Ей хотелось помогать, участвовать, а приходилось сидеть в кабинете, перебирать бумажки и заполнять бланки.

– Я поговорю с окружным комиссаром Ламордье и постараюсь добиться пополнения, – сказал капитан полиции. – Если потребуется, затормозим все текущие дела. Определяем приоритеты, плюем на ненужные бумаги и проявляем расторопность.

Шарко покачал головой:

– Я не хочу оставлять мои скелеты. Еще один буйный псих, вооруженный пятнадцатисантиметровыми ножами, бегает на свободе.

– Может быть, но это не первоочередная задача.

– Ты так думаешь? Убитый бедолага, его пес, четыре трупа, разъеденные кислотой, и убийца, задвигающийся опиумом, смешанным с мятой, недурно все-таки.

– Пойми же, в ближайшие дни и часы может наступить хаос. Заболевших может прибавиться. Коллеги начнут паниковать. Возьми хоть нашего комиссара Берлио... Ипохондрик... Уверен, что завтра мы его не увидим. Такого у нас еще не бывало. Придется приспособливаться. – Он посмотрел на часы. – Черт, уже... Я бегу на совещание с Ламордье, создается антикризисный комитет. Разумеется, повторяю вам, информация не подлежит разглашению. А пока... продолжайте работать как можете, за отсутствующих тоже. Будем надеяться, что больше никто не заболеет. Наши отделы напоминают кегельбан: кегли упали, а машинка, которая ставит их на место, сломалась.

Он посмотрел Шарко прямо в глаза:

– Ты сам это сказал, Франк, виновник всего этого проник к нам. Сюда, в наш кабинет. Он посягнул на наших коллег по работе. – Его взгляд устремился в глаза Камиль. – Он посягнул на нас...

Глаза его блестели злым блеском, который был красноречивее всяких слов.

– Я хочу найти этого мерзавца.

– Думаю, ты не одинок. И это продолжается уже больше года.

Атмосфера была давящая, почти нездоровая. Николя уединился со своей подругой в углу общего зала. Он взял ее за руки:

– Ты пойдешь к врачу, поняла? Будешь строго соблюдать все

предписания, беречь себя. Твой организм еще слаб, этот грипп ни в коем случае не должен тебя затронуть.

Камиль кивнула:

– Я буду осторожна. Обещаю. Если вам понадобится помощь, ты знаешь, что можешь на меня рассчитывать. У меня есть компьютер, могу проводить изыскания. Ты же знаешь, я в этом довольно сильна.

Николя через силу улыбнулся ей:

– Знаю, Камиль, знаю. Дождись меня сегодня вечером, хорошо? Я не хочу, чтобы ты возвращалась домой одна.

Камиль снова кивнула. Руки у нее были холодные. Зазвонил телефон Николя. Камиль украдкой поцеловала его, попрощалась с Франком и Люси и ушла. Белланже ответил на звонок и, отключившись, вернулся к своим подчиненным.

– В компьютерном отделе есть новости о CrackJack, названии, написанном под картинкой вируса. Ступайте туда. Теперь мы его не упустим.

Полчаса спустя Люси и Франк были в компьютерном отделе научной полиции. Отдел находился в двух шагах от набережной Орфевр, но прежде полицейским пришлось заполнить бланки, ответить на вопросы врача и принять противовирусные препараты. В кармане у каждого лежали пять защитных масок в упаковке.

Эксперта, поджидавшего их, звали Гийом Томео. Он годился Шарко в сыновья. За клавиатурой, с мышью, он, казалось, жил в параллельном мире, состоящем из байтов и имеющем свой собственный язык. Он поздоровался с ними и вновь повернулся к экрану. Рядом с компьютером громоздилась пирамида пустых банок из-под кока-колы.

- Так... Мы уработались над этим втроем. Я изложу вам итог.
- Только просто и понятно.
- Попробуем. Darknet – знаете, что это такое?
- Освежите нам память.
- Хорошо. Обычно, чтобы зайти на интернет-сайт, вы открываете навигатор и вбиваете адрес: www.что-нибудь.com – так?
- Пока понятно.
- Сайт вы знаете или находите через поисковик. Нет ничего проще. Но представьте себе теневую сеть, паутину неизвестных, анонимных сайтов, которые невидимы для поисковиков и, главное, недоступны классическим навигаторам. Иначе говоря, у вас нет никакой возможности до них добраться и по ним ходить.

Он кликнул на иконку в виде луковицы, которая выдала заголовок «SCRUB».

- Мы все плаваем по поверхности огромного океана, когда заходим в Интернет. Разве что иногда погружаемся на несколько метров под воду. Заходим на порносайты, смотрим мерзкие видео или, например, общаемся на закрытых форумах, где ведут расистские разговорчики... Учтите, это я не о себе.

- Конечно. Мы поняли.
- Но все это ничто, фигня по сравнению с глубоким вебом. Глубокий веб – это худшее людское извращение. Это помойка человечества, огромный киберрезервуар отбросов. Мы в нашем отделе пытаемся наблюдать за этой территорией, но это очень сложно, сами увидите.

На экране SCRUB загружал сеть. Зеленая полоса перемещалась слева

направо. Шарко сосредоточился на иконке-луковице: на ней были отчетливо видны три concentрических круга. Высветилась надпись: «Welcome to dkw».

– На глубине триста метров, там, куда не проникает дневной свет, мы попадаем в настоящий невидимый мир Сети. Мы не знаем точно, как и кем была создана сеть SCRUB, но в последние годы она неуклонно растет. Ее объем оценивается в миллиарды и миллиарды мегабайт, возможно, больше, чем поверхностный Интернет.

Люси и Шарко быстро переглянулись: слышать об этом им приходилось редко.

– В Darknet «com» и «fr» заменяются на «.oinon». Адреса доступа на сайты-фантомы являются случайным сочетанием цифр и букв, например «eqr5g47690019873.dkw». И штука в том, что благодаря навигатору SCRUB вы ходите на них анонимно. Сложная система, созданная с рождением Darknet, делает невозможной всякую идентификацию. Судите сами, чем это чревато.

Люси с интересом посмотрела на экран.

– Можно заходить куда угодно, не рискуя попасться.

– Точно. И любой может создать недоступный адрес и выложить туда содержимое. Пиратских сайтов полно, надо только уметь до них добраться.

– А как установить этот особый навигатор?

– Вводите его имя в «Гугле» и загружаете. Вот такой парадокс. Он доступен любому в классическом вебе, и в нем нет ничего незаконного. Всякий, кто пожелает, может бесплатно погрузиться в глубины, чтобы встретить там подводных монстров, которые никогда не выходят на поверхность.

Люси подумала о глубоководных рыбах. Чем больше глубина, тем они чудовищнее, словно прямиком из фильмов ужасов.

– Главное – суметь всплыть. Те, кто погружается в Darknet, обычно там остаются. Им там хорошо, покойно, в окружении всех их фантазмов. Все покупается и продается, без всяких границ. Вы найдете там, в частности, педофилию, все мыслимые сексуальные извращения и, разумеется, все, что под запретом. Трафик, терроризм, расправы, заказ убийств...

– Заказ убийств?

– Да, вы можете позволить себе услуги убийцы, если вам надо кого-то убрать.

С ума сойти. Шарко казалось, что он попал на другую планету, когда приходилось слышать такое. Компьютерщик ввел какой-то непонятный адрес с. dkw и кликнул. Появилась страница с линками и пояснениями.

– Вот Википедия Darknet, Hidden Wiki. С этой страницы вы как раз и можете получить доступ к различным очень своеобразным «услугам». Можете купить оружие в прекрасном рабочем состоянии, наркотики, номера банковских карт, массу запретных штучек, чтобы выводить из строя системы безопасности. Электронные ключи, чтобы открывать машины, антирадары, помехи... Инженеры, продажные спецы пашут вчерную на Darknet, потому что здесь крутятся миллионы и миллионы долларов. Это рынок безграничных возможностей.

Все это было выше понимания Шарко. Мир Интернета, электроники не имел ничего общего с тем, чему он научился на земле. У его убийц были руки, ноги, лица, они убегали, когда за ними гнались, им было больно, когда их били, чтобы заставить говорить. А эти – кто они такие? Пальцы на клавиатуре? Тени, затаившиеся за компьютерными серверами в Сингапуре, в Румынии, в российской глубинке, способные, однако, на худшие мерзости? Как до них добраться? Шарко видел перед собой лишь горстку людей вроде Томео, пытавшихся ложкой вычерпать океан.

– Надо знать, что у глубокого веба есть свои коды, своя разменная монета, которую называют биткойн. Вы в полной безопасности покупаете биткойны на легальных сайтах, как покупали бы доллары. Оплачиваете ими услуги в Darknet и перепродаете их за евро или доллары. Все шито-крыто.

Люси покачала головой, ничего не понимая:

– В таком случае почему бы не запретить биткойн, чтобы остановить весь этот трафик?

– Потому что в нем нет ничего незаконного. Его используют сетевые магазины, дистрибьюторы. В биткойнах помещают капитал спекулянты и даже мелкие акционеры. Вы можете менять евро на биткойны, курс меняется каждый день. Некоторые экономисты считают, что это валюта будущего. Единая, универсальная...

Он повернулся к полицейским:

– Вы поняли, что в Darknet нарушители закона ускользают от нас. Наш единственный способ до них добраться – это внедриться к ним. Так мы выходим, например, на сети педофилии. Все основано на доверии, но нужно время... Иногда недели, месяцы, чтобы достать до пиратской сети, добраться до тех, кто прячется за экранами. И когда мы ловим одного, появляется сотня других. Это борьба без конца, настоящее обескровливание, которое все больше затрагивает честных граждан.

Шарко нетерпеливо заерзал:

– Так что же наш CrackJack? Вы можете нам что-нибудь сообщить?

Гийом Томео направил мышку к строчке Hidden Wiki: «Rent a Hacker». Он кликнул. Высветился список из сотен ников.

– Вот список хакеров, к которым вы можете обратиться. Сотни предлагают свои услуги за вознаграждение.

Шарко схватился за голову:

– Как в супермаркете. Боже мой!

Компьютерщик прокрутил мышкой бесконечный список, пока не появился ник CrackJack.

– Вот он. Кликнем на него... Заходим на его страницу, находим условия: сколько стоит, что умеет, как далеко способен зайти. Чтобы связаться с ним, создаем аккаунт и посылаем ему запрос через почтовый сервер Darknet. Все зашифровано, неотслеживаемо, нет никакой возможности добраться до его компьютера. Ни до того, кто предоставляет серверы.

Шарко наклонился к экрану, положив обе ладони на стол. CrackJack был здесь, перед ними, но недостижимый. Он открыто предлагал – но на двухстах метрах глубины – свои вредоносные услуги. В том числе «разрушить чью-то жизнь» или еще «взломать компьютерную сеть предприятия».

– Кто-нибудь прибегал к его услугам, чтобы создать и распространить компьютерный вирус?

На странице CrackJack Томео кликнул на иконку, изображавшую чашу: его трофеи. Появилась страница с десятком строчек.

– Никаких сомнений... CrackJack не просто хакер, у хакеров все же есть подобие этики. Это «Cracker», настоящий компьютерный преступник, следующий только логике разрушения и наживы. Сказать, что этот тип – мерзавец худшего пошиба без всякой совести, значит ничего не сказать. Если «очеловечить» его поступки, их почти можно сравнить с действиями серийного убийцы. CrackJack *и есть* серийный убийца компьютерных данных, разрушитель человеческих жизней через Сеть. И подписывает он свои вирусы и свои действия потому, что гордится ими. Большинство компьютерных пиратов нуждаются в признании.

На странице CrackJack выкладывал перечень своих атак. Взломанные серверы, обнародованные базы данных и банкротство мелких предприятий. Он также создал полгода назад троянского коня, чтобы получить личную информацию о частных лицах: номера банковских счетов и т. д. Этот тип, должно быть, разорил сотни людей, сломал много жизней...

В последней строчке значилось: «Атака на сервер криминальной полиции».

Этот мерзавец еще и похвалялся, что вывело Шарко из себя.

– Сколько нужно времени, чтобы создать вирус?

– Несколько недель, а то и месяцев.

– Как обнаружить эту пакость?

– В том-то и проблема. Его не обнаружить. Я же вам сказал, все анонимно. Единственный способ прижать его – это увидеть его физически, скажем встретиться... Но... такой тип никогда не покинет свое логово. Они хитрецы.

Шарко выпрямился:

– Это все?

– Все. Я не волшебник, простите.

– Ладно... Все равно спасибо. И если появится что-то новое...

Поблагодарив его, двое полицейских вышли из здания. На свежем воздухе им стало лучше. Шарко посмотрел на Сену, спокойно катившую свои воды, задумался и повернулся к Люси:

– Мы бессильны. Можем только констатировать ущерб. Наши коллеги болеют, вирусы распространяются. И некого ловить, ни отпечатков не снимешь, ни свидетелей не допросишь. Только призраки, типы за экранами. Черт, неужели я слишком стар? Кому мы нужны с нашими пушками?

Люси чувствовала, до какой степени Франк зол. Все это – Интернет, невидимые вирусы – было не его. Ему надо было ощущать почву под ногами, устремляться во тьму в погоне за существами из плоти и крови.

– Они просто очень хорошо организованны, даже лучше, чем во всех наших прежних делах. Они снуют в глубинах, как крысы. Затаились во тьме, они очень терпеливы. Но... даже на дне нужен лучик света, чтобы ориентироваться. Этот лучик – их слабина. Наше дело ее найти.

– Раз уж мы заговорили о свете, я все-таки хочу внести ясность в эту историю. Итак, если вкратце, кто-то обращается к CrackJack в Darknet и просит создать компьютерный вирус, верно?

– Да. И связался с ним, по всей вероятности, Человек в черном.

– Этот вирус он распространяет в наших компьютерных сетях, и появляется послание, предупреждающее нас о потопе.

– *Потоп сначала обрушится с неба, потом Апокалипсис выйдет из недр земли...*

– Когда наши компьютеры заразились? – спросил Франк.

– В понедельник.

– Это примерно совпадает с распространением вируса гриппа в прошлую среду. Появляются первые случаи, и одновременно на нас

обрушивается компьютерный вирус.

– Точно. CrackJack и Человек в черном связаны, они общаются, они согласовали эти две операции. Они близки...

– Близки и далеки одновременно. Как сказал Томео, они, может быть, никогда не виделись.

– Или виделись.

– Короче, у нас нет никакой возможности это узнать. И это меня раздражает.

Эти размышления прервал звонок телефона Франка. Он ответил:

– Шарко...

– Привет, это Шапнель. Я тут поузнавал насчет твоего запроса об исчезновении бомжей. Была жалоба три недели назад.

Шарко насторожился. Наконец-то хоть какая-то конкретика.

– Слушаю тебя.

– Станный звонок из Речной бригады. Один клошар утверждал, что двое его соседей исчезли. Жалобу все-таки зарегистрировали, коллега сходил на место, чтобы констатировать, не более того. Тип был пьян, нес какую-то ахинею. Послушать его, двух его соседей унес человек в черной одежде с огромными металлическими когтями. Конечно, никто не принял это всерьез, и...

– Это интересно.

Северина Карайоль не отвечала ни на звонки, ни на сообщения, которые Амандина посылала ей уже битый час.

В метро Амандина переваривала эпизод с рамками Дворца правосудия. Крошечные капельки слюны на ее лице... это длилось десять секунд, но и их, возможно, было много. Больные гриппом из Дворца правосудия тоже наверняка проходили через эти рамки. Они могли говорить с жандармом на посту и заразить его.

А что, если и она теперь носит в себе этот вирус? Что, если он, вот прямо сейчас, размножается в ее организме, цепляется за ее клетки, пытаясь их разрушить? Молодая женщина достала противовирусную таблетку и проглотила ее. Лучше превысить рекомендуемую дозу, чем подцепить эту пакость и принести ее в лофт.

Как будто уловив ее мысли, Фонг позвонил ей узнать, как дела. Амандина объяснила ему, что все сложно, что, судя по всему, затронуто самое сердце французской криминальной полиции. Про эпизод с маской она ему не рассказала. Ей надо было еще подумать над решением, которое придется принять, вернувшись домой.

– У меня тоже нет хороших новостей, – ответил Фонг. – Поступают данные из SHOC Room. Птицы продолжают умирать все дальше отсюда. Теперь уже на Аквитанском побережье и в Ландах. Очагов много. В Интернет поступают депеши агентства Франс Пресс. Вирус распространяется, и слухи тоже. Думаю, на этот раз надо готовиться к худшему. H1N1 и страх, который он несет с собой, я бы сказал, уже в пути.

– Жакоб думает, что еще не поздно. Он надеется, что вирус передается хуже, чем сезонный грипп, и не распространится широко среди населения.

– Чертовски оптимистично, как поглядишь, что происходит с птицами.

– Может быть, с людьми все сложнее?

– Надеюсь. Увидимся вечером, Амандина. Я думаю о тебе, хочу к тебе прижаться. Все это очень страшно.

Амандина ответила, чуть помедлив:

– Я тоже думаю о тебе. До вечера.

Она отключилась и печально задумалась. Фонг с одной стороны, вирус с другой. Две противоположные темы. Два заклятых врага.

Порт-Сен-Клу, Западный Париж. Через сорок минут Амандина уже бежала по авеню Пьер-Гренье. Северина жила в маленькой безликой

квартирке близ Исси-ле-Мулино. Лаборантка была женщиной скромной, замкнутой, неразговорчивой, стеснялась своих округлостей и редко выходила. На памяти Амандины у нее не было мужчин, только в последнее время появился Патрик Ламбар, врач, который ее, похоже, жестоко бросил.

Эта сердечная рана, возможно, объясняла отсутствие молодой женщины?

Да, но подвести нас в трудную минуту...

Амандина позвонила в домофон и, не получив ответа, стала нажимать все кнопки подряд. Кто-то открыл, и она поднялась на третий этаж. Постучала в дверь – безуспешно. Снова позвонила по телефону. Звонок внутри квартиры подтвердил то, что думала Амандина: Северина здесь, закрылась у себя.

– Открой, Северина. Это я, Амандина.

Ничего. Ни звука. Амандина постучала настойчивее и повернула дверную ручку.

Дверь была открыта.

Она вошла в прихожую, направилась к гостиной. Северина любила строгость. Все в белых и светло-серых тонах, старая мебель, бетонный пол. Никаких украшений, только несколько статуэток, привезенных ею из поездки в Африку. Амандина заметила шоколадные конфеты на журнальном столике: Северина всегда приносила их с собой в лабораторию, это была ее слабость. И повсюду валялись диски. Классика, которую она иногда слушала в наушниках на рабочем месте. Одна коробка возле музыкального центра была открыта. Гектор Берлиоз, «Осуждение Фауста». Амандина знала эту часть мифа: Фауст в отчаянии, он одержим «недугом века», неспособностью достичь счастья. Появляется Мефистофель и убеждает его последовать за ним в приключение, чтобы вновь обрести удовольствия жизни...

У Амандины сжалось горло. Слишком мрачно, такую музыку не будешь слушать в праздники, скорее с ксанаксом в руке. Вернувшись в прихожую, она нашла мобильный телефон на обувном шкафчике.

– Северина?

Амандине было не по себе. Слишком неподвижно, слишком тихо все вокруг. Если Северины нет дома, почему она оставила дверь открытой и телефон в квартире? С комом в горле Амандина направилась в спальню.

Пульс участился. Затем последовал шок.

Северина лежала неподвижно, скорчившись на постели. Густая пена покрывала ее губы. Рядом – следы рвоты, открытые коробочки с лекарствами, разбросанные капсулы.

Амандина с криком бросилась к ней. Прижала пальцы к ледяной шее молодой женщины.

Пульса не было.

Мертва.

Амандина попятилась, остолбенев.

Справа от тела лежали листок и ручка.

На бумаге большими буквами было написано одно-единственное слово.

Шарко припарковался на набережной Сен-Бернар, рядом со штаб-квартирой Речной бригады.

Выйдя на воздух, он сделал глубокий вдох, словно чтобы очиститься от всех микробов, которые мог вдохнуть в коридорах уголовки. У него все еще не укладывалась в голове эта история: занесенный грипп, компьютерный вирус, Человек в черном, не спускавший с них глаз.

Убийцы развивались так же быстро, как и технологии, они адаптировались к их миру, к чудовищным возможностям, которые он давал. У Шарко волосы вставали дыбом всякий раз, когда он думал о том, что рассказал им эксперт-компьютерщик, об этом страшном ералаше, где могли гнездиться худшие злодеяния, где действовали в тени извращенцы, хакеры, преступники нового типа. Подумать только, что любому теперь открыт туда доступ! Darknet был туманностью, которая неуклонно росла и втягивала все больше материи.

Вдобавок на набережной Орфевр дела шли из рук вон плохо и обстановка была накалена донельзя. Отделы были словно парализованы изнутри, некоторые сыщики боялись, но большинство бесились. Вот уже несколько часов в кулуарах только и говорили что об этой истории, пытались выяснить подробности, понять. Текущие дела застопорились.

Шарко шел по плавающим мосткам, которые вели к большому белому монолитному блоку. Катера «Зодиак» и одна моторка покачивались на волнах, гидрокостюмы сушились на веревках, натянутых на палубе. Полицейские из Речной бригады в буквальном смысле жили на воде. Они могли нырять, обследовать дно, водить любые плавсредства. Сена была полна сокровищ – трупов, машин, мебели – и являлась также отличным путем для всевозможных преступных комбинаций.

Офицера, который беседовал с бомжом, сообщившим об исчезновении двух своих соседей, звали Кристиан Турбье. Поскольку он уехал до вечера в связи с трафиком произведений искусства, переправлявшихся по каналам, Шарко встретил его коллега Жереми Клански.

Клански был белокурым великаном с крепкой хваткой и сморщенной кожей на руках, точно у кота, лишенного шерсти. Он угостил лейтенанта кофе, после чего они вышли вдвоем к реке, к слиянию Сены и канала Сен-Мартен. Набережная Рапе с внушительным зданием Института судебно-медицинской экспертизы, откуда Шарко вышел всего несколько часов

назад, находилась как раз напротив.

Клански указал на мост Морлан, обозначающий вход в порт Арсенал.

– Бомж, который приходил к Кристиану, живет возле шлюза, вон там, в нишах технических помещений или под мостом.

Шарко присмотрелся. Несмотря на дневной свет, там царила полная тьма, так низко нависали арки моста. Наверху здания было написано золотыми буквами: «КАНАЛ СЕН-МАРТЕН ПОРТ ДЕ ПЛЕЗАНС ПАРИЖ-АРСЕНАЛ».

– Местечко там темнее некуда, – продолжал полицейский из Речной бригады. – Солнце туда никогда не заглядывает, и люди не заходят, разве что бомжи. Обычно тут бывают только заплутавшие туристы да храбрые спортсмены бегают по набережным. Идите гляньте, наверно, найдете его. Кристиан сказал, что его зовут Жаспер и с ним старая собака.

– Хорошо.

– Хотите, я вас провожу? Место небезопасное, и...

– Ничего, я сам.

Шарко пешком пересек Аустерлицкий мост и пошел по бульвару Жорж-Помпиду. Над поверхностью воды можно было разглядеть великолепные здания острова Сен-Луи, довольных туристов на прогулочных теплоходах и знаменитые парижские памятники.

Но там, внизу, были грязь, нищета, алкоголь, кокаин и героин. Париж на двух скоростях. Слева выстроились в ряд у обоих берегов прогулочные теплоходы. А за полосой воды раскинулся квартал Бастилии. Несмотря на оживленность пролегавших поблизости больших проспектов, это место казалось отрезанным от мира.

Справа темнел шлюз, и на заднем плане длинный туннель уходил под мост Морлан.

Полицейский двинулся в этом направлении и обошел шлюз по узкому берегу. Таблички гласили, что проход запрещен. По обеим сторонам канала – бетонные ниши, фонари, разрушенные ограды, винтовые лестницы, которые вели в зоны технического обслуживания. Хаотичная, бесполезная, запущенная архитектура. Поодаль Шарко увидел сваленные коробки, мешки с тряпьем и человеческую фигуру у облупленной стены. Два безмолвных глаза на опустошенном улицей лице смотрели на него не мигая.

– Я ищу Жаспера.

Человек пожал плечами, возможно, не понял с пьяных глаз. Шарко продолжил поиски, провожаемый враждебными взглядами бродяг под кайфом. У каждого из них был свой угол, своя территория, на которую лучше было не заходить. Полицейский задумался, бывают ли хоть иногда социальные службы в этом мрачном месте.

На его вопрос «Где Жаспер?» так никто и не ответил.

Очень скоро силуэт его скрылся во мраке, воздух пропитался запахом мочи. Вверху погас огонек сигнализации. Еще таблички предупреждали, что берега опасны, что вода может быстро подняться. Гавкнула собака; ее лай гулко отдавался от бетонных сводов туннеля. Шарко пошел на звуки. Толстые трубы тянулись над его головой. У воды температура понизилась, зыбкая поверхность была черна, словно отравлена печалью.

Земля под ногами завибрировала, полицейский втянул голову в плечи, словно на него могло обрушиться небо. Это просто проехал поезд метро, неподалеку находилась станция «Набережная Рапе». Институт судебно-

медицинской экспертизы был прямо над ним. Телам несчастных бродяг путь предстоял недолгий.

– Впечатляет, ага... А привыкнешь – и вовсе перестаешь его слышать.

Франк повернулся на голос. Человек с серым лицом лежал в нише, сливаясь со стеной. У его собаки, дворняги с жесткой грязной шерстью, едва хватило сил гавкнуть раз-другой. Доходяга, как и ее хозяин, но верный пес. Шарко спросил себя, кого, человека или собаку, первым ждет гибель.

– Жаспер?

Клошар достал бутылку из старой картонной коробки и надолго присосался к горлышку. Окутывавший его запах был невыносим, наверно, даже хуже запаха смерти.

– Я отсюда не двинусь. Ты и все, проваливайте на хрен.

– Я пришел поговорить о двух твоих соседях, которые исчезли.

Густая борода, опухшие глаза, впалые щеки – у этого человека не было возраста. Пожалуй, лет пятьдесят. Но могло быть и на десять меньше.

– Был я у этих придурков-полицейских, там, напротив. Никто мне не поверил, всем плевать.

– Я придурок-полицейский, и мне не плевать.

Нагнувшись, Шарко протянул ему снимок четырех скелетов. Он был сделан на берегу пруда. Кости лежали на синем брезенте, и были хорошо видны черепа с остатками волос.

– Два твоих дружка, надо думать, на этом снимке, и не в лучшей форме. Их нашли на дне пруда в Медонском лесу. Тела были сожжены кислотой. Так что буду рад, если ты расскажешь мне, что произошло.

У Жаспера, наверно, были когда-то красивые голубые глаза, но цвет радужек давно поблек. Как будто вылинял.

– Что с ними случилось? За что с ними это сделали? А два других кто?

– Неизвестно. Я пришел, чтобы попытаться понять.

Еще несколько долгих секунд Жаспер смотрел на снимок, потом выпрямился. Вонь ударила в ноздри. Пустая бутылка откатилась и чуть не упала в воду. Клошар взял старый фонарь, висевший над его скарбом, зажег, постучал по нему. Крошечная лампочка загорелась слабым светом.

– Темноты не боишься?

– Ничего, переживу.

– Тогда пошли.

Шарко и Жаспер поднялись по винтовой лестнице и спустились на другой берег. Бомж шел с трудом, его тело напоминало старый узловатый корень. Он дотащился до металлической двери посреди туннеля. Она была помята и изрисована. В вонючем закуте в два квадратных метра лежала человеческая фигура. Осматриваясь вокруг, глядя на этих бедолаг, скукожившихся в нишах, Шарко думал о нищете, проникавшей, точно сырость, в каждую дыру, каждую выемку. Жаспер пнул спящего ногой в бок. Это был старик с черными зубами.

– Подними-ка задницу.

Жаспер вышел из закута, ожидая, когда выползет старик.

– Я ему говорил, чтоб не спал здесь. Что здесь опасно после того, что случилось. Но думаешь, он меня слушает, этот недоумок?

Старик и не думал протестовать. Он выбрался наружу и сел поодаль, в нескольких метрах, у воды, болтая ногами. Жаспер показал на другой берег:

– Я был там, напротив, где ты меня нашел, когда это случилось. Темной ночью. Мало что было видно, признаться, но я-то знаю, что видел... Да уж, знаю... Слушай, сигаретки не найдется?

– Я не курю.

Жаспер достал из кармана окурок и прикурил от зажигалки.

– А надо бы. В общем, эти двое дружками моими не были, так, болтали иногда. Арман жил в этой нише два или три месяца, а второй молодой, не знаю, как его звали, и откуда пришел, не знаю. Новенький, Арман, хотел его выставить, но не тут-то было. Молодой занял нишу, а Арман остался снаружи. Даже в воду однажды свалился, когда спал, старый осел.

Он пожал плечами и затынулся.

– Такие вот у нас дела... Джунгли, кто сильнее, того и закон.

– Что же произошло в ту ночь?

– В нише был свет и вроде металл гремел. Сказать по правде, я мало что разглядел, был под... устал, да и глаза у меня уже не те. Но я видел, как кто-то тащил Армана и его скарб в нишу. – Он посмотрел Шарко прямо в глаза. – Кто-то весь в черном, в чем-то вроде платья, с длинным клювом, загнутым, как у ястреба. И еще... Еще... – Он повернул руки ладонями к себе. – У него были огромные когти на обеих руках. Правда-правда, кроме

шутки, мне не померещилось. Такие штуки запросто разорвут тебя на кусочки. Тип, может, вырядился орлом. Птицей несчастья. Но я решил, что это демон... Демон, явившийся из тьмы, чтобы забрать их обоих.

Шарко позабыл о вони. Жаспер подсек его, как заправский рыбак.

— А что было потом?

— Они исчезли. И Арман, и молодой, и весь их скарб. Как будто и не было вовсе. — Он помахал руками. — Пфф, испарились. Откуда только взялся этот человек-птица, я не видел, как он пришел, не видел, как ушел. Он унес их в ад, я тебе толкую.

Шарко огляделся. Подойти сюда можно было только по узкому берегу, ведущему в порт.

— Как он мог исчезнуть?

Жаспер помолчал, задумавшись.

— Есть одна возможность, парень. Иди глянь.

И Жаспер вернулся в крошечный закут. Шарко, задержав дыхание, вошел следом. Бомж сдвинул картонку и показал круглый водосточный люк.

— Канализация. Я уверен, что оттуда вышел человек-птица и туда их утащил.

Шарко почувствовал, как участился у него пульс. Следы сероводорода, найденные на каске и налобном фонаре. В канализации его наверняка полным-полно.

— Когда они исчезли, я все-таки наведалься сюда, глянуть... Здесь пахло... Не канализацией воняло, а чем-то приятным.

— Мятой?

— Ага, точно. Мятой.

Франк молча вздохнул. Все более странное дело, и все более мрачное. Он нагнулся и попытался сдвинуть крышку люка, но тщетно. Жаспер достал из кармана выкидной нож. Он улыбался почти беззубой улыбкой.

— Тут без этого никак, если ты понимаешь, о чем я...

Он всунул лезвие между крышкой и чугунной рамой и нажал на нож, как на рычаг. Круглая крышка сдвинулась достаточно, чтобы Шарко мог поддеть ее пальцами и приподнять. В лицо повеяло теплом. Затхлым запахом ада.

— Кто-нибудь спускался туда после их исчезновения? Полицейские?

— Эти-то? Спятил, что ли? Да они сюда едва заглянули. Вот уже месяц я здесь, никто туда и носа не совал. Даже ребята из техобслуживания.

— А ты ничего необычного здесь не видел до их исчезновения?

Тот покачал головой:

– Нет, вряд ли. Не знаю. Аж мороз по коже от всего этого.

Он показал на старика, скорчившегося на берегу:

– А этот спит здесь, прямо на крышке... Если с ним случится беда...

Если его утащит демон...

Он шмыгнул носом и высморкался в рукав.

– Чего этому демону от нас надо? Мы не сделали ничего плохого.

Шарко заглянул в черное отверстие. Вниз вели скобы-ступеньки.

– Вы легкая добыча. Если бомж исчезнет, это часто остается незамеченным. Всем плевать. Вот и доказательство.

Во взгляде Жаспера мелькнула грусть. Шарко на долю секунды задумался, как он жил раньше и как дошел до жизни такой, но решил отложить чувства до лучших времен.

Он протянул руку:

– Дай-ка твой фонарь.

Он взял его кончиками пальцев.

– Я спускался туда не далее как на прошлой неделе, – объяснил Жаспер. – Пытался понять.

– И что? Видел что-нибудь интересное?

– Далеко не ушел. Иди глянь, сам поймешь.

Полицейский заглянул в люк. Внизу было, похоже, сухо и относительно «чисто», если только не касаться стен. Поколебавшись, он начал спускаться, стараясь не запачкать костюм. Перепрыгнув через три последние ступеньки, он приземлился на ровный сухой пол.

Ему показалось, что он видит ту же картину, что на поверхности, только под землей: параллельные берега, черные воды в глубине, бесконечные туннели. Он стоял у развилки, от которой уходили два коридора в разных направлениях. Фонарик давал слишком мало света, чтобы сунуться в этот лабиринт.

Он вздохнул. Потемки, подземелья... то же, что и Darknet. Казалось, эти существа, за которыми он гонялся, жили под землей или вышли прямоком из недр ада.

Жаспер склонился над люком:

– Я шел минут пять или больше только вдоль канала, в одном направлении. Туннели, коридоры во все стороны. Запросто заблудишься и никогда больше не выберешься оттуда. Ворон этот окаанный, он мог утащить их куда угодно, на километры и километры. Этот ворон – птица смерти, парень. Ты нашел скелеты, значит он их сожрал, склевал, падла.

Шарко огляделся, светя в темноту слабым фонариком. Слишком длинные, слишком запутанные коридоры, чтобы хоть что-нибудь найти. Их

человек похитил двух бомжей, должно быть, он перенес их одного за другим. Но куда? Выбрался ли он с телами на поверхность или, наоборот, углубился в эту тьму? С какой целью?

Что за психопат мог разгуливать, переодевшись птицей, в таком месте? Во всяком случае, их человек хорошо знал сеть подземной канализации. Шарко вспомнилась каска, найденная в пруду. Может быть, похититель здесь работал?

Надо будет разузнать, что делается в этих подземельях. Кто здесь трудится? Существует ли карта здешней канализации? У полицейского был знакомый в парижской мэрии, который наверняка мог дать ему нужную информацию. Придется копаться в дерьме, во всех смыслах слова. Но Шарко напал на след, он это знал. Теперь он мерзавца не упустит.

Полицейский выбрался на поверхность и вытер руки бумажным платком. Снова проехал с оглушительным грохотом поезд метро, заскрежетали тормоза по металлу. Он достал из бумажника пятьдесят евро и дал Жасперу. Второй бомж, сидевший на берегу, узнал шорох банкноты и протянул руку. Жаспер спрятал деньги в карман и снова пнул его ногой под зад.

– Иди-ка ты в свою дыру.

Он повернулся к Шарко:

– Заходи, если что.

– Ты нас еще увидишь. Надо будет снять с тебя показания для следствия. Мои коллеги или ребята из комиссариата Четвертого округа наверняка скоро зайдут. Так что ты отсюда ни шагу.

– Куда я денусь. – Он раскинул руки. – Здесь же рай.

Рай... Кивком поблагодарив его, Шарко пошел к свету.

Когда он вышел на бульвар Помпиду, зазвонил его телефон.

Это была Люси.

Ей сообщили, что кто-то из членов команды, охотившейся за H1N1, покончил с собой.

Франка Шарко удивила вся эта суета в доме, где находилась квартира Северины Карайоль. Соседи выглядывали из-за дверей, входящие и выходящие задавали один и тот же вопрос при виде полицейских и криминалистов в форме: «Что случилось?» Сыщики старались быть как можно незаметнее, но при таком их количестве это было трудно.

В последние два дня Шарко чувствовал, что события выходят из-под контроля. Вот и теперь – явное самоубийство лаборантки Института Пастера на фоне риска пандемии неизвестного гриппа. Словно костяшки домино, которые падают одна за другой, и их не остановить.

Он поднялся к квартире, где разыгралась драма, показал свою карточку полицейскому, и тот открыл ему дверь. Люси, Николя, Бертран Казю, один из лейтенантов другой группы уголовки, и какой-то тип, которого он никогда не видел, разговаривали в углу гостиной. В других комнатах суетились парни в стерильных комбинезонах. Делали снимки, снимали отпечатки, опечатывали лекарства... Молодая женщина с очень короткими рыжими волосами, прилипшими к голове, сидела на диване со стаканом воды в руке. Она подняла на него взгляд, полный грусти.

Николя Белланже увидел своего лейтенанта и представил ему незнакомца.

– Франк, это Александр Жакоб, начальник ГМР, Группы микробиологического реагирования, Пастеровского института. А Бертран поможет нам немного, пока Робийяр и Леваллуа больны.

Шарко крепко пожал руки. Сорокасемилетний Бертран Казю обычно работал в другой команде уголовки. Был он человек рассудочный, но работу на земле любил. Семнадцать лет отпахал в полиции, из них довольно долго в Финансовой бригаде. Как и Шарко, он был в костюме, куртке и узком коричневом галстуке, который очень шел к его светлым волосам и голубым глазам. Эти двое друг другу нравились, и им уже случалось работать вместе.

Николя показал на сидевшую поодаль женщину:

– А это Амандина Герен, она работает под началом Жакоба. Это она обнаружила тело и позвонила нам.

Амандина приветствовала его взглядом, Шарко ответил тем же. Красивая женщина, довольно высокая, с молочно-белой кожей. Она выглядела пришибленной, в шоке. Шарко не понял, почему на ней

бумажная маска. Бросив взгляд на Люси, он повернулся к Николаю:

– Самоубийство, таблетки, насколько я понял?

– Похоже, да. Северина Карайоль, тридцать три года, работала в ГМР пять лет лаборанткой при Национальном центре изучения гриппа. Это она первой анализировала образец H1N1, который кто-то – теперь микробиологи в этом уверены – занес в ресторан Дворца правосудия.

Он показал ему листок, запечатанный в прозрачный пластик.

– Это было рядом с ней на постели.

– «ПРОСТИТЕ»... Это все, что было написано?

Белланже кивнул. Почерк был дрожащий, слово написано явно с трудом. Карайоль, должно быть, уже уходила, наглотавшись лекарств. Зазвонил мобильный Жакоба. Он извинился и отошел, чтобы ответить на звонок. Выглядел он так, будто ходил по раскаленным углям. Нервный, лицо осунувшееся.

– Да, это все, и это ставит перед нами большой вопрос. Кому адресовано послание? И главное – связано ли ее самоубийство с тем, что сейчас происходит? Такое совпадение событий наводит на мысли. Жакоб говорит, что Карайоль имела постоянный доступ к штаммам вирусов гриппа. Обработать их, анализировать – это были ее рабочие будни.

Амандина встала и подошла к ним:

– Я не могу поверить, что она в чем-то замешана.

Она старалась оставаться в пространстве, огороженном службой криминалистического учета.

– Я хорошо ее знала, мы учились на одном курсе, обедали вместе время от времени. В последние недели у нее было сердечное горе. Может быть, дело в этом?

– Не беспокойтесь, мы во всем разберемся. Вас не затруднит побеседовать с лейтенантом Энебель? Она задаст вам несколько вопросов.

Амандина посмотрела на Люси и кивнула:

– Хорошо.

– Пойдемте на кухню, – предложила Люси. – Там есть стол, два стула...

Вернулся Жакоб:

– Я должен вас оставить, уйма дел. Везде засуетились. Вирус, пресса... Я буду на связи, и Амандина в вашем распоряжении на случай, если до меня не дозвонитесь.

– Нам, разумеется, придется задать вам вопросы о Северине Карайоль. А также тем, кто работал с ней каждый день. И посетить лабораторию, где она работала. Наверно, сегодня.

– Понимаю, я все для вас подготовлю. Надо принять особые меры предосторожности и выправить разрешения на вход в Центр изучения гриппа.

– А насчет вируса? Его распространения? Можете сообщить нам что-нибудь новое?

– Все службы здравоохранения мобилизованы, пытаются идентифицировать всех тех, кто был заражен в ресторане, и максимально избежать распространения.

– Возможно ли остановить вирус?

– Среди птиц – нет. Со случаями во Дворце правосудия все усложняется с каждой минутой. Вот сейчас анализируют поведение вируса, его силу и способность заражения. Делается масса подсчетов, анализ статистики... Обнаруженные случаи берут в кольцо, то есть ставят им барьер, пытаются остановить распространение. Предупреждают, раздают лекарства...

Николя кивал, хоть и не очень понимал, как можно остановить такой микроб. Но он ничего в этом не смыслил, а эти люди, должно быть, знали, что делали.

– ...Есть и хорошие новости, вирус не содержит генетического кода, подобного испанскому гриппу восемнадцатого года и гриппу, повлекшему пандемии в пятьдесят седьмом и шестьдесят восьмом. Иначе говоря, это, к счастью, не грипп-убийца. К тому же он, кажется, восприимчив к антивирусным препаратам, большой запас которых хранится в ВОЗ и которые в случае необходимости раздадут по аптекам.

– Уже что-то.

– Больных просят оставаться дома, носить маски, все врачи и медперсонал на ногах. Как бы то ни было, и в частности из-за птиц, специалисты начинают работать над вакциной. Мы не поскупимся на миллионы доз и колоссальные расходы. Но эта работа потребует несколько месяцев до стадии испытаний и производства. Вакцина появится не завтра.

Перед тем как уйти, он добавил:

– Я от всего сердца желаю, чтобы... смерть Северины не была связана с тем, что происходит. Она была девушка скромная и честная. Никогда не лукавила. Это была бы катастрофа из катастроф, со всех точек зрения. Для нас, для Института Пастера, для всего мира биобезопасности.

Когда он ушел, Николя достал свою электронную сигарету.

– Я все думаю, что бы было, будь этот вирус смертельным. Аж мороз по коже... Кстати, я тут разузнал новости о Робийяре и Леваллуа.

– Как они?

– Леваллуа выкарабкивается, ему получше. Робийяр в больнице под наблюдением, с температурой сорок, совсем плох. Он все-таки сумел произнести несколько слов: «Поймай этого сукина сына». Или что-то в этом роде, тут не до тонкостей.

Офицер службы криминалистического учета сообщил, что тело можно унести. Николя, уже получивший зеленую улицу от заместителя прокурора, дал разрешение.

– Две секунды, – попросил Шарко.

Лейтенант полиции направился в спальню. Запах смерти стал сильнее. Труп лежал посреди кровати. Карайоль, похоже, вырвало кровью. Ее губы и ногти были розово-лиловые. Полицейский обвел комнату взглядом, проникся атмосферой, чтобы занести сцену на страницу 242 своего *мысленного блокнота ужасов*. По крайней мере, Северина Карайоль будет запечатлена в его голове. За его спиной ждали двое мужчин из похоронной службы.

– Можно.

Через несколько минут тело исчезло в черном мешке и отправилось в Институт судебно-медицинской экспертизы. Еще один труп в хозяйстве Шене, который займется им с присущими ему рвением и скрупулезностью. Он сможет сказать, самоубийство ли это, или тут кроется что-то другое. Шарко вернулся в гостиную:

– Тридцать три года. Печально.

– Печально, да. Ты останешься на обыск с Бертраном? Мне надо вернуться на Орфевр.

– Хорошо.

Николя указал на ноутбук, стоявший на письменном столе.

– Компьютер не трогайте, я пришлю за ним техника из компьютерного отдела. Есть еще мобильный телефон, вон там, но он на коде. Надо покопаться в ее личных данных. Понять, кто она была...

– Ладно. Но мне все-таки надо поговорить с тобой о другом деле.

– Что за другое дело?

Пронзительный взгляд Шарко.

– А, твои скелеты...

– Ага, мои скелеты.

– Что-то новенькое?

– И немало.

– Позвони мне, потолкуем...

И его как ветром сдуло. Шарко и Казю дождались, пока квартира опустеет, и после ухода службы криминалистического учета принялись за

работу.

Лишившись жизни при неясных обстоятельствах, Северина Карайоль тем самым лишилась и права на личное. Даже при загрипповавших сотрудниках машина уголовки набережной Орфевр, 36, работала на полных оборотах.

И, как паровой каток, готова была смести все на своем пути.

В кухне Люси уселась напротив Амандины, которая уже объяснила ей, каким образом нашла тело: как никто не мог дозвониться до Северины со вчерашнего дня, как она поехала к ней по просьбе Жакоба, как обнаружила ужасную картину в спальне... Первым ее рефлексом, рассказала она, было позвонить Фонгу, ее мужу. Это он велел ей вызвать полицию.

– Это ужасно. Я никак не ожидала ничего подобного.

Люси отметила, до какой степени нервничала ее собеседница. Руки у нее еще немного дрожали, вид был измученный. Почему эта женщина с почти наголо бритой головой не снимает маску? Лабораторный рефлекс?

– Я работала с ней часть прошлой недели. Осень всегда горячее время в плане вирусов, в частности – из-за сезонного гриппа. Я помогала ей с анализами, которые каждый день поступают в Центр изучения гриппа. Это тоже наша работа в ГМР. Когда мы не на земле, делаем массу других вещей.

– А в чем в точности состоят анализы?

– Это довольно просто. Мы получаем образцы вирусов в специальных емкостях, в основном из лабораторий, медицинских кабинетов, больниц. К ним прилагается карта пациента – носителя вируса. От нас требуется типизировать их, то есть дать им лицо, идентичность. Нам интересен только грипп. Мы также действуем в случае тревоги биобезопасности, как, в частности, было с лебедями. Но это побочная деятельность.

– Сколько лаборантов в Центре?

– В среднем семь, у каждого свое рабочее место. Каждый лаборант берет поступления по почте или с курьерами, согласно своей рабочей нагрузке, и отслеживает образец от и до. Вносит запрос в базу данных, анализирует, отправляет результаты, часто через несколько часов, это в самых стандартных случаях. Данные также уходят в Лондон, для статистического учета. В случае эпидемии гриппа или пика заболевания персонала требуется больше. Нас из ГМР бросают на прорыв. Сейчас, с этой тревогой, персонал лаборатории как минимум удвоился. Все работают на полную загрузку, чтобы проанализировать как можно больше проб и понять, с каким вирусом H1N1 мы имеем дело.

Люси мало что понимала в микробах, но уже начала представлять себе, как все это работает.

– Значит, на прошлой неделе вы были с Севериной Карайоль...

- Да, большую часть времени. Работали бок о бок.
- Какой она вам показалась?
- Она была... напряженной. Сидела, уткнувшись в пробирки, часто в наушниках. Слушала классическую музыку, не разговаривала. Она и так-то была не болтлива, а тут вообще молчала как рыба.
- Значит, ее напряжение и замкнутость были заметны еще до того, как она получила и проанализировала неизвестный вирус?
- Да. Даже до того, как обнаружили первого мертвого лебедя.
- Люси встала и открыла дверь на кухню. В крошечной комнатке было очень душно. В гостиной Шарко и Казю рылись в ящиках, доставали бумаги – банковские выписки, страховки, больничные, – которые помогут ближе познакомиться с образом жизни жертвы. Франк посмотрел на нее, дернул головой, мол, все ли в порядке. Люси кивнула и снова села за стол.
- Вернемся, кстати, к лебедям и рассмотрим эту историю в хронологическом порядке. Извините, мне нужно ясно себе представлять...
- Пожалуйста.
- Нам объяснили, что, с одной стороны, первые птицы были намеренно заражены на немецком острове между седьмым и восьмым ноября, то есть чуть больше двух недель назад.
- Точно.
- А вирус в ресторан Дворца правосудия был занесен в прошлую среду, двадцатого ноября.
- Так полагают, да.
- А вы в Институте Пастера когда начали анализировать вирус лебедей, назовите точную дату?
- Северина приступила к анализам в субботу, двадцать третьего ноября, после обнаружения трех мертвых перелетных птиц в заповеднике Маркантер. Александр Жакоб сообщил об этом нам всем в понедельник, то есть двадцать пятого.
- Люси начертила в своем блокноте схемку, записала даты, важные факты, для ясности.
- Хорошо, понятно. Значит, образец H1N1 попал в руки Северины в прошлую пятницу, двадцать второго.
- Да, мой коллега принес его ей, все верно. Послушайте, я... я понимаю, что это ваша работа, но вы говорите о Северине так, будто она в чем-то виновата.
- Мы рассматриваем все возможности. Скажем так, совпадение ее самоубийства и открытий вокруг этого вируса наводит на мысли. В полиции, знаете ли, не любят совпадений.

Движением глаз Амандина показала, что все понимает.

– Тот, кто заразил птиц и наших коллег, должен был откуда-то вынести микроб. Он знал, что у него в руках: вирус гриппа H1N1, от которого ни у кого нет защиты. Я ошибаюсь?

– Нет, вы правы.

– Из этого однозначно следует, что он имеет доступ к аппаратуре для анализов, а значит, может свободно войти в очень хорошо оборудованную лабораторию.

– Наверно, так. Но в мире тысячи лабораторий. Я не понимаю, при чем тут может быть Северина, простая лаборантка. Если бы вы ее знали... Она была очень далека от всего этого.

– Я просто пытаюсь понять ее поступок. И знаете, нет определенного типа преступника или террориста. У него может быть любое лицо, любое общественное положение. Поверьте мне.

Люси посмотрела ей в глаза. Амандине показалось, будто ее просвечивают. От этой сидевшей перед ней сыщицы исходило что-то особенное. Леденящее.

– У вас есть какие-нибудь догадки о том, что могло побудить ее уйти с работы в понедельник днем, после вашего совещания? Ваш шеф говорит, что с обеда никто ее не видел.

Амандина пожала плечами:

– Может быть, телефонный звонок? Какая-то встреча в городе, которая ее так потрясла?

– Мы все это проверим.

Люси написала в своем блокноте одно слово и перевернула его. Амандина снова пожала плечами:

– «Простите». Что я могу вам сказать? Я не знаю, почему она написала это, я никогда не кончала с собой.

Это прозвучало сухо. Амандина сжала голову руками. После всего, что произошло в этот день, и всех принятых лекарств она была выжата и плохо соображала.

– Извините меня, но...

– Тяжелый день?

– Это еще мягко сказано. И у меня такое чувство, что он еще не кончился. Вирус гуляет по улицам.

Люси снова взяла свой блокнот:

– Во всяком случае, мы с вами почти закончили. У Северины, насколько я поняла, был дружок?

– Да. Его зовут Патрик Ламбар. Врач-терапевт, работает во Втором

округе, я это знаю со слов Северины. Она была с ним несколько месяцев, и он исчез из ее жизни примерно полтора месяца назад. Но, должна вам сказать, я его никогда не встречала. Северина была очень скрытной в личной жизни, все приходилось вытягивать из нее клещами. Я даже не знаю, как он выглядит, этот врач.

– По-вашему, их разрыв – причина драмы?

– В свете того, что она сказала мне после вчерашнего совещания, да, я действительно так думаю. И это был не разрыв, а исчезновение. Он просто не подавал больше признаков жизни.

Амандина на секунду смутилась, вспомнив свой разговор с Севериной после совещания в понедельник. Люси, которая записывала данные экс-друга, несколько раз подчеркнув их, ничего не заметила.

Она встала:

– Пока все. Кто-нибудь от нас зайдет в лабораторию, где работала Северина Карайоль. Думаю, мы будем часто видеться, ведь, насколько мне известно, в этом деле все работают сообща.

Амандина тоже встала и дала ей свою визитную карточку:

– Мы пытаемся поймать вирус, вы ловите того, кто его выпустил. На карточке мой личный телефон. Если что, не стесняйтесь, звоните.

Люси протянула ей свою карточку, потом руку на прощание.

– Извините, я не пожимаю рук. Это не потому, что я невежлива.

Она посмотрела на Люси с легкой укоризной:

– Вы бы должны надевать маски, которые вам раздали. Вы можете носить в себе вирус, сами того не зная. И распространять его. Как правило, грамотная защита – лучший способ остановить эпидемию и не подцепить микробы.

– Мы учтем.

Она терпеть не могла эти маски. Амандина попрощалась в гостиной с двумя полицейскими и побежала вниз по лестнице. Спускаясь, она достала из кармана антибактериальный гель и намазала руки. На улице она сняла маску и глубоко вдохнула свежий воздух. Мозг ее кипел, страшная картина – труп Северины – по-прежнему крутилась в голове. Широко открытые глаза... Пена на губах...

И потом, слова лаборантки, которые вспомнились ей в ходе разговора с этой Люси Энебель. Может быть, ей следовало сказать о них сыщице? Но возможно, они вырвались у Северины просто так, потому что она была под впечатлением?

Как бы то ни было, теперь эти слова звучали в ушах Амандины.

«Парни из антитеррористической бригады... Они здесь что-то

расследуют, как ты думаешь?» Почему она так ими заинтересовалась? Чего испугалась?

Зазвонил телефон Амандины. Это был Жоан. Она ответила.

– H1N1 в пути, Амандина. Семья нашего второго пациента, Тео Дюрье, в полном составе вышла из строя. Жена, с которой ты говорила в больнице, и двое их детишек слегли.

– Черт.

– Везде вокруг людей, которые заразились в среду в ресторане, имеем вторичные случаи. Родные, близкие, друзья. Этот вирус – спринтер. Черт побери, Амандина, это полное дерьмо!

Обыск был закончен.

Компьютер и мобильный телефон Северины Карайоль отправились в руки экспертов, которым предстояло разобрать по косточкам ее электронную жизнь и ознакомиться с ее привычками, образом жизни, связями. В жестких дисках и гигабайтах содержится сегодня изрядная часть нас самих и нашей идентичности.

Шарко и Казю методично перерыли шкафы, ящики, все уголки маленькой квартирки. Много медицинских рецептов, самый старый из которых был четырехнедельной давности, говорили о том, что Северина Карайоль принимала коктейль из трициклических антидепрессантов – больше всего лароксила – и снотворных, тех самых, что нашли рядом с ее телом. Шарко быстро проглядел счета, последние банковские выписки, не обнаружив никаких сверхобычных расходов. Ключ от квартиры торчал в замке с внутренней стороны: все указывало на то, что Карайоль сама оставила дверь открытой, чтобы ее тело нашли.

После разговора с Амандиной Люси быстро опросила соседей по лестничной площадке, которые ничего не заметили. Они вообще редко встречали Северину, скромную девушку, никогда не причинявшую беспокойства. Когда Люси напомнила, что у их соседки до сентября или октября был сожитель, они лишь сказали, что никогда не видели ее с мужчиной. Один сосед, знавший, что Северина работала в Институте Пастера, спросил, связана ли ее смерть с мертвыми птицами и гриппом, о которых говорили по телевизору. Разумеется, Люси ответила, что нет.

Бернар Казю вышел с коробкой, полной бумаг, а Люси присоединилась к своему мужчине, который был в ванной. Он вкратце рассказал ей, как продвигаются поиски. Перед ним стояли в ряд два десятка флакончиков с шампунем с названиями крупных парижских отелей – «Меридьен Этуаль», «Интерконтиненталь Опера»...

– Мне кажется, я теряю время. Ты сказала, что Карайоль бросили полтора месяца назад. Она впадает в депрессию, начинает лечиться спустя две недели. Все это представляется мне вполне логичным. Пока я не вижу ничего... аномального.

– Мне бы все-таки хотелось поговорить с ее бывшим, этим Патриком Ламбаром. Я послала запрос на его данные, жду ответа.

Шарко кивнул:

– Ладно... Скоро шесть. Насколько я знаю, Николя поехал в лабораторию Карайоль с коллегами из антитеррористической бригады, задать несколько вопросов и осмотреть место. Езжай прямо домой, если хочешь. Я заеду в ясли, заберу Жюля и Адриена.

– Хорошо. Эти флакончики с гелем для душа, откуда они?

– Они были вот в этом шкафчике. Эти штуки бесплатно дают в отелях, мы все суем их в чемоданы, перед тем как сдать ключи.

– Их тут много. А отели недешевые. Лаборант много зарабатывает?

– Мне кажется, платила не она. Я смотрел, никаких следов в ее банковских выписках. Но ее ведь могли пригласить, верно?

– Патрик Ламбар, ты хочешь сказать?

– Он или кто другой.

Шарко бросил ей флакончик. Он был из «Меридьен Этуаль».

– Заедешь туда завтра...

– Ты меня приглашаешь?

Шарко улыбнулся. Они вышли из квартиры. Лейтенант запер дверь на ключ и повернулся к своей подруге:

– Как ты себя чувствуешь? Я хочу сказать... Никаких тревожных симптомов?

– Все в порядке. Стучу по дереву, но я никогда не болела гриппом. Или так давно, что не помню. А ты?

– Я вообще никогда не болею. Разве что небольшая шизофренийка, а так все в порядке. Но очень важно, чтобы дети не подцепили эту пакость. Будем осторожны, хорошо?

Франк и Люси разошлись в разные стороны к своим машинам. По дороге Шарко успел сделать несколько звонков по поводу дела скелетов. У него был номер мобильного Робера Шамберлена, работавшего в административном отделе парижской мэрии. Обменявшись банальностями и осведомившись, как дела, Шарко приступил к сути:

– Мне бы хотелось, чтобы ты свел меня с кем-то, кто знает парижскую канализацию как свои пять пальцев. Мне надо знать, как она функционирует, кто там работает, сколько их. Нужен доступ к планам, если они существуют, особенно квартала близ канала Сен-Мартен.

– Канализация, говоришь. Для этого, наверно, придется наведаться в технические службы, на улицу Фобур-Сент-Оноре. Они там занимаются обслуживанием подземной сети. Так что... Подожди секунду, я гляну в справочник... Вот и имя, я устрою тебе встречу. Когда и в котором часу ты хочешь?

– Завтра утром, в половине девятого.

– Срок жесткий, но я этим займусь.

Они попрощались и отключились.

Было почти семь. В Со Шарко подъехал к яслям «Сорванцы». Он надел защитную маску, что привлекло внимание директрисы. Полицейский объяснил, что один из его коллег подцепил сильный насморк и он предпочитает побережься, особенно с детьми. Он не знал, поверила ли она ему, но больше вопросов не последовало.

Жюль и Адриен играли в кубики среди семи или восьми других детей. Увидев Шарко, близнецы бросились к нему. Адриен был побойчее и энергично оттолкнул брата, чтобы первым прижаться к ноге отца. Жюль заплакал.

– Все хорошо, милые...

Шарко взял их на руки, подхватил сумки и попрощался с директрисой. Адриен попытался сорвать с него маску. Шарко уклонился и усадил их в детские кресла. Он не проехал и десяти минут, как они оба уснули. Шарко улыбнулся. Наверно, есть ген засыпания в машине, он был точно таким же в раннем детстве. Кряхтенье старенького белого «Пежо 504», убегающие назад пейзажи, голоса родителей.

Его родители...

Шарко снял маску, ему было нечем дышать. Он сделал глубокий вздох

и успокоился.

Тишина была недолгой. Близнецы вновь обрели всю свою живость, едва ступив на пол гостиной. Шарко любил такие дома, полные жизни, где кричат дети, где спотыкаешься об игрушки, а от подушек кресел отковыриваешь прилипшие конфеты. Всего этого так ему не хватало в те годы, когда одни только драмы, работа до упаду и ужасы наполняли его жизнь. Сегодня он мог сказать, что счастлив, потому что у него есть семья. Настоящая семья.

Глядя на сыновей, он подумал, что тот Человек в черном посягает и на его детей. Что он пытается до них добраться. Заразить их.

От этого он ощутил еще большую ненависть и почувствовал себя скверно.

Свою подругу он нашел на кухне, она резала ветчину и разогревала на водяной бане баночки с детским питанием. Артишоки-брокколи... Шарко не понимал, как промышленники, которые сами были детьми, могут предлагать малышам такую гадость.

Люси поцеловала сыновей, не снимая маски, потом подошла к своему мужу, опустив ее на грудь.

– У меня есть новости с набережной Орфевр касательно моего запроса, – сказала она. – Странная штука с этим Патриком Ламбаром.

Шарко открыл холодильник и откупорил бутылку крепкого пива. Он редко пил в будни, но сегодня ему надо было снять напряжение.

– Действительно есть Патрик Ламбар, врач-терапевт во Втором округе. Это, кстати, единственный Патрик Ламбар в столице.

– И что же странного?

– Я позвонила секретарше медицинского центра, где он работал. Он умер пять лет назад.

Среда, 27 ноября 2013 года

Амандина испытала безмерное облегчение, когда этой ночью встала под душ.

Был уже третий час. Позади остался бесконечный, начавшийся семнадцать часов назад день, в котором накладывались друг на друга скверные новости, драмы, вопросы.

Она изо всех сил намыливала и терла каждую пядь своего тела, пока обычно такая белая кожа не покраснела. После всех поездок в метро, Дворца правосудия, встреч с людьми, возможно зараженными, Амандина чувствовала себя грязной.

После она бесконечно долго чистила зубы, не отдавая себе отчета в силе и быстроте своих движений, потом прополоскала рот. От вкуса крови ее затошнило. Она попыталась успокоиться. Уже выходя из ванной, она заметила свисавшую с потолочного светильника паутину. Амандина влезла на стул и полотенцем резко смахнула нити. Потом она вымыла весь плафон и даже обожглась о лампочку.

Как этот окаянный паук мог сюда пробраться? Через какую щель? Амандина мыла все снизу доверху в прошлую субботу. Она принялась искать паука во всех уголках, подняла белье, заглянула под раковину. Где-то же он должен быть. Надо его уничтожить.

Но паука не было. Вся на нервах, молодая женщина в конце концов махнула рукой, да и Фонг звал ее уже несколько минут. Она вышла к стеклянной двери, отделявшей ее гостиную от гостиной мужа, пристально глядя на плиточный пол и стены. Поколебавшись несколько секунд, приняла решение:

– Я не войду.

Лицо мужа помрачнело.

– Но... почему?

– Я общалась с больными, с зараженными людьми. Мы в тесном контакте с вирусом, Фонг. Это все равно что ходить в двух шагах от кратера действующего вулкана.

– Ты привыкла.

– Не к таким тревогам. И потом, мне пришлось снять маску, проходя

через пост охраны, и жандарм говорил мне прямо в лицо. Он наверняка контактировал с вирусом в тот или иной момент. Это было бы неосторожно. Подождем несколько дней, посмотрим, как будут развиваться события.

Фонг приложил ладонь к стеклу:

– Ты сегодня потеряла подругу. Как ты можешь просить меня оставить тебя одну?

– Это была коллега.

– Надень маску и иди ко мне, Амандина. Пожалуйста.

Молодая женщина покачала головой. В глазах ее блеснули слезы.

– Не настаивай, Фонг. Я не хочу рисковать, даже в маске. Нам и без того достаточно трудно.

– Хорошо. Тебе решать.

Амандине было невыносимо видеть его таким, бессильным, зависимым. Муж сжал губы и добавил:

– Пойду заварю себе чай.

– Я тоже.

Чай... Какое-никакое облегчение, замена словам, которых они не находили, стоя лицом к лицу, разделенные гнусным стеклом. Они разошлись каждый в свою сторону, включили чайники, но одинаковые жесты лишь углубляли разделявшую их пропасть. Они вернулись и сели друг напротив друга.

– У тебя шла кровь изо рта? – спросил Фонг. – А руки и ноги очень красные. Ты больше полутора часов пробыла в ванной.

– Я не заметила.

Фонг вздохнул:

– Я получил счет за воду, расход почти удвоился в последние месяцы. Ты все чаще принимаешь душ, и все эти средства, которыми ты мажешься, которые глотаешь... Ты меня тревожишь.

– Ничего особенного. И потом, там была паутина, поэтому я задержалась.

– Паутина? Притом что ты драишь все несколько раз в неделю? Я не видел ни одного паука, с тех пор как мы сюда въехали.

– Был паук, говорю тебе.

Она опустила рукава, чтобы скрыть красноту, и переменила тему:

– Этот чудный день закончился бесконечным совещанием с Жакобом. Такой тягостной атмосферы я не припомню. Никто не мог толком сосредоточиться. Все думали о Северине. Было ужасно видеть взгляды коллег. После визита полицейских в лабораторию стало еще хуже. В

команде царит нездоровое сомнение.

– Сомнение в честности Северины, ты хочешь сказать?

– Да. Это слово «простите», которое она написала на листке...

– Ты думаешь, это может быть связано с тем, что сейчас происходит?

– Я не знаю, Фонг. Ничего не знаю. Эти чертовы полицейские сумели посеять сомнение и в моей голове. Ты бы их слышал. Да она все равно что написала «виновна» у себя на лбу.

Она глубоко вздохнула, все еще думая о паутине.

– Положение серьезное. Очень серьезное.

Фонг поднес чашку к губам и, отпив глоток обжигающего чая, поставил ее на место.

– До какой степени серьезное?

– Это будет официально обнародовано завтра. ВОЗ переходит к четвертой стадии плана пандемической тревоги. «Начало массовой эпидемии во Франции».

Фонг слушал жену, рассказывавшую ему о последних событиях.

– Четвертая фаза, – повторил он. – Это уже серьезно...

– Они применяют пункт за пунктом все рекомендуемые меры. Срочные совещания членов Европейского союза... Усиливают санитарный контроль на границах, начинают раздавать противовирусные препараты и комплекты для анализов персоналу в парижских больницах, лечащим врачам... Предприятия по производству масок на низком старте, готовы запустить свои станки. Ректоры академий, директора лицеев, школ получают директивы от Министерства образования на случай заболевания в их учебных заведениях. То же для яслей и детских садов. Они обязаны закрыться при подозрении на грипп. Один детский сад уже не откроется завтра, сегодня зафиксированы два случая, это дети одного из первых выявленных нами больных.

– Это плохой знак. А как насчет связей со СМИ? Ты же видела, в Интернете, на телевидении все кипит. Журналисты заметили, что происходит что-то ненормальное в Институте Пастера, в ИЭН, в Министерстве здравоохранения, внутренних дел. Совещаются, на вопросы не отвечают. И эти умирающие птицы. Теперь журналисты ждут четких и внятных ответов.

Амандина помолчала, взяла чашку и согрела рот горячим чаем.

– Сегодня состоится пресс-конференция министра здравоохранения. Ты прав, их взяли за горло. И потом, школы не закрывают просто так, если не случилось чего-то серьезного.

– Они будут говорить о террористическом акте?

– Они в очень затруднительном положении. Если скажут, рискуют посеять панику, люди будут бояться выходить из дома или кинутся к врачам и в больницы. Могут появиться первые признаки разброда, тогда как вирус еще не вполне распространился.

– Но если не скажут – тоже рискуют, что правда выйдет наружу... Это может быть еще хуже...

– Во всяком случае, мы не должны говорить ровным счетом ничего. Даже у нас с тобой не должно быть этого разговора. Я рискую своим местом и много большим.

– Не беспокойся, Амандина, микрофонов здесь нет.

– Ты уверен, что твой знакомый из ВОЗ не расскажет о нашем обмене

информацией?

– Разумеется. В каком положении он тогда окажется, ты не подумала?

Выражение лица Амандины стало жестким.

– Ты должен прекратить с ним отношения. Типы из антитеррористической бригады суют нос в наши дела, после самоубийства Северины они просто озверели. Они обшаривают кабинеты, у них глаза и уши повсюду. Прекрати шарить в Интернете, брось свои изыскания.

Фонг пожал плечами:

– Я ничего не боюсь.

– А я боюсь. Я не хочу, чтобы парни в форме пришли сюда и забрали тебя. Хуже катастрофы не придумаешь. Без тебя я пропаду.

Она помолчала. Нет, она не представляла себе жизни без Фонга. Одна, здесь, в этих аквариумах... Это было невозможно, и при одной мысли об этом начинала болеть голова.

– В любом случае перед правительством стоит нелегкая задача. Оно ступило на зыбкую почву. Как поднять тему H1N1 перед широкой аудиторией? Это сложно, люди мало что понимают в вирусах. Пандемия две тысячи девятого оставила след, она очень всех напугала. Добавь сюда историю о теракте, и...

Фонг натянул на плечи халат. Ему было холодно.

– Вернемся к конкретике. Расскажи мне о вирусе. О ваших последних анализах.

– Данные, которые мы начинаем получать, ужасают. Уровень вторичной заболеваемости у этого H1N1, похоже, очень высок. Один из первых зафиксированных нами случаев, пресловутый Тео Дюрье, который заразился в столовой Дворца правосудия, уже заразил свою жену и двух детей, тех самых, из-за которых закрывается детский сад.

Фонг пытался сохранить спокойствие. У него был дар никогда не нервничать, не поддаваться панике.

– Даты?

– Он заразился в среду, острые симптомы проявились в субботу. Она и дети еще вчера были в норме, а сегодня все заболели.

– То есть в следующий вторник. Инкубационный период, стало быть, от двух до трех дней. Это значит также, что уже пошла вторичная волна. Иными словами, вирус не умер сам по себе после первых случаев намеренного заражения людей. Атмосферные условия, температура его не убивают. Он распространяется от человека к человеку сам по себе, подобно сезонному гриппу, который сейчас ходит. Этот вирус нелегко распознать в массе случаев.

Фонг долго молчал. Амандина встала, чтобы принять две таблетки дафалгана.

– Сколько человек изначально заразилось в ресторане Дворца правосудия?

– По прикидкам, около сотни, но, наверно, больше. Точно узнать невозможно.

– Кроме семьи Дюрье, сколько вторичных случаев инфекции на каждый первичный случай?

– Ты же понимаешь, что бригады из ИЭН не могли обойти всех, это долго и хлопотно. И теперь... уже поздно, вирус слишком широко распространился. Но... систематически прослеживаются вторичные случаи у тех, у кого есть семьи. Заболели один-два члена семьи как минимум.

На этот раз лицо Фонга исказилось.

– Это много.

– Очень много.

– Может насчитываться две-три сотни случаев во вторичной волне... И если они заболели, к примеру, сегодня, значит заразны уже как минимум сутки. И наверняка успели заразить других людей, которые тоже стали носителями вируса, сами того не зная. А этих людей выявить на данный момент невозможно.

Фонг встал и начал расхаживать по комнате с чашкой в руке.

– Идет третья волна.

Он посмотрел на часы:

– Сейчас у нас среда, четвертый час утра. Исходя из ваших цифр, ваших наблюдений, эта волна должна обрушиться сегодня вечером и в четверг. Если сохранится уровень заболеваемости два, мы идем напрямик к эпидемии. Вирус вырвется из Парижа, если это уже не произошло. Он будет распространяться волнами, подобно расходящимся кругам на поверхности воды. Через границы... По всему миру... Пандемия через несколько недель... И никакой вакцины.

Амандина следила за ним глазами, не двигаясь. У нее больше не было сил. Мозг работал на замедленных оборотах.

– Ничто не может остановить вирус, у которого постоянный R_0 ^[16], близкий к двум, – продолжал Фонг. – Это был случай испанского гриппа. Достаточно одного человека, который заразил двух... два заразили четверых, те восьмерых, шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре... В итоге больше тридцати миллионов смертей.

– Наш вирус не так опасен.

– Но все же он будет убивать. Принимай какие угодно меры, закрывай

границы, ты можешь его затормозить, но не остановить. Вирус с постоянным R0 может одним прыжком перемахнуть через океан. Достаточно одного-единственного раза... Есть птицы... Если он в пути, если сошлись все условия, это катастрофа.

Он залпом допил чай.

– Я все-таки не понимаю, – сказала Амандина. – Если наш человек сумел достать этот атипичный штамм H1N1, он мог раздобыть и куда худший микроб, верно? Более разрушительный в плане человеческих жизней.

– Грипп, может быть, и не самый разрушительный, но он грозен тем, что касается распространения. Его инкубационный период очень короткий, это настоящий спринтер. Только во Франции заболеть могут до десяти миллионов человек. Из числа заболевших девяносто девять и девять десятых процента всего лишь проведут скверную неделю в постели. Ничего страшного, но это приведет к потере нескольких миллионов рабочих дней и выразится в миллионах евро. Я уже не говорю о развале системы здравоохранения, о переполненности больниц, об осложнениях в общественной и экономической жизни.

– Если так посмотреть...

– Что еще важно, в плане человеческих жизней, это то, что у одной десятой процента больных разовьются тяжелые заболевания дыхательных путей и они умрут от осложнений. Одна десятая процента... на первый взгляд цифра смехотворная, но если исчислять от миллионов больных, считай сама.

Он замер посреди комнаты. Глаза его уставились в воображаемую точку.

– А если брать в масштабах всего мира... Если все пойдет по такому сценарию, автор этой гнусности как ни в чем не бывало убьет минимум десятки тысяч человек в одной только Франции, Амандина, прежде чем появится первая вакцина. Достойный счет для одного человека, как ты думаешь?

Молодая женщина представляла себе этого человека, как он спокойно сидит дома, ожидая последствий, слушает радио, смотрит телевизор и констатирует результат своей бойни. Люди, которые будут умирать один за другим... И никакой возможности этого избежать. Убийства на расстоянии... Что чувствует он сейчас? Наслаждение? Ощущение всемогущества?

– Какой монстр мог сотворить такое? Играть с природой и с жизнью невинных.

– Кто-то, кто хочет посеять страх и причинить много зла. Кто-то, кто посягает на каждого из нас и в грош не ставит человеческую жизнь. Умный псих, желающий снискать славу через разрушение. Такие были всегда.

Амандина поднялась:

– Я устала, плохо соображаю, извини. Давай ляжем, ладно? Я посплю несколько часов, встану рано. Хочу кое-что проверить в лаборатории.

– Тебе надо отдохнуть, Амандина. Правда. Ты еле держишься на ногах и пьешь слишком много таблеток. Я все больше беспокоюсь за тебя.

Они поставили чашки каждый в свою раковину, погасили свет. Легли одновременно на широкие холодные постели, разделенные лишь тремя сантиметрами небьющегося плексигласа.

Они повернулись друг к другу, переглянулись в свете ночника Амандины. Включать усилитель звука, который позволил бы им поговорить, не стали. Сегодня ночью в этом не было нужды.

Фонг прижал ладонь к стеклу, Амандина тоже.

Чувствуя подступающие слезы, она отвернулась и поспешила погасить свет. Уткнулась головой в подушку и разрыдалась.

Благодаря плексигласу Фонг не слышал, как она плакала.

Утро среды, 8:25.

Шарко шел по улице Сент-Оноре, сунув руки в карманы. Осень вступила в свои права, расположилась боевым порядком, фасады потемнели, предвещая суровые зимние дни.

Полицейский поднял воротник своего кожаного пальто и ускорил шаг. Он шел один, без напарника. Из-за нехватки личного состава правила не соблюдались, привычная организация расшатывалась. Люси была на набережной Орфевр, разбиралась в истории с Патриком Ламбаром, врачом из Второго округа, умершим пять лет назад, который до прошлого месяца якобы являлся дружкой Северины Карайоль... Парадокс, который, по мнению Шарко, имел два разумных решения: или Карайоль лгала и у нее вообще не было дружка, или же этот самый «Патрик Ламбар» присвоил имя покойника и обманул молодую женщину.

Еще одна тайна в их деле, которая в конечном счете подтверждала вероятность того, что Карайоль была не той, за кого ее принимали.

Он зашел во двор и свернул налево. У него была назначена встреча с Кристианом Феллучини, одним из руководителей технических служб канализации. Он поднялся на второй этаж, представился секретарю. Его направили в просторный кабинет, загроможденный папками, картотеками, рулонами ватмана, стянутыми резинками. *Кабинет инженера или архитектора*, подумал сыщик.

Перед ним сидел высокий мужчина лет сорока с волнистыми рыжими волосами. Весь в веснушках, до кончиков пальцев. Его наружность не вполне соответствовала итальянской фамилии.

Феллучини протянул руку:

– Вы пунктуальны.

– Сам терпеть не могу, когда опаздывают, и стараюсь всегда приходить вовремя.

Шарко сел. В нескольких словах он объяснил цель своего визита: двух бомжей утащил в канализацию на слиянии канала Сен-Мартен и Сены ряженный тип.

– Ряженный?

– В костюме птицы, по словам свидетеля. Ворона или что-то в этом роде. Это выглядит бредом, но я знаю, что бомж, который все это видел и дал показания полиции, сказал правду.

Шарко подвинул к своему собеседнику фотографию каски, найденной в пруду.

– Я думаю, эта каска принадлежит похитителю. Ее нашли рядом с местом преступления. Наши эксперты утверждают, что желтизна на ней вызвана присутствием сероводорода. Его ведь много в канализации, не так ли?

– Да, H_2S – наш бич. Он образуется в особенно больших количествах под слоями застывшего жира. В малых концентрациях он расстраивает пищеварительную систему и работу легких. Иногда может даже взорваться. Он очень опасен для рабочих канализации.

– А эта модель входит в вашу экипировку?

Феллучини внимательно всмотрелся в снимок:

– Честно говоря, не знаю... Обычная каска, модели у нас разные. У некоторых рабочих своя экипировка, более современная, лучше приспособленная. Трудно сказать. Такую каску можно найти в любом магазине. Вы подозреваете, что один из наших служащих вырядился в маскарадный костюм и стал причиной этих... исчезновений? Но кто мог такое сделать? И зачем?

– В этом-то и вопрос.

Настала очередь фотографий скелетов. Феллучини поморщился.

– Разъедены кислотой и брошены в воду. Промышленная кислота, вы ее используете там, внизу?

Рыжий кивнул, сжав губы:

– Да, соляную кислоту, очень концентрированный раствор.

– Сколько человек работает в этих туннелях?

– Больше трехсот.

– А, немало...

– Там свыше двух тысяч четырехсот километров галерей. По туннелю на каждую улицу столицы. Наша система сбора и эвакуации дождевых и сточных вод делает Париж одним из самых современных городов мира в этом плане.

Шарко подумал, что такой рекламы, пожалуй, не найти в туристических брошюрах, но он знал, что несколько галерей открыты для посещения, в частности, благодаря Музею канализации, расположенному возле Эйфелевой башни.

– А как работают рабочие? У каждого в канализации свой сектор, свой округ?

– Нет. Команды ходят куда угодно, они очень мобильны. Тут и

техническое обслуживание, и ремонтные работы, да мало ли что... Есть и срочные случаи, это постоянно: прорывы канализации, затопления, засоры в трубах... Короче, все в движении.

– У вас есть возможность предоставить мне список ваших рабочих? Имена, возраст, адреса, даты поступления...

– Мне нужно разрешение.

– Вы получите все необходимые бумаги.

– Отлично. Но кто вам сказал, что это был рабочий канализации? Это мог быть инженер, мастер, прораб. Водопровод, ассенизация, дорожные работы... Даже люди из здравоохранения спускаются туда иногда, берут анализы. В общем, много народу.

– Да, я знаю, но дайте мне, что можете. Список – какое-никакое начало.

– Хорошо.

– И еще, есть у вас карты канализации? Если бы можно было взглянуть на этот участок у канала Сен-Мартен, посмотреть, куда ведут туннели...

Феллучини встал и направился к ряду больших папок, расставленных по округам. Он взял папку Четвертого округа и положил ее на стол. Внутри лежали планы формата А3, китайская грамота для непосвященного. Там были разные линии – сплошные, длинный пунктир, короткий пунктир, – штриховки... Шарко вспомнил давние уроки черчения, в которых никогда ничего не понимал.

– Рабочие канализации имеют доступ к этим планам?

– К планам – да, но главное – у них есть мобильные терминалы, связанные с нашей компьютерной сетью TIGRE^[17], куда поступает информация о локализации и физическом состоянии всех работ. Это настоящий лабиринт, вы в нем за пять минут заблудитесь.

Феллучини перевернул несколько страниц и остановился на одной. Палец его уткнулся в какой-то символ.

– Итак, вот в этом месте ваши бомжи спустились в подземную сеть.

Шарко встал и обошел стол, чтобы лучше разглядеть карту.

– Здесь канал Сен-Мартен, – объяснил Феллучини. – На этом уровне мост Морлан. Вон та галерея ведет к бульвару Помпиду...

Шарко начал лучше разбираться в переплетении прямых и кривых линий.

– Жертвы наверняка были без сознания. Их похититель должен знать другой выход, потому что бомж, который наблюдал за ним, не видел ни как он пришел, ни как ушел. Как по-вашему, в каком направлении он мог

пойти?

Феллучини внимательно всмотрелся в план. Замысловатая сеть, туннели, пересечения, настоящий лабиринт. Город тьмы под городом света.

Его указательный палец скользил по линиям.

– Ближайшие люки вот здесь, на улице Бискорне, метрах в четырехстах, я бы сказал. Потом здесь, на улице Арсенала, на том же расстоянии. Остальные много дальше.

Шарко записал оба названия в свой блокнот.

– Четыреста метров там, внизу, с человеком на спине, возможно пройти?

– Скажем так, непросто. Некоторые проходы очень узки, труднодоступны. И потом, надо спускаться и подниматься по лестницам.

– А мог он оставить этих бомжей внутри? Где-то их запереть?

Вопрос, похоже, удивил чиновника.

– Э-э... Да-да, вполне мог. В канализации, знаете ли, большую часть времени никого нет. Чистки и контрольные визиты дважды в год, а так, если нет протечек или еще каких проблем, людям нет нужды туда спускаться.

Феллучини нахмурил брови. Его палец остановился на заштрихованной зоне где-то между люками на улице Арсенала и на улице Бискорне.

– Смотрите. Эта часть вычеркнута с карты. Это значит, что место больше не обслуживается.

– Почему? Что там случилось?

– Подождите секунду, я гляну.

Он подключился к компьютерной сети TIGRE, нажал на несколько клавиш. На экране появились карты и подробная символика, в которой Шарко ничего не понимал. Очень быстро Феллучини нашел нужный сектор и кликнул на точку, открывшую пояснение, которое он пробежал глазами.

– Вот, есть информация. Это произошло два года назад. Целый зал в тридцать квадратных метров был закрыт и доступ туда запрещен вследствие обрушения деревянного пола, поддерживавшего канализационные трубы. С тех пор были произведены ремонтные работы, сделан отвод воды.

– Сейчас он доступен, этот зал?

Чиновник переместил карту, кликнул:

– Да, туда ведет очень узкий туннель. Он не заштрихован, значит, доступен.

Шарко всмотрелся в бумажную карту. Насколько он понимал, в зал

можно было пройти после множества поворотов и замысловатых виражей еще до пресловутого туннеля.

– По-вашему, какое расстояние между этим залом и люком?

– На глазок я бы сказал... метров триста-четыреста? Но добраться туда, похоже, непросто.

Шарко посмотрел ему в глаза:

– Это и наводит меня на мысль, что там что-то произошло. Я хотел бы, чтобы какой-нибудь рабочий канализации проводил меня в этот зал. Это возможно сейчас?

– Я вам организую.

Он поблагодарил и вышел. Когда он проходил через большие ворота, ему позвонил судмедэксперт Поль Шене.

– Я получил токсикологические анализы со вскрытия Северины Карайоль. У меня были сомнения, но теперь вердикт однозначен. Ее отравили.

Шарко нахмурился:

– Как?

– Цианистым калием. Бесцветное вещество, похожее на сахар, растворимое. Достаточно нескольких миллиграммов для быстрой потери сознания... Через два часа без медицинского вмешательства наступает смерть. Эксперты обнаружили его в шоколадных конфетах, найденных в ее квартире. Цианид был внутри: конфеты прокололи снизу, впрыснули яд и завернули. Хорошее убийство по старинке, Франк.

– Значит, все эти лекарства вокруг нее, слово «простите» – это мизансцена?

– Думаю, да. В желудке у нее нет и следа лекарств. Ее убили.

Шарко провел рукой по лицу:

– Тот, кто это сделал, отлично знал, что это быстро обнаружат, да?

– Если у него есть минимум знаний, это точно. Но ему, судя по всему, плевать.

– Он, возможно, хочет выиграть время, посеять сомнение. Он, должно быть, смотрел, как она умирала, когда съела шоколад... Цианистый калий трудно достать?

– Нет ничего легче. Его использовали как отраву для крыс совсем недавно.

Они еще немного поговорили, и Шарко отключился. Итак, от Карайоль избавились, возможно, боялись, что она заговорит. Что она знала? Во что впуталась? Почему это слово «простите»? Заставили ли ее написать это, когда она уже проваливалась в беспамятство?

Он пошел дальше, уткнувшись носом в воротник пальто, с каждой минутой все больше поражаясь сложности этого дела.

Амандина проспала три часа, и то урывками.

Она приняла таблетку, чтобы взбодриться, смесь аскорбиновой кислоты, кофеина и глюкуронида. Надо было держаться. Слишком много всего теснилось в ее голове. Смерть Северины, надвигающаяся эпидемия H1N1, перегородки в лофте, зараженные птицы, это гнусное существо, распространившее вирус во Дворце правосудия...

Но больше всего мучило ее сомнение. Это сомнение развивалось, точно колония микробов. Как была связана со всем этим ее коллега Северина Карайоль?

Амандина не хотела в это верить, и все же она пришла сюда, в лабораторию Центра изучения гриппа, с одной идеей в голове.

Она поздоровалась с коллегами, которые оставались на местах и всю ночь анализировали пробы, пришедшие со всей территории. Жоан был в их числе. Он разложил на своем столике инструменты симметрично, справа и слева. Покинув свое рабочее место, он уединился с ней в углу, между большими замысловатыми аппаратами.

– Трудная ночь?

– Можно сказать, но у тебя, кажется, еще труднее. Нас всех пришибла эта история. Что нового?

Они говорили через маски.

– Вместе с лионской лабораторией проанализировали сотню проб сегодня ночью. Выявили четыре случая. Два в Париже. Еще в Мانت-ла-Жоли и в Бордо.

У Амандины вырвался вздох:

– Вот он прямо на наших глазах и вышел за пределы Парижа.

– Круги удаляются от эпицентра. Распространяется ударная волна. Один из двух зараженных, тот, что в Бордо, двухлетний ребенок, был в яслях с восьми до шести всю прошлую неделю. Отец – адвокат, болен, принес болезнь из Дворца правосудия, мать – работник торговли. Если сегодня закроются. Порядка шестидесяти родителей останутся с малышней на руках, вынужденные заполнять карты и глотать противовирусные препараты.

Жоан зевнул под маской.

– Я начинаю уставать. Часов не считал, вообще забыл, что живу. Еще один анализ, и пойду немного отдохну.

Амандина заговорила почти шепотом:

– Слушай, ты знаешь наизусть компьютерную сеть лаборатории. Есть ли возможность визуализировать с одного запроса все пробы, которые анализировала Северина в последние недели?

– То, о чем ты просишь, уже в руках полицейских из антитеррористической бригады, я сам помогал им вчера разобраться в наших делах. Головастые ребята и времени не теряют. У них есть список всех действий Северины в лаборатории за год.

– Ты можешь все-таки сделать для меня запрос?

– Вот как, ты тоже думаешь, что она может быть в чем-то замешана?

– Я просто хочу избавиться от этого ужасного сомнения, потом мне станет лучше.

– Если ты настаиваешь...

Жоан направился к консоли и ввел свой идентификатор и пароль. Идентификатором был присвоенный каждому код, его набирали для входа и выхода, с его помощью подключались к аппаратуре для анализов. Все было компьютеризовано, заархивировано, продублировано в базах данных. Систему не обмануть.

– Ну вот, я подключился... Тебе за какое время искать?

– Я не буду такой жадной, как полицейские, не то увязну. Давай два месяца.

Он кликнул несколько раз. Ввел в графу внутреннего поиска имя Карайоль, начальную и конечную даты. На экране появился список.

– Вот перечень всех проб, с которыми она работала с конца сентября до сегодняшнего дня. Что ты надеешься там найти?

– Чистую совесть. Спасибо, Жоан.

Молодой человек вернулся на свое рабочее место. Амандина села на стул и вздохнула. За два месяца Северина Карайоль сделала семьсот семнадцать анализов. Неплохой счет. Поступившую пробу оператор заносил в базу данных. В каждой строчке в компьютере указывалось имя лаборанта, взявшего в работу посылку, происхождение последней – медицинский кабинет, лаборатория, – даты, часы, минуты приема и, наконец, все анализы, которым проба подверглась до финальной идентификации. Результаты затем посылались отправителю с указанием имени лаборанта, делавшего анализы.

Амандина уткнулась в записи. Она не знала, что, собственно, ищет. Нет, знала: какое-то нарушение, что-то необычное, что бросилось бы в глаза в рутинной работе Северины.

Молодая женщина посмотрела на свой завибрировавший телефон.

Звонил Фонг. Она отошла в угол и ответила.

– У меня нет доступа к Интернету, – с места в карьер начал Фонг. – Ты в курсе, я полагаю?

Амандина не ответила.

– Я не могу добраться до модема. Ты заперла на ключ все двери твоей гостиной. Зачем ты отключила связь?

– Интернет стал слишком опасен для тебя. При том, что происходит вокруг Северины, мы все как на иголках, полицейские бродят по нашим коридорам, задают вопросы. Все эти твои поиски, люди, с которыми ты контактируешь, навлекут на нас неприятности.

– Да ты соображаешь?

– Послушай, Фонг, я в лаборатории. Я даже не должна разговаривать с тобой отсюда. До вечера.

Амандина отключилась, не дожидаясь ответа. Фонг обойдется без Интернета несколько дней, пока все не успокоится. Его заказы на origami могут подождать, да и все равно Амандина заметила, что он не много сделал в последние дни.

Она вернулась к своим занятиям и прокрутила строчки на экране. Северина обрабатывала два десятка проб в день, нормальный средний темп. Результаты анализов тоже были в норме. Ничего из ряда вон выходящего. Известные вирусы, которые обычно встречаются в пробирках. Имена врачей, названия известных лабораторий, никаких «новичков», которые могли бы привлечь внимание. Как бы то ни было, полицейские проверяют все данные досконально. Ни одна деталь от них не ускользнет.

Через час у Амандины создалось впечатление, что искать нечего. Северина Карайоль укладывалась в рамки от и до. А когда прибыла проба, взятая у мертвых лебедей, лаборантка следовала классической процедуре, так же строго и неукоснительно.

«Простите». Это слово по-прежнему крутилось у нее в голове. В задумчивости она смотрела на лаборантов, чьи глаза были прикованы к пробам. В чем Северина могла себя упрекнуть, чтобы просить прощения? Почему она так испугалась полицейских из антитеррористической бригады? Боялась, что они полезут в компьютеры? Обнаружат что-то компрометирующее?

Да, но что?

Если и есть что искать, то наверняка в лаборатории, где Северина проводила все свое время. Или у нее дома... Да, почему бы не дома, в конце концов? В ее личной жизни?

Амандина еще подумала. Она бросила взгляд на большой аппарат,

служивший для амплификации ДНК полученных образцов: термоциклер. Его систематически использовали для получения органического материала в достаточных количествах. Без него делать анализы было невозможно. Чтобы использовать аппарат, надо было ввести код доступа. И тут тоже все регистрировалось.

У молодой женщины возникла идея: почему бы не попробовать? Она снова побеспокоила Жоана:

– Ты можешь мне сказать, сколько раз за тот же период Северина использовала термоциклер?

Жоан нахмурился:

– Зачем? Ты получишь то же количество. Семьсот семнадцать, так ведь?

– Это мне и хотелось бы проверить. Ручаюсь, что полицейские тебя об этом не спрашивали.

– Думаешь, им это пришло бы в голову? Они же ничего не смыслят и берут что дают.

Жоан подключился к компьютеру, связанному с термоциклером, и запросил базу данных на те же критерии, что и в прошлый раз. Через две секунды высветился результат.

Восьмьсот сорок пять.

Амандина провела рукой по лбу. Они с Жоаном серьезно посмотрели друг на друга.

– Сто двадцать восемь лишних проб зарегистрировано в термоциклере, – констатировал Жоан.

– Да, сто двадцать восемь проб, которые не прошли по цепочке классической регистрации. Это очень много.

Молодая женщина вздохнула, ей было трудно переварить новость.

– Жоан, значит, это наверняка пробы, которые были у нее при себе. Какие-то пробирки она тайно проносила в лабораторию для амплификации содержимого в машине, а потом анализировала результаты вместе с лабораторным материалом.

Амандина обвела взглядом лабораторные столики:

– Никто здесь не мог знать, что она работала с левыми пробками. И не оставалось никаких бумаг, никаких следов, разве только использование этой машины. Вот почему она боялась. Это было единственное слабое место.

– Если она могла вносить пробирки, то могла и выносить их, проанализировав. Все шито-крыто.

Жоан снял перчатки и выбросил их в мусорное ведро.

– Черт, что все это значит? Откуда брались эти пробы? И ты думаешь, что неизвестный H1N1 прошел через ее руки задолго до того, как его обнаружили в организме лебедей и зараженных лиц?

Он сам не мог поверить в то, что сказал, и все же одна из их коллег обманула их доверие и использовала аппаратуру в личных целях. В обход всех процедур. На это наверняка была серьезная причина.

– Сначала поищем, на вопросы будем отвечать потом, – отрезала Амандина. – Но я очень боюсь того, что начинает вырисовываться. Северина во что-то впуталась, теперь это ясно.

Она ткнула пальцем в экран:

– Скажи, ты можешь изменить даты запросов? Посмотреть, с какого момента количество проб в термоциклере расходится с количеством зарегистрированных анализов? Чтобы понять, с каких пор Северина начала тайком проносить пробы?

Жоан повиновался и изменил начальную и конечную даты, отодвинув их в прошлое. Он начал с января 2013-го. В этом месяце все еще было в рамках: Северина использовала термоциклер столько раз, сколько сделала зарегистрированных анализов. Расхождения появились в марте. Шесть лишних анализов в термоциклере.

– Стало быть, это началось около десяти месяцев назад, – мрачно сказал Жоан. – Сперва понемножку, потом, со временем, количество призрачных анализов росло. Десять, шестнадцать, наконец до четырех десятков в месяц.

– Вошла во вкус...

– Но она никогда не делала их больше двух-трех дней, чтобы не попасться. Черт, во что же она ввязалась?

Амандина направилась к выходу из лаборатории.

– Я скажу Жакобу. Но у меня такое чувство, что я знаю, у кого она просила прощения.

Перед уходом она вымыла руки.

– Не у нас с тобой, или у кого в отдельности. А у всех...

Невидимый в сумраке, Шарко ждал под мостом Морлан, жуя резинку, чтобы заглушить окружающие его запахи мочи и смерти.

Каменная ниша напротив, где жил Жаспер, была пуста. Валялись только картонки, пустые бутылки, кучка тряпья. Бомж, наверно, ушел выпрашивать пищу и мелочь на улицах города.

Человек, которого ждал полицейский, Фабрис Шомбо, появился через десять минут. Молодой, лет тридцати, с короткими черными волосами, плохо выбритый. На нем был серый рабочий комбинезон, зелено-синий жилет, в руках две каски. Большой фонарь висел на шее, к поясу крепились многочисленные инструменты. Он оглядел Шарко с головы до ног. Уходя из дома утром, полицейский знал, что его ждет, и захватил с собой старые джинсы, свитер и пару страшных грубых башмаков. Его костюм лежал сложенный в машине.

– Обувка у вас неподходящая...

На нем самом были высокие, до щиколоток, тяжелые ботинки.

– Я это к тому, что там, куда мы идем, надо смотреть под ноги.

Шамбо снял с пояса инструмент и легко поднял крышку люка. Потом протянул Шарко пару перчаток и каску. Она отличалась от той, что нашли в пруду.

– Каска – это обязательно. Слушайте, есть ведь другие входы, ближе к тому месту, куда мы идем.

– Да, но я хочу пройти через этот.

– Хозяин – барин...

Шарко надел перчатки и каску и быстро слез по лестнице. Рабочий спустился на несколько ступенек, вернул на место крышку и присоединился к полицейскому. Он зажег свой большой фонарь, дал Шарко другой, поменьше. Длинный туннель окрасился в цвет охры, вода стала черной и блестящей. Она текла медленно, движимая только силой тяжести. Откуда она течет и куда? – мелькнуло в голове у Шарко.

– Они вам хорошо заговорили зубы в техническом отделе, верно? Современная, совершенная сеть. Да, это они умеют, только не им сюда спускаться... Некоторые говорят, что канализация – это совесть города, мол, все стекается сюда. А что тут есть, скажите на милость, кроме дерьма?

– Почему же вы здесь работаете?

– Кому охота целый день месить дерьмо? Но работать-то надо, выбора

нет, верно? Работающие здесь живут на семнадцать лет меньше среднего и подцепляют уйму всякой пакости. Они нам за это досрочную пенсию. Одно преимущество и есть, но когда доработаешь, ты уже почти покойник.

Шомбо развернул карту и взглянул на нее:

– Ладно, короче, добро пожаловать в Париж под Парижем. Туристов только тут поменьше, чем наверху, поспокойнее, сами увидите. Идите за мной.

– Нужна, наверно, хорошая физическая форма, чтобы спускаться сюда?

– Еще бы. И ходить надо много, и лазить, и тяжести таскать. Мэрия не нанимает никого старше сорока. Еще не допускаются страдающие клаустрофобией, но это уж само собой.

Шарко думал о типе, которого они ищут. Он тоже таскал по лесу камни, поднимал и привязывал к ним четыре скелета, перенес жертву и пса на пятьсот с лишним метров. Значит, он молод, крепок, в хорошей форме.

Они не прошли и двух минут, как лейтенант полиции увидел что-то черное, метнувшееся в метре от него справа. Крыса с жесткой шерсткой, с хвостом длиннее туловища.

– Наши самые верные друзья. Бросаются на вас, стоит подойти близко, а как прыгают – закачаешься. Надо видеть, как они нападают, паршивки. Заражают нас лептоспирозом, крысиной болезнью, через свою мочу. Иногда это лечится. А бывают жуткие кровотечения, почки отказывают. Короче, держитесь-ка от них подальше...

Шарко и не собирался приближаться. Он брал пример с крыс: шел, прижимаясь к стенам.

– Еще увидите тараканов, пауков здоровенных. Кузнечики тоже есть, это вам к площади Италии, их там тьма-тьмущая.

– Просто хочется наведаться.

– Однажды я даже видел флоридских черепах, плавали как у себя дома. А вот все эти истории про крокодилов и аллигаторов, которые будто бы здесь водятся, – полная чушь.

Они свернули в полость овальной формы, чистую и почти сухую – только струйка воды бежала посередине. Повсюду трубы, провода. Шарко представилась кабина космического корабля, как их показывают в фильмах. Вот только он увидел прямо над головой грибы, очень похожие на шампиньоны, так метко именуемые парижскими грибами.

– Говорят, они съедобные. Лично я никогда не пробовал... Кстати, что вы, собственно, ищете? Меня попросили отвести вас в то место, где скапутилась часть старой водопроводной сети. Туда больше никто не ходит,

знаете?

– Вот именно, это мне и нужно. Побывать там, куда никто не ходит.

– Ну, если охота. Так, сейчас будет сложновато, мы подходим к стыку двух коллекторов сточных вод. Вы лучше зажмите нос... Или дышите ртом...

Шарко достал из кармана маску и надел ее. Шомбо ухмыльнулся:

– Вы таки подготовились.

– Не совсем...

Шарко сощурился, местечко было гнусное. Поток воды неопределенного цвета, вытекая из узкого туннеля, впадал в другой, пошире. Полуразложившиеся отходы – туалетная бумага и прочее – липли к стенам на высоте метра. У Шарко мелькнул в голове вопрос, как эти нечистоты попали так высоко. Он вспомнил о наводнениях. Вода поднимается, и все вместе с ней, понятно...

Выгнутые стены были покрыты грязью, трубы разъедены ржавчиной. Запах проникал даже через маску. Сыщик подумал о листьях мяты, найденных вблизи от мест похищения и преступления. Чтобы отбить вонь? А наркотик, лауданум? Их убийце нужен был кайф, чтобы спускаться в эти смрадные потемки?

У Шарко нарастало чувство, что он на верном пути. Тот, кого они ищут, бродил в этих глубинах. Передвигался под землей Парижа, скрытый от глаз, как крот. Среди общества, но невидимый.

В параллельном измерении.

Кто он? Зачем похитил этих людей, чтобы потом сжечь их тела кислотой?

Они перепрыгнули с берега на берег. Блуждая в этом лабиринте, Шарко понимал, что не сможет найти дорогу без своего проводника. Даже его телефон здесь не ловил сеть. Он оценил, до какой степени подземный Париж сложен, непостижим, с его станциями метро, катакомбами, канализацией. Столица стояла на настоящем сыре с дырками, где жили странные животные, а возможно, и человеческие существа, никогда не выходившие на поверхность. Обитатели ада...

– Еще далеко?

– Мы где-то на полпути. Ага, я же вам говорил, сами напросились.

Да, он сам напросился, и уже жалел об этом, хоть и не далее, как вчера, сетовал, что вынужден ловить людей, сидя за компьютером. Сегодня он предпочел бы мониторы дерьму.

Они спустились еще ниже. Стены сжимались, потолок давил. Шарко чувствовал, как бурлит вокруг него органическая жизнь. Растения,

насекомые... Плескалась вода, луч его фонаря шарил в полнейшем мраке.

Шомбо осветил дохлую крысу на их пути:

– Осторожно.

Франк отскочил слишком поспешно и ускорил шаг. На его ботинки было страшно смотреть, одежда пропиталась тошнотворными запахами. Как бы то ни было, отступать поздно. Они шли друг за другом молча, но Шомбо все чаще останавливался, светя фонарем в темные ниши. Один черный комок как будто двигался. Шарко сощурил глаза. Да, одна из дохлых крыс подрагивала, волоски ее шевелились.

– На ней столько блох, что подумаешь, живая.

Шарко поморщился, это было омерзительно. Здесь и смерть шла в ход, ничего не пропадало. Они шли еще долго, за последним поворотом пришлось пробираться между двумя балками, скрещенными гигантской буквой Х. Перед ними начинался квадратный туннель не больше полутора метров в ширину. Справа была прибита синяя табличка вроде тех, на которых написаны названия улиц: «Аварийное состояние, угроза наводнения и затопления. Вход строго запрещен».

– Вот. Пройти туннель, и мы на месте.

– Наконец-то...

– Осторожней, пригнитесь, чтобы не приложиться головой. Раны здесь воспаляются в два счета.

Они нырнули в черный зев, Шомбо впереди. Шарко шел согнувшись, держась руками в перчатках за стенки туннеля. Рабочий обернулся посмотреть, все ли в порядке, и вдруг направил фонарь за спину Шарко, на вход. Глаза его расширились.

– Черт! Позади вас кто-то есть!

Шарко обернулся.

Луч фонаря на долю секунды выхватил из темноты силуэт, смотревший прямо на них.

Сыщик успел увидеть длинный загнутый клюв – и тень исчезла.

Человек-птица...

Шарко сорвал правую перчатку, схватил пистолет и, двигаясь точно сломанная кукла, побежал ко входу.

– Стой!

Он с трудом выпростался из узкого зева. Силуэт уже сворачивал в другой туннель, ловко прыгая над водой. Франк больше не раздумывал, он кинулся в погоню, несколько раз едва не растянувшись. Подошвы скользили, он задевал поток, утекавший во тьму. Он устремился в подземелье так быстро, как только мог, фонарь светил на манер маяка, оттого что приходилось балансировать руками.

Тяжелое дыхание, поток кислорода. Он сорвал маску, переводя дух. Ноги в дерьме. Он обошел какой-то аппарат, стального тролля, прицепившегося к гигантской трубе. Ржавые цепи свисали, точно щупальца.

Выбежав в полость пошире, он уже слышал только далекое хлюпанье шагов. Коридоры расходились в разных направлениях. Сыщик прислушался, но не смог определить, откуда доносятся звуки. Он устремился наобум в один из коридоров, соскользнул по покатому склону, который заканчивался тупиком. Упершись руками в колени, перевел дыхание.

– Черт-те что!

Он повернул назад, кипя от ярости. Итак, теперь он тоже видел птицу. Этот ряженный тип бродил по канализации. Жилец тьмы. Следовал ли он за ними? Знал ли, что они сегодня спустятся?

Сыщик огляделся, не зная, куда идти. Он уже не ориентировался. В пылу погони он не следил за дорогой. Все было похоже, отверстия, туннели. Он свернул в один, ничего не узнавая.

И вернулся назад, уже в панике.

– Эй! Я здесь! Месье Шомбо!

Его голос гулко отдавался от стен и эхом возвращался к нему. Он попытался успокоиться, совладать с дыханием, сосредоточиться и

действовать методично. Стал звать через равные промежутки времени. Тишина окружала его, нарушаемая лишь цоканьем крысиных коготков вдоль стен. Цок-цок-цок-цок. Круглые черные глазки смотрели прямо на него. Шарко ускорил шаг, снова побежал и закричал.

И тут наконец до него донесся голос проводника:

– Продолжайте звать и стойте на месте! Я иду!

Шарко повиновался, чутко прислушиваясь. Крысы могли выскочить откуда угодно, и он знал, что заорет, если эта мерзкая тварь его коснется. Три минуты спустя они встретились с Шомбо. Тот обшаривал лучом фонарика каждый уголок.

– Что это было?

– Тот, кого я ищу. Тип, который за каким-то бесом рядится птицей и бродит по туннелям.

– Дерьмо...

– Очень точно подмечено.

Они вернулись в узкий туннель. Шарко шел осторожно, обходядохлых крыс. Он снова надел маску, дышал прерывисто. Запах стал невыносимым.

Они прошли по толстой решетке, под которой журчала вода. Теперь Шарко почти удалось выпрямиться. Огромные балки были совсем рядом с головой; сорванные трубы, изломанные куски стали торчали, точно кинжалы.

Наконец они вышли из тесной горловины в более просторное помещение.

Оба застыли на месте, светя фонарями во тьму.

Невероятно!

– Идите сюда!

Амандина ждала у поста охраны Пастеровского института. Она подбежала к Люси, которая звала ее из машины, и села на пассажирское сиденье.

– Рукопожатия, насколько я поняла, исключены.

– Но я рада вас видеть... Куда мы едем?

– Будучи полицейским, учишься делать много дел одновременно, и это особенно актуально сейчас. Так что я слушаю, что вы хотите мне рассказать, и параллельно еду в отель «Меридьен Этуаль». Ваша коллега Северина Карайоль, похоже, проводила там время с призраком.

– Как это – с призраком?

– Патрик Ламбар, настоящий, умер пять лет назад. Этот врач из Второго округа скончался от рака в две тысячи восьмом году, – объяснила Люси. – Меня просветила секретарша медицинского центра, где он работал.

Дав Амандине переварить информацию, Люси добавила:

– Мы получили результаты вскрытия, их уже сообщили вашему шефу. Ваша коллега Северина не покончила с собой, ее отравили цианидом. Метод старый, но действенный. Но расскажите мне, что вы обнаружили сегодня утром. Коротко и ясно.

Амандина помедлила с ответом, переживая шок от свалившихся на нее откровений.

– Я порылась в памяти аппарата под названием термоциклер. И узнала, что Северина проанализировала больше трехсот незарегистрированных проб за период с девятого марта до третьего октября тринадцатого года. Есть одна вещь, над которой я раздумывала и никак не решалась мысленно сформулировать, но... после того, что вы мне сказали, загорелся красный свет.

Люси свернула на авеню Бретей:

– Я вас слушаю.

– Я не знаю, когда точно познакомились Северина и этот псевдо-Ламбар, но где-то в начале года. В январе, может быть, в феврале, трудно сказать. А насчет их разрыва, Северина как раз сказала мне, что это случилось полтора месяца назад. Ламбар, или кто он там, ушел и больше не подавал признаков жизни, это сломило Северину.

– То есть, если брать глобально, длительность их загадочных отношений соответствует периоду, в который Северина делала левые анализы?

– Да, в точности.

– Как вы думаете, почему Северина это делала? Мог ею манипулировать этот Патрик Ламбар?

– Любым из нас могут манипулировать. Идеальных людей нет. Всегда найдется слабое место. Деньги, любовь, мечта... Северина занималась работой, которая нравилась ей все меньше, я это видела. Для нее это был конвейер. Она анализировала вирусы, а могла бы собирать двигатели машин, ей было все равно.

– Что она искала в этих незарегистрированных пробах? Зачем были нужны эти призрачные анализы?

– Лаборатория, где она работала, изучает исключительно вирусы гриппа. Значит, вирус гриппа она и искала. Вероятно, тот самый, что распространяется сегодня.

– А откуда, по-вашему, брались эти пробы?

Амандина посмотрела на убегающие дома, глубоко задумавшись, потом повернулась к Люси:

– Это и есть главная загадка. Мы думали о генетической манипуляции, но это представляется все менее вероятным, учитывая количество проб, проанализированных Севериной. Она охотилась за этим вирусом, почти наверняка. И это непонятно.

Они проехали по мосту Альма. Амандина покачала головой:

– История сложная, темная. Я пока не могу связать факты. Скажите, если настоящий Патрик Ламбар умер, мы имеем дело с присвоением личности, так ведь?

– Не уверена, что «присвоение» – то слово, и не знаю, как далеко зашел Ламбар в своей лжи. Вот я вам сказала, что меня зовут Люси Энебель и я служу в парижской уголовке. Могут пройти месяцы, прежде чем вы узнаете, что мое настоящее имя Мадлен Флорез, что я работаю в какой-то конторе и никогда в жизни не служила в полиции. Это скорее просто ложь, чем настоящее присвоение личности. Так, наверно, и было с Севериной. Этот человек лгал ей с самого начала, а она ничего не проверяла. С какой стати, если он втерся к ней в доверие?

– В таком случае это великий манипулятор. Он использовал ее, а потом... выбросил, как грязный носовой платок.

– Мерзавец худшего пошиба. Остается узнать, действительно ли он использовал Северину Карайоль в своих целях, или она была с ним заодно.

Тот факт, что он ее убрал, еще не доказательство ее невиновности. Такие люди редко оставляют свидетелей.

Амандина вздохнула. Ей было грустно за Северину, но в то же время она ужасно на нее злилась. Карайоль была исследователем, ее цель – защищать, помогать, а не разрушать. Она, возможно, стала причиной чудовищной биологической и санитарной драмы.

Люси нашла свободное место на парковке, предназначенной для поставщиков, на бульваре Гувьон-Сен-Сир и, не раздумывая, припарковалась.

– Нарушаете.

– Подождите меня здесь.

– Вы шутите? Я с вами.

Люси посмотрела ей в глаза и вышла из машины, ничего больше не сказав. Амандина последовала за ней. Две женщины направились к внушительному отелю, расположенному вблизи от самых роскошных кварталов Парижа. В огромном холле сочетались модернизм и благородство, хром и мрамор.

– Я, может быть, задам нескромный вопрос, но почему вы никогда не снимаете маску?

– Потому что вы потенциально опасны.

Лейтенант полиции подняла брови и обратилась к портье, которая, увидев трехцветную карточку, сразу пошла за своим начальником. Люси умела действовать так, чтобы все закрутилось очень быстро. Роскошные отели всегда старались избежать дурной рекламы и, соответственно, нежелательного присутствия полицейских. Они уединились в кабинете, начальник подключился к компьютеру и ответил на все вопросы Люси.

– Нет, на имя Северины Карайоль номер не бронировался, зато есть запись на имя Патрика Ламбара. Он дважды бронировал молодежные апартаменты, в апреле и в октябре.

Сидя на стуле рядом с Амандиной, Люси наклонилась вперед:

– Вы можете распечатать для меня эту информацию?

– Конечно. Даты, сроки пребывания, сумма счета...

– Как он расплачивался?

– Наличными.

Люси поморщилась. Разумеется, он был осторожен.

– Но вы же снимаете копию банковской карты клиента на случай проблем?

Он встал, подошел к принтеру и протянул Люси листок:

– Да. Номер банковской карты у меня перед глазами, но я не знаю...

Люси достала блокнот и ручку.

– Не будем терять время. Говорите.

Он помялся, но все же продиктовал номер. Люси вышла из комнаты и позвонила, чтобы как можно скорее узнать имя владельца по номеру карты. Это займет максимум час. Люси вернулась в кабинет, но осталась стоять в дверях.

– Можно посмотреть номер?

Мужчина постучал по клавиатуре, посмотрел на экран и кивнул:

– Там только что убрали, идемте.

Они молча прошли по коридору, поднялись на лифте.

– Я заметила камеры видеонаблюдения в холле, – сказала Люси. – Мне понадобятся записи, соответствующие двум датам пребывания Ламбара.

– Их хранят только две недели, а месье Ламбар был давно, мне очень жаль.

Люси выругалась. Ламбар был осторожен и регулярно менял отели. Вряд ли кто обратил на него внимание, сотни человек бывали здесь каждый день.

Мужчина остановился перед номером 413, открыл дверь универсальным ключом и посторонился, пропуская двух женщин. Номер был великолепен, весь в изгибах и изломах, качественный дизайн, ванная комната с итальянским душем и угловой ванной. Огромная кровать, гостиная, уголок с письменным столом. Люси заметила у раковины флакончики с гелем для душа, такие же, какие были в ванной у Карайоль.

Амандина была ошеломлена:

– Мечта. Сама бы она не смогла позволить себе подобный номер. Сколько?

Люси взглянула на распечатку и сложила цифры в двух строчках:

– Четыреста евро за ночь в апреле и... восемьсот евро пятого октября.

– Пятого октября? Через два дня после последнего левого анализа, – отозвалась Амандина.

Люси повернулась к начальнику, который стоял в дверях:

– Сумма уж очень велика. Почему?

– Они, должно быть, пользовались дополнительными услугами. Минибар, шампанское... Я могу посмотреть детали в компьютере.

Люси взглянула на Амандину:

– Они что-то праздновали...

– Открытие...

Амандина подошла к окну и сняла маску: ей надо было подышать. Она представила себе, как Северина с незнакомцем чокаются хрустальными

бокалами, а под рукой у них, в пробирке у кого-нибудь в кармане, мерзость, способная заразить целые народы.

Амандине было нехорошо. Подумать только, что она работала рядом с Севериной и ничего не замечала. Использовать живое для уничтожения живых существ... Это так аморально, это посягательство на сами основы рода человеческого.

Как могла Северина, ученый-микробиолог, совершить такое?

– Этого не может быть. Какой кошмар!

Сделав несколько глотков нефильтрированного воздуха, она аккуратно надела маску и вернулась к Люси.

– Можно, стало быть, предположить, что наш неизвестный H1N1 прошел через лабораторию пятого октября, – сказала Амандина. – Седьмого ноября он заразил одну из первых птиц – лебедя Мак-Дума...

– Ламбар хранил его больше месяца, пока все устроил... спланировал... подготовил сценарий, который разворачивается сейчас.

– Он ждал волны сезонного гриппа, чтобы навести тень на плетень. Все было тщательно срежиссировано. Получив вирус, он бросает Северину и исчезает. Она продолжает работать в лаборатории как ни в чем не бывало, прекрасно сознавая, что ее, надо думать, поймали по полной... Отсюда депрессия?

– Почему же он отравил ее только сейчас?

– Из страха, что она даст слабинку и заговорит? Вирус уже распространился, все службы безопасности подняты на ноги. Карайоль наверняка не выдержала бы давления и допросов. Ламбар не хотел оставлять никаких следов, никаких свидетелей.

Люси думала о компьютерном вирусе, о расположенных кругами птицах на острове Рюген, об инфекции, занесенной во Дворец правосудия. Все это требовало изрядных организаторских способностей и хорошей осведомленности.

Их наверняка было несколько. CrackJack, Ламбар, Человек в черном... Армия тьмы, идущая к одной цели: убивать и разрушать.

Они молча спустились вниз. Люси ненадолго задержалась в кабинете портье и встретила с Амандиной у выхода.

– Надо проверить еще три отеля, где, я полагаю, они были. Как знать. Я могу забросить вас в Институт Пастера и...

– Вы от меня так легко не отделаетесь.

– Хоть попробовать стоило. Скажите, вы знаете, как познакомились Северина и Ламбар? Помните какие-нибудь детали, которые могут помочь нам его найти? Географические, физические?

Амандина задумалась.

– Она никогда не показывала мне фотографий, ничего такого. Все, что я знаю, – встретились они в баре.

– Вы не помните названия этого бара?

Амандина порылась в памяти и покачала головой:

– Она мне не говорила. Хотя и редко, но Северине случалось куда-то заглянуть выпить. Куда именно, я понятия не имею... Бары, рестораны – это не мое.

Тут у Люси зазвонил телефон. Она ответила, и лицо ее исказилось. Амандина услышала, как она тихонько выругалась, отключаясь.

– Что случилось?

– Это по поводу номера банковской карты, с которой была снята копия. Люси скрипнула зубами.

– Это карта Северины Карайоль.

Шарко с рабочим ждали в глубине замощенного двора на улице Бискорне.

Под ногами у них был люк канализации, через который они вышли, расположенный в нескольких сотнях метров от квадратного туннеля. Видимо, здесь выбрался на поверхность и человек, переодетый птицей, потому что чугунная крышка, когда они пришли, была слегка сдвинута. И, как объяснил Шомбо, место это было самое укромное, заслоненное от соседних домов полосой деревьев и высокой стеной. Возможно, их человек снял костюм, перед тем как выйти, и растворился среди прохожих на улице.

Николя появился через полчаса вместе с офицером службы криминалистического учета Оливье Фортраном, который уже работал с ними по жертве в Медоне и ее собаке. Он нес мешок с защитной одеждой для работы на месте преступления. Он пришел один, чтобы узнать, чего хочет Шарко, прежде чем вызвать свою команду криминалистов. Он тоже буквально разрывался на части.

– Надеюсь, что дело того стоит. Мне еще разбирать массу данных, и телефон звонит непрерывно.

– Надевайте костюм, маску, и спускаемся.

Белланже посмотрел на коллегу. Губы у Шарко были сжаты, взгляд мрачный.

– Ты мог бы описать этот костюм птицы? Сказать хотя бы приблизительно, какого роста был этот тип? Как выглядел?

– Было темно. Я мало что видел. Но он двигался быстро и, похоже, знал подземелье как свои пять пальцев.

Они надели комбинезоны, бахилы, защитные маски.

– Кстати, пресс-конференция министра состоялась?

– Министр выскажется, когда мы будем внизу.

Пятеро мужчин спустились. Николя шел почти на цыпочках, стараясь не ступать в органические отходы.

– Раньше ты выбирал для встреч местечки погламурнее, Франк.

– Старею.

Он угадал улыбку Белланже под маской. Но в улыбке этой не было ничего радостного, ему скорее хотелось снять напряжение в ожидании худшего. Они прошли несколько сотен метров за проводником, который вывел их к узкому туннелю.

– Вы можете подождать нас здесь? – спросил его Шарко.

– Хорошо.

Шарко пригнулся и пошел первым.

– Осторожней, наклоняйте голову... И вонища там просто невозможная. Это, наверно, труднее всего вынести.

Ноги хлюпали по лужам, фонари пронзали тьму, точно любопытные глаза. Огибая крысиный трупик, Николя вдруг почувствовал, что и они такие же, как эти животные: никогда не выходят на свет, бродят по туннелям и блуждают впотьмах, чтобы добраться до мерзости души человеческой. Шарко был прав. Запах проникал под маски. С каждым шагом он становился все сильнее и резче. Они вышли в переход, где смогли слегка выпрямиться, и затем наконец в последнее помещение.

Усталые лица вытянулись от изумления.

– Боже мой... – вырвалось у Николя.

На полу в каждом углу помещения лежала цепь, заканчивающаяся стальным кольцом. Все четыре были выкрашены. Белая, черная, красная и зеленая.

Николя, сморщившись, прикрыл маску тканью балахона. Все шли согнувшись, чтобы не задевать низкий потолок. Они увидели большие бидоны соляной кислоты с предупреждающими этикетками. Была еще хлорка в огромном количестве, банки с краской и кисти. Сваленная в углу гора грязного тряпья. Открытые консервные банки с гниющими остатками пищи. Раздавленные бутылки воды. И невообразимый запах, смесь кислоты, плоти и экскрементов.

Они прошли дальше, к правой стене, где сочилась струйка воды, стекавшая сквозь решетку у них под ногами в черный поток несколькими метрами ниже. Николя подумалось, что это, возможно, и есть река Ада.

Они наткнулись на маленькую нишу, что-то вроде алтаря, со сгоревшими свечами на полу. На стенах висели распятия, но вверх ногами. В углу кучка листьев мяты, бутылка абсента, флакон лауданума. Губки, уксус... Выше на стене висели десятки фотографий, прибитые гвоздями. На некоторых – Феликс Бланше и его собака, снятые под разными углами. Изувеченные, окровавленные. Снимки были сделаны со вспышкой, в лесу, там, где нашли тела. Наверно, мобильным телефоном: качество было невысокое.

А на других снимках – мужчина, женщина и три мальчика лет десяти, лежащие в ряд, как сардины в банке, на грязном полу. Голые. Белая кожа, светлые волосы. Множество ран, увечий.

Звериная жестокость.

Еще пять трупов на глянцевой бумаге... Где же эти тела? Николая тяжело дышал под маской, ему не хватало воздуха. Влажная атмосфера давила, дышать было нечем. Он кинулся, согнувшись, к выходу и сорвал маску. Но запах был в десять раз хуже. Его чуть не вырвало. К нему подошел Фортран:

– Я вызываю команду. Условия работы будут не из приятных. Сделаем снимки, возьмем пробы. Будет нелегко, учитывая трудный доступ и нездоровую атмосферу. Боюсь, ребятам не понравится это гнилое подземелье. Нам приходится работать в разных условиях, но тут...

Он скрылся в туннеле.

Шарко по-прежнему стоял согнувшись посреди помещения. Надо было преодолеть ужас, чтобы всмотреться и попытаться понять.

Почему?

Николя стоял у входа.

– Эти распятия вверх ногами... Это отсылка к падению, к сошествию в Ад. Один из символов сатанизма. Тех, кто поклоняется абсолютному Злу.

Зло, преисподняя, снова и снова. Шарко окинул взглядом помещение:

– Здесь было его логово... Его убежище... Психопат.

Николя вернулся к нише и взгляделся в фотографии.

– Похоже, помимо убийства в Медоне и похищения бомжей, он истребил целую семью... Отца, мать и троих детей... Кто они? И за что их?

Шарко тоже было трудно дышать. Вода текла под его ногами, решетка вибрировала от каждого шага. Он подался вправо, наклонился, рассмотрел стальное кольцо зеленого цвета. На нем была кровь, клочья кожи прилипли к металлу. Узники, видно, делали все, чтобы освободиться. Обдирали кожу, плоть. Каким мучениям надо было подвергнуться, чтобы дойти до такого?

– Зачем выкрасили эти цепи? Почему в четыре цвета? Тебе это что-нибудь говорит?

– Еще один бред сумасшедшего.

– Это наверняка имеет важное значение. Во всяком случае, для него.

Шарко выдохнул и вдохнул через рот.

– Четырех человек держали здесь в заточении... У них были еда, вода, все, чтобы продержаться какое-то время.

Он повернулся к своему шефу:

– Два бомжа из порта Арсенал исчезли примерно месяц назад. О двух других неизвестно, но вполне вероятно, что они были похищены тогда же. И наш человек избавился от тел три дня назад. Что произошло за все это время? Чему их подвергли?

Шарко представил себе, как ряженный человек, вооруженный когтями,

идет по зловещим туннелям в это гнусное место, чтобы «заняться» своими пленниками. Он, должно быть, укрывался в своей нише, чтобы предаваться фантазиям, наблюдать, а возможно, и совершать сатанинские ритуалы. А потом выходил на поверхность и смешивался с толпой. Этот человек покупал хлеб, ходил по магазинам, может быть, целовал своих детей на ночь и рассказывал им сказки.

Он дернул за зеленую цепь, натянул ее. Около двух метров прочных звеньев, конец крепился к штырю, вбитому в камень. Николая наблюдал за его действиями, он никак не мог привыкнуть к запаху.

– Четыре несчастные жертвы, каждая помещена в угол. Почему? Их наказывают? В чем-то обвиняют? Или просто хотят помучить? Пытают одну, а остальные смотрят, не в силах ничего сделать?

Николя Белланже потер лицо:

– Мне осточертела эта мерзость.

Шарко направился к другим цепям и так же вытянул их к центру. Между кольцами оставалось больше метра.

– Похоже, все рассчитано. Они не могли соприкоснуться. Разве что, может быть, передать друг другу воду или пищу, но не более того. Никакой другой взаимопомощи. Никакой возможности прийти друг другу на выручку.

Николя потирал руки в перчатках, латекс скрипел.

– Ты думаешь, их палач – рабочий канализации, да?

– Во всяком случае, кто-то, хорошо знающий канализацию. У него есть ее планы. Он может знать о существовании этого заброшенного места, куда вход запрещен. Потом, каска, которую мы нашли, сероводород... Проблема в том, что их очень много. Одних только рабочих канализации больше трехсот.

– По крайней мере, мы знаем, где искать. Есть надежда его найти.

– Это может занять уйму времени.

Николя в последний раз окинул взглядом помещение:

– Уйдем-ка из этого ада.

Эта среда выдалась тяжелой. Было всего шесть часов вечера, но лица полицейских осунулись. За эти несколько дней нервы и моральный дух каждого подверглись суровым испытаниям.

Николя вошел в общий зал вместе с Камиль и Амандиной Герен. Он успел принять душ и переодеться. Больше четверти часа стоял под мощными струями, чтобы смыть с себя мерзкие запахи. Шарко уже сидел на своем месте в глубине комнаты. В ожидании совещания он загрузил и установил навигатор SCRUB. После этого запустил программу и ввел оставленный Томео адрес с окончанием. dkw, дающий доступ к Hidden Wiki и, в один клик, к невероятному списку хакеров. Компьютерщик был прав: загрузить SCRUB, выйти в Darknet и дорваться до худших извращений было детской игрой. Уж если даже он сумел это сделать и успел взглянуть на такое, что его замутило. Николя вышел на середину офиса:

– Я предлагаю подвести итог всем вместе. Амандина Герен здесь, чтобы держать нас в курсе развития ситуации и оказывать научную помощь в расследовании, касающемся H1N1. Я хочу, кстати, поблагодарить ее за это.

Он быстро переглянулся с молодой женщиной, потом посмотрел на Шарко:

– А о нашем другом деле... поговорим потом.

Шарко молча кивнул, глядя на Камиль, которая села на место Леваллуа. Бертран Казю сидел за столом Паскаля Робийяра. Люси стояла поблизости, внимательно прислушиваясь.

– Пресс-конференция министра продолжалась битых два часа. Вы все в курсе в общих чертах, я полагаю?

– Трудно не быть в курсе, – отозвалась Люси. – Все только об этом и говорят.

– Амандина, вы могли бы дать нам четкое и ясное резюме того, что там действительно было сказано?

Молодая женщина постаралась говорить как можно отчетливее сквозь свою маску.

– Следует понимать, что внимание санитарных властей многих стран сейчас приковано к Франции. Правительству пришлось принять очень важное политическое решение, и была выбрана полупрозрачность.

– Полупрозрачность? – удивился Шарко. – Это еще что такое?

– Речь шла о вирусе, но ни в коем случае не о злонамеренном акте, по крайней мере публично. Я думаю, это лучшая линия поведения. Мадам министр первым делом объяснила, что на территории было выявлено некоторое количество случаев гриппа, несколько отличающегося от того, который используется для производства вакцин, что этот штамм гриппа был обнаружен у птиц, найденных мертвыми в разных местах Европы. Очевидно, вирус переносится перелетными птицами. Она назвала его гриппом птиц.

– Грипп птиц?

– Она хотела избежать термина «птичий грипп». Он слишком связан с гриппом H5N1, тем, что нанес такой ущерб несколько лет назад. «Птичий грипп» – эти слова пугают так же, как «пандемия». Она сказала, что мы имеем дело с классическим гриппом, но он, похоже, легко передается как от птицы человеку, так и от человека человеку. Когда один журналист задал досадный вопрос, а именно – каким образом грипп перешел от птиц к людям, она ответила, что это пока неясно, но Министерство здравоохранения и правительство делают все возможное, чтобы это выяснить, и принимают все необходимые меры для защиты населения.

Она выдержала паузу, чтобы полицейские уловили значение каждого ее слова. Она видела, до какой степени они встревожены.

– Посыпались вопросы журналистов. Есть ли риск пандемии? Если птицы умирают, могут ли умирать и люди? Когда появится вакцина? Сколько смертельных случаев? Можно ли еще без риска есть птицу? Конца этому не было. Заместитель министра здравоохранения и высокий чин из ВОЗ, присутствовавшие на пресс-конференции, приняли эстафету и выступили весьма успешно. Они объяснили, что *grosso modo*^[18] грипп уже идентифицирован, *a priori* он не опаснее сезонного гриппа, но очень легко передается и может распространиться очень быстро, потому что нет никакой иммунной защиты, никакого барьера.

Она заглянула в свои записи.

– Затем последовал раздел «профилактика». Министр возвала к ответственности каждого, чтобы затормозить эпидемию, ведь, если ничего не будет сделано, грипп исключительно быстро распространится по всей территории страны. Она напомнила элементарные правила гигиены: при малейших симптомах показаться врачу, мыть руки, носить маски – они есть в аптеках и в медицинских центрах. Избегать всяческих контактов, если чувствуешь, что заболел. Врачи, при подозрении на случай, должны срочно отправлять пробы на анализ в Национальный центр изучения гриппа. Она

также призвала не прерывать обычной деятельности, водить детей в школу, ходить на работу. Это ПРИ-О-РИ-ТЕТ. Случаев заболевания еще очень мало, они затронули ничтожный процент населения, но процент обеспокоенных людей куда выше. Она напомнила, что именно поведение людей прежде всего определяет ход крупных эпидемий и что, если каждый внесет свой вклад, мы избежим всемирной пандемии. Вот в общих чертах все, что было сказано.

– Что ж, – вздохнул Шарко, – это очень обнадеживает. Разумеется, о смерти Северины Карайоль упомянуто не было.

– Нет-нет, сами понимаете. Пресса не в курсе. Пока еще, слава богу.

Камиль внимательно слушала. Ее рабочий день уже закончился – единственное преимущество административной работы: нормированный график, – и она ждала Николя, чтобы вместе вернуться домой. Конечно, она не упустила случая полюбопытствовать.

– А как обстоят дела с вирусом на сегодняшний день? – спросил Франк.

– Прежде всего, штамм отправлен во все ведущие вирусологические лаборатории мира, где продолжают и углубят изучение его генома и характеристик. Это сложно объяснить, но, скажем так, некоторые его отрезки будут сравнены с вирусами свиного и птичьего гриппа. Можно также надеяться, что нам удастся узнать, из какого региона мира он происходит. Ведь откуда-то же он взялся.

– Если найдут это место, то станет ясно, где его раздобыл тот, кто распространил его во Дворце правосудия, так?

– Именно, но это дело нелегкое, может занять несколько дней, а то и недель. Вирус также находится под постоянным контролем эпидемиологического надзора. Это значит, что в случае его появления еще где-то не надо будет терять время на углубленные анализы, его идентифицируют очень быстро... Также в разных странах готовятся к возможной пандемии, разворачивают планы борьбы с гриппом. Всемирная помощь, поставка противовирусных препаратов со складов ВОЗ, создание команд исследователей для разработки вакцины... Да, эта пресловутая вакцина в ближайшие недели станет очень сильной ставкой в экономике и политике. Вспомните две тысячи девятый год, битву фармацевтических компаний, миллионы доз, которые пришлось заказывать, нападки оппозиции на правительство...

Амандина ткнула указательным пальцем в письменный стол:

– Вирус распространили в ваших стенах ровно неделю назад. Сейчас, когда я с вами говорю, мы знаем, что он уже есть в Бордо, в Руане, вышел

за пределы столицы через несколько предместий. Некоторые перелетные птицы гнездятся близко к Испании. Проследив за зараженными во Дворце правосудия, около часа назад удалось локализовать девятилетнего больного, принадлежащего к третьей волне. Иначе говоря, кто-то, у кого только что проявились симптомы гриппа, заразился от своего отца, который в свою очередь заразился от друга, поевшего в ресторане Дворца правосудия. Начальную школу, где учится ребенок, завтра закроют.

– Вот бардак, – выдохнул Франк. – Если уже закрывают школы...

– В первое время закрывать будут только те, где выявлены случаи. Ведь закрыть ясли или школу – это все равно что закрыть больницу. Среди медперсонала много женщин с детьми дошкольного и школьного возраста. Если они не смогут отвести ребенка в школу, то не выйдут на работу. Надо любой ценой избежать подобного сценария, вызывающего цепную реакцию. Правительство прекрасно знает, что информация – вещь обоюдоострая. Если люди перепугаются, это еще хуже, чем если действительно заболеют. С другой стороны, если они не осознают опасности, будут беспечны, то вирус натворит дел. Во время всех пандемий большинство людей плевать хотели на грипп, им это казалось отдаленной угрозой... Но малая часть населения безумно его боялась, и этого было достаточно, чтобы посеять панику.

Люси начала лучше понимать, какие проблемы может породить такая эпидемия. Она хорошо видела это на примере их отдела: приходилось работать за отсутствующих. Но что будет в больнице, если медперсонал не выйдет на работу, в то время как приток больных будет нарастать как раз из-за гриппа? Это будет эффект снежного кома.

Амандина посмотрела по очереди на всех полицейских:

– Неизвестность – наш злейший враг. Можно предсказать траекторию астероида, продолжительность солнечного затмения, а вот пандемия непредсказуема. И совершенно невидима. В отличие от войны она не поражает инфраструктуру, не разрушает здания. Она атакует только живое. Нет ни мемориалов, ни братских могил, когда она сметает все на своем пути.

Ее слова произвели тягостное впечатление. Люси подумала, что если Амандина хотела нагнать на них страху, то ей это удалось.

– Не забывайте, след пандемий теряется в глубине веков, что делает их еще опаснее. Все помнят испанский грипп, но кто в курсе, что азиатская пандемия тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года унесла более трех миллионов жизней? А гонконгская в шестьдесят восьмом убила два миллиона человек? Эти пандемии оставляют пейзаж нетронутым, но, если

не вмешаться, они способны уничтожить целое общество. Это все равно что брызнуть инсектицидом в муравейник. Поэтому пандемии следует избежать любой ценой.

Она выдержала паузу:

– И пожалуйста, поймите того, кто совершил эту гнусность.

– Над этим мы и работаем. И спасибо вам за внятные объяснения.

Амандина молча кивнула.

– Ладно, я, со своей стороны, буду краток, – продолжал Николя. – Мы понимаем, что Северина Карайоль – важное звено этой истории, и сосредоточились на этой фигуре. К сожалению, на данный момент анализ ее мобильного телефона и компьютера мало что дал. Журнал вызовов телефона указывает в последние месяцы на регулярный контакт с мобильным номером, который, как показала проверка, не принадлежит никакому конкретному абоненту. Иными словами, отследить его владельца, который, как мы предполагаем, и есть пресловутый Ламбар, невозможно. Нет его фотографий, нет никаких следов. Анализ связей в Интернете, файлов и электронной почты еще не закончен, но пока ничего примечательного. Карайоль очень тщательно разделяла свою личную и профессиональную жизнь, а Ламбар, со своей стороны, похоже, был очень осторожен.

Амандина внимательно слушала. Такая скрытность Северины ее не удивила. Робкая, незаметная женщина. Она непрестанно задавалась вопросом, как мог этот Ламбар с ней познакомиться. Каким образом ему удалось ее подцепить? Размышляя, Амандина говорила себе, что он наверняка наблюдал за ней, прежде чем заговорить в баре, и знал, что она работает в лаборатории. Ей представлялась акула, кружащая вокруг своей жертвы, хищник, выжидающий удобного момента, чтобы напасть.

– ...Судмедэксперт дал однозначное заключение, что она была отравлена ядом, достать который несложно. Шоколадные конфеты обычные, цианид введен внутрь простейшим способом, «ловко», по словам эксперта. Мы продолжаем опрашивать соседей, родных, обзваниваем контакты ее мобильного телефона. Окружной комиссар Ламордье дал мне для этого дела двух коллег из другой бригады сроком на два дня.

Он кивнул Люси:

– Теперь ты...

– Посещение отелей и данные, предоставленные Амандиной, позволили точнее выстроить сценарий недель, предшествовавших распространению вируса. Карайоль и Ламбар познакомились где-то в январе. Встретились они, вероятно, в баре. Он никогда не бывает у нее и

вряд ли приглашает ее к себе. Они отправляются в роскошные отели, где проводят ночи. В марте лаборантка начинает свои подпольные анализы. Она прекращает их семь месяцев спустя, третьего октября. Пятого они отмечают некое «событие» в отеле «Меридьен Этуаль», очевидно, речь идет об открытии вируса. Потом Ламбар исчезает, когда точно – неизвестно. Седьмого ноября, то есть через месяц, заражены лебеди. Двадцатого наступает наша очередь. Машина запущена...

– Выходит, Карайоль поймали по полной? – предположил Франк. – Ею манипулировали с самого начала? И все это было запрограммировано и являлось частью плана.

Шарко разговорился. Николя сделал ему знак замолчать, решив, что не стоит распространяться в присутствии Амандины, засвечивать ход следствия перед гражданским лицом. Он поблагодарил ее и обещал держать в курсе. Молодая женщина помахала всем рукой и вышла.

– Однако она сгущает атмосферу, – вздохнула Люси.

– А ты думаешь, у нас тут праздник? – отозвался Шарко. – Она просто откровенна и ничего от нас не скрывает. Лучше знать, чем носить шоры.

Они обсуждали эту историю с гриппом еще добрых полчаса, каждый строил свои предположения. Камиль помалкивала, внимательно слушая. Она обожала наблюдать, как они работают, как перебрасываются репликами. Может, однажды и ей посчастливится войти в их команду.

Разговор иссяк. Они выпили кофе, сделали перерыв. Потом капитан взял со стола коричневый конверт, достал из него снимки и прикрепил их маленькими магнитами к белой доске.

– Головка не бобо? А то мы переходим к другому делу. Тоже первый сорт.

– Камиль, наверно, лучше уйти, – заметил Шарко.

– Пусть останется. Лишняя голова никогда не помешает, а сейчас особенно.

Шарко поднял руки, сдаваясь:

– Ты начальство, тебе видней...

Они тотчас перешли к другой разновидности ужаса.

Николя развесил на доске снимки, сделанные в канализационной системе службой криминалистического учета, но были среди них и те, что повесил в нише убийца.

Николя вкратце изложил события, чтобы ввести Камиль в курс дела: убийство Феликса Бланше, четыре скелета, найденные в пруду в Медоне, принадлежавшие, судя по всему, бомжам, похищенным несколькими неделями раньше. Их спуск в канализацию и страшная находка – логово убийцы, переодетого птицей, вооруженного когтями, поклоняющегося Злу, с его свечами и распятиями, закрепленными вверх ногами.

Люси и Казю подошли, чтобы поближе рассмотреть фотографии.

– Можно понять ваше состояние. Это жуть! – воскликнула Люси.

– Эксперты поработали на славу, – отозвался Николя. – Нужны крепкие кишки, чтобы там копать. – Капитан содрогнулся всем телом. – Судя по первым результатам, на фотографиях нет никаких отпечатков, никаких биологических следов ни в нише, ни на бутылках и бидонах с кислотой и хлором. Должно быть, убийца постоянно был в перчатках. Зато отпечатков полно на цепях, стенах, пище. Очевидно, это отпечатки жертв. Кусочки плоти на стальных кольцах позволят нам получить ДНК. И возможно, установить личности несчастных узников. Их тела были залиты кислотой в глубине помещения; там осталось немало... органического вещества.

– Я понимаю роль кислоты, – вмешался Шарко. – Но зачем нужен хлор?

– Дезинфицировать полы, уничтожать микробы, очищать воду, – ответила Камиль. – Он используется очень широко.

Шарко задумался. Зачем этому типу понадобилось дезинфицировать помещение? Чтобы чувствовать себя там защищенным от микробов, кишящих в канализации? Он тоже подошел к доске.

– Как ни чудовищно это выглядит, в этой дерьмовой дыре нашему убийце хорошо. Безопасно. Он приносит туда свои свечи, распятия, фотографии своих кровавых дел, свой кайф: абсент и лауданум. У него перед глазами четыре закованные жертвы, которые не могут добраться ни до него, ни друг до друга. Мы здесь в его интимной обстановке... В его голове...

Камиль рассматривала фотографии убитой семьи. Они были сняты в разных ракурсах. Вблизи, издали, сверху.

– Эта сцена преступления – снимок его души.

Стены комнаты, где лежали пять тел, были голые, серые. Окна грязные. Диван прошлого века. На одной стене висели культовые предметы ярких цветов: распятия, иконы в рамках. И здесь тоже кресты были перевернуты.

– Целая семья, в том числе трое детей. Перевернутые кресты... Мы бы об этом слышали, не так ли? Или тела еще не найдены? Может быть, стоит поискать за границей?

Николя кивнул и посмотрел на Казю:

– Ты можешь сделать запрос в Интерпол через ЦНБ^[19]? Камиль права, поищем в других странах, как знать. Постарайся задать им критерии в связи с образом действий. Царапины, проколы, перевернутые кресты, сатанизм... Может быть, там тоже пахло мятой и были кусочки губки с лауданумом и абсентом. Надо узнать, где были убиты эти люди и проводилось ли следствие.

– В отличие от убийства Феликса Бланше, это пятерное убийство выглядит преднамеренным. Расположение тел, тот факт, что их раздели. Потом, эти дети... За что он их?

– И он оставил себе памятки, сфотографировав их, – добавила Люси. – Как будто ужаса от того, что он совершил, ему было мало. Никакой жалости, никакого сострадания.

Она с досадой покачала головой. Камиль рассматривала раскрашенные цепи.

– Белый, черный, красный и зеленый. По цепи в каждом углу. Любопытно, это мне что-то напоминает, но... – Камиль принялась расхаживать по комнате, – я не могу вспомнить что.

Николя и Шарко переглянулись. Камиль снова ушла в размышления. Бывший технический работник службы криминалистического учета в жандармерии, она имела зоркий глаз и умела *читать* сцены преступления.

Люси перебирала другие снимки.

– К сожалению, его мотивы нам пока неизвестны.

Повисло долгое молчание, все глубоко задумались. Им хотелось понять, разгадать действия убийцы, взлезть в его душу, но они наталкивались на стену.

Дверь приоткрылась, и в офис заглянул мужчина. Это был Антуан Камайе, начальник антитеррористической бригады. Лицо его скрывала маска. Он посмотрел на Николя покрасневшими, лихорадочно блестящими

глазами:

– Мы засекли человека, распространившего вирус. Но наденьте маски.
Этот паршивец и меня поимел.

Кабинет комиссара Антуана Камайе располагался всего в нескольких метрах от офиса Николя Белланже, под самой крышей.

Сорокашестилетний Камайе был человеком незаметным, как шпионский микрофон. Он руководил антитеррористической секцией на набережной Орфевр три года. Николя попросил Камиль остаться в офисе; он все расскажет ей потом. Камайе был склонен к крючкотворству, и лучше было не раздражать его присутствием человека со стороны, который к тому же не является офицером криминальной полиции.

Но сейчас он, похоже, был не в лучшей форме.

– Через два-три часа я буду лежать в лёжку, – сказал он из-под маски. – У меня жар, все тело ломит. Можно сказать, этому сукину сыну удалась его затея.

– И ты еще ничего не сказал людям из Пастеровского института? – отозвался Николя.

– Работы невпроворот... Я хотел довести дело до конца. Черт, как это некстати.

Он повернул экран своего компьютера к троим коллегам:

– Пока я еще на ногах, хотел вам сказать, что у нас есть кое-что серьезное на человека, возможно распространившего вирус. Мы изъяли все записи камер во Дворце правосудия. Изображение хорошего качества. Мы... – Он сжал голову руками. – Извините... мы сосредоточились сперва на двух постах охраны на входах, за среду, двадцатое ноября, с одиннадцати тридцати до четырнадцати часов, это предполагаемая дата распространения вируса и время, когда открыт ресторан.

Он кликнул на иконку.

– Мы уже выделили интересующую нас часть и сделали монтаж. Видео начинается у поста охраны на входе с улицы Арлэ.

На экране пошло видео. Холл, снующие силуэты. Вид сверху на пост охраны. Часы показывали 12:22. Камайе нажал на «паузу», когда открылась входная дверь и вошел человек в черной каскетке.

– Вот он.

Он снова запустил видео. Шарко почувствовал, как все его мускулы напряглись. Этот негодяй был здесь. Он подошел к входной рамке, ничего не положив в лоток. По просьбе жандарма снял каскетку. Короткие черные волосы. Он прошел под детекторами, надел каскетку и пошел дальше. На

нем были синие джинсы и длинный серый плащ.

Камера сменилась. Теперь он двигался по большому холлу Дворца со стороны улицы Арлэ. Шарко не отрывал глаз от экрана.

– Он не поднимает голову.

– Да. Он точно знает, где находятся камеры, а ведь их во Дворце полно. По этой манере поведения мы и решили, что это наш человек. Шагает быстро, знает, куда идет. Это единственный по-настоящему подозрительный человек, который прошел в одиночку в тот день.

Снова сменилась камера. Человек пересекал зал ожидания.

– Смотрите, как он поворачивает голову налево, чтобы избежать камеры справа. Все просчитано до миллиметра.

Неизвестный скрылся на лестнице, ведущей в ресторан. По походке Шарко показалось, что человек довольно молод и худощав.

Видео остановилось.

– Я мог бы вам показать другие записи с других камер, но эти – лучшие, что у нас есть. Мы делали увеличения, искали детали, но даже каскетка у него без марки. Видно только, что у него короткие темные волосы.

Люси была разочарована:

– Кроме стрижки, работать не с чем?

Камайе приложил руку ко лбу и надолго закрыл глаза. Когда он открыл их, они были красные. Шарко диву давался, что он еще держится на ногах.

– Сами понимаете, я не стал бы вас дразнить, если бы у меня не было еще кое-чего в заглазнике. Даже каскетка без марки остается каскеткой «примечательной» именно потому, что на ней нет марки. Если наш человек знает, где находятся камеры, значит он уже приходил. На разведку.

Николя понял, куда он клонит:

– То есть вы искали человека в каскетке в записях предыдущих дней...

Камайе кивнул:

– Да. Я бросил на это четырех человек. Тысячи часов записи, все равно что искать иголку в стоге сена. На это ушло два дня и две ночи.

Он кликнул на другую иконку. Пошло новое видео, датированное понедельником, 11 ноября, ровно за девять дней до распространения вируса. Часы показывали 9:12. Час пик. Камайе указал на человека, среди других стоявшего в очереди на вход.

– Вот он...

– Человек в черной каскетке, – вырвалось у Шарко.

– Да, это он. Сними он эту каскетку, мы бы никогда не узнали человека с видео следующей недели. Желая спрятаться, он преподнес себя нам на

блюдечке.

Люси и Шарко переглянулись.

– Всегда в чем-то да ошибаются.

Человек прошел через контроль как ни в чем не бывало. Несколькими метрами дальше он остановился и приложил к уху телефон.

– Он не разговаривает, – объяснил Камайе. – Даже не нажал кнопку. Телефонный звонок – это предлог, чтобы незаметно оглядеться. Внимание...

Человек повернулся и оказался лицом к камере. Его глаза, казалось, пронзали смотревших на него полицейских. Камайе остановил изображение:

– Улыбочку.

– Хорошо сыграно, – отозвался Николя.

Комиссар открыл папку и достал увеличенные снимки формата А4.

Крупные планы лица. Каскетка частично скрывала лоб и затеняла черты, но подозреваемый был виден неплохо. Лет тридцать пять – сорок. Карие глаза, нос прямой и тонкий, резкий профиль.

Шарко стиснул зубы. На других снимках был тот же человек, анфас и в профиль. Это не Человек в черном, хоть он о нем ничего не знал, но тот наверняка старше, ведь на фотографии, хоть и расплывчатой, 1983 года он выглядел уже вполне взрослым.

Камайе закрыл папку и протянул ее Николя:

– Это вам. У меня приказ ни в коем случае ничего не сообщать прессе, иначе они без обвиняков объявят населению, что распространение вируса – результат террористического акта. В то же время это позволит нам опередить этого типа на корпус. Два часа назад я дал инструкции в штабе – срочное национальное оповещение, мотив надуманный, но достаточно сильный, чтобы привлечь внимание: подозрение, что готовится теракт. При таком качестве снимков у нас неплохие шансы его сцапать.

При национальном оповещении распространялась листовка, содержащая дату события, две-три строчки об образе действий подозреваемого, наименование службы, которую следует уведомить, и фотографию. Она распространялась во все службы полиции и жандармерии через сервер под названием Сарбакан. Каждый полицейский в стране регулярно получал такие оповещения, это могло касаться установления лиц, подтверждения свидетельств, поиска пропавших...

Камайе выключил компьютер и, морщась, поднялся. С него градом катил пот.

– Я тебя отвезу, если хочешь, – предложил Николя.

– Ничего, доберусь, спасибо. Меня заменит Шарль Марнье, он будет держать с вами связь. Если, конечно, тоже не свалится.

Коллеги пожелали ему держаться. Грипп поджидал его, готовый превратить его организм в игровое поле. Не снимая масок, Франк, Люси и Николя смотрели ему вслед.

Помещения дома 36 постепенно пустели.

Шарко задержался, рассматривая фотографии виновника эпидемии.

Люси тем временем отлучилась в туалет. Сняв маску, она умыла лицо холодной водой.

Она неважно себя чувствовала.

Николя Белланже и Камиль Тибо вместе вернулись в квартиру в Булонь-Бийанкур. Сорок квадратных метров, унылый вид на серые фасады домов, шумный бульвар прямо под окнами. Они планировали сменить жилье, перебраться еще немного дальше от окружной дороги в квартиру побольше. Камиль плохо себя чувствовала в этих стенах, в тесноте, вдали от родного севера, от казармы жандармерии в Вильнев-д'Аск с ее парком, бегущими детьми, коллегами, которых она знала много лет. Она переехала к Николя, потому что любила его, а его жизнь протекала на набережной Орфевр. Париж, и только Париж. Молодая женщина знала, что рано или поздно привыкнет к этому городу, услышит биение его сердца из стали и бетона, ей просто нужно было еще немного времени.

Они заказали суши в ресторанчике по соседству, покормили кошку Былинку и включили телевизор, где шли новости. Говорили только о «гриппе птиц»: снова выступала министр в прямом эфире по каналу TF1. На «Франс-2» брали интервью у врачей, орнитологов, задавали вопросы о происхождении вируса. Всех граждан призывали заходить на сайт Министерства здравоохранения, где инструктировали, как действовать в случае подозрения на болезнь и как защититься от этой разновидности гриппа.

Николя с досадой покачал головой:

– Это ужасно – знать, что люди, которые нами правят, лгут. То есть я хочу сказать, мы все знаем, что они лгут нам постоянно. Но тут-то мы наблюдаем за событиями из-за кулис. Я не знаю, сколько времени они смогут скрывать правду.

– Не беспокойся за них, они это умеют. Так может продолжаться недели, месяцы. Или выплыть наружу через годы.

– И хороший скандалчик натворит бед.

– А спрашивать, возможно, будет уже не с кого.

Они поужинали без аппетита, погруженные в размышления о происходящем. На набережной Орфевр, на улицах, в городской канализации. После ужина Камиль выпила таблетки циклоспорина против отторжения, которые должна была принимать пожизненно.

– Спасибо, Николя.

– За что спасибо?

Она подошла к нему и обняла сзади:

– За все, что ты для меня делаешь. Ты нашел мне работу. Ты позволяешь мне немного участвовать в том, что вы делаете, понимать, что происходит. Ты не отгораживаешь меня от расследований, потому что знаешь, что... что в этом – вся моя жизнь. Спасибо, что заботаешься обо мне.

– Что правда, то правда, метр восемьдесят три крутого характера – не всегда просто.

Он улыбнулся ей, встал и достал из книжного шкафа «Полую иглу»^[20]. Оригинальное издание Пьера Лафита 1909 года, красная обложка, пожелтевшая бумага, иллюстрации.

– Помнишь, что ты сказала мне, когда я тебе ее подарил?

Камиль гладила Былинку. Она вопросительно посмотрела на Николя. Она знала, да, но ей все равно хотелось, чтобы он это повторил.

– Ты сказала, что книги, которые ты прочла, словно осколки твоей памяти, кусочки твоей жизни. Ты как эта книга, Камиль, ты кусочек моей жизни. Кусочек меня. – Он коснулся пальцем ее груди. – Ты, твое неведомо чье сердце, самое дорогое для меня. Все остальное не в счет.

Камиль поцеловала его и тоже приложила руку к груди, глядя куда-то вдаль. Она думала о своем доноре, которого ей не суждено узнать. Об этом человеке, трагически погибшем и позволившем ей продолжать жить. Это было так странно и так волшебное.

– Я уверена, что мой донор был хорошим человеком. Я чувствую это в себе.

– Конечно был хорошим, это несомненно.

– Ты думаешь, что... что его поймают, этого Человека в черном? Когда такое творится, мне неспокойно.

Она подошла к окну, выходившему на бульвар, и раздвинула занавески.

– Он может быть где угодно. А если он охотится за нами? Если он... заканчивает дело, начатое в прошлом году?

– Я с тобой, поняла?

Когда они легли в постель, Николя провел пальцами по длинному вертикальному шраму, пересекавшему торс его подруги. Она не отстраняла его, наоборот. Эта отметина – это была жизнь. Камиль прошла такой непростой путь, со своим больным сердцем, хирургическими операциями, бурной юностью... Николя порой недоумевал, как она еще держится. Она была настоящим бойцом, стойким солдатиком. Он был не так силен, как она, и знал это.

В этот вечер они занимались любовью. Им надо было укрыться,

забыть обо всем, хотя бы на одну ночь. Отогнать страх и тьму, окружавшие их. Утомившись, они погрузились в дремоту, прижавшись друг к другу. Николя вскоре уснул, уткнувшись подбородком в плечо молодой женщины.

В 3:44 Камиль потрясла его за плечо:

– Проснись, Николя.

Он заморгал, еще в полусне:

– Что?

– Идем. Я кое-что нашла.

– Камиль, черт побери, четыре часа утра!

– Идем, говорю!

Она зажгла ночник. Николя выпростался из постели и, набросив на плечи плед, пошел за ней в гостиную. Кошка спала на диване. Камиль разложила на столе фотографии из досье по делу скелетов. Они были освещены галогеновой лампой, которую она придвинула. Компьютер был включен. На открытой страничке Интернета – картина: четыре всадника с устрашающими лицами.

Николя сразу заметил цвета лошадей: белый, черный, красный и зеленый.

Как цепи, которыми были прикованы узники в канализации.

Один из всадников, зеленый, был скелетом, закутанным в длинное полотнище и вооруженным копьем.

Смерть.

– Перед тобой картина русского художника Виктора Васнецова^[21], но есть еще десятки интерпретаций этого эпизода Нового Завета, – объяснила Камиль. – Вот почему цвета и скелеты мне что-то смутно напомнили. Я, должно быть, видела такую картину в музее.

Николя подошел ближе, посмотрел озадаченно:

– Это...

– ...четыре всадника Апокалипсиса. Вестники конца света.

Камиль отпила глоток чая.

– Четыре всадника Апокалипсиса упоминаются в Новом Завете, в шестой главе Апокалипсиса святого Иоанна. Небесные таинственные персонажи, облеченные Божественной миссией. «И дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными»^[22].

Смерть, великие бедствия, кара Господня, Апокалипсис. В голове у Николя вставали картины из Библии, которую он читал в юности: Ной, сражающийся с волнами Потопа, горящие земли, падающие метеориты... Ему вспомнился компьютерный вирус и его зловещее послание, то же самое, что на письме из кожи. Камиль прервала его размышления:

– Интерпретаций, касающихся четырех всадников, много, но, если вкратце, белый всадник несет слово Божие, он вестник несчастья. Красный символизирует пролитую кровь, сеет войну, несет меч. Черный губит посевы, морит голодом. Зеленый же олицетворяет болезнь, мор, эпидемию. Он – Смерть.

Николя провел руками по лицу. Пробуждения он знал и повеселее.

– Мор, эпидемия... Боже мой. Ты хочешь сказать, что расследования по канализации и вирусу гриппа связаны?

Камиль кивнула:

– Да, мне так кажется. Вспомни, что сказал перед смертью один из тех, кого мы накрыли год назад. *Когда Человек в черном осуществит Великий Замысел, у вас не будет никаких шансов.* Возможно, это и происходит сейчас, Великий Замысел. Этот тип с самого начала держал в уме некий план. Посеять болезнь и смерть, чтобы истребить как можно больше народу, прежде чем прорастить новое семя.

Она посмотрела Николя прямо в глаза:

– Скачка четырех всадников Апокалипсиса означает начало конца света. Один из всадников сеет эпидемии. Микробы могут уничтожить человечество. Их ничем не остановить. Они не знают границ, не отступают перед оружием.

Мелкий ночной дождик стучал по стеклам. В других обстоятельствах Николя мог бы улыбнуться словам Камиль. Но сейчас – нет. При том, что происходило в городе, что он видел в канализации, какое послание прочел на своем компьютере.

Тень Человека в черном витала вокруг них.

Николя недоверчиво покачал головой:

– Этого не может быть.

– Все сходится. Вспомни послание компьютерного вируса. *Потоп сначала обрушится с неба, потом Апокалипсис выйдет из недр земли. Апокалипсис... Недра земли... Канализация. Цвета станут черными, потом красными. Кровь, смерть. Красное, черное, как всадники Апокалипсиса. Ты, читающий это послание, знай, что я выйду из глубочайших бездн и приду за тобой. Хоть ты прячься, хоть будь на виду посреди улицы...* Тут он говорит, возможно, о болезни, о микробе. Где бы ты ни был, болезнь всегда тебя достанет. Она никого не щадит. Бедных, богатых, белых, черных. Потом, эта цитата, навеянная Золя. *На ниве растут всходы, грозная черная рать созревает для будущей жатвы, и посев этот скоро пробьет толщу земли.* Черная рать, Николя. Грозная черная рать, способная все разрушить до возрождения.

Камиль подтолкнула к нему фото с запечатленной нишей, свечами, снимками трупов и перевернутыми распятиями.

– Не знаю, какая тут связь с нашим Человеком в черном, но этот тип, переодетый птицей, который бродит под городом, чувствует себя облеченным миссией. Для него христианский крест больше не символ вознесения, он отсылает к сошествию в Ад. Он обращен не к небесам, но к глубинам... Он не просто так выбрал канализацию. В зловонии этого мира, в его разложении он явил свою собственную схему четырех всадников: несчастных бомжей, которых он привязал в углах, на которых, вероятно, спроецировал свои фантазмы, свой бред. Он и оделся птицей, потому что глубоко вошел в свою роль... Он, видимо, считает, что мир должен быть очищен, а сам он – одно из действующих лиц, один из всадников. Черный, наверно? Или зеленый? Не суть важно. Он пойдет до конца. Он тесно связан с тем, что происходит на поверхности. С вирусом гриппа и всем, что из этого следует.

Николя вздохнул, нахмурился:

– То есть этот Человек-птица – один из приспешников Человека в черном?

– Очень возможно. Это не Человек в черном, вряд ли он стал бы бродить по этим зловонным туннелям и похищать бомжей. Он всегда умел окружать себя подручными из второго и третьего круга...

Камиль подвинула к своему другу старую расплывчатую фотографию, которую достала из копии толстого прошлогоднего досье. На ней были смутно видны двое мужчин перед клиникой Сан-Рамон в Испании. Один из

них был ее директором, другой, рядом с ним, весь одет в черное. Костюм, шляпа. Лицо невозможно разглядеть из-за скверного качества снимка. Все было странно-расплывчато.

Николя уставился на бумажный прямоугольник. Он помнил эту любопытную фотографию, полученную от одного испанского журналиста в ходе расследования 2012 года, – это было единственное имеющееся у них доказательство существования Человека в черном.

– Испанский журналист, который послал мне этот старый снимок, так и не понял, почему он расплывчатый, – объяснила Камиль. – Никто не знает, кто этот человек в черном одеянии. Вспомни, его призрачное присутствие было зафиксировано несколько раз в ходе нашего расследования в прошлом году. Во Франции, в Испании, в Аргентине... Даже худший из серийных убийц из своей камеры говорил нам о его существовании, но не мог сказать больше. Этот «силуэт» каждый раз маячил где-то. Как будто был воплощенным злом. Сеятелем смерти.

Николя вздохнул, он чувствовал страх в голосе Камиль. Ему и самому от этой фотографии всегда было не по себе.

– Мне нужен хороший кофе.

Он вставил капсулу в машину и стал ждать, когда потечет напиток, положив обе ладони плашмя на кухонный стол. Он посмотрел в сторону бульвара. Несколько габаритных огней вдали. Красноватая аура в каплях дождя. Какая-то тень, тихонько двигавшаяся без определенной цели. Он поднял глаза и подумал, что вирус сейчас там, где-то, и он размножается.

Природа так хороша, но и так опасна.

Кто эти монстры, покушающиеся на своих собственных братьев? Кто этот Человек в черном, который бороздит планету, чтобы сеять зло? Что такое Черная комната?

Камиль подошла к нему сзади с чашкой в руках:

– О чем ты думаешь?

– О них, тех, кто это делает. Я чувствую себя бессильным. Почти зрителем. – Он вздохнул. – Не знаю, хороший ли я полицейский, Камиль.

– Ты *хороший* полицейский. Почему тебе пришло такое в голову?

Он повернулся и посмотрел ей в глаза:

– Потому что *они* пугают меня. Так страшно мне еще никогда не было.

Он прижался к ней. Ему хотелось ее тепла, ее присутствия. На заднем плане он видел картину с всадниками на экране компьютера. Ему вспомнились четыре цепи в канализации.

– Я, кажется, знаю, почему заперли этих лишних людей и почему их расположили таким образом в канализации, – вдруг сказал он.

– Ну?

– Когда Франк натянул цепи, расстояние между ними осталось ровно такое, чтобы узники соприкасались кончиками пальцев. Возможно, они могли передавать друг другу пищу, воду, но не более того.

Камиль отстранилась от него:

– Что ты хочешь сказать?

– А что, если они послужили подопытными свинками, чтобы протестировать вирус гриппа и провести испытание его распространения?

– Один из них был заражен, и...

– ...далее предоставляют действовать микробу. Смотрят, как легко он передается от человека человеку, за какое время. Изучают... Я представляю, как Человек-птица сидит в своей нише, среди перевернутых распятий, наблюдает, как распространяется вирус, делает записи. Очень может быть, что через несколько дней все пленники заболели гриппом.

Камиль задумалась на несколько секунд:

– Это чудовищно.

Николя снова прижался к ней и нежно погладил по спине:

– У меня странное ощущение, ужасное предчувствие. Эти послания... Потоп, Апокалипсис, произрастание и войско мести... Этот ряженный псих, который бродит по канализации, защищаясь своими сатанинскими ритуалами... Человек в черном... Ламбар... Сколько их, замешанных в это дело? Сколько человек, совращенных... совращенных...

Он не смог закончить фразу и тяжело вздохнул.

– Камиль, мне кажется, произойдет что-то куда более серьезное, – добавил он наконец. – Что выйдет из недр земли? Какой еще кошмар?

Четверг, 28 ноября 2013 года

Люси была не в состоянии подняться.

Ее трясло, и она закуталась в одеяла, мерзла, все тело ломило. Температура приближалась к сорока. Франк, устроившийся с вечера на диване, всю ночь не сомкнул глаз. Вирус вошел в его дом.

Он нервно расхаживал по комнате, не сводя глаз с часов, а Адриен и Жюль тем временем уже сцепились в гостиной. Было восемь часов утра.

– Да где его носит, черт побери?

Врач опаздывал уже на час и не отвечал на звонки. С Шарко было довольно. Он достал карточку Амандины Герен, которую та дала Люси, и позвонил ей. Через полчаса молодая женщина уже стучала в его дверь в сопровождении врача. Шарко кивком приветствовал ее:

– Извините, что побеспокоил, но...

– Врачи перегружены. Люди звонят по пустякам. Небольшая температура, кашель – и они сразу решают, что у них грипп птиц. Не забудьте еще, что все это наложилось на сезонный грипп, который скоро достигнет эпидемического порога. Надо ли говорить, что творится. Вы правильно сделали, что связались со мной. Где она?

– Идемте.

Шарко провел их в спальню. Врач достал из кожаного чемоданчика инструменты. Директивы пандемического плана по гриппу обязывали носить защитные маски: врачи должны были делать все, чтобы избежать заражения. Не снимая маски, он выслушал Люси, сделал экспресс-тест, показавший, что у нее не сезонный, а какой-то другой грипп.

– Она наверняка подцепила грипп птиц.

– Вы ее госпитализируете?

– Нет. Теперь койко-места держат для более тяжелых случаев. И вы слышали, что происходит с медсестрами и санитарками?

– Бастуют?

– Да. Воспользовавшись заявлением министра, они выйдут на улицы уже на той неделе.

– Гениально.

Амандина посмотрела на Люси:

– Ей будет хорошо здесь. Только, главное, изолируйте ее хорошенько.

Врач выписал лекарства, заполнил карточку, как было предписано со вчерашнего дня, и взял мазок из горла при помощи инструментов, выданных ему рано утром. Он отдал его прямо в руки Амандине.

– Сделаем анализ в первую очередь.

На первый взгляд у Люси не было никаких осложнений, симптомы классические, но требовалось наблюдение. Врач выписал ей больничный на десять дней. Люси снова легла, не в силах ни на что реагировать.

Шарко попросил выслушать и его, а также Адриена и Жюля. Видимых признаков вируса не было, все трое выглядели вполне здоровыми, но, поскольку это могла быть бессимптомная фаза, нельзя было терять бдительности.

Амандина смотрела на близнецов, игравших вокруг нее в кубики. Глаза ее на миг затуманились. Она взяла себя в руки:

– У вас красивые дети. Берегите их.

Шарко всмотрелся в занятное белесое лицо. Даже в маске от Амандины Герен исходило кошачье очарование. Но вид у нее был очень усталый.

– Скажите, как вы думаете, я могу отвести их в ясли?

– Лучше не стоит. Изолируйте мать, держите малышей в других комнатах, чтобы...

– ...не дать вирусу распространяться. Знакомый рефрен.

– Изоляция – это ключ, правильное решение. Как и маска. Всегда надевайте ее, если входите в спальню.

Шарко кивнул, направился в кухню и налил воды из-под крана в кофеварку.

– Предложить вам что-нибудь? Кофе? Чай?

Амандина покачала головой:

– Я быстрее поеду в Институт Пастера делать анализы. Скоро увидимся. И я на вашем месте использовала бы бутилированную воду.

Шарко догадался, что под маской она улыбается.

Она ушла вместе с врачом. Шарко махнул рукой на кофе и пошел в спальню. Он постоял несколько минут на пороге, глядя на дрожащую Люси. Ему вспомнился тип в каскетке. Его глаза, пронзавшие объективы камер. Сухое, жесткое лицо.

Как он его ненавидел.

Сыщик вернулся в гостиную и быстро понял, что разрывается на части. Он позвонил на работу; никто не ответил. Кто остался в отделе, кроме Бертрана Казю? Он тоже заболел или просто опаздывал? Может

быть, в другом отделе, помогает другой команде? Шарко оставил также сообщение на автоответчике Николя, между двумя воплями близнецов объяснив ему, что постарается прийти на набережную Орфевр, как только сможет вырваться, но не уверен, что скоро.

Дети проголодались. Их надо было одеть. Хоть Франк и видел их каждый день, но толком не знал, какие одежки выбрать в шкафах. Свитера, рубашки? Какого цвета?

Пушку-то держать легче, черт побери.

Он порылся наугад, недоумевая, как Люси удастся надевать им носочки: носочки такие крохотные, а его руки такие большие. Курс на кухню. Где бутылочки с молоком? Сколько бишь минут греть в микроволновке? И потом, сколько они его пьют?

Он смог наконец передохнуть, усадив их смотреть мультики. В ванной ожидала гора белья. Рубашки, галстуки, тонны детских одежек. Он порылся в программах машины и выбрал ту, которая показалась ему подходящей. К счастью, он еще помнил что-то из своей жизни вдовца, до того, как познакомился с Люси.

Потом он вернулся в спальню:

– Я пойду в аптеку за лекарствами. Детей возьму с собой.

Люси тряслась в ознобе.

– Тебе надо позвонить моей матери. Она приедет на несколько дней, поможет нам.

– Не знаю, Люси, не знаю. Нельзя же вызывать ее всякий раз, когда у нас проблема.

– Это не просто проблема... Мне кажется, я умираю из-за... мерзавца, который... посягнул на нас... Сделай это, позвони ей...

Сбежав в аптеку, Шарко принялся кружить по дому, не в состоянии принять решение. Николя позвонил ему около десяти часов, выразил сочувствие Люси. Он быстро рассказал об открытиях Камиль, об Апокалипсисе, связи между двумя делами и предположении, что бомжи служили подопытными кроликами для испытания микроба. На Шарко эти новые данные произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Его ненависть еще возросла, когда он повесил трубку. Дело усложнялось. Даже в своем полубреду Люси была права. Остаться здесь значит дать фору орде гиен, посягнувших на них. Распахнуть перед ними двери. С другой стороны, у него была семья. Разве не должен он беречь их? Защищать?

Но чтобы их защитить, надо действовать, а не сидеть здесь, приклеившись к стулу. Нет ничего хуже пассивности. Шарко не был создан

для этого.

Около полудня он связался с Мари Энебель. Она пришла в ужас, узнав, что ее дочь больна этим гриппом, о котором говорили по телевидению, но, когда прошел шок, вскочила в первый же поезд из Лилля в Париж. Шарко встретил ее на Северном вокзале около четырех. Она положила два своих чемодана в багажник и расцеловала Жюля и Адриена, не обращая внимания на маску, которую протягивал ей Шарко.

– Не хватало еще мне целовать моих внуков с этой штукой на носу. Я никогда не болела гриппом и не собираюсь.

Она села рядом с Шарко, который был в маске.

– Вам она очень идет. Вы бы носили ее чаще.

Шарко не знал, шутит она или нет. В Мари Энебель было энергии и душевности на двух Люси. Утомительна, правда, но сыщик ее любил. Она никогда не подводила их в трудную минуту и была рядом, если это требовалось.

Когда они приехали домой, она зашла в комнату дочери. Люси дремала, похожая на слабенького зверька, съевшегося в своей норке.

– Привет, мам... Ты лучше не подходи...

– Бедняжка моя.

Они перекинулись парой слов, и Мари закрыла дверь. Когда она устраивалась в гостевой спальне, у Шарко зазвонил телефон. Это был Николя Белланже. Возбужденный до крайности.

– Распространение портрета по всем службам дало результат, мы почти вычислили мерзавца в каскетке, который принес вирус.

Сердце Шарко учащенно забилося. Правая рука судорожно сжала мобильник.

– Почти?

– Я все объясню. Вырвешься?

Шарко кинулся к своей антрацитовой куртке, висевшей на вешалке.

– Не пропущу этого ни за что на свете.

Перед тем как уйти, он посмотрел Мари в глаза:

– Я снова доверяю их вам. Позаботьтесь о них хорошенько.

Поджидая Шарко, Николя Белланже проводил Камиль до выхода из дома 36.

– Я могу вернуться очень поздно. Запрись и никому не открывай.

Молодая женщина серьезно взглянула на него:

– Ты так и не хочешь сказать мне почему?

– Я расскажу тебе потом, ладно? Доверься мне.

Николя поцеловал подругу и долго смотрел, как она, удалясь, идет вдоль Дворца правосудия. Его сердце билось так часто всякий раз, когда они расставались...

Через полчаса к нему присоединился Шарко и двое коллег из антитеррористической бригады, в том числе Марнье, новый шеф, заменивший заболевшего... Четверо мужчин отправились в путь на двух машинах.

– Кто он?

Николя ехал за первой машиной.

– Мы еще ничего не знаем. Один коллега из комиссариата в Бобиньи опознал портрет, распространенный Сарбаканом. Он регулярно встречается нашего человека в фитнес-клубе «Веллформ» в Пантене, на вечерних занятиях, в двадцать – двадцать один час. Он его определенно узнал. Едем в клуб, установим для начала его личность.

Шарко посмотрел на часы. Было около семи.

– Есть шанс, что он будет там сегодня вечером?

– Не исключено. Сегодня четверг, по четвергам коллега ходит на тренировки. Его попросили не приходить сегодня, чтобы его поведение не вызвало подозрений.

Оба были напряжены. Казалось, воздух в салоне потрескивает от возбуждения.

– Кстати, мы получили список рабочих канализации и прочего персонала, спускающегося туда. При нашем нынешнем ослабленном составе я не знаю, что делать с этим списком. Я сообщил Ламордье, что нам нужны люди для его изучения. И еще я дал его Камиль, она может искать и звонить из своего кабинета.

– Отлично.

Капитан полиции свернул на длинный бульвар.

– Нам чертовски повезло с нашим сеятелем вируса и

распространением портрета, а?

– В кои-то веки... Но это не остановит микроб. Этот мерзавец, за которым мы гоняемся, сделал свое дело.

– Рехнуться можно с этими вирусами. Достаточно запустить их в лоток со столовыми приборами в Париже, и... люди, чьей ноги никогда не было в столице, заболевают через несколько дней. Это грозное оружие. Оружие, которого не видно, которое само размножается и, как заметила Камиль, не звенит под металлодетекторами в аэропортах.

– А нас достают всякий раз, когда мы хотим пронести бутылку воды, – задумчиво произнес Николя.

Они добрались до Пантена через полчаса. Серые прямоугольные дома, узкие улицы, вывески магазинов, притиснутых друг к другу. Спортивный клуб находился на берегу канала Урк, рядом с гребной базой и велосипедной дорожкой, тянувшейся вдоль набережных. Томно плескались волны в отсветах полной луны. Справа стояли покрытые граффити заброшенные здания, смахивающие на разноцветные космические корабли.

Две машины припарковались рядом на стоянке, так, чтобы хорошо просматривался вход в двухэтажное здание с запотевшими стеклами. Внизу качали мускулы, занимались фитнесом. Наверху выстроившиеся рядами люди крутили педали, гребли, бежали.

Офицеры антитеррористической бригады вышли, тихонько захлопнув дверцы. Марнье и его лейтенант Давид Ренар были в штатском: джинсы, кроссовки, кожаные куртки. В руках спортивные сумки – все, чтобы раствориться в массе.

– Мы войдем как обычные посетители. Вы оставайтесь в машине, наблюдайте за выходами. Если он войдет или выйдет, созваниваемся. Ваши мобильные в порядке?

Проверили, кивнули. Марнье спрятал фотографию типа под куртку.

– Отлично. Если он здесь или есть шанс, что нарисуетя, мы его сцапаем. В худшем случае установим у администратора личность и адрес и явимся к этому типу с подкреплением.

Двое мужчин вошли в клуб с интервалом в несколько секунд. Спортсмены постоянно сновали туда-сюда, входили и выходили. Былолюдно. В машине Николя достал свой «зиг-зауэр» из кобуры и положил на колени. Он очень нервничал, то и дело затягиваясь электронной сигаретой. Шарко пристально смотрел в зеркальце заднего вида, стиснув руки на коленях. У него застрял ком в горле. Все его мысли были обращены к увеличенному снимку А4, который он положил между собой и Николя. Это лицо... Демон, ответственный за тысячи, может быть, миллионы

заболевших.

Время шло. По-прежнему никаких новостей.

– Что они там застряли?

– Может быть, они уверились, что этот тип придет? Устроили засаду внутри?

– Почему не звонят нам?

Николя вздрогнул, когда его телефон завибрировал на приборной доске. Но это просто Камиль решила узнать, как дела. Капитан ответил и заговорил с ней, не разглашая задания, как раз когда его внимание привлек темный силуэт. Человек в черной каскетке и кроссовках прошел мимо их машины, направляясь к входной двери клуба. Шарко сощурился. Он наклонился к Николя, силясь разглядеть профиль прохожего.

Перед самым входом человек повернулся в их сторону. Шарко успел увидеть кончик носа под тенью каскетки.

Спустя долю секунды человек метнулся вправо и побежал.

Шарко пулей вылетел из машины, оставив дверцу открытой. Никола резким движением повесил трубку и кинулся за ним с пистолетом в руке. Его сердечный ритм мгновенно участился до предела.

Очень быстро двое полицейских оказались на велосипедной дорожке, их разделяло десять метров. Они гнались за спринтером, который мчался прямо, не разбирая дороги. Каскетка с него слетела.

Шарко вложил в бег всю свою злость, держась на чистом адреналине: девяносто один килограмм надо было отрывать от земли и толкать вперед. В висках начало стучать, дыхание сбивалось. Никола, более молодой и выносливый, быстро его обогнал. Но Шарко держался, окутанный тьмой, в которой лишь редкие фонари да луна позволяли ему видеть две тени, летевшие перед ним в черноту.

Выбившись из сил, он еле передвигал ноги, пытаясь как паровоз и обливаясь потом. Он злился на себя. Раньше у этого типа не было бы никаких шансов, но теперь... Тело его сдавало. Неужели он стал слишком стар для такой работы?

Впереди Никола стоял неподвижно, руки на коленях. Велосипедная дорожка обрывалась в нескольких метрах от него, упираясь в шлюз: оставалось только повернуть назад.

Никола выхватил телефон:

– Я видел, как он свернул туда.

Он показывал на заброшенные здания, зажатые между велосипедной дорожкой и высокой кирпичной стеной.

– Надо взять его в клещи.

Никола позвонил Марнье, объяснил ему все и отключился.

– Они идут.

Шарко посмотрел на здания и сказал, тяжело дыша:

– Мы его не упустим. Пошли.

Они побежали к бетонным монстрам. Кругом прорастала, взламывая асфальт, трава. На фасадах красовались безобразные граффити, уродливые рты, огромные глаза с абсолютно черными радужками в нимбах лунных лучей.

Шарко тоже достал оружие.

– Ты в другое здание.

– Осторожней.

Они разделились. Шарко вошел в холл огромного кубического строения, ступил на пол, покрытый битым стеклом, пылью, темными нишами, из которых торчали колышки. Это была гигантская голая комната, выхоленная, без плоти, без жизни.

Лестницы уходили во тьму. Человек, которого они преследовали, шел в спортивный зал и вряд ли был вооружен. Однако ничто не мешало ему подобрать валявшуюся «розочку» от бутылки. Или шприц, один из тех, которые сыщик давил, поднимаясь по ступенькам.

Прижимаясь к облупленным стенам, Шарко свернул в коридор, конец которого терялся в темноте. Он еще обливался потом и утер лоб рукавом куртки. Черные дыры чередовались с более светлыми участками. Порой появлялась полная луна, как на фото в эбонитовой рамке. Она высвечивала мягкие изгибы, зловещие рельефы мертвого чрева здания. Пахло сталью и ржавчиной. Холод проникал в разбитые окна, втекая сквозняком в горло Шарко. Снова граффити, разинутые рты, губы, похожие на шины, чертики. Снизу донеслись голоса. Франк бегом вернулся к лестнице. Посреди холла два луча вспарывали тьму. Коллеги из антитеррористической...

– Я наверху, а Николая в другом здании. Надо перекрыть выходы, не дать ему вернуться на велодорожку и удрать.

Мужчины скрылись. Полицейский кинулся на третий этаж, миновал старый тюфяк, лежавший в углу. Пахло крэком, тяжелыми наркотиками, нищетой. Здесь ловили кайф. Ложечки, сгоревшие спички, слегка оплавленные пластиковые бутылки. В углу скорчился человек. Его трясло. Шарко прицелился в него: обдолбанная развалина, купающаяся в собственном дерьме. Он пожирал себя изнутри, точно растворяющийся в воде сахар.

Сыщик обернулся.

Прямо на него летел большой железный брус. Стальная масса ударилась о бетон, обломки отскочили во все стороны. Шарко среагировал инстинктивно, с рычанием кинувшись вперед. Его голова врезалась во что-то мягкое. Нападавшего отбросило, и он, всхлипнув, повалился на пол. Шарко не успел увернуться и получил мощный удар ногой в грудь. Вспышка боли в солнечном сплетении. Тень попыталась подняться, озверевший сыщик кинулся на нее и, боднув головой, придавил всем своим весом.

В следующую секунду он приставил к его виску пистолет:

– Только шевельнись, вышибу мозги.

Оглушенный, человек больше не пытался вырваться. Сгибом левой руки Шарко зажал его голову, точно тисками. Тот, хоть и крепкий, с

бугрящимися мускулами, не мог шевельнуться. Он понял, что лежащий на нем полицейский не шутит, и не сопротивлялся, когда Шарко надел ему наручники.

– Я требую адвоката.

– У него грипп.

С искаженным от ярости лицом Шарко поднял пистолет и ударил рукояткой. Раз, другой.

Потом он проволоком тяжелое безжизненное тело по коридору, затащил в темную комнату и пристегнул наручниками к трубе. Отдуваясь, выпрямился. Человек по-прежнему не двигался, но дышал. Шарко знал, что перешел границу. Отступать было некуда.

Через четверть часа все четверо полицейских встретились между зданиями. Они вопросительно посмотрели друг на друга.

Ничего... Белланже заметался, как лев в клетке.

– Черт, как это могло случиться?

Шарко сел на ступеньки, он был куда спокойнее.

– Стена, канал, дорожка... Путей для бегства было много.

– И он мог спрятаться где угодно, – сказал Шарль Марнье. – Я вызову подкрепление, чтобы обыскать здания. Он от нас не уйдет.

Франк Шарко поднялся, морщась и держась рукой за спину. Спринт и драка не прошли бесследно.

– Вы установили его личность?

– Джеки Дамбр, тридцать пять лет. Живет здесь, в Пантене.

– В таком случае пулей к нему.

Он протянул руку к фонарю Марнье:

– Я останусь здесь и дождусь подкрепления.

Он забрал фонарь. Николя удивленно поднял бровь и посмотрел на него:

– Ты уверен? При том, что творится на Орфевр, они вряд ли скоро приедут.

– Я никуда не спешу... Этот спринт меня вымотал. Надо восстановить силы.

После ухода коллег Шарко поспешил в здание.

Надо было действовать быстро, по старинке. Иначе Дамбр пройдет через слишком много рук, прежде чем расколется.

Тут мог сработать только страх. Он развязывал языки самым крепким, и быстро. Франк, может быть, был не в лучшей физической форме, но он еще умел бить туда, где больно.

Он скользнул в длинный коридор третьего этажа. Наркоман лежал на том же месте, похожий на глиняную статую. Крэк лишил его человеческого облика, и было очевидно, что долго он не протянет. Но у Шарко не осталось больше ни сочувствия, ни жалости. Слишком много таких призраков жило в его голове, мешая спать.

Он свернул в обшарпанную комнату. Руки Джеки Дамбра были прикованы наручниками к трубе над его головой. Он уже пришел в себя. Мерзкая рожа. Все предплечья в татуировках. В основном рептилии. Ящерицы, змеи с раскрытой пастью и хорошо видными клыками. Множество параллельных черточек на уровне затылка. Типа ритуальных надрезов на коже.

– А теперь мы с тобой побеседуем. Спокойно.

Шарко встал перед ним, спиной к выбитому окну.

– Я ничего не сделал. Вы не имеете права.

– На что? Врезать тебе по кумполу, ты хочешь сказать? Если бы ты только знал, что я делал, не имея на это права... – Шарко ухмыльнулся. – А ведь преступления, которые совершили те типы, были гораздо, гораздо менее тяжкими, чем твои.

Полицейский наклонился, приблизившись вплотную к его лицу. Он больше не смеялся. Его ненависть готова была прорваться.

– Моя подруга лежит с температурой сорок из-за твоего пакостного гриппа. Ты проник ко мне домой, затронул моих детей. Ты всех нас изнасиловал, в том числе меня. Сукин сын!

– Плевал я на вас.

Шарко закрыл глаза, вздохнул, чтобы совладать с нервами. На его шее запульсировала жилка.

– Имеется неопровержимое доказательство, что ты, Джеки Дамбр, распространил вирус гриппа в ресторане Дворца правосудия, в среду, двадцатого ноября. Твоя чудненькая фотка, сделанная на месте

преступления, разошлась по всем комиссариатам Франции. Ты навлек на себя ненависть тысяч полицейских, покусившись на нас. Твой вирус убивает людей, стоит денег, вызывает страх.

Лицо Дамбра на несколько секунд застыло.

– Вы несете чушь.

Шарко присел перед ним на корточки:

– У меня нет больше времени на разговоры.

Он надавил на гематому, начинавшую наливаться синевой на виске Дамбра. Тот взвыл.

– Ты не заметил, что мы с тобой в таком месте, где никто не услышит твоих воплей? Что мои коллеги ушли? Сейчас они, наверно, уже у тебя дома. Они перевернут вверх дном твоё логово. Я им сказал, что ты ухитрился смыться из этих чертовых зданий. Никто не знает, что ты здесь, кроме меня. И если я захочу, никто не найдет твоё тело. Тут рядом канал.

Полицейский поднес к его правой руке шприц:

– Я нашел его там, где ты пытался расколоть мне черепушку. Прикинь, сколько всякой пакости на игле. Да ты наверняка в курсе, ведь вирусы – это твой конек. – Лицо Шарко превратилось в зловещую маску. – Считаю до трех, если не выложишь все, уколою. Для начала.

Дамбр молчал. Шарко начал счет:

– Один...

– Вы полицейский. Вы этого не сделаете.

– Два...

Дамбр смотрел вызывающе. Не шевелился.

– Три...

Игла замерла в нескольких миллиметрах от кожи. Капля пота выступила на лбу Шарко. Пальцы его задрожали. Он швырнул шприц на пол, и лицо Дамбра расплылось в недоброй улыбке.

– Я так и знал.

– Да, ты крутой. Но я все равно круче. Вот увидишь.

Полицейский кинулся вон из комнаты, сжав кулаки. Он вернулся через несколько минут, держа в руках старый таз, полный зеленоватой воды. Сковав руки Дамбра за спиной, он схватил его за волосы и погрузил голову в воду.

Надолго.

Дамбр отбивался как одержимый, пуская пузыри с приглушенным воплем. Шарко отпустил его голову на секунду и снова погрузил. Он давил на его затылок всем своим весом, тяжело дыша, стиснув зубы.

Когда он ослабил давление, Дамбр откатился по полу, отплевываясь

фонтанами воды. Он едва дышал.

– Теперь говори.

Шарко побагровел. Толстая вена вздулась у него на лбу. Когда он был в таком состоянии, он сам, его начальники и все, кто был с ним знаком, знали: он мало что контролировал. Доведенный до ручки молчанием Дамбра и его видом мелкого пакостника, он притопил его во второй раз, в третий. Держа голову в воде все дольше.

Закованный пленник, окончательно выбившись из сил, откатился на бок, точно выброшенная на берег рыба. Он отплевывался снова и снова и наконец сдался. Никто не может устоять перед страхом утонуть. Это худшая из пыток.

Откашлявшись и немного отдышавшись, Дамбр заговорил.

– Это началось... полтора месяца назад... с заказа. Крупного заказа...

Шарко усадил Дамбра, прислонив к стене. Тот вздрагивал всякий раз, стоило полицейскому шевельнуться. В его правом глазу лопнул кровеносный сосуд, над левой бровью ширилась гематома.

– Меня попросили создать особый вирус, который мог бы распространиться в компьютерной сети на набережной Орфевр. Он должен был пожрать рабочие файлы, контакты, должен был... уничтожить ваши базы данных и посеять хаос в вашей организации.

Шарко внутренне кипел, но лицо его оставалось бесстрастным. Он убил сразу двух зайцев: Джеки Дамбр был еще и CrackJack. Шарко не так представлял себе этого хакера, но ему вспомнились слова Томео: «Сказать, что это мерзавец самого низкого пошиба без капли совести, значит ничего не сказать». Его указательный палец чертил круги в тазу с водой, а глаза не отрывались от глаз пленника.

– А это послание про Апокалипсис?

– Оно было запрограммировано, чтобы высветиться на первом компьютере, зараженном вирусом.

– *Потоп сначала обрушится с неба, потом Апокалипсис выйдет из недр земли.* Что это за Апокалипсис? Что это значит? А три круга? Ты знаешь их происхождение?

Дамбр покачал головой:

– Понятия не имею. Я сделал, что было велено, вот и все.

– Это ты послал флешку Николя Белланже?

– Нет.

– Кто же?

– Понятия не имею.

Шарко ухватил его за затылок и наклонил вплотную к поверхности воды. Дамбр прерывисто дышал, он все еще строил из себя крутого, но Шарко был уверен, что он вот-вот обмочится от страха.

– Не знаю, говорю тебе. Заказчик связался со мной в Сети под ником Человек в черном. Он заказал мне вирус, я его сделал и послал ему файл с инструкциями.

Человек в черном... Шарко содрогнулся. Они нашли конкретный след, может быть, способ выйти на него.

– Ты с ним встречался? Знаешь, кто он?

– Нет. Мы общались по электронной почте зашифрованными посланиями в Сети или в ай-си-кью.

Шарко вспомнились объяснения компьютерного эксперта. Darknet... Анонимность пользователей... Он был вне себя, след не мог так оборваться.

– Как получилось, что он выбрал твое имя из списка хакеров в Darknet? Случайно? Он тебя знал?

– Не знаю. Он просто связался со мной. Вот и все.

Шарко подумал, что, Darknet или что бы там ни было, инженеры сумеют заставить заговорить компьютер Дамбра, найдут послания, следы, которые, возможно, помогут. А ему надо было переходить к главному, пока не прибыло подкрепление.

– Этот компьютерный вирус должен был все уничтожить?

– Да, полностью вас дезорганизовать. Посеять панику в ваших службах на несколько дней.

Франку пришлось глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться. У него было только одно желание: снова погрузить его голову под воду.

– Расскажи мне о другом вирусе. О настоящем, о гриппе.

Бровь Дамбра еще сильнее распухла. Левый глаз начал заплывать, по белку другого разлилась кровь.

– Когда я передал ему компьютерный вирус, Человек в черном сделал мне еще одно предложение. Офигенное. И посулил целое состояние.

Шарко помахал рукой, призывая его продолжать.

– Распространить вирус гриппа во Дворце правосудия. Присовокупить его к компьютерному вирусу, который я сделал.

Он посмотрел на Шарко. Этот тип был настоящим хладнокровным животным. Крутым.

– Я всегда был убежден, что вирусы, компьютерные или биологические, рано или поздно уничтожат почти целиком род человеческий. Что выживут лишь немногие. Крепкие, защищенные, те, кто подготовится... Человек в черном понял это, когда связался со мной. Мы об этом говорили, мы были на одной волне. Слабые вымрут, а выживут самые крепкие.

Шарко вспомнил письмо из кожи: *Этот мир должен быть очищен, отмыт.* Идеальная раса... Выживают сильнейшие, которые пользуются слабыми... Все эти евгенические теории, до которых Человек в черном, похоже, был падок.

Полицейский выпрямился. У него чертовски болели ноги, спина. Он взглянул в окно, выходящее на велосипедную дорожку. Тишина, темнота.

– Он передал тебе вирус?

– Он был исключительно осторожен, и я тоже. Мы не хотели встречаться. Никаких физических контактов, никаких адресов. Он никак не должен был добраться до меня, это была моя линия поведения. И он, со своей стороны, хотел ровно того же. Полнейшая анонимность.

– Откуда взялся этот вирус? Он тебе сказал?

– Нет. Я не знаю.

– Как ты его получил?

– Я передал ему очень точные GPS-координаты, в лесу близ Сен-Жермен-ан-Лэ, с описанием одного конкретного дерева. Он сам мог выбрать дату, чтобы оставить там посылочку. Так мы не могли бы друг друга заложить... Он спрятал там вирус и послал мне сообщение по Интернету, я отправился туда и забрал его. Маленькая упакованная пробирка с пробкой, полная прозрачной жидкости. Миллиарды вирусов гриппа. Так круто было держать это в руках... Какая власть...

Шарко хорошо представлял себе, какое ощущение силы этот мелкий пакостник испытал в тот момент. Несколько сантитров на семь миллиардов человеческих существ. Страны, которые будут охвачены эпидемией одна за другой...

– И завтра ты вылил это в лотки ресторана. Ты заразил моих коллег, моих друзей...

Шарко принялся расхаживать взад-вперед. Дамбр морщился всякий раз, когда нога сыщика давила стекло прямо перед ним.

– Ты говоришь, что никогда его не видел. Но ты ведь имеешь представление о том, кто он? Где живет? Вы общались. У тебя найдется что выложить мне, пока я опять не рассердился, а?

Дамбр сидел неподвижно, сжав губы, уставившись в пол. Шарко наклонился, чтобы попасть в поле его зрения.

– Рано или поздно мы все узнаем, это вопрос времени... И чем больше времени пройдет, тем хуже это будет для тебя. Тебе впаяют по полной, если не будешь сотрудничать. А вот если поможешь нам выйти на всю сеть, это будет аргумент в твою пользу. Давай говори.

– Вы ничего для меня не сделаете.

– Наоборот, я могу сделать многое.

Джеки Дамбр задумался, потом устремил взгляд своих черных глаз на Шарко:

– Нет, я не знаю, кто он, и не могу на него выйти. Но я знаю, что он пойдет в своих убеждениях до конца. Что он очистит расу тем или иным способом. Он вас ненавидит, вас и всех остальных.

– Мне мало что дает эта твоя чушь.

Дамбр вздохнул и добавил:

– Который час?

– Скоро девять.

– Он должен связаться со мной через час с новым заданием.

Фонг уже лег в постель, когда Амандина вернулась домой в этот вечер.

Было всего полдесятого, но сильная усталость одолела его организм. Это случалось с ним все чаще. Когда молодая женщина легла в свою постель, она прочла на лице мужа глубокую печаль. Она прижала ладонь к стеклу. Фонг тоже. Он почувствовал только холод плексигласа. Амандина убедилась, что усилитель звука включен.

– Знаешь, я весь день думала о Северине. Об этом человеке, который познакомился с ней в баре, держа в уме свой план. И один вопрос не дает мне покоя: откуда он знал, что она работает в Центре изучения гриппа? Северина ведь была не из тех, кто кричит об этом на всех углах. Она...

Фонг смотрел ей прямо в глаза. Он перебил ее:

– Мы могли бы попытаться завести ребенка...

Фраза прозвучала как пушечный выстрел. Амандина оторопела, пораженная этим внезапным заявлением.

– ...Могли бы заниматься любовью без презерватива. Ничто не мешает нам иметь маленького, моя болезнь не заразна, а последние исследования доказывают, что она не наследственная. Мне сорок три года, я не знаю, сколько лет мне осталось жить.

– Не говори так!

– Надо смотреть правде в лицо, хватит носить шоры. Взгляни на нас, Амандина. Взгляни на это...

Он несколько раз ударил кулаком по плексигласу.

– Сколько времени мы сможем продолжать так жить? Прятаться друг от друга, будто две крысы в лабиринте?

– Мы не крысы в лабиринте. Ты ошибаешься.

– А кто же мы тогда? Я больше не могу бежать от этих окаянных микробов. Бежать от тебя... Ты перекрыла мне доступ к Интернету. Даже здесь я больше не свободен.

– Я просто хочу тебя защитить.

– Посмотри на свои руки, они красные как кровь, так сильно ты терла кожу. Твои десны воспалены. У тебя проблемы, Амандина. Эти микробы и все таблетки, что ты глотаешь, сводят тебя с ума, а ты этого даже не замечаешь. Все это для меня, я знаю, но я не хочу вредить тебе из-за своей болезни.

– Ты не можешь говорить такое. Не имеешь права.

Он отнял руку от стекла и повернул ее ладонью вверх.

– Иди ко мне. Ляг со мной. Мы поговорим обо всем этом. О ребенке, который мог бы у нас быть. Иди ко мне, Амандина. Это же так просто.

– Это так сложно.

– Что сложно? Прийти ко мне или завести малыша?

– И то и другое, Фонг. И то и другое.

Она опустила глаза, не отнимая руки, по-прежнему прижатой к плексигласу.

– Я не представляю, как наш ребенок смотрел бы на своего отца через стекло. Я... не знаю, смогла бы я помешать тебе прижать его к сердцу, потому что он принесет из школы болезни. Этот малыш будет слишком опасен для тебя. – Она вздохнула. – Он тебя убьет.

Фонг посмотрел на нее холодно:

– Ты сумасшедшая.

– Я сумасшедшая, потому что хочу защитить тебя? Никто и ничто не причинит тебе вреда. Нам ведь хорошо вдвоем, разве нет? Что не так? Почему ты хочешь большего?

Фонг посмотрел в голубые глаза жены. Он увидел в них гнев и решимость.

Ее навязчивые идеи, пропади они пропадом, мало-помалу разрушавшие их отношения.

Ничего не сказав, он повернулся на бок, нажал на кнопку усилителя и погасил свет. Амандина обреченно отняла руку от стекла и в слезах упала на свою постель.

Какая катастрофа! Они были так счастливы с Фонгом. Она еще помнила большие приемы, вечерние платья, шампанское и своего мужа, который переходил от группы к группе, беседовал и представлял ее. Он обожал это, общение, разговоры, дружбу... И все эти роскошные отели, где они ужинали, шелковистые простыни, на которых занимались любовью, освещенные ночью бассейны, в которых купались, не думая о бактериях. У Амандины тогда еще были прекрасные волосы, падавшие на плечи. Она лучилась счастьем. Им не хватало только ребенка.

Ребенок... Это слово исчезло из ее словаря, с тех пор как заболел Фонг. Когда был вынесен приговор, два года назад, Амандина поняла, что матерью ей не быть. Между ребенком и Фонгом она без колебаний сделала выбор.

Она печально поддавалась окутавшему ее сну, не пытаясь бороться. Перед глазами снова встало тело Северины. Ее белое лицо... Пена в уголках губ. Слово «простите», написанное на листке большими буквами.

Амандина привстала, тяжело дыша. Какой-то звук вдруг привлек ее внимание. Она не смогла его распознать, но прислушалась. Ничего, только монотонно урчали моторы фильтров и увлажнителей, всех аппаратов, которые качали, очищали, изолируя лофт от всего мира. Она хотела было лечь, как вдруг странный звук повторился снова.

И тогда она отчетливо поняла, что в доме *кто-то есть*.

Амандина зажгла ночник. Странные большие тени легли на потолок, на стены. Только ее спальня выходила окном на лес. По ту сторону стекла, за глухими стенами и плексигласом с прочными изолирующими стыками, Фонг уже спал.

Молодая женщина спустила ноги на холодный пол, накинула атласное кимоно и завязала на талии пояс. За окном трепетала листва, первая преграда перед лесной тьмой. Амандина скользнула в коридор, который вел в ее гостиную. Мигали красные огоньки. Датчик влажности, контроллер воздуха, детектор дыма...

Она взглянула в угол комнаты, и ее сердце забилося чаще: детектор присутствия не включился, когда она вошла, а это было ненормально. Взгляд ее переместился к входной двери вдаль, за многочисленными стеклянными стенами.

Лампочка тревожной сигнализации горела красным: она не была активирована.

Не может быть. Амандина была уверена, что включила ее, придя домой.

Она зажгла свет, бегом пересекла гостиную, открыла дверь, выходящую в другой застекленный коридор. Поворот, еще два коридора, разделенные стеклом, дверь, наконец вход. Амандина включила сигнализацию на опцию «Дом». Дважды пискнуло, входы защищены. Заодно она проверила, заперта ли входная бронированная дверь на ключ, – все было в порядке.

Неужели Фонг вставал, пока она принимала душ, и отключил сигнализацию? Нет, это глупо. Тогда в чем же дело? Ее подводит память? В конце концов, может быть, она и забыла. В последние дни все перемешалось в ее голове.

Снова раздался стук за ее спиной. Амандина развернулась и едва успела увидеть, как что-то черное скрылось за углом, где сходились две стены.

Прилив адреналина. Ее рука схватила первый попавшийся предмет: статуэтку из розового камня сантиметров тридцать высотой.

– Кто здесь? Кто вы? Я позову полицию.

Голос ее дрожал. Она осторожно подошла к углу, готовая ударить. Никого. Неужели она сходит с ума? Она кинулась к столу в гостиной за

мобильным телефоном. За стеклом, в гостиной Фонга, упало на пол оригами. Амандина видела, как бумага плавно покружилась, прежде чем коснуться пола.

Значит, все-таки кто-то был. Но как эта тень могла оказаться в другой комнате? А если их в лофте несколько?

Грабители.

Она опустила глаза. Прямо перед ней на дубовом паркете темнели два пятнышка. Амандина осторожно приблизилась и обнаружила, что это крошечные экскременты.

Что это значит?

Она почувствовала, как волосы у нее встают дыбом. Тонкое синее одеяло, которое она оставила в изножье дивана, зашевелилось само собой, точно призрак. Амандина постояла несколько секунд, остолбенев, не в силах принять решение, потом метнулась и со всей силы обрушила статуэтку на нечто, копошившееся под одеялом. Раздался жуткий визг.

На синей ткани выступила кровь.

Молодая женщина приподняла одеяло кончиками пальцев, тяжело дыша. Горло у нее сжалось.

Там лежала большая крыса. Она размозжила ей голову.

Амандина отпрянула, зажав рукой рот, едва сдерживая рвоту. Откуда здесь взялась эта мерзость? Как зверек, под завязку напичканный вирусами и бактериями, мог проникнуть в эти герметичные стены?

Пауки... теперь крысы. Этого не может быть.

Стук возобновился, совсем близко. Еще одно оригами упало на пол. Амандина вздрогнула и увидела, как длинный черный хвост скрылся за креслом справа от нее. Она обернулась, почувствовав присутствие за спиной. Снова крыса, еще больше, с поразительной быстротой бежавшая вдоль плинтуса. Она направлялась в ее спальню.

Эти мерзкие твари заразят весь дом. Откуда они вылезли? Из труб? Из канализации?

Видно, что-то неладное творилось под землей, если крысы выбирались наружу. Молодая женщина подумала о стрелках сейсмографов, которые подрагивали за несколько дней до извержения вулкана. Эти беглые крысы были подобны стрелкам.

Вестники несчастья.

Она промчалась по коридору и ворвалась в свою спальню. Тварь пряталась под ее кроватью. Простыни колыхались с обеих сторон. Крыса выскочила и побежала вдоль плексигласа. Амандина приближалась, поднимая свое оружие; зверек, поняв, что загнан в ловушку, зашипел. Усики дрожали,

два ряда мелких зубов обнажились на острой морде. Защита крысы – нападение. Зверек прыгнул на Амандину, та взвыла, а тварь, проскочив между ее ног, метнулась к двери.

Молодая женщина не чуяла под собой ног, так она испугалась. Ей пришлось сесть на кровать. Когда она подняла глаза и посмотрела в комнату Фонга, ей показалось, что она сейчас умрет от остановки сердца.

Под его простынями что-то шевелилось.

Она закричала и ударила в перегородку изо всех сил, но стекло было слишком толстое. Палец нащупал усилитель звука. До упора вдавил кнопку. – Фонг! Проснись!

Он не шелохнулся. В панике Амандина выбежала из спальни. Из-за сложной архитектуры лофта ей понадобилось тридцать секунд, чтобы добраться до противоположной двери, которая была приоткрыта. А ведь Фонг всегда ее закрывал.

Амандина не надела маску, забыла про все предосторожности. Когда она вбежала в спальню, крысы были повсюду. Десятки жирных мерзких телец сновали по полу, принохивались, копошились под одеялами. Одна крыса упала Амандине на голову, запуталась лапками в ее коротких волосах. Женщина взвыла, завертелась во все стороны, размахнувшись, отшвырнула зверька в стену. Другая тем временем приближалась к лицу Фонга. Амандина подняла статуэтку и разmozжила ей голову. Твари поднимали морды и прыгали. Откуда-то лезли новые, множество, раскатываясь по полу, как шарики.

Когда Амандина снова посмотрела на мужа, его рот был открыт.

Два черных глаза сверкали в глубине горла.

Амандина отчаянно вскрикнула и проснулась, обливаясь потом. Она лихорадочно металась, била себя по рукам и ногам, словно стряхивая нечисть. Окончательно проснувшись, она дотянулась до ночника и включила свет, тяжело дыша.

Все было чисто, неподвижно. Полная тишина.

Фонг спал, укрытый простынями, с безмятежным лицом. Его грудь мерно вздымалась и опускалась.

Какой ужасный кошмар.

Амандина, однако, встала, чтобы все проверить. Сигнализация работала, стояла тишина. Оригами лежали на месте.

В стерильном лофте не было ничего и никого, кроме них двоих.

Две крысы в лабиринте.

Амандина кинулась в ванную и встала под душ. Она терла, терла, терла, пока не ощутила острую боль.

Полчаса спустя она открыла ящик комода.
Достала оттуда бритву с остро заточенным лезвием.
И поднесла ее к своему лицу.

– Черт побери, Франк, что за фигня?

Николя не поверил своим глазам, когда увидел Шарко с Джеки Дамбром в наручниках на пятом этаже многоквартирного дома в центре Пантена. Хакер был в куртке от тренировочного костюма, брошенной на плечи, чтобы на улице никто не увидел его скованных рук. Его левый глаз совершенно заплыл, правый был красен от кровоизлияния.

– Я слышал хруст стекла в заброшенном здании таможни, – объяснил Шарко. – Он прятался там, решил, что все ушли, высунулся, и – бум! – я его сцапал.

Марнье и Ренар подошли, удивленные не меньше Николя. Тот очертил круг указательным пальцем вокруг своего лица.

– А это он сам ударился?

– Задел балку, пытаюсь удрать. Да, Джеки?

– Да пошли вы знаете куда. Это вы меня избили. И чуть не утопили.

– Он немного нервничает. Это нормально.

Николя испепелил своего подчиненного взглядом. Опять Шарко взялся за старое. Настоящий бешеный пес.

– Ты зачитал ему его права?

– Естественно.

Шарко был не вполне уверен, что Дамбр их слышал из-под воды. Он шагнул в комнату, толкая хакера перед собой.

– Осталось двадцать минут. У нас мало времени.

– Двадцать минут для чего?

Гостиная была чистая, функциональная. В глубине, в углу, компьютерное оборудование. Большой системный блок, ноутбук, принтер, роутер, стопка жестких дисков. Небольшой книжный шкаф с трудами по информатике, эксплуатационным системам, языкам программирования.

– ...Чтобы он связался с поставщиком вируса гриппа. Так они общаются с Человеком в черном, через Darknet. Дамбр еще и CrackJack.

CrackJack, Человек в черном... Николя, кажется, что-то пропустил. Шарко рассказал все, что выложил ему Дамбр. Трое полицейских окружили его и слушали, не двигаясь, бросая убийственные взгляды на хакера. Ни один из них не заблуждался, они знали Шарко, его прошлое, его методы: достаточно было взглянуть на лицо Дамбра, на его мокрые волосы и одежду, чтобы понять, что произошло.

Достав телефон, Марнье отошел, чтобы предупредить команды подкрепления и начальство.

– Ну а вы тут нашли что-нибудь? – спросил Шарко.

Николя указал подбородком на пустую пробирку на стеклянной полочке:

– Пока ничего, только это.

– Пробирка из-под вируса?

– Спроси его...

Шарко ухватил Дамбра за плечо:

– Ты сохранил пробирку как сувенир, да? Ты дрочишь перед ней, думая о том, что в это самое время люди болеют из-за тебя?

Николя подтолкнул хакера к компьютерам:

– Ты кто? Бунтарь против общества? Почему ты это делаешь? Почему отравляешь людям жизнь?

– Это общество прогнило. И вы так же прогнили, как и все остальное. Вся ваша дерьмовая капиталистическая система.

Шарко снял с него наручники.

– Это не мешает тебе класть в карман денежки. Сколько он тебе заплатил за распространение вируса?

– Сто биткойнов.

– А еще?

– Эквивалент тридцати пяти тысяч евро. Впечатлились, а?

Ренар присвистнул сквозь зубы:

– Недурно. Но вообще-то, маловато, если прикинуть, сколько времени ты проведешь за решеткой. Лажанулся ты в этом деле по полной, тебе не кажется?

Дамбр посмотрел на него с презрением:

– Я, может быть, и угожу за решетку, но не вирус.

Ренар поднял руку, готовый ударить.

– Говнюк.

Шарко указал на кресло на колесиках:

– Ладно, действуй, как будто нас тут нет. Давай за работу.

Шарко помог ему сесть, надавив на плечи. Николя отозвал коллегу в сторонку:

– Он ведет себя вызывающе, нас не боится... А если попытается нас кинуть? Если предупредит Человека в черном, а мы ни сном ни духом?

– Ты видишь другой выход?

Шарко был прав, время поджимало. Николя сел рядом с хакером. Часы, стоявшие на столе рядом со стаканом для карандашей, показывали

21:52.

– Мы хотим видеть все, что ты делаешь. Чтобы без подвохов.

Хакер положил пальцы на клавиатуру. Стол был завален бумагами и журналами. Шарко сдвинул все локтем, освобождая место, остались валяться только пара ручек. Дамбр ввел пароль, который Николя записал: hack9@3_kcaj. Хакер дважды кликнул на иконку, изображавшую луковицу. Появился навигатор SCRUB и секунд через тридцать соединился с сетью Darknet.

– Объясняй нам.

– Нечего объяснять. Я запускаю Dark.Cover, сервер анонимного общения. Он не оставляет никаких следов, никаких архивов. Все написанное пропадает.

Он кликнул на сервер. Появилось диалоговое окно.

– А теперь надо ждать, когда он подключится.

Николя оттащил стул Дамбра назад:

– Ты печатать не будешь. Ты диктуешь, я выполняю.

Капитан полиции сел на стул перед клавиатурой и протянул свой мобильный телефон Шарко:

– А ты снимай экран, так хоть что-то сохранится.

Наступило молчание. Сыщики сосредоточились, Марнье в углу делал звонки. У Шарко стоял ком в горле. Он представлял себе, как Человек в черном спокойно усаживается за свой компьютер. Как бродит в потемках Darknet'а неуловимый, хоть и находится прямо перед ними, за экраном. Сыщик почти мог почувствовать его, потрогать, но не имел никакой возможности его схватить.

Ровно в 22 часа компьютер показал, что Человек в черном вышел на связь. Сыщики встревоженно переглянулись и уставились на экран. Дамбр велел Николя кликнуть на «Подтвердить».

Человек в черном. На связи?

CrackJack. Да.

Человек в черном. Готов приступить к продолжению программы?

CrackJack. Это будет зависеть от вашей щедрости.

Человек в черном. Думаю, ты не будешь в обиде. Великий амысел воплощается в жизнь отчасти благодаря тебе. Ты следил за развитием вируса?

CrackJack. Естественно.

Человек в черном. Скоро наш грипп будет на всех континентах. Он будет убивать людей. Детей. Матерей. Что ты от этого испытываешь?

Николя повернулся к Дамбру, тот молчал.

– Ответь.

Лицо хакера расплылось в странной ухмылке.

– Бесконечное наслаждение. Да, скажите ему это. Бесконечное наслаждение.

Шарко сжал кулаки. Сказал ли это Дамбр, чтобы спровоцировать их, или вправду так думал? Надо было раскроить ему башку в заброшенном здании. Он посмотрел на Николя и кивнул, призывая напечатать то, что продиктовал ему Дамбр.

CrackJack. Бесконечное наслаждение.

Человек в черном. Хорошо... Мы продолжим чистить расу, ты и я. Отмоем планету от больной крови. Сохраним только лучшее. В том числе и тебя.

Шарко не упускал ни единого слова, снимая мобильным телефоном, а Николя не отрывал пальцев от клавиатуры, печатая все, что говорил ему Дамбр.

Человек в черном. Я только что перевел на твой счет сто биткойнов. Добавлю еще сто, когда задание будет выполнено.

CrackJack. Спасибо. Какое задание?

Человек в черном. Такое же простое, как в первый раз. Детская игра, да и только. Завтра вечером я выйду на связь в 21 час. Тогда и назову место, куда тебе надо прийти.

CrackJack. Отлично.

Человек в черном. Это я должен буду передать тебе в руки. Нам придется увидеться.

Дамбр продиктовал: «Извини, это против моих принципов, никаких физических контактов». Шарко и Николя переглянулись.

– Что будем делать?

– Напиши, что он говорит. Иначе возбудим подозрения.

– А если упустим случай?

– Ничего, сработает...

CrackJack. Извини, это против моих принципов, никаких физических контактов.

Человек в черном. Без вариантов. Или – или?

Николя не стал ждать ответа Дамбра и напечатал:

CrackJack. Согласен.

Человек в черном. Отлично. Скоро родится новый мир. Ты будешь

одним из его строителей...

Человек в черном. Назови мне цифру от 1 до 10.

CrackJack. 6.

Человек в черном. 6 негритят решили погулять. Один конфетку съел, и их осталось пять.

Конец связи. Человек в черном отключился. Николя посидел еще несколько секунд за клавиатурой. Потом встал и подошел к Дамбру с угрожающим видом:

– Что это значит, про негритят?

– Не знаю. Он всегда просит меня назвать цифру от одного до десяти и отвечает такой вот чушью в конце каждого разговора. Каждый раз у него умирают негритята. Не любит он негров, я так думаю.

Шарко не был фанатом детективной литературы, но знал, что реплика содержит отсылку к «Десяти негритятам» Агаты Кристи. Но еще это был намек на Северину Карайоль: она съела шоколадную конфету и умерла.

– Чего же он ждет от тебя за семьдесят тысяч евро? – спросил Шарко. – Что ты должен для него сделать?

Дамбр смотрел ему прямо в глаза, не разжимая губ. Николя ухватил его за правую руку и повел к выходу:

– Вечер только начинается, говнюк. Клянусь, ты выложишь нам все, что знаешь.

Пятница, 29 ноября 2013 года

Частый холодный дождь стучал по ветровому стеклу машины Николя.

Парижское предместье в три часа ночи – территория Апокалипсиса, нефтяная платформа, долина скорби. Красные огни светофоров поблескивали на земле, словно растекшиеся лужи крови, пешеходные переходы напоминали открытые раны. Из радио неслись тепловатые всплески воздуха в тромбонах, ноты фортепиано отзвывались осколками стекла. Николя выключил приемник, чувствуя себя усталым и разбитым. От него еще несло потом после гонки вдоль канала Урк. Преследуя Дамбра, он ощутил прилив адреналина, жуткую смесь возбуждения и страха. Подумать только, что через несколько часов придется снова начинать погоню. Преследовать этих психопатов, превращавших каждый день жизни полицейских в ад.

Джеки Дамбра посадили в камеру предварительного заключения на сорок восемь часов, которые будут продлены до девяноста шести часов, так как его поступок мог быть приравнен к теракту. Настала очередь коллег из антитеррористической бригады насесть на него и донимать вопросами. Хакер начал осознавать свое положение, но был замкнут, держался вызывающе, он не собирался отказываться от своих евристических теорий и идей очищения... Что он, собственно, знал о Человеке в черном? Шарко напугал его, но теперь этот мелкий пакостник чувствовал себя в безопасности в камере на набережной Орфевр.

О чем собирался попросить его Человек в черном на этот раз?

Какую миссию он ему уготовил?

Возможно, скоро они его возьмут. Положат конец всем этим ужасам.

Николя припарковал свою машину на подземной автостоянке, между двумя бетонными стенами, бокс был такой тесный, что выбираться пришлось боком. Подумать только, за эту конуру с него драли по восемьдесят евро в месяц.

Он обессиленно выбрался на поверхность и прошел сотню метров под дождем, сунув руки в карманы. Ледяные капли падали ему на шею, и он вздрагивал. Надо срочно переезжать. Валить из этого предместья.

Он добрался наконец до своего дома. Код домофона, лестницы... Даже

лифта нет. Он тяжело поднялся на пятый этаж, сгибаясь под бременем прошедшего дня. Вставил ключ в замочную скважину и вошел.

Щелчок выключателя, свет. Пустая комната, книжный шкаф, «Полая игла» на журнальном столике. Кошка Былинка потерлась о его ноги и замурлыкала.

– Привет.

Николя бросил куртку и кобуру на диван с легкой улыбкой. Камиль начала перечитывать роман Мориса Леблана. Эта книга была их талисманом. Символом, видевшим рождение их любви в буре событий.

Он пошел в кухню и выпил целый стакан воды, потом направился в ванную, чтобы принять горячий душ. Но прежде заглянул в спальню: у него давно выработалась привычка украдкой наблюдать за Камиль.

Постель была пуста.

Николя тотчас охватила паника. Все внутренние сигналы загорелись красным.

– Камиль!

Он зажег всюду свет, заметался без толку по всем комнатам, как будто Камиль могла прятаться где-то на сорока квадратных метрах. Он нашел мобильник подруги в ванной, ее пальто и туфли в гостиной.

Кинувшись к своему «зиг-зауэру» и сжав его в правой руке, он уже знал.

В глубине души он понял: что-то случилось.

Подступили слезы, он забегал без цели, держась за голову. Вернувшись в спальню, увидел предмет, которого не заметил в первый раз, лежавший на подушке.

Флешка.

Такая же, как та, что он получил в конторе несколько дней назад.

Они побывали здесь. У него дома.

Николя ощутил ярость и отчаяние и выплеснул их, заговорив сам с собой, убеждая себя, что это лишь дурной сон, что сейчас он проснется и увидит прижавшуюся к нему Камиль. Он не мог поверить. Не хотел верить. Неужели он снова оплошал? Неужели не в силах защитить свою подругу?

Он уставился на маленький черный параллелепипед, пластиковый футляр, напичканный электроникой. Что на флешке в этот раз? Какие ужасы? Как им удалось проникнуть в его квартиру?

Очень быстро рефлекс сыщика одержал верх. Он принес полотенце, чтобы взять флешку, не повредив возможных отпечатков, отключил модем Интернета, на случай если на флешке опять окажется вирус, и сел за компьютер. Глубоко вдохнув, включил ее в нужный порт.

На флешке оказалось видео, датированное сегодняшним днем: 0:55.

Два часа назад, когда он допрашивал Дамбра.

Мысли теснились в голове Николя. Почему, как... Он не решался запустить видео, боясь увидеть то, чего так опасался. Эти монстры не знали границ, у них не было жалости. За окнами стучал дождь, ночь была серая, ледяная, обрывками долетали уличные шумы. Визг тормозов, рев мотора...

Полицейский чувствовал себя одиноким, всеми покинутым, потерянным.

Он кликнул. Фильм начался. Николя узнал свою гостиную. Горел свет. Камера направилась к спальне, избегая снимать кровать. Почему? Открылась дверь платяного шкафа, объектив взял крупным планом вещи Камиль. Ее платья, белье. Рука в перчатке вытащила бюстгальтер, который исчез из поля зрения. Николя представил, как садист тербит его, нюхает.

Видеть эти кадры было невыносимо.

Угол камеры повернулся к кровати. Пуста. Простыни смяты... Николя затаил дыхание. Где же Камиль?

Курс на ванную, снова одежда, интимные вещи. Камера старательно избегала зеркала, опуская объектив в нужный момент. Сыщик прибавил звук до упора. Он уловил дыхание. Мерное, тяжелое, полное возбуждения. Мужское, волевое дыхание, которое должно было быть услышано Николя. Заставить его страдать. На нем отыгрывались, хотели его уничтожить, потому что он осмелился бросить им вызов. Потому что делал свою работу.

Неизвестный вышел из ванной. Камера снимала уже пять минут. Никакого страха попасться, никакой спешки. Взвешенные, продуманные действия.

Снова гостиная.

Ужасное видение. Николя прижал ладонь ко рту, сдерживая рыдание. Камиль лежала на полу перед закрытой входной дверью. Без сознания, руки закинута назад. На ней была ночная рубашка. Камера приблизилась. Вплотную. Николя представил, что человек наклонился. Ноги Камиль раздвинулись.

Ритм жуткого дыхания участился.

Вдруг в кадре появились стальные когти. Длинные, блестящие, загнутые, как у орла.

Они скользнули под рубашку.

Темнота.

Николя вырвало.

Шарко оторвал взгляд от экрана, испустив глубокий вздох.

Николя сидел за его спиной на диване, механическим жестом глядя Былинку. Он позвонил Франку час назад, в слезах, таким надтреснутым голосом, что Шарко едва его узнал. Франк разбудил мать Люси, сказав, что уходит по срочному делу, и велел никому не открывать ни под каким видом.

До прихода коллеги Николя обошел соседей по дому в тщетной надежде: никто ничего не видел, ничего не слышал.

Шарко размышлял вслух, нервно расхаживая по комнате.

– Он взял ключ, забрал Камиль и преспокойно запер за собой дверь. На видео Камиль лежит у входа, она, должно быть, сама открыла нападавшему. Чтобы войти, он, наверно, позвонил или постучал в дверь. Камиль вышла, она наверняка была осторожна. Она не открыла бы кому попало при нынешней ситуации. Решила, что это ты? Или, может быть, он выдал себя за одного из нас... «Мадам, мне надо с вами поговорить о Николя Белланже... Случилась беда...» Что-нибудь в этом роде. Она открывает, и тут... – Он задумался. – Он, наверно, следил... знал, что Камиль одна.

Николя спустил кошку на пол и поднял на друга красные от слез глаза.

– Я больше не увижу ее, Франк. На этот раз все.

Шарко сел рядом и протянул ему стакан неразбавленного виски. Он налил заодно и себе. Было пять часов утра.

– Не говори так, всегда надо надеяться. Поверь мне.

Николя пригубил виски, глядя пустыми глазами.

– У меня с самого начала было дурное предчувствие. Как будто... я знал, что произойдет. Я все время думаю о ней. О том, как ей, должно быть, сейчас страшно... Ты видел, что он сделал с Феликсом Бланше. Он... изрезал ему лицо, забил рот землей. Ты мог убедиться, там, в канализации... Цепи, фотографии, вонь... эта убитая семья. – Он глубоко вдохнул и с мукой выдохнул: – На ее месте должен был быть я. Она тут ни при чем.

Шарко отпил глоток виски. Ему это тоже было нужно.

– Сегодня мы поймаем Человека в черном. И вырвем Камиль из его когтей.

Николя вскочил, расплескав виски из стакана. Он принялся расхаживать по комнате, как Франк несколько минут назад.

– И что мы будем делать? Спокойно ждать? У нас ничего нет, Франк! Ни ДНК, взятой в канализации, ни отпечатков. Только жалкое свидетельство бомжа.

– ДНК, возможно, есть где-нибудь здесь.

Николя покачал головой:

– И что будут делать криминалисты? Порежут на кусочки ковер и станут изучать под микроскопом? Я был неосторожен, я... хватался за все руками. Я же не мог знать, когда пришел. А потом я... не помню...

Он кинулся к столу и ткнул листками в грудь Шарко. Список рабочих канализации...

– Список из трехсот сорока двух чертовых имен, вот что у нас есть. На, взгляни. Только мужчины, от двадцати до сорока, все обретаются в парижских предместьях. Что мы будем с этим делать? Допрашивать их одного за другим, являться к каждому с обыском, чтобы посмотреть, нет ли у них маскарадного костюма и стальных когтей? У нас нет в запасе недель. Теперь это вопрос часов.

Шарко обмахнулся шестью листками. Фамилии, имена, возраст, адреса. Николя прав. Допрашивать всех этих людей, работающих в службе канализации, – очень непростая процедура, которая потребует средств и времени. И потом, они ничего не знают о человеке, переодетом птицей. Никаких физических характеристик, ни единого следа. Он может быть любым из них. Возможно, его вообще нет в этом списке.

Николя смотрел на коробочку на журнальном столике – циклоспорин, пресловутое лекарство против отторжения, которое Камиль должна была принимать дважды в день. У нее могут быть серьезные проблемы, если она пропустит прием.

– Я не смогу остаться один, Франк. Это не укладывается в голове. Она – вся моя жизнь. Она стала ее смыслом.

Дрожащей рукой он взял «Полую иглу» и открыл на том месте, где была закладка.

Говорил Арсен Люпен.

Николя прочел про себя:

«Не плачь, малыш. Таких ударов следует ожидать, когда бросаешься в битву очертя голову, как это сделал ты. Худшие катастрофы подстерегают нас... Такова наша судьба борцов. Надо все принимать мужественно».

Восемь часов утра. Ежедневное кризисное совещание членов ГМР.

За считанные дни лицо Александра Жакоба похудело, покрасневшие глаза и набрякшие веки свидетельствовали о недосыпе. Его разрывали на части, требовали цифр, экспертиз, отчетов.

И пробы на анализы сыпались со всех концов Франции.

– Совещание будет коротким. Новости скверные, никакого просвета.

Исследователи встревоженно переглянулись. Жоан молча пил кофе, не сводя глаз с лица Амандины.

– Вы наверняка в курсе, слухи ходят в кулуарах... Северина не покончила с собой. Ее явно отравили цианидом.

Гул пробежал по рядам. Жакоб успокаивающе махнул рукой:

– Следствие ведется, будем надеяться от всего сердца, что полицейские найдут виновного... Извините, что так резко меняю тему, но за вирусом мы больше не охотимся, кончено. Эстафету принимает Институт эпиднадзора, вирус уже слишком широко распространился, чтобы мы могли его остановить. Мы остаемся на подхвате, работаем по полной над анализами в Центре изучения гриппа: двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Усиленная микробиологическая повинность для всех. Сменный график поддержки лаборантов вывешен на доске в коридоре. Прошу вас проявить побольше гибкости в ближайшие дни.

Амандина вздохнула, все это было так некстати. В моральном плане Фонг был не в лучшей форме, и она тоже. Она еще помнила вчерашний жуткий сон. Это чудовищное видение, крысы, вылезающие из канализации и завладевшие телом Фонга. Да еще на днях эта паутина, вполне реальная. Знак, предупреждение? Сегодня ей, как никогда, было страшно за Фонга. Она боялась, что болезнь настигнет его и убьет.

Жакоб обвел собравшихся взглядом, задержался на несколько секунд на Амандине и продолжил:

– Через девять дней после распространения вируса во Дворце правосудия мы оплакиваем первую жертву. Старик восьмидесяти шести лет скончался сегодня ночью от осложнения в области верхних дыхательных путей. Пробы были проанализированы в лаборатории три часа назад. Это наш грипп птиц.

Серьезные лица. Тишина, как в церкви.

– В данный момент зарегистрировано около девятисот случаев

заражения людей. Что касается мертвых птиц, их больше не считают.

– Девятьсот случаев? Быстро же он распространяется, – сказал один из ученых.

– Быстрее, чем пандемия две тысячи девятого, – добавил другой.

Жакоб кивнул и положил обе ладони ладонями на стол.

– Вирус уже в Испании. Два случая зафиксированы в глухой деревеньке по ту сторону Пиренеев. По данным испанских служб здравоохранения, эти люди охотились на уток в миграционном коридоре. Птицы, по всей вероятности, были заражены. И вот, смотрите, наш вирус перескакивает с птиц на людей с поразительной легкостью.

Он пробежал глазами свои записи: стопку листков с пометками по всем углам.

– С французской стороны мы также имеем новые случаи в Ардеше и Лимузене. Затронуты все возрастные группы, даже старики. Микроб распространяется, птицы летят все дальше и разносят болезнь. Некоторые перелетные стаи уже на пути в Африку. А на суше микроб разносят зараженные люди. H1N1 не остановить. И близится зима, отчего лишь возрастет стойкость и вирулентность вируса. В силу названных причин ВОЗ переходит к пятому уровню плана гриппа.

Тишина сменилась общим гомоном. Пятый уровень... «Передача вируса от человека человеку как минимум в двух странах одного региона ВОЗ».

Жакоб согнул пальцы и теперь опирался на кулаки.

– Пессимизм не в моем характере, но при том, что происходит с птицами, при такой скорости распространения вируса мы рискуем скоро достичь высшего уровня тревоги: распространения микроба по всему миру. Пандемии. К этому надо готовиться.

Это было страшно. Амандина все думала о скромнице Северине Карайоль. Однокашница, коллега. Она наверняка не в раю.

Жакоб хлопнул в ладоши:

– Ну, за работу!

Жоан и Амандина очень скоро встретились в коридоре у доски с графиком. Жоан был, похоже, доволен своим расписанием.

– У меня до пяти часов ничего. Тем лучше.

– А я приступаю сейчас и до полудня. Потом завтра с восьми до двенадцати и в воскресенье после обеда. Гениально... Спасибо, Жакоб, загрузил нас по полной.

Жоан слабо улыбнулся ей и показал пальцем на висок:

– Где твои волосы?

Амандина провела рукой по голой, гладкой макушке. Жоан заметил, как выглядит ее левая рука, когда рукав свитера чуть отогнулся. Она шелушилась. Как будто Амандина терла кожу наждаком.

– А, это. Я все сбрила сегодня ночью.

– Зачем?

– Ты же знаешь...

– Ты меня тревожишь, Амандина.

– Брось, Жоан! Это из-за смерти Северины ты такой злой? Не лезь не в свое дело, понял?

Амандина повернулась к нему спиной и ушла. Жоан смотрел ей вслед. Он очень ясно осознавал, что в поведении его коллеги появилось что-то, что он не способен был определить. Импульсивность, паранойя, странности...

Рассерженная молодая женщина отправилась в лабораторию. Она и еще трое коллег надели защитные комбинезоны и поздоровались с лаборантами, которые работали всю ночь и готовились смениться. На нее все смотрели потрясенно. Она просто обрила голову, что в этом такого? Разве нельзя в этой стране делать что хочется?

– Ну что?..

Они уткнулись в свои пробирки. Амандина абстрагировалась от взглядов, рано или поздно они привыкнут к ее виду. Понятно, что ее считают чокнутой, они-то живут своей спокойной жизнью и понятия не имеют о болезни Фонга, о строгих правилах гигиены, обязательных при СПИДВ...

Она села на свое место за лабораторным столом и принялась за работу: распаковывать посылки, полученные со всей Франции, изымать пробы, заносить в компьютер, анализировать... Никто не разговаривал, все были сосредоточены на работе. Время от времени кто-то поднимал руку: обнаружен случай гриппа птиц, примерно один случай на два десятка проб. Об этом немедленно сообщали санитарным властям, которые сами вносили новые данные в статистику и принимали необходимые меры.

На каждую проанализированную пробу Амандина заполняла формуляр и отсылала его тому, кто запросил анализ. В этом формуляре значилось и имя лаборанта. Когда она в четвертый раз за это утро вписала в графу свое имя, ей вдруг пришла в голову одна мысль.

А что, если пресловутый «Патрик Ламбар» тоже однажды запрашивал анализы? Что, если именно так он узнал, кто такая Северина Карайоль, лаборантка Центра изучения гриппа при Институте Пастера в Париже? Потом этот хищник раздобыл адрес Северины. Он следил за ней, изучил ее

привычки, характер, понял, какая она скромница и тихоня: идеальная добыча. И тогда он познакомился с ней, втерся в доверие, приглашал в роскошные парижские отели. Она влюбилась в него... И вот тут-то он использовал ее, чтобы делать левые анализы.

Амандину внезапно охватило возбуждение. Да, сценарий выглядел логичным. К тому же, если Ламбар выдавал себя за врача, он, вероятно, сам был врачом или, во всяком случае, имел связь с медицинской средой. Северина, опытная лаборантка, сразу почуяла бы ложь, если бы он назвался врачом, а на самом деле был торговым представителем или машинистом.

Амандина не ушла из лаборатории в полдень. Она подключилась к компьютеру, ввела запрос, как показывал ей Жоан, и получила список всех, кто запрашивал анализы на грипп. Там были медицинские лаборатории, общественные и частные, врачи, члены санитарной администрации, исследовательские и промышленные лаборатории...

В первый заход компьютер выдал больше тысячи записей. Разумеется, было неподъемно справиться с этим массивом. Но Амандина еще не сказала своего последнего слова; в ее голове уже созрел второй вопрос: почему мнимый Ламбар выбрал настоящего Патрика Ламбара, терапевта из Второго округа, для присвоения личности? Вряд ли он взял телефонный справочник и ткнул в первое попавшееся имя. Нет, он наверняка знал о смерти Ламбара, возможно, был с ним знаком. Коллега по работе? Однокашник? Или же мнимый Ламбар был прежде пациентом настоящего Ламбара?

Она добавила к запросу слово «Париж»: все указывало на то, что мнимый Ламбар работал или жил в столице. Число записей уменьшилось до шестидесяти двух.

Шестьдесят два имени, среди них двадцать девять врачей.

Удовлетворенная, Амандина распечатала список. Полицейские, со своей стороны, наверняка сосредоточились на местах, где бывала Северина, допрашивали хозяев баров, ресторанов, родню, немногих друзей. Они шли параллельным путем. Однако такой подход мог не принести результатов, потому что этот Ламбар, разумеется, замел все следы. Кто опознает человека, заговорившего с женщиной в баре больше девяти месяцев назад?

А вот Амандина, возможно, нашла его ахиллесову пята.

В Интернете она быстро отыскала адрес медицинского центра, где работал настоящий Патрик Ламбар. Позвонила, попала на секретаршу и представилась. Поговорив немного, она узнала, что эта секретарша работала с настоящим Ламбаром почти десять лет. Отлично. В таком случае

она должна знать пациентов и коллег своего бывшего патрона... Секретарша сказала, что вчера уже приходили полицейские и задавали вопросы о докторе Ламбаре. Что, собственно, происходит? Амандина ответила уклончиво и спросила, может ли она подъехать около пяти часов.

Встреча была назначена.

Было почти 12:30.

Амандина сняла комбинезон, вымыла руки и покинула лабораторию, вполне удовлетворенная. Она посмотрела на часы... Надо поехать домой и поспать немного, чтобы, как говорится, подзарядить батареи. Остаток дня обещал быть насыщенным.

Сев в электричку на вокзале Монпарнас, она за полчаса доехала до Севера и села в свою машину на привокзальном паркинге. Курс на лофт. Небо было серое, не хватало света. Амандина ненавидела это время года, когда все умирает, деревья оголяются и сама природа как будто складывает оружие.

Обычно она не возвращалась домой днем, а когда это все же случалось, всегда предупреждала Фонга. Но после их вчерашней ссоры ей не хотелось ему звонить. Там будет видно, как он отреагирует, что ей скажет...

Она припарковалась на аллее перед большим серым блоком, служившим им жильем. Лофт сливался с низким тяжелым небом.

Ключ в замке бронированной двери, два поворота. Амандина вздрогнула, из головы не шли мерзкие крысы: она видела их, ощущала жесткую черную шерсть. Она осторожно заглянула за дверь, чтобы убедиться, что их нет. Что ее кошмар не реален.

Она вошла и быстро заперла за собой дверь.

– Фонг? Это я.

Тишина. Снимая куртку, Амандина заглянула на его половину сквозь плексигласовые стены. Обычно, когда она приходила, муж хлопотал на кухне или делал оригами за столом в гостиной. Но ни там ни там никого.

– Фонг?

Он не отвечал, не выходил. Мало-помалу Амандину охватила тревога. Крысы были в ее голове, скреблись лапками внутри черепа. Дыхание ее участилось. Она прошла по коридорам, кинулась в спальню. Может быть, муж устал и спит?

Но по ту сторону плексигласа, в спальне Фонга, кровать была застелена.

Крысы пришли. Они утащили его в канализацию.

Амандина схватилась за голову, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Она заметалась по коридорам, несколько раз едва не ударившись о

стекла. И решила позвонить в полицию.

Механический голос, бесконечное ожидание, потом наконец голос человеческий.

– Мой муж пропал!

Ее попросили успокоиться и не кричать, а то ничего не понятно. Амандина уже собиралась назвать свое имя и адрес, как вдруг услышала звук поворачивающегося в замке ключа. Она замерла, прижимая телефон к уху.

В дверях появился Фонг, в спортивном костюме, в кроссовках, с почти пустой бутылочкой воды в руке. Весь в поту. И без маски.

Он уставился на нее, как угодивший в капкан зверь, безмятежное выражение, какое бывает после хорошей пробежки, сползло с его лица.

Амандина выронила мобильный телефон.

Фонг постоял несколько секунд неподвижно, потом опустил голову. Наконец, взглянув на нее, он признался:

– Мне просто нужно чувствовать себя живым.

Сказав это, он скрылся в ванной.

Амандину затрясло. Она смотрела на свои пальцы, пытаясь одной рукой сдерживать другую. Обманута... Предана... Такого она никак не ожидала.

Не Фонг, только не он.

Обезумев от ярости, она кинулась к стеклянной двери, пересекла гостиную Фонга и ворвалась в ванную, где ее муж раздевался. Амандина обнаружила сложенные рядом со стиральной машиной спортивные футболки, которых никогда не видела. Она здесь и не бывала, Фонг убирал у себя и стирал свое белье сам. Когда он купил всю эту одежду? Где?

– Это просто немного спорта. Я бегаю в лесу около полудня, никогда никого не встречаю. Это же все-таки не преступление? И, как ты можешь убедиться, я все еще жив.

Амандина сжимала и разжимала кулаки.

– С каких пор ты это делаешь?

Ей было трудно говорить, слова не шли.

– С тех пор, как мы поселились здесь. Извини.

Он закрылся в душевой кабине и пустил воду. Амандина так и стояла, растерянная, в голове не укладывалось то, что она обнаружила. Глаза ее не отрывались от стопки белья. Наконец она вышла, чеканя шаг, и с силой хлопнула дверью.

Чего он хочет? Покончить с собой?

Амандина упала на диван и разрыдалась.

Николя – отсутствует.

Люси – отсутствует.

Паскаль Робийяр – отсутствует.

Жак Леваллуа – отсутствует.

Франк Шарко был в офисе один. Последний птенец в гнезде. Он сидел, уткнувшись в записи, папки с досье и фотографии. Пытался отыскать брешь, сопоставить данные, продвинуться миллиметр за миллиметром. Но масса информации была слишком велика, а работать некому. Коридоры дома на набережной Орфевр напоминали отель в мертвый сезон. Дружелюбная атмосфера, запах кофе, голоса – все исчезло.

Он только что поговорил со вторым лицом криминальной полиции, окружным комиссаром Клодом Ламордые. Нужны были люди. Ламордые кое-как подручными средствами справлялся со срочными случаями, но признавал, что большая часть ресурсов должна быть сосредоточена на этом разветвленном деле. Пока не реорганизовали команды, он бросил полицейских прочесывать список рабочих канализации и послал двух офицеров криминальной полиции и пару ассистентов к Николя Белланже в надежде найти следы похитителя Камиль. Отпечатки пальцев, ДНК, хоть какую-нибудь ниточку. Но где искать? К тому же ряженный человек наверняка был осторожен.

Шарко еще ничего не сказал Люси, она была не в том состоянии, но он страшился момента, когда придется сказать ей об исчезновении Камиль.

Сплошные потемки...

Шесть негритят решили погулять. Один конфетку съел, и их осталось пять. Шарко вспомнилась эта строчка, написанная Человеком в черном, и слова хакера: «Каждый раз умирают негритята. Не любит он негров...» Это был, конечно, слишком хилый след, чтобы продвинуться. Почему он цитировал этот пассаж о негритятах? Может быть, хотел оставить автограф. Выйти из анонимности, не покидая ее. Этими цитатами он обозначал свое присутствие.

Чушь!

Дойдя до ручки, он сдвинул локтем в сторону кипы бумаг. Поднял глаза на все пустые столы. Его друзей, коллег как выкосило... Скоромные шуточки Робийяра, смех Люси, вспышки гнева Жака Леваллуа – всего этого ему не хватало. И Камиль...

Никогда такого не было за всю его карьеру. Такой бойни.

Со вздохом он подошел к окну, чувствуя себя бессильным. Это был худший момент в жизни сыщика – ощущать себя узником за решеткой. На улице сновали люди, равнодушные, они продолжали жить повседневной рутиной.

Чем же все это кончится?

Шарко не показывал этого при Николя, но ему было страшно за Камиль. Как отыскать ее живой и здоровой на этот раз? Шарко вспоминал стальные когти на видео. Человек в черном не даст им второго шанса, он скрупулезно осуществляет свою месть. Камиль была частью этой механики. Деталькой головоломки.

Шарко получил сообщение от Мари Энебель, она писала, что все в порядке. Он попросил ее посылать эсэмэски каждый час. Он знал, что его семья в безопасности за бронированной дверью, двойными стеклами и закрытыми ставнями.

Он сделал долгий вдох, говоря себе, что сегодня вечером у них есть неплохой шанс схватить виновного. И окончательно разделаться с монстрами, работавшими на него. С самозванцем Ламбаром, с человеком с когтями...

Так он размышлял, когда вошел Бертран Казю в застегнутой до подбородка куртке. В руке он держал сэндвич. Он положил свой обед на стол, снял куртку и пожал Шарко руку:

– Я только что узнал про Николя. Как он?

– Плохо, сам понимаешь. А кому сейчас хорошо? У тебя есть новости, хоть что-нибудь, чтобы не рехнуться?

Бертран Казю кивнул:

– Я сейчас из Медонского леса. Был в том самом месте, где вы обнаружили трупы Феликса Бланше и его собаки.

– Что ты там делал?

Казю достал мобильный телефон и показал фотографии. На них был виден символ – три концентрических круга, вырезанных на коре дерева.

– Это было на дереве рядом с телом жертвы, на высоте почти четыре метра.

Шарко вытаращил глаза.

– Вы не могли увидеть круги, – продолжал его коллега. – Ветви у этого дерева расположены низко, на него легко залезть. Но это подтверждает степень извращенности нашего Человека-птицы со стальными когтями. Этот знак никому не адресован. Просто для себя, в порядке личного бреда. Этот тип – псих.

Шарко представил, как этот окаянный Человек-птица лезет на дерево, усаживается на ветке, точно ворон, вестник несчастья, и рисует три круга, а под ногами у него лежат трупы человека и его собаки.

– Объясни, как тебе пришло в голову вернуться туда и искать этот символ?

– Сначала я должен рассказать тебе про запрос в Интерпол. Я получил ответ вчера поздно вечером. Есть связь с другим делом.

Шарко слушал с удвоенным вниманием. Казю подошел к белой доске и показал пальцем на фотографию пяти человек – мужчины, женщины и троих детей, – лежавших на полу. Исполосованных когтями.

– Они были убиты в Польше.

– В Польше?

– В дыре под названием Бышково, за тысячу триста километров отсюда.

– Черт... Я ожидал чего угодно, но не этого.

Казю направился к своему компьютеру:

– Взгляни.

Лейтенант полиции открыл Интернет, ввел «Бышково», и появилась карта. Место находилось на северо-западе Польши, в сотне километров от Балтийского моря. Шарко нахмурился:

– Ничего нет.

– Да, ничего. Это деревня в польской глубинке. Отчет Интерпола был введен в базу где-то полтора месяца назад полицейским по фамилии Крушек. Он работает в Познани, большом городе в сотне километров от Бышкова. Место его службы называется... – он достал из кармана листок, – «Centralne Biuro Śledcze», что-то в этом роде. Аналог нашей криминальной полиции, если хочешь.

– У тебя есть информация по этому делу?

– Кое-что есть. Тела были обнаружены десятого октября. Целая семья была найдена на полу, в своем доме, как на снимках. Запах мяты, увечья, проникающие ранения, перевернутые распятия – все совпадает с критериями моего запроса. Но на месте преступления было кое-что еще, вот почему я вернулся в Медон, чтобы проверить.

– Символ из трех кругов...

– Точно. Вырезанный на балке над телами, на высоте два с половиной метра, по данным Интерпола.

Шарко снял фотографию с белой доски и внимательно всмотрелся. Мужчина был крепкий, со светлыми галльскими усиками. У его жены широкий лоб, пухлые губы (по крайней мере, то, что от них осталось).

Дети лежали между их телами, прижавшись друг к другу, словно хотели защититься. Гнусная мизансцена – семья, единая в смерти.

– Я позвонил в комиссариат Познани, кое-как объяснился по-английски. После бесконечного ожидания мне удалось связаться напрямую с Крущеком, сегодня рано утром...

– Ну и?

– Я частично объяснил ему наше дело: про увечья, нанесенные Феликсу Бланше и его собаке. Про фотографию этой семьи, найденную в канализации, из-за которой мы и сделали запрос в Интерпол. Я описал ему место, цепи, нишу с сувенирчиками... О вирусе, разумеется, ни словом не обмолвился. Поляк очень заинтересовался.

– У них есть версии?

– Он уверяет, что да, но их досье целиком на польском. Он не хочет давать информацию по телефону, хочет, чтобы мы обменялись данными, и предлагает встретиться там, в Познани.

– А почему он сам не приедет?

– Понятия не имею. Вопрос бюджета?

– Ну, мы-то, конечно, супербогатеи.

Шарко, прищурившись, посмотрел на карту:

– Лететь совсем недолго. Подождем результатов нашей сегодняшней операции. Если возьмем Человека в черном, то поймем и этого подонка, который похитил Камиль и оставил за собой столько трупов. Если дело не выгорит, если Камиль не удастся найти, смотаемся в Польшу. Скажи этому Крущеку, что мы будем держать его в курсе.

Казю кивнул и позвонил. Шарко в последний раз взглянул на карту. Почему этот психопат, вырядившийся птицей и бродящий по парижской канализации, отправился убивать целую семью в польской глубинке? Кто были эти люди? Как они связаны с их делом? От всех этих вопросов впору было двинуться умом.

Он посмотрел на часы. Всего несколько часов осталось до связи по Интернету с Человеком в черном.

Шарко отправился в крыло, где находились камеры предварительного заключения. Ряд тесных бетонных камер. Он открыл окошко одной из них и заглянул внутрь. Дамбр лежал на деревянном топчане, подложив руки под голову. Он обернулся. Когда он узнал Шарко, взгляд его изменился.

Сыщику показалось, будто что-то зловещее вспыхнуло в глубине его глаз. Что-то, не похожее ни на страх, ни на угрызения совести.

Шарко почувствовал, как его волосы встали дыбом.

Он закрыл окошко, ничего не сказав, и прямо за своей спиной

обнаружил Шарля Марнье из антитеррористической бригады.

– Что-то не так с этим типом. Мы все поняли, что это ты разукрасил ему физиономию, а он теперь говорит, что ударился сам.

Марнье набивал трубку крепким табаком, запах которого пропитал весь коридор.

– Если только он не хочет избавить тебя от неприятностей, в чем я сильно сомневаюсь, похоже, что, даже запертый в четырех стенах, этот подонок вынашивает какой-то план. Его надо опасаться, как чумы.

Амандина шла, дыша через маску, по улицам Второго округа Парижа. Моросило, противный сырой ветер бил в лицо. Прохожие шагали в сумерках по тротуарам, торопясь домой. Ни один из них, разумеется, не носил защитной маски. Им плевать, что ходит неизвестный вирус гриппа, какое им дело до этого! И потом, ведь это всего лишь грипп. Микробы были здесь, вокруг них, готовые овладеть их телами, и это не имело ни малейшего значения.

Как Фонг, они не сознавали опасности. Пока их не скрутит.

Ну и пусть подышают, обливаясь горячими слезами!

Амандина глубоко вдохнула, ей надо было успокоиться. Забыть о них, не думать больше о Фонге и его предательстве, сосредоточиться на своем деле.

Свернув на улицу Пуасоньер, она ощутила первые признаки надвигающейся мигрени: почти неуловимый толчок в глубине мозга. Только этого не хватало. На ходу она достала из сумки бутылочку воды и приняла таблетку пропранолола. Еще раз свернула и нашла медицинский центр. Шесть табличек с именами врачей блестели в свете фонарей на фасаде. Амандина внимательно их прочла. Эти имена не фигурировали в ее списке.

Она поправила маску и вошла.

Секретарша оказалась женщиной лет пятидесяти в больших круглых очках на коричневом шнурке. Такая же рыжая, какой могла бы быть Амандина, но наверняка крашенная: брови гораздо темнее. Она смерила Амандину взглядом, когда молодая женщина подошла к стеклянной перегородке, за которой она сидела.

– Я Амандина Герен, из Института Пастера. Мы говорили днем по телефону, по поводу доктора Ламбара.

– Ах да. Объясните мне, в чем дело.

Амандина достала листок и просунула его в щель под стеклом.

– Я бы хотела, чтобы вы взглянули на этот список и сказали, не знакомо ли вам какое-либо имя. Я ищу человека, который мог бы знать доктора Ламбара, близко или не очень.

– Полицейские, которые приходили сюда, сказали, что кто-то выдавал себя за него, какой ужас! Вы думаете, тот, кто это сделал, есть в этом списке?

– Скажем так, прорабатываются все версии.

Секретарша надела очки и сосредоточилась на строчках. Несколько раз звонил телефон, она записывала на прием, вешала трубку, снова утыкалась в бумагу. Наконец указала пальцем на строчку в конце списка:

– Вот он... это доктор Эрве Кремье. Единственный, кого я знаю.

Она вернула листок Амандине.

– Но он ходил не к Ламбару. А к доктору Брашелье.

Брашелье... Амандина прочла это имя на одной из табличек снаружи. Она почувствовала, как ее сердце забилося чаще, кровь прилила к мозгу. В ее списке значилось, что Эрве Кремье – профессиональный врач^[23], работает в Девятом округе, в десяти минутах ходьбы отсюда. Это было всего лишь имя среди многих других, но вдруг он и есть любовник Северины? И именно он поставлял ей все эти пробы гриппа для левых анализов? Амандина старалась оставаться спокойной, скрыть свое возбуждение. Возможно, она напала на след.

– Этот доктор, к которому ходит Эрве Кремье, этот месье Брашелье, он здесь?

– Нет, по пятницам он посещает больных на дому. Завтра с утра принимает в кабинете, вы можете прийти – это без предварительной записи.

– А... какие отношения поддерживают между собой доктора Брашелье и Кремье?

– Они вместе играли в сквош дважды в неделю. Доктор Кремье всегда приходил сюда со спортивной сумкой и дожидался доктора Брашелье, мы иногда беседовали. Милейший человек.

Она улыбнулась, потом отвернулась к женщине и ее больному ребенку, которые спускались со второго этажа, направляясь к ней.

– Вы говорите о докторе Кремье в прошедшем времени, – заметила Амандина.

– Да он уже давненько не появлялся. Я бы сказала... Больше года, да. Может быть, даже два. Я не знаю, встречаются ли еще доктора Брашелье и Кремье. Извините, больше я ничего не могу вам сказать, и мне нужно заняться мадам.

Амандина поблагодарила ее и ушла.

На улице Амандина ускорила шаг, двигаясь в направлении Девятого округа и Больших Бульваров. Она сняла маску и накинула на голову капюшон. Станные чувства боролись в ней. Страх, возбуждение, вкус погони. Ей безумно нравилось идти вдоль этих фасадов, растворяться в их тени, мокнуть под черным дождем, как в кино, говоря себе, что она идет по следу, словно настоящая сыщица. Она еще не знала точно, что станет делать, но шла вперед, ведомая инстинктом, движимая адреналином. Она хотела убедиться, что не ошибается, прежде чем обратиться к полицейским. Иметь доказательство, что-нибудь, что позволило бы ей сказать: «Это он выдает себя за Ламбара. Это Кремье».

Мобильный, который она забрала у Фонга, вдруг зазвонил. Она достала его из кармана и взглянула на экран. Это был Клод Бейз, работавший в SHOC Room в Женеве.

Амандина ответила, держась другой рукой за висок, в котором запульсировало.

– Привет, Фонг, – сказал голос в трубке, – я...

– Это Амандина, его жена. Извините, но Фонг немного устал.

– А, простите.

– Кстати, я видела в журнале звонков, что вы продолжаете часто перезваниваться. Почему?

– Фонг хочет быть в курсе развития ситуации. И я передаю ему информацию в реальном времени. Я перед ним в долгу.

– В каком долгу?

Молчание.

– Я его жена, вы можете мне сказать.

– Он прикрыл меня однажды, когда я ошибся в опыте. Взял все на себя, его самого чуть не уволили из-за меня. Извините за беспокойство.

Он повесил трубку. Амандина постояла несколько секунд неподвижно, глядя на телефон. В этом был весь Фонг, готовый на все, чтобы спасти и защищать других, тогда как сам нуждался в защите. Десять минут спустя она пришла по указанному в списке адресу, к дому, у подъезда которого висела табличка: «Профессиональная медицина». Значились и часы работы: с 10 до 18, с понедельника по пятницу. Вот-вот закроется. Амандина заколебалась: войти или затаиться в тени и дожидаться, когда выйдут врачи?

Молодая женщина понимала, что войти было бы слишком рискованно. Если она окажется лицом к лицу с Кремье, что будет делать? Он не должен ничего заподозрить. И потом, возможно, Северина ему о ней говорила. Рыжая, очень белолицая, почти наголо бритая. Если он увидит ее, наверняка вспомнит.

Она решила действовать иначе. Отыскала в Интернете телефон приемной медицинского центра и позвонила. Ей ответили после трех гудков. Амандина юркнула в подворотню дома напротив, скрывшись в потемках. Боль в голове нарастала, пульсировала, точно волна, с каждым разом захватывающая все больше песка. Таблетка не подействовала.

– Добрый вечер... Мне нужно передать результат анализа, запрошенного доктором Кремье в парижском Институте Пастера. Я еще успею прислать в медицинский центр курьера, чтобы он вручил его ему лично?

После паузы женский голос, довольно молодой, ответил:

– Это, должно быть, ошибка. Доктор Кремье здесь не работает уже больше двух лет.

Амандина сощурилась, держась за голову. Она смотрела на черную тень, двигавшуюся вдоль противоположного тротуара. Крыса. Зверек повернул к ней морду, принялся и побежал к водостоку.

– Мадам?

Амандина вздрогнула. Она тряхнула головой, волна разбилась о песок, вызвав прилив боли. Открыв глаза, она уставилась на люк водостока. Никаких следов грызуна. Она поискала его справа, слева, тщетно, потом со вздохом откликнулась:

– Я здесь... А где он теперь работает?

– У доктора были здесь неприятности, его осудило сообщество врачей. Может быть, был и суд, я не знаю, и понятия не имею, практикует ли он еще. Я здесь недавно.

– Кто-нибудь может рассказать мне об этом деле?

– Не знаю. Извините, я должна вас оставить. Всего хорошего.

Амандина отключилась, прислонившись к стене. Рассудок туманился, отчаянным усилием она попыталась размышлять. Суд, осуждение сообщества... Интересно.

Еще долгие секунды она всматривалась, стоя неподвижно, в люк водостока, а прилив в ее голове нарастал, волны становились все выше. Потом она почти побежала, боясь оглянуться. Ей казалось, что крысы следуют за ней по пятам.

Запыхавшись, она добралась до станции метро. Капли пота выступили

под капюшоном. Зев перехода открылся перед ней, и Амандине представилась гигантская крыса, закупорившая вход, ее разинутая пасть. Морщась, она спустилась бегом и встала в конце платформы, как можно дальше от людей. Ее ноги едва не касались пустоты. Особенно сильная волна разбилась в ее голове. Глухая, болезненная масса, способная расколоть надвое доску для серфинга. Дрожа, Амандина достала из сумки таблетку дафалгана и проглотила.

Из туннеля выезжал поезд. Его фары пронзали тьму, точно большие пристальные глаза. Надев маску, Амандина кинулась в вагон, как только открылись двери, и забилась в угол, сжав голову руками. Все качалось. Дрожь пробежала по ее телу, когда ее задел какой-то пассажир. Мозг, казалось, сжимался под черепом, как губка.

Скорее домой, закрыться в лофте и лечь, прежде чем она умрет на месте и ее обгложут до костей окаянные крысы.

Час близился.

Полицейские не хотели рисковать.

Поэтому пятеро офицеров криминальной полиции – Казю, Шарко, Белланже и двое коллег из антитеррористической бригады – вернулись с Джеки Дамбром к нему домой, чтобы использовать его компьютер и подключение к Интернету для связи с Человеком в черном.

Николя сел на стул перед клавиатурой, сосредоточенный как никогда. Замкнутое лицо, опухшие глаза, каждый нерв напряжен. День был адом, но он держался одной только надеждой на эту встречу. Ему наверняка предстояло говорить с тем, в чьих руках была жизнь Камиль. С монстром, который определял, жить молодой женщине или умереть.

Как и в первый раз, Шарко сидел рядом с Николя, а Дамбр за его спиной.

В 21:05 компьютер молчал. В комнате потрескивало от нервного напряжения, дыхание стало шумным. Никто не разговаривал. Хакер вдруг вскочил и бросился к столу. Схватившись руками в наручниках за клавиатуру, он попытался что-то напечатать в открытом окне Dark.Cover.

Шарко с силой оттащил его:

– Эй! Что ты пытаешься сделать?

Дамбр вернулся на место. Марнье помог ему сесть и немного отодвинул назад. К счастью, его попытка не удалась, окно осталось чистым. Николя не мог усидеть на месте.

– Человек в черном нас продинамит. Так или иначе, он знает.

– Он не может знать.

Шарко пытался что-то уловить во взгляде Дамбра, но прочел только непонятную ему надменность.

– Прекрати выпендриваться, не то получишь по морде.

Дамбр и бровью не повел. В 21:09 в окне Dark.Cover наконец появился ник «Человек в черном». Четверо полицейских быстро переглянулись. Николя придвинулся к клавиатуре. Рыбка была на крючке.

Человек в черном. Спасибо, что дождался.

– Я весь извелся, – процедил CrackJack сквозь стиснутые зубы: коллега Марнье железной хваткой сжимал ему плечо.

CrackJack. Я весь извелся.

Человек в черном. Извини за опоздание, день был тяжелый.

CrackJack. Ладно, вы ведь пришли.

Человек в черном. Мы продолжим Великий Замысел.

Николя повернулся к хакеру:

– Великий Замысел, ты знаешь, что это?

– Нет.

Полицейский посмотрел на коллег.

– Мы спрашивали его об этом на допросе, думаем, что он правда не знает, – подтвердил Марнье.

Николя вернулся к клавиатуре. Он взял на себя инициативу и сам напечатал следующую фразу:

CrackJack. Великий Замысел?

Человек в черном. Да, об этом я хотел бы потолковать с тобой сегодня же вечером.

CrackJack. Как поступим?

Человек в черном. В первый раз ты попросил меня оставить вирус в Сен-Жерменском лесу. Думаю, ты живешь в районе Парижа.

CrackJack. Правильно думаете.

Человек в черном. 49°3'49.98'' N, 2°11'52.00'' E. Когда будешь на месте, подумай о тьме, и поймешь, куда идти. Жду тебя там через два часа. Не опаздывай. Назови цифру от одного до десяти.

CrackJack. Пять.

Человек в черном. Пять негритят стреляли как-то в тире. Один промахнулся, осталось их четыре.

Все, конец связи. Сыщики выдохнули почти в унисон. Николя включил навигатор на своем телефоне. Появилась карта.

– Координаты указывают на Мери-сюр-Уаз, к северу от Парижа, примерно в сорока минутах отсюда.

Ренар смотрел на свой экран:

– Это посреди леса. Ни дороги, никаких подступов.

Шарко повернулся к хакеру:

– Тебе это что-нибудь говорит?

Дамбр покачал головой. Николя поднял глаза на Марнье и Ренара:

– Надо принимать решение. Что будем делать?

– Я свяжусь с командами реагирования, – сказал Марнье. – Они ждут моего звонка.

– Пусть они держатся вблизи дорог и действуют только по сигналу.

Человек в черном крайне осторожен, он будет следить, а возможно, и кто-то еще.

– Мы читали досье, знаем, на что он способен.

– Он выбрал это место не случайно. Если он что-то заподозрит, то улизнет от нас. Мы не можем этого допустить.

Капитан полиции расхаживал взад-вперед, глядя в пол.

– Надо следовать его правилам. Он слишком хитер, все уж чересчур просто. Может быть, это подстава.

Николя уловил едва заметный блеск в глазах Дамбра. Он схватил его за шиворот и оторвал от стула:

– Что ты от нас скрываешь?

– Я вам все сказал.

Николя с силой оттолкнул его:

– Я сам пойду на место встречи. Уж я его не упущу. Буду следовать установленной им процедуре.

– Нет, я, – отозвался Шарко. – Тебя он наверняка знает в лицо, он...

– От тебя разит полицейским за двадцать километров. Ты похож на кого угодно, только не на хакера.

– Ты находишь, что я хуже этой мрази?

– Будет темно, я надену куртку с капюшоном. – Он дернул подбородком в сторону Дамбра. – Он бы так и сделал. Мы будем на связи, все время вместе.

Марнье посмотрел на своего коллегу, потом на Шарко.

– Я знаю, что вы думаете, но у меня есть голова на плечах, я понимаю, как велики ставки, – не отступал Николя. – Моя подруга в руках этих людей. По-вашему, я хочу, чтобы операция сорвалась? Мы влезли в это дело, знаем наших противников, и у нас нет времени готовить кого-то другого.

Марнье почесал подбородок:

– Хорошо. Но мы пойдем с тобой в лес, мы будем следовать за тобой. Я не хочу никакого риска, а то, чего доброго, он сбежит, или ты начнешь палить во все, что движется. И экипируем тебя. Пуленепробиваемый жилет, микрофон.

Начальник антитеррористической бригады крепко ухватил Дамбра за плечо:

– Поехали.

Шарко на заднем сиденье поговорил по телефону и отсоединился, а Николя тем временем гнал вволю, идя на обгон при малейшей возможности.

Они подъезжали к Мери-сюр-Уаз. Три другие машины без опознавательных знаков ехали следом в нескольких сотнях метров. Они отслеживали автомобиль благодаря GPS-маячку. Около десяти вечера на дороге еще было достаточно оживленно, чтобы раствориться в потоке движения.

– Казю пошарил в Интернете, – сообщил Шарко. – Под этим лесом десятки и десятки гектаров подземных штолен. Там во время Второй мировой войны была база нацистов. Целый подземный вокзал, бывшие склады боеприпасов. Огромное пространство.

– Штольни... В подобном месте все началось в прошлом году, ты помнишь?

– Просто совпадение.

– Канализация, штольни, Darknet... Все время подполье, глубины подземелья.

– За гранью общества, там, где никто не станет их искать. Под поверхностью зримого мира.

Николя стиснул руки на руле. Пуленепробиваемый жилет сдавливал ему грудь.

– Ты думаешь, она жива?

Шарко смотрел на лес, убегающий назад стеной тьмы. Этого вопроса он боялся, с тех пор как они сели в машину.

– Я хотел бы сказать тебе, что да. Но у меня нет ответа. Прости, Николя.

Белланже печально вздохнул:

– Почему я так упорствовал? Мне надо было все бросить еще в прошлом году. Не возвращаться на работу. Уехать с Камилль подальше от всего этого. Поменять жизнь...

– Ты не должен жалеть. Никогда. Ты полицейский, и ничего с этим не поделаешь.

– Франк, эта женщина для меня все. Я не переживу, если ее потеряю.

Асфальтовая лента сужалась по мере того, как они въезжали в лесную чащу. Черное небо появлялось теперь лишь урывками. Свет фар был виден

на сотни метров вокруг, и Николя то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида. Коллеги на машинах сопровождения работали на совесть: их не было видно. Шарко же лег на заднее сиденье, сжимая в руках пистолет. Как часто бывало в такие моменты, когда жизнь подвергалась опасности, Франк думал о своей семье. О Люси, о сыновьях, которых не видел весь день. Он уговаривал Николя не жалеть о своем выборе... Но нет, конечно, жалеть стоило.

Николя проехал на машине как можно дальше, чтобы приблизиться к цели. Узкая тряская дорога, на которую они свернули, закончилась крошечной пустой стоянкой. Он выключил зажигание, накинуд на голову капюшон куртки, позаимствованной у хакера, и убедился, что его «зиг-зауэр» на месте, за поясом.

– Удачи. Я последую за тобой через несколько минут, когда подъедут наши. Будь осторожен.

Николя не ответил, только взглянул на него, захлопывая дверцу. Включив навигатор своего телефона, зажав в другой руке фонарь, он углубился в непроглядную тьму. Ни луны, ни звезд не было в эту ночь. Под его тяжелыми шагами похрустывал ковер из листьев и сухих веток. В конце осени деревья напоминали большие скелеты, и сыщику вспомнились четыре всадника Апокалипсиса. Он видел злобу на их лицах, желание сеять болезнь, войну, голод.

Сколько зла, сколько страданий, какая отчаянная воля к разрушению.

Он ускорил шаг. Человек в черном дал ему срок до 23:00, было 22:30, а навигатор показывал, что надо пройти еще пятьсот метров.

Далекий треск разорвал тишину. Николя не обернулся. Что это было – зверь, подъехавшая группа или кто-то движется за ним? Сердце его бешено колотилось, с каждым глотком воздуха лесная прохлада болью отзывалась в трахее, в легких. Николя не помнил, чтобы ему когда-нибудь в жизни было так страшно. Его могут прибить, как кролика. И он никогда не узнает ни про Камиль, ни про все остальное.

Через несколько минут он добрался до места, указанного навигатором. Ничего, только черные стволы, обступившие его, точно гневная толпа.

Что теперь делать? Ждать?

Когда будешь на месте, подумай о тьме, и поймешь, куда идти, написал Человек в черном. Николя посветил на землю, пошарил фонарем вокруг и наконец увидел большой бетонный круг. Его едва можно было разглядеть подо мхом и корнями. Вход, должно быть, закрывался огромной крышкой, но она была сдвинута, и в отверстие можно было протиснуться.

Николя наклонился, и у него сжалось горло. Это было похоже на вход

в подземный бункер. В лицо повеяло ледяным холодом. Ниже металлическая лестница уходила в глубину.

Николя отыскал вход во тьму.

Прежде чем спуститься, Николя посветил вокруг, давая о себе знать и надеясь, что команды последуют за ним. Потом он нырнул в зловещий зев и уцепился за железные прутья ледяными руками. Холодный сквозняк обжигал ему каждую пядь кожи.

Он приземлился на старые железнодорожные пути. Посветил фонарем во все стороны. Большой сводчатый туннель уходил направо и налево, слегка под уклон. В какую сторону идти? Сыщик доверился своей интуиции. Все глубже, все ближе к центру Земли, последние круги ада. Светя фонариком, он пошел под уклон.

Сооружение было внушительное, выбитое в скальной породе, с маленькими сводчатыми перронами, погрузочными площадками. Над рельсами древние фарфоровые изоляторы, старые неработающие фонари. В некоторых местах были даже высеченные в камне статуи. Дьяволы с пламенеющими волосами, жутковатые фигурки, похожие на демонов майя. Воплощения Зла, разбросанные по этим стенам, в молчании взирали на него. Сотни человек, должно быть, хоронились здесь во время войны. Высекали свои иконы и строили свои машины смерти.

Время шло. Сколько еще идти? На сколько метров под землю должен он спуститься, чтобы встретить Минотавра? Николя дошел до конца железнодорожных путей. Туннель расширился, открылся большой заброшенный зал, полный огромных каменных глыб, кусков рельсов, ржавых металлических баков. Стену украшала фреска. Пламя, а в середине козел с громадными рогами, поднявший трезубец. Вельзевул. Николя подумал о сатанистских сборищах... Молодые люди, должно быть, приходили в эти подземелья, чтобы ощутить трепет и, возможно, поклониться Злу.

Дальше сводчатый проход с многочисленными отверстиями вел в другие прямоугольные залы. Николя представились соты в улье. Здесь, наверно, складировали боеприпасы, снаряды, продовольствие. На некоторых стенах угадывались следы от пуль. В этих подземельях расстреливали пленных? Шли бои? Сколько было пролито крови? Сколько убитых? Сколько несчастных душ томится в этих туннелях?

Николя начал сомневаться, он шел, уходя с каждым шагом все глубже. Он не знал, передает ли еще сигнал его микрофон. В верном ли направлении он движется? Придет ли Человек в черном на встречу, или он

почуял западню? Николя сказал себе, что это невозможно. Даже если он или Человек-птица держат в плену Камиль, даже если они пытались заставить ее говорить, то им неизвестно, что Дамбра взяли. Потому что молодая женщина сама этого не знала.

И все же из головы не шла надменная усмешка хакера.

На следующих метрах все усложнилось. Коридор сужался, потолок стал низким, поддерживавшие его балки были почти расколоты, согнуты под тяжестью камня. Казалось, лесной ковер над головой готов все поглотить. Николя представился след от упавшей бомбы, вид снизу. Это искривление пространства, порожденное взрывной волной.

Ему уже не хватало воздуха, было все труднее продвигаться по осыпям. На крутом склоне ноги подворачивались. Нагромождение камней почти достигло потолка, и Николя опустился на четвереньки, протискиваясь, задевая спиной белесый камень.

Где-то капала вода; звук усиливался гулким эхом от многочисленных ниш и причудливого рельефа. Николя почувствовал прилив адреналина в каждом мускуле. Сердце забилося еще сильнее. Жуткий тамтам сотрясал грудную клетку, стучал в висках. Он пополз быстрее, вдруг подумав о худшем, не обращая внимания на боль в ободренных о камни руках и коленях.

После нового изгиба камней стало меньше, и ему наконец удалось встать. Коридор вывел его в большой черный зал. Он заметил в глубине, за проемом, выходящим, наверно, в другой зал, слабые мерцающие огоньки. Как от пламени свечи. Свет проникал и через маленькое оконце, пробитое в скале.

Николя вспомнил нишу в коридорах канализации. Ту, в которой Человек-птица поместил свои страшные фотографии, свои личные сувениры.

Казалось, сценарий повторялся.

Капитан полиции замер. Он достал оружие и сжал его в кулаке. Все его мускулы горели. На миг он почувствовал, что не сможет продвинуться больше ни на сантиметр, – так ему стало страшно.

Позади посыпались камни, он обернулся, вскинув оружие. Появился Шарко, с трудом выбираясь из груды камней, следом команда. Николя кивнул им и шагнул вперед. Через несколько секунд Франк увидел в глубине слабый свет и различил Белланже, который шел в том направлении.

Все было слишком спокойно, слишком тихо. В эту минуту Франк понял, что их ждет худшее.

– Подожди, Николя! Стой!

Шарко пригнулся как можно ниже и, опустив голову, устремился по залу с низким потолком к своему коллеге.

– Я пойду вперед, ладно?

Николя едва среагировал. Шарко обошел его и направился к освещенному проему, всем сердцем молясь, чтобы это было ошибкой.

Пожалуйста, только не это... Пожалуйста, только не это...

На несколько секунд он подумал о своей жене Сюзанне, о кошмаре ее исчезновения и о том, как шесть месяцев спустя нашли уничтоженную, безумную женщину... словно фильм прокрутили в ускоренном темпе в его голове.

Он вскинул оружие, увидев тень силуэта за большой белой простыней, подвешенной под потолком на крюках. Ткань была растянута во всю ширину комнаты, точно киноэкран. В следующие секунды ворвались в зал остальные полицейские. Николя тяжело дышал.

Все замерли, вскинув оружие, готовые открыть огонь.

Силуэт был неподвижен и, вероятно, освещен сзади, чтобы на импровизированном экране возник эффект китайской тени. Силуэт находился в метре над полом. Как будто летел. Раскинув руки...

Распятие.

На простыне был нарисован, крупно и, похоже, кровью, символ из трех кругов.

Полицейские смотрели друг на друга, не двигаясь, словно окаменев. Шарко медленно шагнул вперед, не в силах сглотнуть. Он повернулся к Белланже, который не сводил с него глаз. Франку показалось, что в глубине души Николя знал. Что какая-то часть его рассудка уже все поняла, но другая отвергала то, что предстояло открыть.

Шарко сделал еще шаг, подошел вплотную к белому полотнищу и осторожно заглянул за него.

Видение ужаса посреди ада.

Рефлекторным движением он отпрянул и уперся рукой в грудь Николя, который уже шагнул было за простыню.

– Нет, не ходи туда.

Николя схватил Шарко за руку:

– Не говори мне, что это она, Франк. Не говори мне...

Франк не двигался, сжав губы, не давая ему пройти. Другие полицейские сзади тоже стояли неподвижно, как будто время вдруг остановилось. Как будто никому не хотелось пересечь эту границу из ткани.

– Прошу тебя, – настаивал Франк.

Шарко знал, что в эту самую минуту жизнь Николя Белланже будет разбита окончательно и бесповоротно.

Но силы покинули его, он не мог больше удерживать друга.

Капитан полиции рванулся вперед.

Проникнув за завесу, Николя упал на пол и закричал.

Амандина не знала, сможет ли добраться до дому.

Ей казалось, что каждое нервное окончание в голове обнажено.

Она проехала последние километры на машине, полузакрыв глаза, включенный до упора кондиционер обдувал пылающее лицо. Она припарковалась кое-как, с трудом открыла бронированную дверь. Машинально направилась в свою спальню и рухнула на кровать лицом вниз.

Она даже не слышала, как Фонг по другую сторону барабанил в стекло.

И тотчас провалилась в сон.

Она очнулась около пяти часов утра с пересохшим ртом. Где она?

Ее кровать... Ее спальня...

Она привстала, не в состоянии вспомнить, как попала сюда. Сделала над собой усилие. Слежка за медицинским центром... Темная улица... Метро... Мало-помалу память возвращалась к ней. Вспомнила она и разыгравшуюся мигрень.

После ночи крепкого сна боль прошла, прилив отступил.

Фонг бросился на стекло, когда увидел, что она встала. Он колотил кулаками по перегородке с искаженным от гнева лицом. Амандина, имевшая приоритетный контроль над домашней электроникой, включила усилитель звука, который прежде заблокировала. Фонг вскочил на край кровати, чтобы нажать свою кнопку.

– Боже мой, Амандина, ты совсем спятила?

Амандина провела руками по бритой голове и зевнула. Теперь она сможет выдержать день в лаборатории. Она сняла туфли на низком каблуке, помассировала затекшие ноги. Она уснула одетая.

– Ты меня слышишь? Амандина!

– Я тебя слышу, не ори и не пытайся разбить плексиглас. Это ни к чему.

– Какого черта ты меня заперла?

Амандина вздохнула. Ругаться ей не хотелось.

– Заперла тебя? Ты считаешь, что ты заперт, потому что я не выпускаю тебя на улицу на верную гибель? Потому что всего лишь хочу тебя защитить?

– Ты оставила мне доступ только в мою спальню, кухню и ванную. У

меня нет больше ни Интернета, ни телефона, никакой связи с внешним миром. Ты заперла все остальное, я не могу выйти из этого окаянного бункера. Как, по-твоему, это называется?

– Тебе нельзя выходить из этого бункера, Фонг.

Она подошла к стеклу. Фонг был невелик ростом, она возвышалась над ним на целую голову.

– Мы с тобой обо всем договорились, когда ты чуть не умер от насморка, разве не так? Когда простые безобидные микробы извне напали на твой организм. Мы с тобой вместе установили правила, ты помнишь? И соответственно оборудовали этот дом. Чтобы защитить ТЕБЯ. А ты плюешь на все барьеры, ходишь в магазины покупать спортивные шмотки, гуляешь, даже не надев для приличия маску. Ты действуешь за моей спиной, рискуешь своей жизнью. Что будет, если ты подвернешь ногу в лесу? Если поранишься о колючки? Ты можешь мне сказать? И это меня ты называешь сумасшедшей?

Амандина обулась и вышла из спальни. Лучше было прекратить этот спор, пока она окончательно не вышла из себя. Фонг побежал по коридору вслед за ней. Они шли бок о бок, разделенные прозрачной центральной стеной.

– Ты не можешь сделать такое.

– Я перенесу твои origami и рабочие инструменты в кухню. Дам тебе пульт от телевизора, или мы поставим его в спальню. Посмотрим, как тебе будет удобнее. Мне очень жаль, что я не могу пустить тебя в гостиную, но... там есть окна.

– Амандина...

– Я постараюсь вернуть тебе доступ на твой интернет-сайт, посмотрю, смогу ли заблокировать все остальное. Теперь я тебе больше не доверяю, это все усложняет. Я еще не знаю, как мы будем жить дальше.

Молодая женщина свернула в кухню. Она выпила большой стакан воды, приготовила себе легкий завтрак. Йогурт, сок, кусочек сыра. Фонг смотрел на нее издали, упираясь руками в плексигласовую дверь. Он снова застучал:

– Ты не имеешь права!

Она прошла мимо него и направилась в ванную, где встала под душ и принялась тереться. Она не спешила. Потом она взяла свое пальто и сумку.

– Я работаю все утро, а после обеда у меня дела.

Ключи от всех дверей лежали в блюдце на тумбочке рядом с телевизором. Фонг мог коснуться их только глазами. Амандина направилась к бронированной двери, недоступной для Фонга, хоть до нее и

было не больше метра. Она постояла несколько секунд на пороге:

– Все будет хорошо.

Она улыбнулась ему, но с выражением, в котором было что-то до ужаса печальное:

– Я люблю тебя, никогда этого не забывай. Люблю больше всего на свете.

Фонг не мог сказать ни слова, он был как в кошмарном сне.

Амандина выключила усилитель звука, нажала на кнопку, опустившую все ставни, и закрыла за собой дверь. Фонг услышал, как щелкнул замок, и тьма окутала его лицо.

Он поднял глаза к неактивированной сигнализации. Значит, у него нет никаких шансов ее включить. Он вспомнил, что она сказала ему до свадьбы про невидимый яд с запахом миндаля. Этот яд, который проникает в тебя так, что и не заметишь, проникает и убивает.

Амандина...

Он закричал.

Снаружи его не было слышно.

Суббота, 30 ноября 2013 года

Три часа ночи, несколькими часами раньше.

При двух мощных галогеновых лампах на батареях на месте преступления было светло, как днем. Четыре техника из службы криминалистического учета под руководством Оливье Фортрана заканчивали свою работу. Подкрепление, вместе со вторым лицом криминальной полиции Ламордье, прибыло, чтобы констатировать, все оцепить, провести следственные мероприятия, оказать помощь. Деморализованные команды Белланже и Марнье одни не справлялись.

Тело Камиль сняли, и Шене бормотал что-то в диктофон, сидя рядом с ним на корточках. В этих проклятых подземельях, казалось, веяло благоговейным ужасом. Никто не разговаривал, всех подняли с постели, и каждый делал свою работу молча. Но один вопрос бился во всех головах: как человеческие существа, наделенные разумом, могли дойти до такого?

Франк Шарко сидел, прислонясь к стене, согнув и чуть раздвинув колени, свесив между ними руки. Еще одна фреска была нарисована прямо напротив: жуткие демоны, полулюди, полуживотные, горевшие в высоком красноватом костре. Франк был не в силах подняться, подойти к телу, взглянуть на множество ран. Он только знал, что Камиль покинула этот мир в страшных мучениях.

Он взял горсть валявшихся на полу камешков и пересыпал их между пальцами. Он уже прошел через ад, который предстояло пережить Николя. Это было ужасно. Скоро ему придется встать и продолжить бой. Это единственный способ добраться до убийц. Чтобы смерть Камиль не была напрасной.

Его взгляд упал на пистолет в кобуре, лежавший рядом. Это было оружие Николя, его начальника и друга. Капитан полиции находился сейчас в больнице, под успокоительными. Он не заразился гриппом, но болезнь куда более коварная, более разрушительная захватила его организм, его рассудок, превращая любой проблеск в черный свет. Ему понадобится поддержка.

Серьезная поддержка.

Бертран Казю отделился от своих многочисленных коллег и присел

рядом с Шарко. Несколько секунд он ничего не говорил, тоже глубоко потрясенный. Ад существует, и они открыли его двери. Подобрал несколько камешков, он метнул их в дьявольскую фреску. Подумать только, что он давно оставил финансовую бригаду, потому что там ему было скучно, хотелось больше «перчика» в карьере...

– Человек-птица похитил Камиль, а Человек в черном привел нас в эти штольни. Эти двое работают вместе. Они знакомы, теперь это ясно.

Шарко выпрямился с хрустом в суставах. Клод Ламордье, их общий босс, наблюдал за всеми с холодным гневом в глазах.

– Понадобилось много энергии и, главное, времени, чтобы... подготовить такую штуку, – продолжал Казю. – Все это, всю эту... мизансцену, адресованную нам. Откуда они могли знать, что мы придем?

– Дамбр...

– Но как Дамбр мог передать им информацию? Он не пользовался компьютером, и в его словах не было ничего подозрительного.

У Шарко вдруг закружилась голова. Он прислонился к стене, держась рукой за лоб. Казю поддержал его:

– Ты в порядке?

– Не сказал бы.

– Это хоть не грипп?

От одного этого слова Франк прошиб пот. Он выпрямился, пытаясь держаться на ногах:

– Нет, надеюсь, нет. В животе пусто, пить хочется, устал как собака.

Его глаза не отрывались от двух санитаров из морга, которые упаковывали окровавленное тело Камиль в черный мешок. Какая гнусная картина. Резким движением они застегнули молнию. В желудке Франка набух комок. Он прекрасно знал, куда увезут молодую женщину. Туда, в один из ящиков, таких холодных и темных, на набережной Рапе. Судебный медик не станет с ней церемониться.

Ему не хватало воздуха. Эти дьявольские фрески, давящие потолки, холодный свет галогеновых ламп действовали на нервы. Он держался лишь усилием воли, но ему хотелось одного: увидеть домашних, обнять их. В соседнем зале он наткнулся на сидящего криминалиста, ему явно было нехорошо. Шарко встречал его в последнее время несколько раз, в том числе в канализации. Мужчина лет тридцати морщился, держась за голову.

– Что случилось?

– Новая жертва гриппа, это точно, – сказал Фортран. – Он еле держится на ногах. Пора бы немного отдохнуть. Нам всем это не мешает.

Фортран вернулся к работе, а к Шарко подошел Поль Шене, уже

снявший перчатки:

– Я взял пробы, сделал выводы, к вскрытию приступлю в десять часов... Доставьте мне удовольствие, поймайте этих гадов.

Шене никогда не говорил такого и не задействовал в работе эмоции. Но он тоже был потрясен смертью Камиль, потому что она была частью их большой семьи. Он подхватил сумку с инструментами и скрылся во втором зале.

Шарко не двигался с места, в нем закипала ярость. Он понюхал свою куртку, от которой плохо пахло, посмотрел на свои грязные руки, еще дрожавшие. Он передал личное оружие Николя в руки шефу, окружному комиссару Ламордье.

– Я возвращаюсь на набережную Орфевр.

– Зачем?

– Повидать Дамбра. Он наверняка умудрился как-то передать информацию. Надо понять.

Ламордье кивком указал на Казю и еще одного офицера, по фамилии Бланкар:

– Хорошо. Вы поедете с ними. Кто будет присутствовать на вскрытии?

Шарко с отчаянием вспомнил о Николя. Он знал, что эта мысль поддержит жизнь в нем самом, заставит не отступать, сражаться, чтобы виновные заплатили за все. Знал он и то, что вид тела Камиль наверняка его потрясет, но произнес, стараясь, чтобы это прозвучало уверенно:

– Я буду.

– Я тоже приду, – сказал Казю.

Шарко кивком поблагодарил его, потом, набрав в легкие побольше воздуха, посмотрел своему шефу прямо в глаза:

– У нее есть родители, они живут в Аржелесе. Надо им сообщить, но на это я не способен.

Чуть меньше часа спустя Шарко, Казю и Бланкар поднимались по лестницам дома 36 по набережной Орфевр, перескакивая через ступеньки. В некоторых кабинетах по обе стороны коридора еще горел свет. Склоненные над досье лица – люди выкладывались по полной, даже глубокой ночью, невзирая на эпидемию гриппа, выкосившую ряды. Все так или иначе трудились над этим разветвленным делом.

Трое полицейских помчались в отсек, где были камеры предварительного заключения. Шарко держался на адреналине, но силы его были на исходе, он это знал. Ему надо было отдохнуть хоть два-три часа.

Он открыл окошко в тяжелой железной двери.

Дамбр лежал на полу.

– Черт! Вызовите «скорую»!

Шарко отодвинул тяжелый засов и вбежал в камеру. Дамбр воткнул себе в горло шариковую ручку и держал ее теперь на раскрытой ладони. Кровь вытекала толчками, ручка, должно быть, задела артерию или вену. Франк попытался остановить кровотечение, но, как ни зажимал большим пальцем рану, кровь продолжала течь. Попробовал и Бланкар, тоже безуспешно.

Десны Дамбра были в крови.

– Ну как оно?

– Ты будешь жить, подонок!

– Вы хотите спросить... как он узнал?

Шарко на четвертой скорости стащил с себя куртку и вытер кровь. Потом прижал ткань к ране.

– Человек в черном... У нас был код. Я должен был... повторять две его... первые реплики... каждый раз, когда он связывался со мной...

Он длинно выдохнул.

– Вот так... он узнал с самого начала, что... есть проблема. Вы думали, я пошел на сотрудничество... А я предупредил его...

Его голос становился все тише, превращаясь в шепот. Он поднял остекленевшие глаза на склонившихся над ним двух полицейских. В полумраке поблескивали его зубы.

– Найдите вход в... Черную комнату. И вы поймете их силу... их могущество...

Шарко приблизил ухо, чтобы лучше уловить шепот.

– Что за комната?

– Черная комната. Место всех... всех извращений. Логово абсолютного Зла... Там корчится дьявол... Я знаю, что она существует, что это не миф, он мне о ней говорил...

Окровавленная улыбка.

– Найдите Черную комнату для меня... Она вас... приведет прямоком в ад, там мы и встретимся...

Последний выдох – и все.

Его грудь замерла окончательно.

– Черт!

Шарко отнял залитые кровью руки.

Он покачал головой, когда Казю вернулся в камеру и сообщил, что «скорая» уже едет.

Шарко, Казю и Бланкару устроили разбор полетов в кабинете Клода Ламордье.

Сыщики из уголовки выложили все факты как есть. Джеки Дамбр, по всей вероятности, прихватил ручку у себя дома, когда они привели его туда, чтобы связаться с человеком, скрывающимся за всем этим делом. Они нашли его лежащим в камере, и Шарко, Казю и Бланкар сделали все, чтобы остановить кровотечение, но тщетно.

Кто виноват? Кто наживет неприятности и заплатит «за разбитые горшки»? Клод Ламордье предупредил: будет внутреннее расследование и сотрудники Главной инспекции полицейских служб сыграют свою роль. Но сыщики решили, что инспекторы полиции тоже люди и лучше, чем кто бы то ни было, знают, что творится сейчас на набережной Орфевр. Знают, что это дело не укладывается ни в какие рамки.

Шарко упомянул о последних словах, которые сказал ему хакер перед смертью:

– Он говорил мне о Черной комнате. Она существует.

– А что это такое?

– Место, где находится худшее и где мы сможем добраться до Человека в черном. Что он разумел под «худшим» – не знаю. Но он не первый говорил об этой комнате. Она уже фигурировала в нашем предыдущем деле.

– Есть ниточки, чтобы узнать, где находится это место?

– Никаких. Ничего конкретного, только расплывчатые словеса. Во всяком случае, Дамбр знал о Человеке в черном много больше, чем дал нам понять.

Ламордье отпустил их. Три лейтенанта пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Когда Франк вернулся домой около шести утра, Мари Энебель испуганно вскрикнула, увидев кровь на его куртке, полах рубашки и брюках. Близнецы уже проснулись и играли на ковре, катая машинки.

– Боже мой, Франк, что случилось?

– Сложное дело...

Мари не стала настаивать. Лицо Франка просияло, когда дети кинулись к нему. Он раскинул руки и крепко прижал своих сыновей к груди. Не будь здесь Мари, напряженно всматривавшейся в каждую

черточку его лица, этот бывалый следователь с дубленой шкурой наверняка залился бы горячими слезами. Плакал бы до изнеможения. Рыдал обо всех разбитых семьях, о Николя, о Камиль. Он никогда не говорил своим маленьким сыновьям, что любит их, – Адриен и Жюль пока что понимали лишь самые простые слова, – но в этот момент был полон любовью.

В дверях комнаты появилась Люси, в маске, зажимая на шее воротник хлопчатобумажного халата. Она держалась на ногах, но стояла согнувшись, словно на ее плечи легла вся тяжесть мира. Улыбка Франка тотчас погасла, когда глаза его встретились с глазами подруги. Губы сжались до тонкого шрамика.

Раскрытая ладонь Мари Энебель мелькнула в поле его зрения.

– Жюль, Адриен, пойдёте со мной! – Она посмотрела на Шарко. – Я сварю кофе. Это быстро...

Франк кивком поблагодарил ее. Он оторвался от своих детей, ощущая ком в желудке. Они были такие маленькие, такие хрупкие... Мари скрылась с ними в кухне и закрыла за собой дверь. Шарко поднял глаза на Люси:

– Как ты себя чувствуешь?

– На ногах держусь.

Она смотрела на его костюм... Кровь на рукавах... Шарко достал из кармана новенькую маску и осторожно надел. Потом он кинулся к Люси и обнял ее с той же силой, с тем же жаром, что и близнецов.

– Мне так повезло, что вы у меня есть, все трое.

Люси погладила его по спине. Он навалился на нее всем своим весом.

– Расскажи мне. Что случилось?

Франк глубоко вдохнул, и слова, застрявшие в горле, наконец вырвались наружу:

– Камиль... Она умерла.

Люси пошатнулась. Дальнейшее свелось к череде вспышек и звуков в ее голове. Она видела себя плачущей в объятиях Франка, слышала, как бегают близнецы, потом, словно издалека, голос матери, и наконец над ней склонилось лицо в маске, а сама она лежала на кровати в лихорадке. В мозгу бились слова: *похищение... хакер... Человек в черном...*

Она вернулась в гостиную час или два спустя, точно она не помнила. Зато твердо знала теперь, что Камиль мертва, что *они* ее похитили и убили неопишущим образом в зловещем подземелье.

Ее мать вышла за покупками. Франк съежился на диване, неподвижный, не сводя глаз с игравших перед ним детей. Выглядел он не лучше ее. Люси редко видела его в таком унынии. Она выпила большой стакан воды, продезинфицировала руки, надела маску и присела на

краешек дивана.

– Что же теперь будет?

Франк с трудом выпрямился. Было 9:30.

– На набережной Орфевр массово мобилизуются ресурсы. По словам Ламордье, половина команд уголовки – или того, что от нее осталось, – будет работать над этим делом, а он берет на себя руководство и станет нашим непосредственным начальником.

Вздых... Долгое молчание.

– Сейчас они копаются в биографиях Карайоль и хакера, шерстят этот пресловутый список рабочих канализации... Допросить почти триста пятьдесят человек, проверить тонны рабочих графиков – это займет много дней, недели. Разумеется, они выбирают приоритетные направления, по массе критериев.

Маленький Жюль вложил трактор в его протянутую руку. Шарко покатал игрушку по колену и вернул ее сыну. Тут в дверь постучала Мари и вошла с двумя пакетами.

– Я не стала покупать ни птицы, ни яиц. Они снизили цену на цыплят, но никто их не берет, секция переполнена. Думается мне, ничего хорошего не сулят такие акции, что-то за этим кроется. Наверняка причина в этом самом гриппе птиц. Я поступила как все, взяла мясо и рыбу.

Она подхватила пакеты и направилась в кухню. Люси тяжело вздохнула:

– Родители Камиль... ее семья... они в курсе?

– Думаю, да.

Люси даже представить себе боялась их боль. Они жили далеко, им, наверное, сообщили по телефону.

– Что ты собираешься делать?

– Пойду на вскрытие, Шене меня ждет.

Люси скользнула рукой по его спине и только посмотрела на него, ничего не сказав.

– Потом навещу Николя. Его отец должен приехать из Бретани после обеда, поддержит его, побудет с ним несколько дней.

Он смотрел в пол:

– Я не знаю, что сказать Николя. А ведь мы делаем это много лет. Приходим к мужьям, к матерям, сообщаем им худшее. Но тут... это же друг.

Он взял чашку остывшего кофе, сжал ее в ладонях. Взгляд его блуждал по черной жидкости, как будто он искал там ответов какого-то оракула.

– Мы не стремимся жить лучше или хуже других. Мы хотим просто

нормальной жизни, немного счастья время от времени. Видеть, как растут наши дети, и не бояться за их жизнь.

Он пригубил кофе.

– Потом я поеду в Польшу. Так надо.

– В Польшу?

– Там Человек-птица истребил семью, которую ты видела на снимках. Я полечу самолетом, встречу с офицером полиции, который вел это дело, получу информацию и вернусь. Польша совсем рядом, это на день-два максимум.

Люси вцепилась в его правую руку:

– Не надо, пусть пошлют кого-нибудь другого, черт побери!

Шарко посмотрел на своих близнецов. Адриен... Жюль... О господи, как ему хотелось вырваться отсюда и увезти их подальше, куда-нибудь, где они могли бы все вчетвером слушать морской прибой, смотреть на волны.

– Кого другого? Тебя? Николя? Я хочу поехать, Люси. Я это делаю ради наших детей. Ради Николя. Ради...

Он ничего больше не сказал, но Люси знала, о ком он думает. О своей жене и маленькой дочке, загубленных так давно. О Кларе, о Жюльетте, дочках Люси. Убитых. Обо всех дорогих ему существах, унесенных чьим-то зверством. Люси знала, что ни к чему спорить, бороться с этой силой, побуждавшей Шарко идти до самого конца. Она была такой же, как он.

И она погладила его по затылку, успев сказать, прежде чем появилась Мари:

– Делай что нужно. Я знаю, что ты скоро к нам вернешься.

На этот раз каждый шаг, приближавший Франка к залу вскрытий, был пыткой. Он механически шагал вслед за Бертраном Казю, в то время как каждая клеточка его мозга повелевала развернуться и уйти, чтобы ноги его никогда больше не было в этом окаянном месте.

Он помедлил несколько секунд перед дверью тамбура. Надо ли пересечь рубеж еще раз? Вынести худшее в надежде, что однажды свершится правосудие? Бертран придержал створку, глядя на него.

– Я могу сделать это один.

Шарко покачал головой и вошел.

Шене уже начал без них, хотя по процедуре офицерам криминальной полиции полагалось присутствовать от начала до конца. Он, видимо, хотел избавить их от первых, самых страшных этапов вскрытия. Трое мужчин молча переглянулись, потом Франк подошел ближе, сжав губы, свесив руки вдоль тела. Ему было страшно холодно.

Лицо Шене оставалось бесстрастным. Он продолжал работу методично, сохраняя необходимую дистанцию, чтобы не задействовать эмоции. В теле на холодном столе уже не осталось ничего человеческого, но Шарко еще слышал смех Камиль. И крики Николя. Новые звуки и образы, которые будут преследовать его ночами.

Он вздрогнул и скрестил руки, а Шене тем временем начал объяснять:

– Когда я пришел в подземелье около часа ночи, трупное окоченение уже наступило на уровне затылка и жевательных мышц и начало распространяться на все тело. Зафиксированный таким образом процесс вкупе с измерением температуры тела позволяет с достаточной точностью установить время смерти. Субъект скончался вчера вечером около девятнадцати или двадцати часов.

Шарко заставил себя думать, это было необходимо. Он вспомнил небольшое опоздание Человека в черном на связь с хакером. Убрал ли он Камиль прямо перед этим? Участвовал ли в этой гнусной мизансцене?

– Он знал, – сказал Казю. – Этот подонок Человек в черном знал, что она мертва, когда общался с нами.

– Она... умерла там? – спросил Франк.

– Да. Синюшность кожных покровов на спине совпадает с местами соприкосновения с рельсом, к которому она была привязана. Все произошло в подземелье.

Франк вспомнил кусок рельса в два метра высотой, прислоненный, как лестница, к стене в глубине зала. Запаястья и лодыжки Камиль были примотаны к нему серым скотчем, им же был заклеен ее рот.

Шене показывал на разные части тела:

– Следы когтей наличествуют повсюду, но роковых повреждений на этот раз нет. Я полагаю, что он не хотел убивать ее сразу и длил пытку.

Он показал куски ткани, лежавшие на краю раковины:

– Я нашел эти две тряпки у нее во рту, помимо скотча. Вряд ли кто-нибудь мог услышать ее крики в этих карьерах, но они тем не менее были осторожны. Она откусила себе язык...

Франк искал в самой глубине своей души силы слушать, впитывать безжалостные слова, описывавшие муки Камиль. Женщины, на месте которой могла бы быть Люси или жена Шене. Полной жизни, еще несколько дней назад смеявшейся, шутившей, строившей планы. Это пало на Николя, потому что он возглавлял группу, потому что помешал им совершить последние гнусности в предыдущем деле.

– Продолжай.

Шене указал на грудную клетку:

– Грудь вскрыли чисто, у них, очевидно, была грудная пила или подобный хирургический инструмент. Это хорошо видно. – Он раздвинул края плоти. – Полые вены, легочные вены, легочная артерия и аорта были аккуратно перерезаны, как при... настоящем изъятии органов. Это ближе к медицинскому акту, чем к бойне.

И снова их действия повторяли прошлое дело. Кража сердца как символ, способ вывести прошлое на поверхность. Шарко представилось, как эта орда кровожадных дикарей уходит по зловещим галереям: он почти слышал их зверский рык, видел, как они потрясают сердцем, точно трофеем.

Волки, звери, монстры.

– Врач? Хирург?

– Я не был бы столь категоричен, но связан с медицинской средой точно.

Судебный медик продолжал осмотр в почти благоговейном молчании. Шене следовал процедуре, брал кровь, мочу, волосы для токсикологических анализов. Франк видел это сотни раз, но, выйдя из зала, был вынужден присесть на скамейку на набережной Сены. У него кружилась голова.

Бертран Казю стоял за его спиной и молчал. Казю вообще был неразговорчив, порой паузы затягивались до бесконечности, и Шарко тогда

погружался в свои мысли. Внизу слева Франку был виден мост Морлан и вход в туннель, где он встретил бомжа Жаспера. Он уже ощущал пустоту, оставшуюся после Камиль. Он так привык к ее присутствию... Ее смерть была такой страшной.

– Если Николя когда-нибудь спросит про вскрытие... скажешь, что Камиль умерла быстро и без мучений. Не сообщай никаких подробностей.

Казю закурил сигарету. У Шарко зазвонил телефон. Это был отдел командировок. Рейс в Познань отправлялся в 18:20, прибытие в 21:34, с часовой посадкой во Франкфурте. Польский полицейский, передавший данные в Интерпол, будет ждать его на месте и проводит в отель. Его просили прибыть в аэропорт на час раньше обычного в связи с санитарным контролем из-за гриппа птиц. Вернуться он должен был послезавтра во второй половине дня.

Он повесил трубку и посмотрел на часы. График был жесткий, но ему надо было еще заехать в больницу навестить Николя. Он подошел к Казю:

– Кто-нибудь ждет тебя дома? Я хочу сказать... У тебя есть спутница жизни? Подруга?

– Я один после развода. С женщинами для меня на сегодняшний день покончено.

– В таком случае я попрошу тебя об одной услуге. Меня не будет дома сегодня вечером, я улетаю в Польшу. Мне очень неловко просить, но... не смог бы ты переночевать у меня, только эту ночь? Там моя теща занимается Люси и близнецами, и... я не хочу оставлять их одних.

– Положись на меня.

В этот день после обеда Амандина сидела в окружении больных в приемной доктора Брашелье. Люди кашляли, харкали, дети лежали на коленях у матерей, таращась на ее маску.

Чувствуя себя не лучшим образом, молодая женщина отправилась в туалет. У нее дрожали руки, когда она делала анализы в лаборатории. Несколько раз она едва не разбила пипетки и не опрокинула пробирки... Не могла сосредоточиться, была слишком напряжена, что ставило под угрозу команду. Пришел Жакоб, ему обо всем доложили. Он заговорил с ней о ее странном поведении в последние дни, и вспыхнул конфликт. Амандина покинула свое место в гневе, швырнув перчатки и халат в корзину для биологических отходов.

Она постоянно думала о Фонге и так жалела, что опустила ставни в лофте, оставила его на целый день в темноте, но, с другой стороны, был ли у нее выбор? Он обманул ее доверие, нанес ей настоящий удар ножом в сердце.

Стоя перед зеркалом, она проглотила таблетку аспирина, чтобы разогнать туман в голове. Потом намазала руки антибактериальным гелем, вернулась и села на свое место, покачивая ногой, положив ладони плашмя на колени. Дети, которые таращились на нее и громко разговаривали, действовали ей на нервы. Их красные глаза вылезали из орбит, и ей вдруг представились на их тельцах гигантские головы крыс. Дети-крысы плясали вокруг нее в inferнальном хороводе...

Наконец дверь кабинета открылась и выпустила пациента. На пороге появился доктор Брашелье. Стройный, элегантный мужчина в белом халате с лысой, как у нее, головой. Он уже давно ее приметил – вид у нее был чудной, не каждый день таких встречаешь, – и взгляд его устремился на нее.

– Ваша очередь.

В кабинете Амандина села по одну сторону безупречно убранного стола, врач по другую. Он взглянул на экран своего ноутбука, потом поднял глаза на нее:

– Что вас привело?

– Меня зовут Амандина Герен, я работаю в Центре изучения гриппа при Институте Пастера.

Амандина подвинула по столу визитную карточку. Врач внимательно

пробежал ее глазами, подняв бровь.

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов о докторе Эрве Кремье. По словам секретарши, вы хорошо его знаете.

– Что вам от него нужно?

Врач казался встревоженным, и его приветливое лицо замкнулось, поэтому молодая женщина решила играть в открытую, не выдавая, правда, причины своих поисков. В лаборатории она снова сделала запрос в компьютере, чтобы найти все анализы, заказанные Эрве Кремье.

– Эпидемия гриппа птиц заставила нас просмотреть множество более или менее давних статистических данных по нашей лаборатории. Мы обнаружили, что чуть больше трех лет назад доктор Кремье запрашивал количество анализов вируса, сильно превышающее средний уровень. Я хочу знать почему.

Она говорила только правду. Вне зависимости от происхождения Эрве Кремье запрашивал в Центре количество анализов выше среднего, с тех пор как вошел в сеть региональных групп наблюдения за гриппом. Врач скрестил руки под подбородком.

– Почему же в таком случае вы не спросите его напрямую?

– Потому что при таком избыточном количестве анализов я не уверена, что он назовет мне истинную причину. Но если вам нечего мне рассказать, мне ничего не останется, как обратиться к нему лично.

Брашелъе, казалось, взвешивал за и против.

– Эрве был настоящим профессиональным врачом. Он давал много больше, чем просто консультация и листок с заключением после профилактического осмотра, который выписывают раз в год. Он помогал рабочим, давал им советы, не останавливался ни перед чем, чтобы защитить их на свой манер.

– Вы говорите о нем в прошедшем времени.

– Он был исключен из сообщества врачей чуть больше двух лет назад. Вы не в курсе этой истории?

Амандина покачала головой. Она вся обратилась в слух.

– Эрве Кремье занимался профессиями, связанными с окружающей средой: сточные воды, очистные станции, канализация, водопровод... Он был одним из лучших специалистов по заболеваниям, связанным с этой деятельностью, таким как костно-мышечные болезни, лептоспироз, расстройства пищеварения, кожные и дыхательные синдромы. Думаю, как раз в силу этой последней причины он и посылал во множестве анализы в Центр изучения гриппа. Он во всем шел до конца, не заботясь о связанных с этим расходах.

Амандина поморщилась от слова «лептоспироз». Болезнь крыс. Она содрогнулась от одной этой мысли. Перед глазами встали черные зверьки, кишачие на постели Фонга, дети с крысиными головами в приемной. Как странно, что Брашелье заговорил с ней об этой болезни, об этих гадких тварях.

Врач заметил ее смятение, но продолжил:

– Несколько лет назад Эрве активно ратовал за улучшение условий труда рабочих. Он входил в инициативные группы, разработал карты наблюдения персонала по всей Франции, чтобы собирать и централизовать данные. Его углубленные исследования здоровья рабочих канализации показали продолжительность жизни на пять лет меньше среднего уровня среди рабочих, высокую смертность от рака, патологий печени и инфекционных болезней. Эрве читал лекции, участвовал в конгрессах. Благодаря его исследованиям был усилен медицинский контроль в профессиях, связанных с ассенизацией, выработаны специальные меры для улучшения профилактики среди рабочих.

– Он, похоже, был прекрасным врачом, преданным своему делу. Почему же его исключили?

Брашелье сложил пальцы пирамидкой.

– Это непростая история, я не знаю всех подробностей, но, скажем так, на него ополчилась мэрия Парижа и ее присные. Борясь за достойные условия труда для некоторых рабочих канализации, Эрве вышел за рамки своих полномочий. Жалобщики как с цепи сорвались, каждое лыко шло в строку, в чем только его не упрекали. Они просто довели его до крайности. После нескольких месяцев волокиты сообщество исключило его пожизненно. Эрве воспринял это как смертный приговор, вопиющую несправедливость.

Даже не зная всего, Амандина легко могла представить себе, какой ад пережил Кремье. Рухнувшая карьера, невозможность заниматься профессией, для которой он был рожден, стыд, от которого не избавиться всю жизнь. Все равно что выставить человека на перекресток в ослином колпаке. Нетрудно представить его обиду, отчаяние, гнев.

– Что с ним случилось?

Брашелье затруднился с ответом.

– Не знаю, я не видел его уже два года, кажется, он живет в восточном предместье Парижа. Узнав об исключении, Эрве порвал все связи, он оказался на самом дне. Долгая судебная волокита вымотала его за эти месяцы. Он бросил спорт, никуда не выходил, замкнулся в себе. Даже почти не разговаривал. К счастью, он, кажется, получил солидное наследство от

родителей, ему досталась недвижимость. Это, надеюсь, позволило ему выжить.

– Кстати, сколько ему было лет?

Врач порылся в ящике и достал фотографию.

– Родился третьего августа тысяча девятьсот шестьдесят девятого, исключен третьего августа две тысячи одиннадцатого, если мне не изменяет память. Хорошенький подарочек на день рождения, вы не находите? Это мы вдвоем там, в сквош-клубе...

Амандина рассмотрела снимок. У Кремье было приветливое симпатичное лицо. Высокий блондин с полными щеками и залысинами на лбу. Молодая женщина была не в состоянии судить, мог ли он привлечь Северину Карайоль. Он или другой, этого никак не узнать.

Врач посмотрел на часы:

– Это очень печальная история. Извините меня, но... пациенты ждут, а я с утра изрядно выбился из графика.

Врач встал, Амандина тоже. Он проводил ее до двери.

– Как развивается эпидемия гриппа птиц? Я только что узнал, что на сегодняшний день зарегистрировано больше тысячи случаев и один пациент умер, по данным медицинской сети «Сантинель».

– Да, это так. Дела плохи. Разворачиваются планы, чтобы затормозить распространение, но остановить этот грипп уже невозможно. Вирус свободен, как воздух. Информировать людей, призывайте их защищаться, это единственный выход.

Больше Амандина ничего не сказала. Она посмотрела на детей с крысиными головами и, выйдя на улицу, сорвала с лица маску. Адрес Кремье она нашла самым простым образом: в телефонном справочнике «Белые страницы». Он жил в Фонтене-су-Буа, восточном предместье Парижа.

Она снова отправилась в путь под дождем и около трех дня добралась до Фонтене-су-Буа. Хотя интуиция подсказывала, что она на верном пути, она еще не была ни в чем уверена. Да, Кремье запрашивал много анализов в Центре изучения гриппа, некоторые из них прошли через руки Северины, его исключили из сообщества, но значит ли это, что он виновен? Мог ли он соблазнить Северину и иметь с ней связь, если оказался на самом дне, как рассказал Брашелье? Был ли этот человек манипулятором? Врачом, предавшим клятву Гиппократ и совершившим все, что запрещала ему профессия? Мог ли он заражать людей? И убивать других?

Амандина хотела удостовериться, прежде чем связываться с полицейскими. Может быть, пошпионив за ним день или два, она получит

доказательства? Если он действительно распространил вирус, поведение его должно быть подозрительным.

Николя сидел, уставившись в выключенный телевизор, когда Шарко вошел в маленькую больничную палату, держа два стаканчика кофе.

Капитан полиции не повернул головы в сторону коллеги. Он был где-то далеко, словно спал с открытыми глазами. Франк закрыл за собой дверь и поставил один стаканчик на прикроватную тумбочку. Потом прислонился к стене у окна.

– Я тут говорил с Паскалем и Жаком, нашими гриппозными. Жаку лучше, он приступит к работе через несколько дней, а Мистер Мускул тоже начинает выкарабкиваться. Они тебе позвонят, ты уж подходи к телефону, ладно?

Ответа не последовало.

– Ты должен знать, что мы все мобилизованы. Будем преследовать их по пятам двадцать четыре часа в сутки. Люди работают без передышки, Ламордые возглавил группу. Не сказать чтобы я был от него в восторге, ну да ладно, я его знаю уже больше пятнадцати лет, и он не ставит мне палок в колеса.

Шарко развел руками:

– Посмотри на меня, у меня жуткий вид, я не в себе, и это скорее хороший знак... Через три часа я улетаю в Польшу, есть ниточка. Наш Человек-птица совершил там пятерное убийство. Я его не упущу, Николя.

Тяжелые веки Николя едва шевельнулись. Он смотрел сквозь Шарко. У него был мертвый взгляд. Плевать он хотел на все, что могли ему рассказать. Камиль убита, и ни он, ни один полицейский Франции не смогли этому помешать. Все остальное не имеет значения.

Он чуть-чуть разжал губы, чтобы произнести пару коротких фраз:

– Уйди, Франк. Я не хочу больше тебя видеть. Ни тебя, ни других. Оставьте меня в покое.

– Я когда-нибудь оставлял кого-нибудь в покое?

Шарко взял стул и сел напротив него:

– Есть два варианта: или ты сразу вернешься к работе, или наплюешь на все и будешь погружаться на дно. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что ты выбрал второй вариант. Он не лучше и не хуже первого, на мой взгляд... Но, скажем так, тебе будет труднее вернуться к жизни.

Шарко вздохнул:

– Ладно, придется все-таки рассказать тебе одну вещь. Я помню все, как будто это было вчера, а ведь прошло уже восемь лет... Мы с Сюзанной и Элоизой возвращались, проведя день за городом, в Фонтенбло. Денек был такой чудесный, и мы так смеялись.

Франк вымученно улыбнулся. Глядя на черную поверхность кофе, он видел лица своей жены и дочери. Слышал их смех.

– На обратном пути у меня лопнула правая передняя шина. Я еду сотню метров и паркуюсь на обочине автострады, вместо того чтобы свернуть на проселок и поменять колесо. Не знаю, не подумал, наверно, потому что был зол на эту чертову шину. Элоиза и Сюзанна обе сидели сзади, я велел им ни в коем случае не выходить. Дорога опасная, недалеко крутой вираж...

Шумный глоток кофе. Шарко даже не почувствовал его вкуса.

– Почему я не остановился подальше, после виража? Или до него? Почему припарковался именно в этом месте? Почему не запер дверцы? У Сюзанны не было никакого понятия об опасности, и потом... ты мог ей что-то сказать, а она через пять минут это забывала.

Он помахал правой рукой:

– Знаешь, с головой у нее было... Короче, выхожу я, открываю багажник, достаю домкрат и снимаю колесо. Понадобились мои тогдашние сто килограммов, чтобы отвинтить эти чертовы гайки. Заклинило их намертво. Я уж думаю, кирдык, поднажал, и вдруг одна гайка укатилась под машину. Полез я за ней...

Картины снова вставали перед его глазами как наяву, четкие, полные зловещих деталей. Как в большинстве его кошмаров.

– Когда я поднял голову, вижу, моя жена стоит посреди дороги и держит за руку дочку. Они слева от меня, а справа машина, выходит из виража и едет на полной скорости. Как ни парадоксально, в эту минуту все происходило точно при замедленной съемке, будто... каждое движение бесконечно. Все произошло в трех-четырех метрах от меня. Задние колеса синего «БМВ» пошли юзом, удар, Элоизу отбросило назад на расстояние, которое жандармы определяют точно, – девятнадцать метров, как тряпичную куклу, а голова Сюзанны стукнулась о ветровое стекло, и ее переломанное тело взлетело на несколько метров в небо. Небо было синее, ни облачка, только белые следы от самолетов, которые пересекались. Даже это я помню... А ты ведь знаешь, каково мне удержать в голове номер телефона.

Франк нервно поглаживал свой серо-белый галстук.

– Я помню, как побежал сперва к Элоизе. Она была так далеко от меня. Девятнадцать метров, Николя. Как можно оказаться почти в двадцати

метрах от места удара? И почему я побежал сначала к ней? Может быть, подумал, что она еще жива? Мне казалось, ребенок не может умереть, это нечто нерушимое. Она была такая маленькая, вся жизнь впереди. И потом, она была моей дочкой... Моей девочкой.

Шарко говорил нутром. Ему казалось, будто густой и горячий сироп вытекает из его рта с каждым произнесенным словом. Резким движением он сорвал галстук и скомкал его. Ему было нечем дышать.

– Я не думал. Я оторвал ее тело от земли, мне пришлось поддерживать головку, чтобы она не запрокидывалась, так все у нее было переломано. Я пробежал, прижимая к себе Элоизу, метров тридцать, до тела Сюзанны, которое лежало по другую сторону. У моей жены не было лица, я помню, как закрывал рукой глазки моей мертвой дочери, чтобы она этого не видела. Потом – не помню, что было. Когда приехали жандармы, я сидел в поле, в большой яме, которую выкопал руками, а тела моей жены и дочери лежали в траве.

Его глаза увлажнились. Он утер их рукавом своего костюма.

– Никто этого не знает. Даже Люси. Я... никогда не говорил об этом, с тех пор как это случилось. И черт побери, мне все так же больно!

Николя повернул к нему голову. Поворот шеи на сорок градусов, много значивший для Шарко.

– Ты видел, как я развожу сырость, сможешь всем рассказать. Повесьте это на стену в офисе. «Суббота, 30 ноября 2013 года, день, когда Шарко разводил сырость».

Он резко поднялся:

– Входя в твою палату, я думал, что попробую понять твой дух, но мне не хочется, и потом, это меня достало. Я не психолог, понятно? Грошковые проповеди – не мое это.

Он взял кофе Николя:

– Ты не хочешь, я полагаю. Ты прав, гадость ужасная.

Не дожидаясь ответа Николя, Шарко выбросил полный стаканчик в мусорное ведро. Поскольку Николя по-прежнему не произносил ни слова, он пошел прочь и развернулся уже в дверях. Белланже следил за ним глазами.

– Все мы поднимаемся рано или поздно. Люси потеряла своих близняшек, когда им едва исполнилось десять лет. В тот день, когда она узнала, что нашли тела девочек, та, что делит сегодня со мной жизнь, проехала шестьсот километров, чтобы увидеть их изуродованные трупы на столе для вскрытий. Представь себе, о чем она думала, когда ехала, одна, к моргу...

Он покрутил пальцем у виска и несколько минут помолчал.

– Вот-вот, подумай об этом хорошенько. Ее родные дочки, два единственных существа на свете, которые были смыслом ее жизни. А между тем она, я – вот они мы, держимся. Мы полицейские, Николя. Мы еще живы, и нам даже случается смеяться. Быть счастливыми, несмотря ни на что. Да, то, что досталось тебе, ужасно, печально, все, что хочешь. Но ты не один.

Он взялся за ручку двери:

– Я пойду и сяду на этот чертов рейс, буду копать в дерьме и вдыхать запах смерти полной грудью. Ты даже представить себе не можешь, до какой степени мне это противно, но я все равно это делаю. Ты тоже скоро снова станешь полицейским, может быть, даже лучшим. И будешь делать все возможное, чтобы подобные драмы не разрушали другие жизни, другие семьи... Позвони мне, когда захочешь, и я тут же приду. А если не позвонишь, не стану тебе докучать.

Он вышел, не дожидаясь ответа. С сердцем, набухшим от слез. В коридоре он наткнулся на человека лет шестидесяти, очень сухощавого, с лицом морщинистым, как бывает у старых моряков после долгого плавания. Франк пожал ему руку:

– Я служу под его началом. Позаботьтесь о нем хорошенько, ему это понадобится.

Они поговорили несколько минут, и Франк удалился, полный горечи и печали.

И такой огромной ненависти, что она переполнила его.

В туалете он изо всех сил ударил кулаком в зеркало, разбив стекло на мелкие осколки.

Улица Лезаж, Фонтене-су-Буа.

Проливной дождь, черное небо, непонятно, день или ночь.

Амандина припарковалась на узкой тихой улице, обсаженной деревьями и застроенной частными домами. Капли бились о ветровое стекло и словно рисовали плачущие лица. В нескольких метрах от нее, по другую сторону улицы, лежало небольшое имение с дубовыми воротами и изгородью из подстриженных кипарисов. Круглая заасфальтированная площадка между домом и воротами, должно быть, служила парковкой для машины. Несмотря на сгущающиеся сумерки, Амандина увидела, что свет в доме нигде не горит.

Очевидно, Эрве Кремье дома не было.

Она вышла из машины и тихонько закрыла дверцу. На улице не было ни души. Она отметила отсутствие камер у ворот высотой едва ли полтора метра и спокойно вошла. Дождь струился по ее плечам, по обритой голове, холодные капли стекали на глаза. Нарушив границу частной собственности, Амандина спрашивала себя, что она здесь делает. Чистое безумие вломиться сюда, подобно вульгарной воровке.

Она кинулась к входной двери, попыталась открыть ее, но тщетно. Тогда она быстрым шагом обошла дом. Высокие кипарисы заслоняли его от соседей, и она чувствовала себя одновременно свободной и пленницей, испытывала и возбуждение, и страх. Позади не было двери, только два окна внизу и два на втором этаже. Все заперты и с двойными стеклами. Она прижала ладони к стеклу окна столовой. Ей были видны стол, стулья, классический опрятный интерьер. Она перешла к другому окну, выходившему в кухню. На что она надеялась? Увидеть большое объявление «Я распространил вирус гриппа»?

Она решила вернуться в машину и подождать возвращения Кремье, как вдруг услышала на улице шум мотора. Обороты снизились, Амандина отступила от стены и увидела две круглые фары, осветившие кипарисы за ней. Чей-то силуэт пробежал под дождем, открыл ворота, вернулся во внедорожник «шевроле» и припарковал его на асфальтовом кругу.

Мотор заглох... Тень устремилась к дому... В окнах загорелся свет...

Амандина укрылась в глубине сада между кипарисами, вся дрожа. Одежда ее промокла насквозь, капавшая с деревьев вода стекала по затылку, по спине. Время от времени она видела силуэт врача в квадрате

света. Он появлялся и вновь исчезал из ее поля зрения, она не знала, что он делает.

Амандина дождалась, пока совсем стемнеет. Деревья колыхались от ветра, ветви похрустывали. Молодая женщина смотрела на лужу, образующуюся на лужайке. Кратеры дождя взрывались в ней, вода расходилась волнами. Ее взгляд привлекло движение у подножия кипарисов. Что-то черное как будто быстро перемещалось там. Но когда она подняла глаза, ничего не было.

Она решила ощупью подобраться к окну столовой. Был уже шестой час. Эрве Кремье сидел на диване и ел йогурт. Одновременно он смотрел телевизор. Амандина видела экран сбоку, но ей казалось, что это информационный канал.

Ну и что? Если он смотрит новости, значит виновен?

Защищенная тьмой, она всматривалась в лицо врача, наблюдала за его движениями. Лицо у него было круглое, полные щеки, маленькие усики. Он был одет в джинсы и синий свитер, на ногах клетчатые домашние тапочки. Выглядел он безмятежным и совсем не походил на сумрачного красавца, которого она представляла подле Северины Карайоль. Что он делал после исключения из сообщества врачей? Избрал ли другую профессию? Преодолеет ли боль, неудачи? Он повернулся, похлопал несколько раз по дивану, и к нему запрыгнул йоркшир-терьер. Он погладил его, с улыбкой поцеловал в морду, потом вытянулся, лег головой на подушку, собака свернулась у него в ногах. Пять минут спустя он уже спал.

Амандина чувствовала себя глупой. И окоченевшей. Этот тип совсем не походил на террориста, которого она себе представляла. Она решила уйти. Тихонько вернулась к машине и уже хотела было включить зажигание, как вдруг у нее мелькнула одна идея. Она достала GPS-передатчик, прикрепленный под пассажирским сиденьем, – тот самый маячок, что позволял постоянно отслеживать местонахождение ее машины, – и задумалась. То, что пришло ей в голову, было не вполне законно, но в конце концов...

Она вернулась на аллею. Подошла к внедорожнику «шевроле» и прикрепила маячок внизу коробки с длинной трубкой, предназначения которой не знала. Она дышала со свистом, сердце билось часто и сильно. Но аппарат был надежно закреплен.

Снова что-то – тень, которая таяла, стоило ей поднять глаза, – промелькнуло совсем рядом. Она поднялась и побежала прочь. За воротами вскочила в свою машину и заперлась в ней, еле переводя дыхание, хотя пробежала всего несколько метров.

Амандина посмотрела на свои руки, грязные, дрожащие, растерянным взглядом. Она не понимала, что с ней происходит, что за тени ее преследуют и почему она это сделала. Во что она ввязалась?

Она взглянула на свой мобильный телефон, открыла приложение маячка GPS. Система работала исправно: она будет видеть точную картографию передвижений Эрве Кремье. Вряд ли это ей что-то даст, но попробовать хотелось. Она поехала в сторону Севра, сознавая, что уже поздно и она не видела Фонга с семи утра.

Когда она вошла в лофт, муж сидел в кухне. Он ел лапшу, и Амандина слышала негромко играющее радио. Весь свет в лофте горел. С молодой женщины стекала вода. Она сняла насквозь мокрую куртку, стряхнула капли с головы и подошла к стеклу, выходящему в кухню.

– Как прошел день, Фонг?

Муж поднял на нее ничего не выражающий взгляд. С досадой оглядел ее промокшую одежду, черную от брызг и грязи, и передвинул стул, повернувшись к ней спиной. Он уткнулся в тарелку с лапшой, не сказав ей ни слова, и прибавил звук радио. Амандина застучала кулаком по стеклу, оставив на нем темный влажный след.

Никакой реакции. Амандине было грустно, она понимала, что проблема в ней. Но что она могла теперь сделать? Где выход? И есть ли он вообще?

Крысы в лабиринте...

Она пошла принять душ, оставив включенным телефон. Судя по карте на экране, Кремье не двинулся с места. Вряд ли он куда-нибудь выйдет сегодня.

Долгий сеанс отмывания. Под конец, сухая и чистая, Амандина прошла продезинфицированными щипчиками под ногтями. Зайдя в свою спальню за кимоно, она обнаружила, что Фонг повесил белую простыню на стекло, разделявшее их кровати.

Это было невыносимо. Амандина не могла больше терпеть эту междоусобную войну и видеть, как рушится их брак. Она задумалась, сжав голову руками, потом встала. Со вздохом отперла все двери, за которыми томился Фонг, ее муж, человек, которого она любила больше всех на свете. Она включила Интернет и положила мобильный телефон на столик в гостиной Фонга. Она возвращала ему свободу. А потом она сама заперлась в своей спальне и свернулась в комочек под простынями. Она дрожала, как раненое животное.

Она почувствовала спиной тепло много позже, когда уже начала засыпать. Фонг прижался к ней, обхватив обеими руками. Амандина

открыла глаза, не двигаясь, ее руки сомкнулись на руках мужа.

– Ты на меня сердишься?

– Разве я могу сердиться за то, что ты меня любишь?

Он вздохнул, она ощутила теплое дыхание на затылке. Ей подумалось, что ни он, ни она не надели маски, что она пришла с улицы, из-под дождя, возможно, простудилась, принесла микроб. Но в этот вечер у нее не было больше сил на все эти «возможно», и она ничего не сказала.

– Я просто устал, Амандина. Я не хочу, чтобы ты гробила свое здоровье ради меня. Не хочу больше быть тебе обузой.

Он повернул ее на бок, она не противилась. Он посмотрел ей прямо в глаза. Без маски. Их губы были очень близко. Как давно этого не случилось?

– Дай мне просто посмотреть на тебя, как мужчина должен смотреть на свою жену.

Он гладил ее, его глаза вглядывались в ее лицо, будто видели впервые.

Амандина боролась с собой, чтобы не оттолкнуть его. Она не могла. Не в этот вечер.

И тогда, впервые за долгое время, они поцеловались.

Франк Шарко проснулся, когда шасси аэробуса коснулись посадочной полосы познанского аэропорта Лавица.

Он с трудом вынырнул из сна, припоминая события последних часов: санитарный контроль в аэропорту Шарль де Голль... Информационные бюллетени о гриппе, которые раздавали пассажирам, множество вопросов, бумаги, которые пришлось заполнять перед посадкой в Германии. «Были ли у вас в последние дни контакты с людьми, имеющими симптомы гриппа?» – спросили его в числе прочего. Чтобы не быть отправленным во Францию, Шарко солгал по всем пунктам.

Потом было ожидание во Франкфурте, в зале вылета, впечатление, что он блуждает между двух миров... Потом, час спустя, он сел в другой самолет и вновь провалился в тяжелый сон.

Когда самолет остановился, он достал свой чемоданчик на колесах из багажного отделения над сиденьем. Включил, как все пассажиры, мобильный телефон, не дожидаясь разрешения, поспешил послать сообщение Бертрану Казю, что он прибыл, и получил ответ, еще не выпустив аппарат из рук: коллега обосновался у него дома, мать Люси приготовила ската в масле, все прекрасно. Шарко успокоился. Казю был классным парнем.

Он прошел контроль и поменял в банкомате деньги на злотые. Люциан Крушек ждал его в условленном месте, одетый в штатское, с табличкой «Франк Шарко» в руках. Крепко сбитый парень с короткими светлыми волосами и льдистыми голубыми глазами, затянутый в кожаное пальто, застегнутое до подбородка. На первый взгляд от него исходила холодность агента КГБ. Шарко прикинул, что он примерно его ровесник.

Мужчины уважительно поздоровались и пару минут оценивающе разглядывали друг друга. Они были одного роста.

– Хорошо долетели?

Английский Крушека был весьма приблизительным, поэтому Шарко легко его понял.

– Отлично.

– Уже поздно. Предлагаю проводить вас в отель, потом мы найдем спокойное местечко, чтобы поговорить о наших делах. Как называется отель?

Шарко достал из кармана бумажку, которую ему дали в отделе

командировок.

– Отель «Влоски», Дольна Вильда, восемь.

– Недалеко от вокзалов и Старого города... Всего километров десять отсюда. Мы будем там через двадцать минут. Когда вы уезжаете?

– Завтра после обеда.

– Быстро вы.

Воздух на улице был сухой и хлесткий. Шарко поднял воротник куртки. Темень стояла непроглядная, безоблачное небо усеяно робкими звездами. Они отыскиали на парковке машину и поехали. Это явно был личный автомобиль Крущека: сзади были прикреплены два детских сиденья и валялись пакетики конфет.

– У вас двое детей?

– Тобиаш, четыре года, и Илона, два года. Они прелесть. А у вас?

– Жюль и Адриен, им шестнадцать месяцев. Они близнецы.

– А, близнецы. У моей матери была сестра-близнец.

Он говорил о ней в прошедшем времени. Шарко взглянул на его профиль. Чуть приплюснутый нос, два маленьких шрама над бровью, квадратный подбородок питбуля. Он смотрел на дорогу, ничего не говоря, сжав губы. Молчун, как и Шарко. Французский сыщик умел узнавать полицейских, которым досталось за их карьеру, было что-то такое в их молчании и скупых жестах. Здесь, в Польше, на долю Крущека, возможно, выпали те же невзгоды, те же страдания, что и ему.

Франк смотрел на огни города, к которому они уже подъезжали. По широким проспектам еще ездили трамваи кричащих расцветок. Шарко представлял себе холодный и строгий город, здания с прямыми углами, но многие из них были замысловатой архитектуры. Улицы были полны народу, по большей части молодежи, оккупировавшей бары и рестораны. Дома с барочными и классическими фасадами были освещены причудливой игрой огней, создававшей призрачную атмосферу, в которой хотелось затеряться. Шарко вспомнились северные города, Лилль, Дуэ. От здешних людей должно было исходить то же тепло.

Номер в отеле оказался самый обыкновенный, но Шарко было все равно. Он попросил у Крущека четверть часа, чтобы освежиться с дороги. Надевая более свободную одежду, он позвонил Мари и осведомился, как дела. У Люси появился аппетит, дети уже спали, а перед сном требовали папу...

Повесив трубку со сжавшимся сердцем, он подумал о Николя. Хорошо, что с другом сейчас его отец. Подумал Франк и о родителях Камиль. Об их страдании. Скорее всего, им еще не выдали тело для

захоронения из-за судебно-медицинской волокиты. Ожидание лишь продлит их боль, они не могут даже оплакать дочь.

Все это так бесчеловечно.

Из-за них...

Шарко вздохнул перед зеркалом, посмотрел на пораненную кисть руки и предпочел не задерживаться в этих четырех стенах. Взяв папку с документами, он нашел своего коллегу в тихом уголке в холле отеля.

Крущек заказал два польских пива «Живец» и легкую закуску: чипсы, оливки, колбаски... Едва Шарко уселся, он приступил к делу:

– Вы начнете? Только всю историю, ладно? Выкладывайте все, ничего не скрывайте, если мы с вами хотим продвинуться.

– Хорошо.

Шарко принялся рассказывать, попутно протягивая поляку фотографии. Он начал с начала: с гибели несчастного человека и его собаки, которые застигли убийцу, выбрасывающего в пруд останки нескольких человек... А тела эти принадлежали бомжам, похищенным и спрятанным в канализации персонажем в странном наряде... Он рассказал о четырех крашенных цепях, о нише со свечами, о фотографиях, перевернутых крестах, о символе из трех концентрических кругов на стволе дерева, впоследствии обнаруженном на месте первого преступления.

Он колебался несколько долгих секунд, потом добавил:

– Вчера спутница жизни моего коллеги, капитана полиции, наша подруга, была убита тем или теми самыми людьми. Они похитили ее из дому... Потом они...

Шарко сжал руками кружку с пивом. Крущек заметил еще свежие корочки на сгибах пальцев и понял, как трудно его коллеге говорить.

– ...распяли ее в подземелье. Вскрыли ей грудь и забрали ее сердце. Ее звали Камиль.

Крущек с серьезным видом поставил бокал и рассмотрел фотографии одна другой ужаснее: Шарко перед полетом собрал все, что было.

– Что она им сделала?

– Это долгая история.

– Время у нас есть.

– В прошлом году мы расследовали...

И Шарко углубился в предыдущее расследование. Он рассказал, как они впервые столкнулись с символом из трех кругов, потом о негодях, создавших зловещую разветвленную организацию.

– ...Нам удалось ликвидировать сеть. Мы думали, что все кончено, но остался еще один тип: мозг всего предприятия. Его называют Человек в черном, потому что, говорят, он одет в черное с ног до головы. Это он снова действует сегодня, после того как год готовился.

Шарко не стал говорить о террористическом акте с вирусом.

– Человек в черном? Кто он?

Франк показал расплывчатую фотографию перед испанской больницей.

– Это единственное, что у нас есть. Это примерно начало восьмидесятых годов, снимок нам прислал один журналист. Мы не можем установить возраст этого типа, но предполагаем, что на фотографии ему лет двадцать, это минимум, стало быть, сегодня не меньше пятидесяти.

Крущек внимательно всмотрелся в снимок. Смотреть, собственно, было не на что, кроме расплывчатых очертаний.

– Эта мадридская больница была центром гнусного трафика органов в восьмидесятые годы, и Человек в черном был замечен там. Был он и во Франции, и в Аргентине, когда мы...

И француз снова пустился в рассказ обо всех их прошлогодних приключениях, лишив Крущека дара речи.

– ...Человек в черном, похоже, всегда стоит у истока ужасов. Во всяком случае, он, так или иначе, присутствовал всякий раз, когда разыгрывалась масштабная драма, направленная на растление и разрушение. Символ из трех кругов представляет в «Божественной комедии» Данте три последних круга ада. От круга к кругу душа удаляется от Бога, от мира света. Приближается к демону, ко всему, что запрещено...

Шарко говорил очень тихо. Они сидели достаточно уединенно, но осторожность не помешает.

– ...В последних кругах, самых глубоких, томятся те, кто совершил самые тяжкие грехи. Мы выяснили, что в третьем круге этого символа находятся убийцы, психопаты-душегубы, такого же пошиба, как этот человек, переодетый птицей. В следующем – люди, способные организовать преступление, мозги, использующие монстров из третьего круга. Люди из второго круга стоят на более высоком интеллектуальном уровне, их цель – разрабатывать масштабные криминальные акты. А в последнем круге – Человек в черном. Дирижер. Демон собственной персоной.

– А вы знаете, чего этот Человек в черном добивается сегодня? Знаете, какой масштабный криминальный акт он хочет организовать на этот раз?

– Пока нет, к сожалению.

Поляк пронзил его ледяным взглядом, словно догадался, что Шарко не говорит ему всей правды. Французский полицейский счел нужным оправдаться:

– Мы знаем только, что за этими убийствами стоит он и что тот, кто

одевается птицей, работает на него, он его подручный. Также нам известно, что этот ряженный с неким заданием был у вас в Польше. Его мотивацию мы и должны понять, чтобы продвинуться в расследовании.

– Вы описываете мне этого Человека в черном как настоящую фигуру Зла. Можно подумать, что... вы и впрямь верите в ад, в эти три круга.

Шарко протянул ему другие снимки, хорошего качества, на которых была видна испанская клиника и ее главный врач, на сей раз без Человека в черном.

– Журналист, нашедший эти фотографии, которые вы держите в руках, раздобыл и негативы... Из всей серии только та, на которой фигурирует Человек в черном, расплывчатая.

Круцек сощурил глаза:

– Дефект пленки? Проблема с фотоаппаратом в этот момент? Плохая настройка?

– Возможно, но согласитесь, что это очень странно. Из всех свидетельств, которые нам удалось получить, никто не помнит точно этого человека, да и толком его никто не видел. Те, кто приближался к нему или его знал, мертвы. Мы искали, но так и не нашли следов.

Шарко забрал расплывчатую фотографию. Пристально всмотрелся в нее.

– Но Человек в черном существует, эта фотография тому доказательство. Его имя на устах у людей, никак между собой не связанных, и уже много лет. Людей, причастных к коррупции, убийствам, похищениям. Но вернемся к нашему делу: он связывается со своими исполнителями посредством подпольной веб-сети Darknet. Вы ее знаете?

Поляк кивнул.

– Он блуждает в глубинах, – продолжал Шарко, – его питательная среда – все самое нездоровое. Вы говорите о фигуре Зла. Но я, после двадцати с лишним лет в уюлке, могу вам сказать, что он *и есть* Зло. Не черт с рогами и копытами, а вполне реальный человек, который стремится растлевать и разрушать. Убивать по максимуму, используя слабости нашего общества.

От собственных слов у него мурашки побежали по коже. Он отбросил фотографию, как будто от нее исходила пагубная аура. Потом убрал ее в папку и закрыл клапан. Ему было не по себе.

– У меня все. Теперь ваша очередь.

Круцек открыл папку, показавшуюся Шарко очень тощей. Он подвинул на середину стола фотографию посредственного качества. На ней была запечатлена семья, позирующая перед старым желтоватым фасадом.

– Это Юзьвяки. Вот Димитри, Томаш и Стефан, трое детей: пять, семь и десять лет. Мать звали Текла, отца Фридерик. Эта семья всегда жила в Бышкове, как и их родители и деды. Они продавали овощи со своего поля – в основном картофель – и домашнюю птицу... Мелкие фермеры без гроша в кармане, с трудом перебивающиеся, каких много в этих местах.

Он подвинул к Шарко снимки места преступления.

– Десятого октября один житель деревни, заглянув к ним в дом, нашел их лежащими вот так, в ряд, родители по краям, дети в середине. Целая семья, единая в смерти. Юзьвяки были очень верующими, однако все христианские кресты на стенах были перевернуты. Вы уже знаете, что это значит, я полагаю?

Шарко кивнул. Поляк машинально крутил обручальное кольцо на пальце.

– Мы отправили тела в Познань на вскрытие. По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть наступила три или четыре дня назад. Мы думаем, что убийца напал сначала на родителей, пронзив им грудь длинным и острым изогнутым инструментом. Потом на детей.

– Почему вы считаете, что он действовал именно в таком порядке?

– Родители спали внизу, там, где были найдены все тела. Дети были на втором этаже. Мы нашли кровь на лестнице и сделали анализ. Там была кровь родителей, которая, очевидно, стекала с его оружия, когда он поднимался, и кровь детей: он спускался с их трупами на руках. Это единственно возможная схема.

Он показал на мертвые тела, на обширные красные раны.

– По заключению судмедэксперта все эти повреждения посмертные. Сначала он зверски убил их, а потом, думаю, разложил тела в ряд и набросился. Матери, отцу, детям рвали тела и лица, как тигр терзает свою добычу.

– Следы изнасилования?

– Нет, сексуального акта не было. Хотя этого всегда ожидаешь, имея дело с такой бойней: это касается восьмидесяти с лишним процентов случаев. Гипотеза о мести тоже не выдерживает критики: зачем истреблять всю семью? Почему такая жестокость? Люди это были простые, никогда не выезжали из деревни, имели только старенький автомобиль... Был еще религиозный след, из-за перевернутых крестов, но и тут тупик. Юзьвяки были добрыми католиками и посещали церковь соседнего городка, как и большинство жителей деревни. Ни о дьяволе, ни о сатанизме в Бышкове слыхом не слыхивали.

Он вздохнул, взял свою кружку, отпил глоток пива.

– Мы прочесали место преступления частым гребнем и ничего не нашли. Ни отпечатков, ни следов, которые могли бы дать нам ниточку. Только эти перевернутые кресты и знак из трех кругов, вырезанный на деревянной балке. Мы ломали голову, что он означает, вы нас просветили, спасибо вам. Убийца встал на стул, чтобы достать до балки. Никакой паники. Человек четкий, педантичный, однако впадает в буйную ярость, когда убивает.

Шарко всмотрелся в фотографии трупов. В снимки дома, места преступления.

– И никто ничего не видел? Ничего не слышал? Если бы в деревню пришел кто-то чужой, его бы, наверно, заметили?

– Юзвяки живут на краю деревни. И потом, здесь привыкли к чужакам. Через деревню постоянно проезжают грузовики. Всего в двух километрах находится крупное международное предприятие.

Круцек съел кружок колбасы и отпил пива. Шарко тоже что-то погрыз.

– Что еще?

– Одна деталь... Маленькая деталька, которая нам что-то дает, но я не способен ее объяснить. Теперь, когда вы здесь... Думаю, вы сможете мне помочь.

– Слушаю вас.

– В ходе судебно-медицинской и токсикологической экспертизы выяснилась странная вещь. В желудках всех пяти жертв обнаружили пенициллин, лекарственные сиропы и антигистаминные вещества, короче, средства для лечения заболеваний верхних дыхательных путей, типа фарингита или осложненного гриппа.

Шарко сделал стойку. Слово «грипп» включило в его мозгу сигнал тревоги. Круцек, видимо, это заметил и особенно пристально посмотрел на коллегу.

– Я снова побывал у них, перерыл мусорные ведра, шкафы, ящики комода и не нашел ни упаковок от лекарств, ни бутылочек от сиропа, аптечки и той не было. Ничего. Я допросил врача из соседнего городка, который каждую неделю навещается в эти деревни, Славомира Адамчака. Он действительно прописывал лекарства всем членам семьи. Я получил у него копию рецепта, он был выписан второго октября. Убийца, стало быть, забрал или уничтожил эти лекарства. Почему?

Шарко быстро соображал. Что-то забрезжило в его голове.

– Что дал микробиологический анализ? Это действительно был грипп?

– Это узнать невозможно: микробы давно были мертвы, тела начали разлагаться. Но, забрав лекарства, убийца, скорее всего, хотел уничтожить

следы болезни. А вы говорите мне, что он специально приехал в эту деревню, проделав тысячу километров из Франции, с какой-то определенной целью...

Шарко не сиделось на месте. А что, если убийца убрал этих людей, потому что они заразились гриппом птиц? Но с какой стати? И откуда он мог узнать?

Польский сыщик прервал его размышления:

– В этих лекарствах крылась подсказка, след, единственный, впрочем, который я нащупал. И я как следует порылся в теме. Это мало что дало, но я обнаружил весьма мрачную деталь, связанную с этими деревнями.

Шарко наклонился к своему собеседнику:

– Какую?

– Большинство жителей очень часто болеют, особенно молодые. Они страдают желудочно-кишечными расстройствами, пневмониями, атипичными заболеваниями верхних дыхательных путей, ринитами, синуситами, гриппом... Врач сказал, что в Бышкове болеют все и постоянно, как будто эти люди живут в настоящем рассаднике микробов.

Французский сыщик снова сделал стойку:

– Почему? Откуда берутся эти болезни?

Поляк сощурил глаза:

– Вас, похоже, в высшей степени интересует эта история с болезнями, я не ошибаюсь? Куда больше, чем убийства...

Шарко остался невозмутимым, но коллега заглянул ему прямо в глаза:

– Вы звоните мне из Франции два дня назад, говорите о Бышкове, деревне, где всего триста жителей, а у вас тем временем разражается серьезная эпидемия неизвестного гриппа, о которой трубят все СМИ. Вы были очень искренни в своих объяснениях, я это почувствовал, но думаю, что вы мне не все сказали, лейтенант Шарко. Что вы знаете много больше. Ваш вирус как-то связан с тем, что произошло в Бышкове?

Шарко колебался. Он чувствовал, что этому полицейскому можно доверять.

– Услуга за услугу. Вы говорите мне все, что знаете, и я тоже. Только быстро. Опасные психопаты на свободе, и я не могу терять время на болтовню.

Поляк посмотрел на часы и встал:

– Уже очень поздно. Завтра в семь тридцать. Будьте готовы. Мы отправимся в Бышково. Вы должны увидеть это своими глазами.

Звуковой сигнал раздался среди ночи. Амандина тотчас проснулась, как будто организм ее бодрствовал, готовый воспламениться от малейшей искры. Она повернулась к своему мобильному телефону, лежавшему на тумбочке. Экран засветился, и на нем был план улиц.

Маленькая красная точка, обозначающая машину Эрве Кремье, перемещалась.

Амандина взглянула на радиобудильник. Было 3:13 ночи. Рядом с ней крепко спал Фонг, голый на простынях. На улице еще шел дождь. Было слышно, как капли яростно стучат по крыше и журчат в водостоках струи. Куда бывший врач мог отправиться в этот час, если сидел дома с тех пор, как она установила маячок?

С телефоном в руке молодая женщина выпросталась из постели и бесшумно направилась в свою ванную, где быстро оделась: черные джинсы, футболка, толстый шерстяной темно-серый свитер. На экране машина выехала на автостраду А86 в направлении Парижа. Она соблюдала ограничения скорости, двигаясь не больше 90 км/час.

Амандина пошла в кухню сварить кофе, включив только маленькую лампочку в вытяжке над плитой. Она чувствовала нарастающее возбуждение, напряжение каждого мускула. Красная точка была в районе Шарантон-ле-Пон, она двигалась вдоль Сены со скоростью 67 км/час. Что делать? Подождать и засечь адрес, чтобы навестись позже, или сейчас отправиться в этом направлении? Было холодно и темно, дождь лил как из ведра. Однако Амандина выбрала второе решение. Она жила на западе столицы, он на востоке. Их разделяло около сорока минут пути.

Она быстро выпила кофе, проглотила несколько таблеток и положила на кровать записку: «Уехала в институт. Я так тебя люблю». Потом, закутавшись в черную куртку, вышла под холодный дождь.

По дороге она не стала включать радио, предпочитая сосредоточиться на цели и не отвлекаться. Весь город спал. Дороги были полны воды, струившейся к водостокам. Скорость дворников была установлена на максимум, щетки сновали взад-вперед, противно поскрипывая.

Батарея ее телефона сильно разрядилась, она забыла поставить его на

зарядку и прикинула, что осталось меньше трети автономного режима. Должно хватить. Она въехала в столицу через Булонь-Бийанкур. Увидела башню TF1, возвышающуюся, точно бдительный часовой. Эрве Кремье между тем ехал по набережной Берси.

По мере того как они приближались друг к другу, Амандине казалось, что их машины непременно пересекутся, и ей стало тревожно. У нее не было оружия, никакого средства защиты в случае чего. Никто не знал, куда она едет, – даже она сама. Чтобы успокоиться, она убеждала себя, что контролирует ситуацию. И потом, с маячком она может держать дистанцию и следить, оставаясь незамеченной. Она невидима.

Париж... Слева черная Сена, чьи воды бурлили под каплями. Эйфелева башня, тревожащий силуэт. Даже в этот безумный час, в апокалиптическую погоду две-три фигурки еще бродили под четырьмя гигантскими ногами, укрывшись под зонтиками. Амандина взглянула на телефон: красная точка была теперь неподвижна, в нескольких километрах от места, где находилась она. Недалеко от библиотеки Франсуа Миттерана, в Тринадцатом округе.

Она выключила экран, экономя батарею, и прибавила скорость. Большие, почти пустынные проспекты, залитые потоками воды. Набережная Генриха IV, набережная Рапе, набережная Берси. По мосту Толбиак она выехала на улицу Нев-Толбиак. Улица Фриго была рядом, слева. Ни души, ни одной машины. Казалось, будто город стал жертвой ядерной катастрофы и не осталось ни одного выжившего. Все вопросы, которые она не задавала себе в горячке, пришли теперь. Надо ли свернуть на эту улицу, рискуя привлечь к себе внимание? Или лучше сохранять дистанцию?

Она все же решилась. Судорожно стиснув руль, она ехала на средней скорости, держа голову прямо, не выказывая никакой нервозности. Но глаза ее метались вправо-влево. Она засекла машину Кремье, припаркованную у тротуара перед большими зданиями, которые в темноте выглядели подозрительнее некуда. Судя по названию улицы^[24], Амандина решила, что это, наверно, бывшие парижские холодильники: вокзал и подземные склады-рефрижераторы, которые сто лет назад использовались для подвоза и хранения продовольствия и снабжения Центрального рынка.

Кому они принадлежали сегодня? Кто имел туда доступ? Она не знала. Но интуиция подсказывала ей, что Кремье вошел в одно из этих зловещих зданий.

Она свернула чуть подальше и припарковалась у тротуара на улице Примо-Леви. Вышла из машины, накинув капюшон, сунув руки в карманы.

Ее тень скользила вдоль стен. От сырости заledenели руки и ноги, снова начинались мучения. Она шла, нервничая, с комом в горле. Тихий голос в голове уговаривал ее повернуть назад, вернуться домой, в тепло, и позвонить в полицию.

Это стало слишком рискованно, слишком опасно.

И все же она ступила на маленькую лесенку, которая вела в широкий двор, окруженный зданиями.

Амандине казалось, что она попала в бетонную пустыню. Она прошла, стиснув зубы, через приоткрытую калитку и двинулась дальше, прижимаясь к испещренным граффити фасадам. Ночь и дождь защищали ее, почти ничего не было видно. Но где искать? Территория была огромная, разделенная на аллеи одна другой страшнее. Французский Бронкс.

Она шла все дальше между фасадами, чувствуя себя так, будто попала в заброшенную декорацию к фильму. Дождь стучал по грязным стеклам, по облупленным кирпичам, стекал, образуя лужи под ногами. Пройдя еще немного, она уперлась в высокую стену, которой заканчивалась аллея. Она развернулась и хотела было двинуться в центральный двор, как вдруг чей-то силуэт мелькнул в ее поле зрения, в пяти-шести метрах впереди. Амандина замерла, перестала дышать. В этой позе она походила на зайца, попавшего в свет автомобильных фар.

Фигура была в черном плаще с капюшоном. Амандина видела ее в профиль, но различила, как ей показалось, длинный загнутый вырост, словно птичий клюв. Ей представилась венецианская маска.

Она затаила дыхание. Вода стекала на глаза, ей жгло веки, но она не двигалась. Сцена, казалось, длилась целую вечность, у нее болело в груди, так колотилось сердце. Достаточно человеку повернуть голову, и ее песенка спета.

Три секунды спустя тень исчезла.

Амандина выдохнула, утерла лицо и осторожно шагнула вперед. Фигура удалялась по другой аллее, направо, быстрым шагом. Был ли это Эрве Кремье? Кто-то другой? Как бы то ни было, происходило что-то странное, в этом Амандина не сомневалась. Бывший врач проделал путь в двадцать с лишним километров, чтобы приехать сюда глубокой ночью. Ряженный тип в причудливой маске бродил среди зловещих зданий.

Прижавшись к углу стены, она покосилась вправо. Тень еще продвинулась и остановилась перед какой-то дверью. Раздался стук по металлу. Минуту спустя дверь отворилась, и человек скрылся во внушительном здании с окнами на фасаде и лестницами, расположенными под углом друг к другу, дававшими доступ на верхние этажи и крышу.

Молодая женщина кинулась следом и успела увидеть в одном из маленьких зарешеченных окошек два удаляющихся силуэта. Один из них держал фонарь. Они ушли, и комната погрузилась в темноту.

Амандина не могла устоять на месте. Она находилась перед металлической дверью, которая только что открылась. Стиснув зубы, она повернула ручку и попыталась открыть. Тщетно. Они, должно быть, заперли за собой на ключ.

Черт!

Она вернулась к окну, прижалась лицом к решетке, но ничего было не разглядеть. Невозможно и обойти здание, перед ней был лишь ряд пригнанных друг к другу фасадов. Амандина чуть отступила, прикинула высоту и решила взобраться на лестницу, которая привела ее на металлическую площадку второго этажа. Здесь тоже были маленькие окошки. Но одна решетка оказалась расшатана и отходила от стены. Приложив усилие, Амандина оторвала ее. Она знала, что может разбить стекло и легко войти внутрь. Но так она наделает слишком много шума и спугнет их.

Поразмыслив, она нашла компромиссное решение. Она подождет, пока они уберутся, а потом войдет и попытается понять, что эти двое могли делать здесь среди ночи. Да, это будет правильно, и потом, она, по крайней мере, не столкнется с ними нос к носу. Она поднялась на третий этаж, чтобы уж точно в темноте и под дождем они не увидели ее снизу, когда выйдут.

Она села скорчившись, вся дрожа, и стала ждать под ледяным дождем, пронизывающим до костей. Вода стекала между стальными прутьями, струилась, собиралась и падала большими каплями на ее обритую голову.

Одно ей было ясно: через несколько часов она сообщит в полицию, это решено. Пора им покопаться в жизни Кремье. Теперь уже нет сомнений, что с ним что-то нечисто.

Она дышала на руки и раскачивалась взад-вперед. Время тянулось бесконечно. Через час дверь наконец открылась. Амандина перестала дышать. Внизу, в пяти метрах, застыли две фигуры. Одна из них запирала дверь на ключ, другая держала в правой руке большую сумку. Обе удалились бок о бок и скрылись за углом. Молодая женщина выждала несколько минут и разбила стекло, ударив кулаком по решетке.

Стекло разлетелось вдребезги и осыпалось на пол с оглушительным звоном.

Она влезла внутрь. Тьма стояла непроглядная, она не видела, куда ступает. Подумав, Амандина включила опцию «фонарь» своего мобильного телефона. Удобно, но если держать его включенным постоянно, батареи хватит на две минуты. Может быть, если включать и выключать, батарея продержится чуть подольше.

Время было отмерено.
Она углубилась в темноту.

Стены, коридоры, заброшенные комнаты, пустые, пыльные.

И лучик света из телефона, прорезающий тьму.

Амандина чувствовала себя маленьким батискафом, погружающимся в океанскую бездну. С каждым шагом тьма смыкалась, словно чтобы пленить ее, не дать повернуть назад, увлечь все глубже. Она не знала, где и что именно искать, но, когда оказалась в круглом зале и увидела уходящую вниз винтовую лестницу, поняла, что находится на верном пути. Ей показалось, что она внутри маяка или элеватора. Бетон, металл, изгибы, круговерть, от которой мутилось в голове. Она посветила вниз, но ее фонарик был слишком слаб, чтобы увидеть все лестницы.

Она окоченела, ладони были синие, руки и ноги дрожали. Включая и выключая фонарик, она принялась спускаться, а в уме ее между тем выстраивались худшие сценарии. Не в этом ли мрачном месте родилась идея распространить вирус? Не в этих ли стенах Кремье поместил микробы в пробирку, которую принес во Дворец правосудия? Кто был тот второй, в маске? Сообщник?

Несколькими метрами ниже она прошла мимо тяжелой деревянной двери, запертой на ключ. Очевидно, именно за ней скрылись две фигуры, когда она тайно наблюдала за ними снаружи через стекло. Она увидела капли воды на ступеньках.

Они тоже спускались сюда.

Она шла по их тайному логову. Почувствовав нарастающий страх, ускорила шаг. Ее телефон пискнул... Три раза. Замигал красный сигнал уровня батареи. Сообщение рекомендовало выключить телефон или подключить зарядное устройство. Амандину охватила паника: удастся ли ей выбраться отсюда в полной темноте?

Несколькими метрами ниже лестница наконец кончалась. Она решила спуститься и попала в большой сводчатый зал, где валялись старые мешки, доски, рулоны пластика и всякая рухлядь. Должно быть, она была под землей, недалеко от бывшего вокзала, прикинула она, угадав очертания платформы.

Вдалеке виднелся выключатель. Она повернула его. Затрещала неоновая лампа, и брызнул яркий свет. Амандина едва не закричала от радости.

Ей вдруг показалось, что она слышит далекий звук где-то позади. Как

будто металлический предмет бился о сталь. Она подумала о винтовой лестнице – звук явно шел оттуда. Сердце ее колотилось так, будто она пробежала стометровку. Страх, стресс, чувство опасности... все смешалось.

После нескольких секунд полной неподвижности и тишины она убедила себя, что никого нет.

Она снова посмотрела перед собой. Электричество было явно проведено недавно, стоял предохранитель, провод тянулся от выключателя к неоновой лампе, тоже новенький. Другие электрические провода уходили в сторону металлической двери – Амандина заметила ее в нескольких метрах от той самой платформы, выходы с которой были забетонированы. За ней исчезали толстые электрические кабели.

Что скрывалось за этой дверью?

Она пошла в ту сторону, мокрая и дрожащая. Взгляд ее упал на огромный замок, на который, по идее, должна была быть заперта металлическая дверь.

Вот только замок был открыт, и ключ торчал в скважине.

Они не могли забыть его запереть.

Волна страха захлестнула Амандину: они вернутся. Она бросила взгляд на карту маячка GPS.

Красная точка так и застыла на улице Фриго. Эрве Кремье все еще был где-то здесь. Она прокляла себя, и в тот самый момент, когда поняла, что попала в ловушку, батарея ее телефона разрядилась окончательно.

И наступила темнота: чья-то рука погасила неоновую лампу.

Среагировав инстинктивно, Амандина схватила замок, толкнула дверь и заперлась изнутри. Едва она успела задвинуть засов, как по металлу заколотили кулаки.

Они барабанили в дверь. Амандина закричала, схватившись за голову. Стук усилился. В панике молодая женщина с трудом дышала, ноги подкашивались. Ей конец.

Нет. Она внутри, а они снаружи. Их разделяет металл. Думать, думать быстро. Она сползла по стене и крепко сжала свой мобильный телефон.

– Я звоню в полицию! Я знаю, кто вы, Эрве Кремье!

Стук по металлу прекратился. Амандина попыталась включить телефон, надеясь на последние содрогания батареи, но тщетно. Она тем не менее прижала телефон к уху, сглотнула и заговорила отрывисто, сыпля словами.

– Они... Они хотят меня убить! Приезжайте, помогите мне. Я... Я заперта в здании на улице Фриго. Я спустилась по винтовой лестнице, это,

кажется, рядом с бывшей разгрузочной платформой. Одного из них зовут Эрве Кремье, он... он живет в Фонтене-су-Буа. Приезжайте скорее!

В дверь ударили в последний раз.

И наступила тишина.

Сработало.

Прошло две минуты, а Амандина так и не смогла восстановить дыхание. Она была в ловушке, сама не зная где, в темноте, и на приезд полиции рассчитывать не приходилось, потому что звонок был блефом. Никто не придет.

Постепенно, по мере того как она успокаивалась, до нее стали доходить звуки комнаты, в которой она была заперта. Она слышала шелест соломы, едва уловимый скрежет по металлу. Воздух был влажный. И еще – запах. Что-то животное, органическое. Амандина хотела достать из кармана маску, но пакет намок. Она только натянула пару латексных перчаток.

Она услышала гул мотора. Как будто заработал холодильник или морозильник. Раз есть электрический аппарат, значит есть электричество. Молодая женщина вспомнила толстые провода, выходившие из распределительной коробки. Может быть, здесь есть свет. Она встала, чувствуя, что ноги совсем онемели. Ей пришлось ухватиться за ручку двери, чтобы подняться. Пальцы ее шарили по стене, пока не нашли кнопку.

Щелчок.

Ничего не произошло. Одновременно прекратилось гудение аппаратов.

Они отключили электричество. Значит, они еще здесь, за дверью. Они держат ее в плену и не выпустят. А что, если они не поверили в ее звонок? Если догадались, что она блефует? Что, если на такой глубине нет сети и они это знают?

Вдруг раздался яростный стук. Теперь они били в дверь не кулаками. Железными брусками, чем-то тяжелым.

– Убирайтесь!

Дверь тряслась, металлический грохот был невыносим. Надо было уйти подальше от этой проклятой двери, найти другой выход. С нее градом лил пот, от жары перехватило горло, сырость не давала нормально дышать.

Как в джунглях...

Она шагнула в темноту, дрожа от страха, согнувшись, словно небо готово было обрушиться ей на голову. Солома шелестела вокруг нее. Впереди, справа, слева, над головой. И по-прежнему эта животная вонь. Ее пальцы пошарили рядом, нащупали металлические прутья. Вдруг Амандина ощутила острую боль в большом пальце правой руки.

Вскрикнув, она отдернула руку, сняла перчатку и пососала палец. Кровь.

Ее укусили, да как глубоко.

Крысы... Крысы здесь, вокруг тебя.

Ей представились сотни мерзких тварей, окружающих ее, готовых наброситься, растерзать. В панике она выхватила из кармана антибактериальный гель и вслепую вылила на палец. Отчаянно растерла его, нажала, чтобы вытекла кровь, как выдавливают яд от змеиного укуса.

Грохот снова прекратился. Она забилась в угол, ощутила гладкие стены, кубические формы. Мир острых углов. Аквариум? Виварий?

Она зажала руками уши, чтобы смолкли звуки, скрежет, шелест соломы. Но все это запечатлелось в ее голове. Так глубоко, что ей подумалось, не было ли это злой шуткой ее разума.

Запах застиг Шарко врасплох.

Вновь этот проклятый запах смерти.

Вот только на этот раз Шарко был на шоссе среди полей, в польской глубинке, сидел на пассажирском сиденье рядом с Люцианом Крущеком. Они проехали по голой равнине десятки километров, пересекая редкие городки, и уже приближались к Бышкову.

– Откуда этот мерзкий запах?

– Скоро поймете.

Через две минуты показался построенный буквально в чистом поле гигантский промышленный комплекс за решетками и колючей проволокой. Восемь длинных белых зданий выстроились в ряд. Перед каждым из них возвышались две огромные вертикальные цистерны, видимо резервуары для воды, пищи или топлива. Несколько машин и грузовиков были припаркованы на разных стоянках. Французский полицейский удивился, откуда мог взяться такой комплекс в чистом поле, так далеко в сельской местности.

– Вот «БарнФилд», крупнейший в мире переработчик свинины. Это очень мощное американское предприятие, оно имеет филиалы в двадцати американских штатах и десяти странах по всему миру. Один из его заводов – вот он, в нескольких километрах от Бышкова и окрестных деревень. Больше ста тысяч животных в год выращивают и забивают в этих цехах, почти полностью автоматизированных, и мясо поступает на европейские и американские рынки.

Шарко смотрел на бесконечные здания. Никаких свиней не было видно, все казалось стерильным.

– Никому нельзя туда входить, у них жесткие нормы биологической безопасности и свои собственные ветеринары. Кто там работает? Кто контролирует? Как все это функционирует? Я хотел было разузнать, но это герметичный черный ящик. Когда вы пытаетесь сунуть туда нос, вас просят держаться подальше.

– Кто просит?

– Сильные мира сего, которые дают инструкции тем, кто связывается с вашими же начальниками, и те суют вам палки в колеса и приказывают поставить крест. Одно известно наверняка: эти здания забиты тысячами свиней. Бедные животные, которые никогда не увидят дневного света, не

вдохнут воздуха и не смогут свободно двигаться.

Свиньи... А ведь пандемия 2009 года пошла со свиноферм в Мексике. И разве не было свиного штамма в вирусе птиц 2013-го? Еще одна деталька головоломки, кое-что сказавшая Шарко, укладывающаяся в картину, которая еще оставалась расплывчатой, но рано или поздно он ее прояснит.

Машина медленно ехала вдоль бесконечной ограды.

– «БарнФилд» обосновался в Польше в девяносто девятом. Деловые люди приехали в нашу страну, стали скупать свинофермы, подписывать контракты с производителями, через польские компании приобретать земли. Один из филиалов «БарнФилда» владеет девятью торговыми марками мяса в Польше, управляет еще шестью дочерними компаниями, семью комбинатами по переработке, а в штате у них больше пяти тысяч человек. Ставки, как социальные, так и экономические, для нашей страны огромны. Но надо также понимать, что «БарнФилд» стал одним из крупнейших в Польше загрязнителей. Несмотря на жалобы активистов-экологов, «БарнФилду» при политической поддержке удалось изменить польское законодательство, касающееся удобрений: они классифицировали свиные экскременты как «сельскохозяйственную продукцию», а не как «вредные отходы».

Шарко еще не понимал, куда он клонит. Поляк прибавил скорость.

– Запах идет не от этих зданий, источник в пятистах метрах отсюда... Когда ветер достаточно сильный, как сегодня, он разносится на четыре-пять километров в округе.

Чуть западнее он свернул на узкую дорогу и въехал в зону, тоже огороженную решетками справа и слева. Там были гигантские черно-бурые водоемы в форме эллипса. Над поверхностью мельтешили черные точки: насекомые, мухи...

Шарко прикрывал нос курткой. Даже в машине, со включенным кондиционером и закрытыми окнами, вонь была невыносимой.

– Вот корень проблемы. Свинья производит в восемь раз больше экскрементов, чем человек. Помножьте это на сто тысяч... Вы видите перед собой то, что красиво называют лагунами оксидации. Тонны и тонны дерьма оставляют на открытом воздухе, чтобы газы и моча испарялись в атмосферу. Все эти водоемы забетонированы снизу, но есть трещины. А вы знаете, что там, в десяти метрах под землей?

– Горизонт грунтовых вод, я полагаю.

– Точно. Отсюда предприятие черпает воду. А воды свиньям требуется очень много.

Он остановился и показал на бетонные плиты на земле чуть подальше.

Тучи насекомых в этом месте поражали воображение.

– На таких крупных производствах два или три процента свиней умирают от генетических болезней, ран, врожденных пороков. Вон там, видите, трупы сваливают в ямы восемь метров на три, чтобы не тратиться на печи для сжигания отходов, содержание которых обходится в целое состояние. Трупы оставляют разлагаться естественным образом.

– Это разрешено?

– По закону нет. Но «БарнФилд» выше законов. У них свой контроль, они держат за жабры высокие политические инстанции. Когда их спрашивают, не от их ли предприятия все эти болезни у местных жителей, они достают отчеты, акты, гласящие, что «все в порядке». Эти отчеты, разумеется, пишут их собственные эксперты, дипломированные по самое некуда... Вы же понимаете, кому-то мясо и прибыли, а местным жителям залежи микробов. Посмотрите, повсюду в этих лагунах увидите пустые шприцы. Они бессовестно пренебрегают запретами.

Шарко действительно их заметил. Они плавали на поверхности водоемов, валялись на земле.

– Свинья у «БарнФилд» становится огромной за три месяца, тогда как мелкому производителю нужен год, чтобы вырастить животное, которое будет в итоге весить вдвое меньше. Вот что у вас в тарелке, лейтенант. Антибиотики, ГМО, гормоны роста и химия. Сотни предприятий «БарнФилд» наводняют весь мир своей пакостью. Активистов-экологов, которые приезжают сюда, тут же гонят и запугивают. Вся система прогнила.

Он показал на бродячих собак, кучковавшихся у ям, за бурыми лагунами.

– Одичавшие собаки, насекомые, крысы... Они копаются в этих нечистотах, а потом разбредаются по деревням, под завязку набитые микробами. Недалеко отсюда играют дети. Бышково всего в километре, вон там, за холмом. И еще три окрестные деревни, где люди тоже страдают от зловония и от этих странных хронических заболеваний дыхательных путей.

– В этом повинны свиньи и их испражнения?

– Конечно. Я говорил с учеными, специалистами по микробам. Надо знать, что свиньи – настоящий инкубатор вирусов. В организме этих животных вирусы постоянно мутируют, смешиваются между собой, рекомбинируют. Они заражают других животных, птицу, мелкий домашний скот, короче, все живое. А в конечном счете у местных жителей масса случаев атипичной пневмонии и кишечных заболеваний.

– И ученые ничего не делают, чтобы этого избежать?

– Хотите знать, какие средства выделяются на науку в Польше? Люди из ВОЗ тоже побывали здесь несколько лет назад, делали анализы. Специалисты, тоже все в дипломах... Но, судя по всему, их визит ничего не дал, потому что положение местных жителей не изменилось.

Шарко смотрел на вонючие матовые лужи, от которых к горлу подступала тошнота.

– Уедемте отсюда, пожалуйста.

Поляк поехал дальше в сторону Бышкова. Шарко решился открыть часть правды:

– В испражнениях птиц в заповеднике на севере Франции ученые впервые обнаружили пресловутый вирус неизвестного гриппа, о котором все говорят. Это произошло дней десять назад, двадцать второго ноября, если быть точным. Этот микроб ученые проанализировали вдоль и поперек. Я немного разбираюсь в этой теме: вирус – это мутант и результат рекомбинации. Насколько я понял, он содержит птичью часть, свиную и человеческую. Это значит, что, прежде чем оказаться в испражнениях птиц, он прошел через свиней и людей.

– Значит, люди заразились вирусом до того, как он обнаружился у птиц: если он содержит человеческую часть, откуда-то же она взялась.

– Возможно.

– Очень интересно.

По ходу этой беседы Шарко казалось, что зоны тени все больше проясняются. Как будто ему надо было увидеть эти лужи испражнений под открытым небом, этот огромный комбинат, который был источником болезней, чтобы детали головоломки встали на свои места.

– То, что я вам скажу, должно остаться строго между нами. Я надеюсь на полнейшее молчание. Вы не скажете об этом ни вашему начальству, ни кому другому до тех пор, пока мои начальники не дадут зеленый свет.

– Вы можете мне доверять.

– Хорошо... Известно, что вирус гриппа начал распространяться среди популяций перелетных птиц на острове, принадлежащем Германии, седьмого ноября. Кто-то приехал туда, расположил трупы зараженных птиц пресловутым символом из трех кругов и предоставил действовать природе.

Круцек вытаращил глаза:

– Боже мой!

– Контактируя с мертвыми пернатыми, перелетные птицы подцепили вирус и улетели с ним. Одни умерли в пути, другие сыграли роль переносчиков, не заболев. Во Франции произошел первый контакт птица – человек. Достаточно было одному подцепить вирус, и он начал распространяться среди населения от человека к человеку.

Шарко не выложил всей правды, не упомянул о заражении во Дворце правосудия, но он знал, что его дозированной информации достаточно,

чтобы Крущек ему поверил.

– Стало быть, все началось с террористического акта на этом пресловутом острове, – сказал поляк.

– Не совсем, террористы действовали бы грубее и постарались довести число жертв до максимума за короткое время. И потом, были бы требования. Здесь мы имеем дело с одиночным актом психически больного, который зол на всю Землю. С существом, живущим лишь для того, чтобы вредить.

– Это ваш пресловутый Человек в черном.

– Он самый.

Они подъезжали к деревне. Старые трактора стояли у домов, посреди улицы бегали куры, свиньи хрюкали в загончиках, крытых жестью. Было воскресенье, на улице играли дети, тепло одетые. Шарко опустил стекло. Запах стал слабее, но все же чувствовался. Крущек свернул и проехал по улице до последнего, одиноко стоящего дома. Это был дом убитой семьи.

– Как вы сказали, этот человеческий сегмент в вирусе доказывает, что люди заразились им раньше, и ни один центр наблюдения за гриппом этого не заметил.

– Если только вирус не вышел из лаборатории? Из генетической манипуляции, в ходе которой в него ввели человеческую часть?

– Он не вышел из лаборатории...

Они направились к дому. У Крущека были ключи. Остановившись перед дверью, он ждал продолжения.

– Обнаружилось, что подкупленная лаборантка тайно анализировала сотни и сотни проб, происхождение которых неизвестно. Среди них одна особая проба пятого октября. Почти наверняка это был штамм гриппа птиц. Лаборантка никому ничего не сказала, она сохранила это открытие при себе. Мы думаем, что потом она передала эту пробу кому-то, кто, очевидно, распространил вирус месяц спустя на немецком острове.

Крущек открыл дверь, они вошли. В комнате стояла стужа. Пар вырывался изо рта полицейских при каждом выдохе. На полу, на синей плитке, еще сохранились метки, оставленные криминалистами: следы желтого мела, указывавшие на расположение трупов. И кровь. Засохшая, черная. Она затекла в щели между половицами. Этот дом навечно сохранит отпечаток страшной бойни.

Шарко поднял глаза на стены. Христианские кресты были перевернуты, все без исключения. Он скрестил руки на груди, словно желая согреться. Хоть он и не был верующим, от этой символики дьявола, абсолютного Зла ему стало не по себе. Над головой, на одной из балок, он

заметил символ из трех кругов.

– Пятое октября... – повторил поляк. – Юзьвяки погибли здесь шестого или седьмого октября, так утверждает судмедэксперт. Это не может быть совпадением.

– Это не совпадение. Если вирус был в людях до того, как оказался на немецком острове, и не распространился среди населения, это потому, что ему не дали времени. Носителей устранили.

Двое мужчин молча переглянулись. Шарко уставился на следы на полу.

– У меня такое впечатление, что мы нашли самых первых носителей болезни. Вирус, вероятно, зародился у свиней и попал в эти лагуны с испражнениями. Он был перенесен сюда насекомыми или собаками, подвергшись уж не знаю какой мутации. Не исключено, что он... еще мутировал на скотном дворе Юзьвяков, в птичнике.

– И в конечном счете заразил их самих.

Шарко пошатнулся. От собственных мыслей у него голова шла кругом.

– Я почти уверен, что Юзьвяки и были пациентами зеро.

Шарко принялся расхаживать взад-вперед, держась за подбородок.

– Подумаем. Второго октября Юзьвяки вызывают врача, потому что они заболели. Им ставят диагноз: грипп. Пятого октября некая пробирка попадает в руки французской лаборантки, которая обнаруживает грипп птиц. Через день или два сюда приходит убийца и истребляет всю семью, убив тем самым и вирус. Вопрос: если наши рассуждения верны, если эти люди были носителями зеро, как пробирка, содержащая микроб их болезни, могла оказаться три дня спустя за тысячу триста километров отсюда? Кто мог быть в курсе?

Крушек направился к выходу и выдал ответ, который Шарко уже знал:

– Их врач.

Скорчившаяся в углу Амандина не знала, сколько прошло времени.

Ей казалось, что несколько раз она отключалась. От жары, от этой удушливой сырости и тело, и нервы сдавали, и на нее навалилась чудовищная мигрень. Она, должно быть, теряла сознание, приходила в себя и снова проваливалась...

Вероятно, ночь подошла к концу? А какой сегодня день?

Воскресенье... Да, воскресенье, вспомнила она. Потеряв ориентиры в темноте, она по-прежнему слышала жуткие шорохи вокруг. Ей надо выбраться из этого ада. Она подумала о Фонге. Сердце встрепенулось. Она всегда думала о нем в самых трудных ситуациях. Ей хотелось увидеть его, прижать к себе, приласкать.

Ей удалось почерпнуть в этих мыслях немного мужества. Надо было двигаться, но закаменевшие мышцы отказывались повиноваться. Неимоверным усилием она встала на колени и ощупью поползла вперед. С нее градом лил пот, голова кружилась, она была обезвожена.

Молча она добралась до двери. Прижалась к ней ухом, пытаясь совладать с дыханием. С той стороны не доносилось ни звука. Если те двое поверили ее звонку в полицию, то наверняка сбежали.

Она решила посидеть не двигаясь с полчасца. Поди знай, может быть, в соседнем зале кто-то только и ждет, чтобы она попала в ловушку. Утекавшие минуты были самыми долгими в ее жизни. Через некоторое время она решила, что никого нет и надо попробовать выйти. Руки ее дрожали, когда она отодвигала засов.

Глубоко вдохнув, она приоткрыла дверь, готовая захлопнуть ее при малейшем звуке.

Ничего. Только темнота. И свежий воздух, от которого ей несказанно полегчало.

Она вышла, двинулась вдоль стены так быстро, как только могла. Ее пальцы нащупали наконец рубильник, она включила ток и нажала кнопку выключателя рядом. Вспыхнул свет. Амандина затаила дыхание, огляделась.

Никого.

В комнате, откуда она вышла, тоже горел свет.

У молодой женщины не хватило духу повернуть назад, она боялась, что они могут вернуться с минуты на минуту. Она побежала, нашла

винтовую лестницу, принялась карабкаться по ступенькам, помогая себе руками, чтобы подниматься быстрее. Дневной свет нарастал, по мере того как она поднималась, и забрезжила надежда, что она выберется, выйдет живой из этого ада.

Она добралась до первого этажа. В глубине комнаты – разбитое окно, осколки стекла на полу. За окном серело небо, накрапывал дождь. День, жизнь, овевшая лицо свежесть. Амандина заметила в углу детектор движения, поставленный так, чтобы улавливать любое вторжение через окна.

Она выскользнула и оказалась на площадке, устремилась вниз по ступенькам, едва не падая. Никогда от холодного дождя ей не было так хорошо. Она ступила на бетон, побежала из последних сил, удивляясь, что еще держится на ногах.

Лесенка, ворота и наконец тротуар улицы Фриго.

Занимающийся день, шум уличного движения, люди под зонтиками.

Ее сердце чуть не выскочило из груди, когда она увидела припаркованную в нескольких метрах машину Эрве Кремье. Она сдержала крик: ей показалось, что кошмар начинается вновь, но машина была пуста.

Амандина выбежала на улицу и бросилась к первому же прохожему.

И разрыдалась у него на руках.

В двадцати километрах от Бышкова лежал Чаплинек, славный городок в окружении озер и рощиц, до которого, к счастью, не долетали тошнотворные запахи. У берегов были пришвартованы прогулочные катера, беззаботные рыбаки кучковались на понтонах. Шарко удивили количество и красота отелей, попавшихся им по пути.

– Люди приезжают сюда отдохнуть со всей Польши и из-за границы тоже, – сказал Круцек. – Разумеется, им не говорят о «БарнФилде». Здесь это слово табу.

Далеко на горизонте собирались черные тучи, предвещая приход циклона, который шел по Европе с запада на восток. Полицейские припарковались перед симпатичным частным домиком за оградой, в тихом месте на опушке леса.

– Врач должен расколоться, – сказал Шарко. – Я не хочу терять время на официальные процедуры.

– Не беспокойтесь, нам известно столько, что у него не будет выбора. И я тоже терпеть не могу процедуры.

До отъезда из Бышкова они расспросили насчет врача кое-кого из местных жителей. Ответы соседей были точными и внятными. У Шарко уже частично сложилось правдивое представление о зловещей организации, созданной для того, чтобы вирус заражал людей. Тем или иным образом врач был замешан. Оставалось выяснить, что ему известно и какова его роль в организации.

Большая собака выбежала им навстречу, когда они шли к крыльцу. Дверь открылась, не успели они постучать. Славомир Адамчак оказался здоровенным, чуть сутулым мужчиной лет сорока, с высокими скулами и кривым боксерским носом. На нем была рыбацкая одежда цвета хаки. В его серых глазах мелькнул огонек, когда он встретился взглядом с польским полицейским.

– Чем могу вам помочь, лейтенант?

– Мы с моим французским коллегой хотели бы поговорить с вами.

– Хорошо, но... у вас есть какие-то документы, что-нибудь? Сегодня ведь воскресенье, и у меня не так много времени.

– Собрались порыбачить на озере?

– Верно.

– Погода, похоже, портится.

Адамчак с улыбкой кивнул:

– Хороший рыбак плюет на погоду.

Улыбка тотчас исчезла, когда Крущек сунул ему под нос фотографию с места преступления. Шарко не понимал по-польски, но легко угадал намерения своего коллеги: идти напролом прямо к сути.

– Вот мои бумаги.

Врач поморщился. Он так и стоял в дверях, и дружелюбное выражение сползло с его лица.

– Чего вы, собственно, хотите? Я уже рассказал вам все, что знал. Это было два месяца назад, не так ли?

Крущек заговорил по-английски, чтобы Шарко понимал, резким жестом оттолкнув наскაკивающую на него собаку.

– В начале октября. Скажите, вы по-прежнему каждую среду объезжаете деревни вокруг «БарнФилда» и оказываете помощь местным жителям?

– А почему нет? Это очень важно для меня. Я делаю это больше десяти лет. Эти люди страдают заболеваниями верхних дыхательных путей, диареей, они нуждаются в лечении, а если не прийти к ним, сами они с места не двинутся. К чему ваши расспросы?

– До приезда сюда мы опросили нескольких жителей деревни, которые были вашими пациентами в последние месяцы, – сказал Шарко по-английски. – Соседи Юзьвяков тоже страдают заболеваниями дыхательных путей. Дети, старики...

– И что же?

– Вы отбирали больных, у которых были симптомы гриппа, и только у них вы брали мазки. По их словам, это началось где-то год назад.

Славомир Адамчак попятился в прихожую, но полицейские наступали.

– Жители деревни рассказали, что во время ваших визитов вы имели при себе наборы для анализов, засовывали ватные палочки им в ноздри и закрывали их потом в специальных трубочках. Так или нет?

Врач утратил всякую самоуверенность, и ему явно было не по себе.

– Это правда. Больных в этих деревнях становилось все больше. Я хотел удостовериться в точности своих диагнозов и, главное, попытаться понять. Я брал анализы, чтобы прописать адекватное лечение. Что тут плохого?

– Почему же после гибели Юзьвяков вы прекратили брать эти анализы?

– Я... Я собирался продолжить. Просто мне... надо закупить новые наборы для анализа.

Крущек достал из кармана блокнот и ручку:

– Куда вы отправляли эти мазки? В какую лабораторию? Название, адрес. Нам нужны бумаги, доказательства, что анализы были произведены, мы также хотим знать, где и когда вы раздобыли эти наборы.

Врач не ответил, ему нечего было сказать в свое оправдание. Он потер лоб, лицо его исказилось.

– Послушайте, мне... надо идти.

– Вы никуда не пойдете, – твердо сказал Шарко. – Одна из ваших пробирок находится в наших французских лабораториях. Анализ сделан пятого октября, через три дня после того, как вы поставили диагноз семье Юзвьяк. Шестого или седьмого их зверски убили. А теперь повсюду распространяется пандемия, потому что в этой пробирке содержался неизвестный вирус гриппа. Вирус, способный заразить кого угодно и где угодно. Юзвьяки были пациентами zero. Так что теперь вам придется выложить нам всю правду.

Адамчаку стало нехорошо. Он ушел в гостиную и сел, оставив дверь открытой. Двое полицейских прошли следом и остались стоять перед ним. Он держался за голову.

– Объясните нам.

Припертый к стенке, врач несколько минут молчал, глядя в пол, потом поднял голову и заговорил:

– Человек по имени Анри Оммено пришел ко мне в начале года. В январе... Он ждал своей очереди в моей приемной, как любой другой пациент, только на лице у него была защитная маска. Он знал мою специализацию, мои интересы, знал, что я объезжаю деревни вокруг «БарнФилда» по средам. Он представился как спонсор крупного французского фармацевтического предприятия под названием «Тадеус», которое работает над проектом, касающимся мутаций вирусов, передающихся воздушно-капельным путем, – парамиксовирусы, параинфлюэнца, пневмовирусы...

«Тадеус»... Одна из крупнейших французских фармацевтических лабораторий, вспомнил Шарко. Он сел напротив врача, чтобы смотреть ему в глаза. Польский коллега последовал его примеру.

– Этот человек сразу взял быка за рога и сделал мне предложение. Он хотел, чтобы я продолжал объезжать три ближайшие к «БарнФилду» деревни, но при каждом подозрении на грипп брал мазок. Потом я должен был просто отсылать их по почте из Щецинека и, разумеется, никому об этом не говорить. Вот и все. Он предложил платить мне кругленькую сумму за каждый мазок.

– Щецинек – большой город в двадцати километрах отсюда, – объяснил польский полицейский Шарко и снова повернулся к врачу. – Сколько он вам платил?

– Сумму, эквивалентную трем сотням евро за мазок. Он хотел, чтобы не оставалось никаких следов, объяснил, что финансирование их проекта неофициальное, что... деньги поступают из пожертвований частных лиц, имеющих долю в предприятии. Он показал мне простой способ перевода денег. Через Интернет, в валюте, которую называют биткойн.

Он тяжело вздохнул.

– Сначала я, конечно же, отказался, я вовсе не хотел ввязываться ни в какие шахер-махеры, дело было явно нечисто. Но он сказал, что я волен соглашаться или нет, просто оставил мне способ связаться с ним, если я вдруг заинтересуюсь. Ни давления, ни угроз, ничего. Он ушел, и все.

– Он предложил вам связаться с ним через Darknet, да?

– Да, он объяснил мне, как все это работает... Подпольный веб, полная анонимность... Я мог выйти на него при помощи специальной программы. У этого человека был странный ник в Интернете.

– Какой?

– Он называл себя Человеком в черном.

Шарко и Крушек серьезно переглянулись. Французский сыщик ощутил ком в горле. После всех этих дней расследования, преодоленных расстояний он вышел на физический след призрака, за которым гонялся.

– ...Этот странный визит не давал мне спать много дней. Я всего лишь сельский врач, не очень богатый, я долго думал и... – Он вздохнул. – Я ответил. Сказал, что я это сделаю. В конце концов, это всего лишь анализы, которые будут использованы для исследований. В этом нет никакого греха. И я достал наборы для анализов в одной лаборатории в Познани, начал брать мазки, отсылал их из Щецинека и... получал деньги. И больше не имел вестей от этого человека.

Он сжал губы и с досадой покачал головой.

– Вы должны были сказать мне об этих мазках, когда я допрашивал вас по поводу исчезновения лекарств, – сказал польский сыщик. – Вы не могли не связать это с убийством Юзьвяков.

– Я знаю, я подозревал, что связь есть, но... поди знай какая... Я был в тупике. Мне очень жаль.

– Жалейте, жалейте.

– По какому адресу вы посылали результаты? – спросил Шарко.

Врач поднялся, достал из ящика стола бумажку и протянул ее французскому полицейскому. На ней было несколько имен, несколько

адресов... Нуази-ле-Сек, Бур-ла-Рен, Пантен.

– Я должен был чередовать эти адреса.

Итак, доставка осуществлялась в разные места парижского предместья, чтобы комар носа не подточил. Шарко представилась цепь из многих посредников, сложная, чтобы запутать все следы.

– Вы знаете, кто эти люди, которым вы посылали пробы?

Врач покачал головой.

– И разумеется, вам не показалось подозрительным, что вы посылали их в разные места, – добавил Шарко.

Врач промолчал. Шарко переписал адреса в свой блокнот и передал бумагу польскому коллеге.

– Скажите нам все, что вы знаете об этом человеке, который к вам приходил. Об этом Анри...

– Оммено. Анри Оммено. Я понял, что имя фальшивое, когда на экране высветилось «Человек в черном».

– Анаграмма^[25].

– Да... Ему было, на мой взгляд, лет шестьдесят, но может, и меньше, форму он держал. Я видел его всего один раз, год назад, и он был в маске. Но я хорошо его помню. На нем была шляпа, черный костюм, дорогой, это было видно. Такой... шелковистый... Даже глаза у него были черные... Глубокий, бездонный черный цвет. Примерно моего роста. Метр восемьдесят. Седеющие волосы, маленькая бородка; морщины на лбу, очень глубокие, точно зарубки. Подтянутый, динамичный. Не из тех, кто распускается.

Он скрестил руки, как будто вдруг замерз.

– Я думаю, что он тоже врач. Или, во всяком случае, работает в медицинской среде.

– Почему вы так считаете?

– Он изъяснялся как врач. Говорил о болезнях дыхательных путей в очень специфических терминах, которые употребляют только в нашем жаргоне.

Это вполне увязывается и с его биографией, подумал Шарко, и с характером тех преступных организаций, которые он основывал. Каждый раз все было связано с человеческим телом, болезнями, органами. Подумал он и о том, как была изувечена Камиль, о словах судмедэксперта, утверждавшего, что убийца был профессионалом.

– Что еще? Он был французом?

– Не знаю. Но он очень хорошо говорил по-английски.

– В ходе вашего общения в Darknet он упоминал «негритят»? Как в

романе Агаты Кристи?

Врач кивнул:

– В самом деле. В конце наших виртуальных бесед он всегда просил меня выбрать цифру от одного до десяти. Реплики я вам по памяти не процитирую, но каждый раз негритята умирали – дыша, плавая, куря. Или от укола зонтиком. Любопытная штука. Этот человек был очень... странный.

Отравления, убийства негритят... Возможно, Человек в черном в числе своих многочисленных преступлений убивал людей ядом? Врач-убийца? Палач из прошлого? Заплечных дел мастер какой-нибудь диктатуры? Почему столько загадок? В то время как Шарко погрузился в размышления, польский сыщик встал и указал на ноутбук:

– Вы возьмете его с собой. И соберите вещи. Я увожу вас в Познань.

Врач чуть не плакал. Шарко сказал, что выйдет позвонить. На улице он задрал голову к небу. Солнце еще робко пробивалось сквозь тучи. Он глубоко вздохнул, испытывая одновременно разочарование и облегчение: появился серьезный след. Человек в черном больше не был призраком, силуэтом на расплывчатой фотографии. Здесь, в Польше, он вынужден был раскрыться. Оставить мало-мальский след в памяти врача, невзирая на все свои уловки. Он не был непобедим.

Шарко позвонил окружному комиссару, в его кабинет на набережной Орфевр, и без предисловий перешел к делу. Он рассказал ему о своих открытиях. Упомянул о предприятии «Тадеус», хоть и был убежден, что Человек в черном воспользовался им как прикрытием. Потом он продиктовал ему три разных адреса, куда приходили пробы гриппа птиц.

– Отлично, – сказал Ламордье. – Я сейчас же звоню судье, пусть готовит судебное поручение, и подключаю Казю и Леваллуа. Наведаемся по этим адресам.

– Жак Леваллуа вернулся?

– Сегодня утром. Выглядит скверно, еще не в форме, но с тех пор, как он узнал про подругу Белланже, рвется в бой. При том, как поредели наши ряды, не гнать же его.

– А список рабочих канализации что-нибудь дал?

– Работаем, делаем все, что можем. Возвращайтесь скорее, вылетайте первым же рейсом. У меня тут запросы из Министерства внутренних дел и Управления по сотрудничеству и международным связям: сегодня вечером я должен располагать как можно более точным профилем этого Человека в черном, а также убийцы, переодетого птицей. Я подключу Леваллуа к профилю второго, а вы займитесь Человеком в черном. Введем в курс всех

действующих лиц расследования, от военных до ученых. Сможете сделать до вечера?

– Начну писать в аэропорту, закончу в конторе.

– Отлично, Шарко. Будьте точны и внятны, ваш документ чрезвычайно важен.

Он повесил трубку. Шарко вздохнул и поднял глаза. Врач уже сидел на заднем сиденье машины Крущека, между детскими креслами. Он посмотрел на часы: скоро десять. Польский сыщик подошел к нему с сигаретой во рту. Впервые Шарко видел его курящим. Он затянулся и выдохнул дым.

– Если я правильно понял, Человек в черном просил врача посылать во Францию мазки, взятые наугад у жителей деревни с подозрениями на грипп?

– Точно.

– Эти мазки потом анализировал в лаборатории некий «сообщник» до тех пор, пока не открыл неизвестный грипп, которым в дальнейшем заразили птиц, а потом и людей. Так?

Шарко кивнул и принялся объяснять, уже обдумывая документ, который ему предстояло составить:

– Человек в черном знал о болезнях верхних дыхательных путей в этих деревнях, о микробах, которые циркулируют там, постоянно мутируя. Возможно, он мобильный врач, специалист по микробам, во всяком случае практик. Анализируя вирусы, в которых смешались свиньи, птицы и люди, он, наверно, надеялся найти мутанта, которому будут нипочем все иммунные барьеры.

– Он ведь мог ждать годы, да? Природу под контроль не возьмешь.

– Действительно, но, наверно, он-то как раз и был готов ждать. Ждал же он десять месяцев, проанализировал сотни проб, прежде чем открыл этот грипп. Он не спешит, в этом его сила. Ошибки часто совершаются в спешке.

Поляк улыбнулся ему:

– Вы очень хороший полицейский.

– Вы тоже неплохой.

Шарко протянул ему визитную карточку:

– Кстати... Я, разумеется, рассчитываю, что вы передадите мне напрямую все, что вам удастся вытрясти из врача, из его компьютера, из свидетелей, которые могли встречать Человека в черном. Хорошо, если бы вы составили фоторобот. Любая улика, даже самая мелкая, очень важна.

– Хорошо, но и я жду от вас того же.

– Мы должны обобщить информацию очень быстро, я вам ее передам.

Шарко посмотрел на деревья, дрожащие под ветром. Уже падали первые капли дождя.

Его поездка в Польшу оказалась плодотворной. Теперь он держал в руках начало цепочки.

Оставалось добраться до ее конца.

Смерть всегда сближает.

Николя не помнил, чтобы столько говорил с отцом в последние годы. Конечно, они продолжали видеться три-четыре раза в год, и, когда Николя приезжал в Бретань, Арман Белланже всегда водил его в дорогие рестораны, но говорили они в основном о погоде и тому подобных вещах, возможно, потому, что в конечном счете, живя так далеко друг от друга, стали чужими и общение их свелось к банальностям.

У Армана уже был опыт утрат, он похоронил жену, умершую от рака. Он не церемонился, рассуждая о трудности преодоления испытания, каждое его слово било Николя наотмашь, как удар хлыста, ранило его, терзало плоть. А ведь во все времена хлыст преображал людей. Раня, он делал их сильнее, злее, боевитее.

Николя уже несколько часов сидел на краю дивана с чашкой остывшего кофе в руках, не сводя глаз с Былинки, свернувшейся в кресле. Он пил кофе с отвращением. Все теперь казалось ему безвкусным, неинтересным. Даже краски вокруг были другими. Печальными, лишенными блеска. Ему казалось, что картина окружающего мира меняется с каждой минутой, омрачаясь, как в калейдоскопе, если смотреть в него на дне глубокой ямы.

Его отец вышел из спальни, таща за собой большой чемодан. В другой руке он нес переноску для кошки.

– Я сложил туда всю твою спортивную одежду, и кроссовки тоже.

Он поставил чемодан и клетку у дивана и прижал ладони к животу.

– Если ты приедешь, для меня это будет повод немного заняться спортом, мне не повредит. Будем бегать по берегу моря. Вот увидишь, нет ничего лучше, чем...

– Камиль очень любила спорт. Рассказывала, что в коллеже, в лицее часто приходила первой в забегах, с ее-то длинными ногами и... – он постучал по груди на уровне сердца, – несмотря на дизельный мотор, который был у нее в груди. Она сама так его называла, «дизельный мотор». Она всегда сражалась.

– Все мы сражаемся, Николя. Всегда.

– Только мы еще живы.

Николя поставил чашку и уткнулся лицом в ладони. Ему снова хотелось открыть шлюзы, но слезы не шли. Он был полон всеми этими

воспоминаниями, образ Камиль стоял перед ним неотступно. Он видел ее улыбающейся, а в следующую минуту ему являлся ее труп с разверстой пустой грудью. Это вечный ожог, смягчить который может лишь время.

– Папа, я не знаю, как смогу это пережить.

Николя поднялся и пошел поставить чашку в раковину. Дух Камиль еще жил в каждом шкафчике, в каждом звяканье фарфора. Она была еще здесь, молодой человек оборачивался, ожидая ее увидеть, – и ничего. Только неподвижность неодушевленных предметов, хранивших отпечаток того, чем она была.

Отец подошел и закрыл кран: слишком долго Николя мыл уже чистую чашку, устремив взгляд в пустоту.

– Пора в дорогу. Посади кошку в переноску, и поехали.

Николя вздохнул и, держась за край раковины, еще несколько секунд постоял неподвижно. Он знал, что если сегодня покинет Париж, то вряд ли еще когда-нибудь вернется в полицию. Уехать значило перечеркнуть свою жизнь, свое прошлое. Приготовиться к забвению.

Но вправду ли он хотел забыть? Бросить все окончательно и бесповоротно? Он снова задумался, а отец между тем подкатил чемодан к входной двери, словно чувствовал, что Николя может в любой момент передумать.

– Хорошо. Поехали.

И тут завибрировал его телефон, лежавший на столе в гостиной. Николя взглянул на номер – незнакомый. Он посмотрел на отца, который покачал головой, поколебался и все же ответил.

Дыхание, перепуганный голос в трубке:

– Капитан Белланже? Это... Амандина Герен, из Института Пастера. Приезжайте скорее. Я знаю, кто такой Патрик Ламбар, знаю, где он живет. Его машина здесь, я... я прошу вас. Приезжайте!

Николя попытался ее успокоить, но это было невозможно. Молодая женщина, казалось, увидела дьявола во плоти, и она позвонила ему первому. Он кое-как вытянул из нее адрес, велел пока укрыться в кафе и повесил трубку, не уверенный, что все понял. Вправду ли она обнаружила того, кто распространил вирус, как утверждала? Знала ли имя одного из тех, кто приложил руку к гибели женщины, которую он любил?

Отец, ожидавший его у двери, пристально на него посмотрел. Сердце его сжалось, но он все понял, лишь увидев этот огонь, снова загоревшийся в его глазах. Он выпустил чемодан и спросил:

– Ты уверен?

Николя взял с вешалки куртку. Стал искать кобуру и револьвер, но

вспомнил, что их забрал Шарко. Он подошел к отцу и обнял его:

– Уверен, папа. Есть работа, которую я должен доделать для Камиль. Чтобы она умерла не зря. Потом, может быть, я приеду к тебе. Спасибо тебе за все, но езжай без меня...

Амандина укрылась в ожидании полиции там, где было побольше народу: в маленьком кафе позади улицы Фриго. В окружении незнакомых людей она чувствовала себя защищенной, но не сводила глаз с улицы, всматриваясь в каждое лицо. Сырость липла к коже, ее одежда еще не совсем просохла. Она сидела за столиком перед стаканом воды, уже пустым, и горячим шоколадом, рассматривая кончик большого пальца, который тщательно промыла, залила антимикробным гелем и надела новую латексную перчатку. Порез был прямой, глубокий. Явно от укуса. Молодая женщина представила себе отвратительную крысу, вульгарного грызуна с телом, полным микробов, которые были теперь в ней. В ее крови.

Вбежал полицейский, которому она послала сообщение с названием кафе. Небритый, непричесанный, в криво застегнутой рубашке, глаза как мячики для пинг-понга. Амандина с трудом узнала так хорошо упакованного молодого полицейского с набережной Орфевр. Она лихорадочно вскочила и замахала ему рукой. Николя сел напротив нее, всмотрелся в лицо, которое видел без маски впервые.

– Мои коллеги приедут с минуты на минуту. По телефону я мало что понял. Объясните мне точно, что произошло.

– Если коротко, я вела собственное расследование, чтобы попытаться понять, что за человек мог сблизиться с Севериной Карайоль. Мне пришло в голову, что это мог быть кто-то, кто уже запрашивал анализы в Центре изучения гриппа, врач, исследователь... Когда заполняют бумаги, в запросе всегда оставляют свое имя. Я решила, что так и смогли подобраться к Северине. Запросив нашу базу данных, я получила список и вычислила некоего Эрве Кремье, профессионального врача, специализирующегося на профессиях, связанных с окружающей средой: очистные станции, сточные воды...

Николя сделал стойку:

– Его специальность может включать канализацию?

– Канализацию, да, разумеется. Он действительно занимался работниками парижской канализации. Его исключили из сообщества врачей чуть больше двух лет назад.

Эти неожиданные откровения дали капитану полиции в руки что-то серьезное. Возможно, есть способ добраться до Человека-птицы через этого врача. Эти двое могли быть знакомы.

– Исключен по какой причине?

– Он не поладил с парижской мэрией. Вышел за рамки своих полномочий, был суд. Он был, по-моему, хорошим врачом, очень преданным своему делу. Я ни в чем не была уверена, просто ухватила за ниточку, хотела удостовериться, что я на верном пути, прежде чем обращаться к вам.

– Вы знаете подробности этого суда?

– Знаю только, что это было связано с работниками канализации.

Ее глаза метались вправо, влево, полные сожалений. Она теребила свою латексную перчатку, и Николя заметил кровь на кончике большого пальца.

– Успокойтесь. Все будет хорошо. Говорите не спеша и внятно, ладно?

Она кивнула:

– Я хотела последить за ним и прикрепила маячок GPS под его машиной. Не знаю, что на меня нашло.

– И это, похоже, сработало.

– Эрве Кремье не выходил из дома вчера вечером, но этой ночью отправился в старые здания на улице Фриго. Бывшие торговые склады, погрузочная станция... Его машина до сих пор стоит на этой улице.

– Вы уверены?

Она расплатилась по счету и встала:

– Я вам покажу. Идемте.

Они вышли на тротуар напротив, свернули и оказались на улице Фриго. Амандина указала на внедорожник «шевроле», припаркованный в десяти метрах:

– Вот она.

Они подошли. Машина была заперта. Николя заглянул внутрь, попытался открыть багажник, тщетно, потом поднял глаза на темные здания поодаль. Амандина вздрогнула и обхватила себя руками. Без куртки ей было холодно.

– Может быть, они уехали на одной машине?

– Их было несколько?

– Двое. У одного была на лице венецианская маска.

– Маска птицы, да?

– Да, с большим клювом. Было темно, шел дождь, я мало что видела, но я уверена.

Николя ощутил глубокое разочарование, смешанное с гневом, не оставлявшим его теперь. Если бы только он был на месте этой женщины сегодня ночью... Если бы она предупредила их, вместо того чтобы играть в

детектива, он мог бы прямо сейчас держать в руках убийцу Камиль.

Он сжал кулаки, пытаясь сохранить спокойствие.

– Продолжайте.

– Я видела, как этот человек в маске вошел в одно из зданий в глубине, вон там. Другой ждал его. У них были фонари, они оставались там не меньше часа. Когда они вышли, один нес большую спортивную сумку. Я подождала и, когда они ушли, вошла, чтобы посмотреть. В подвале, кажется в старом холодильном складе, я обнаружила что-то вроде вивария. Не могу сказать точно, было темно, а мне нечем было посветить. Мой телефон разрядился. Я думала, они ушли, но они вернулись и пытались...

Амандина опустила глаза.

– Все хорошо, – успокоил ее Николя. – Теперь вы в безопасности, не бойтесь. Вы говорите о виварии. Зачем он может быть нужен?

– Они бывают, как правило, в лабораториях. Подопытные животные.

Две машины без опознавательных знаков проехали перед ними и припарковались в тридцати метрах. Через полминуты к ним присоединились Ламордые и четверо его коллег, при оружии, в толстых куртках, двое в шапках. Лейтенанты подошли к Николя, дружески похлопали его по плечу. Жест, сочувственное слово, все, чтобы засвидетельствовать свою поддержку.

Серо-голубые глаза окружного комиссара пронзили Амандину, потом встретились с глазами Николя.

– Объясните мне?

Николя вкратце изложил события, упомянув о возможной связи между Кремье и Человеком-птицей, один из которых мог быть пациентом другого. Сказал он и о суде, об исключении, о том, что в деле могут быть замешаны некоторые работники канализации. Ламордые внимательно выслушал и сделал знак своим людям.

– Все понятно, будем разбираться. Но пока посмотрим, что там. Друон, останься здесь и наблюдай за машиной врача.

Через минуту команда уже спускалась по лестнице в квадратный двор. Ламордые повернулся к Николя:

– Как вы, держитесь?

Николя сжал губы и кивнул.

– Жак Леваллуа почти оправился от гриппа и вернулся в команду, – сказал окружной комиссар. – Он идет с Казю по другому следу.

– Какому?

Ламордые рассказал об открытиях Шарко.

– У нас есть адреса людей, которые получали пробы вирусов. Леваллуа

и Казю копают там.

Амандина шла впереди, показывая дорогу. Четверо вооруженных мужчин и молодая женщина прошли вдоль высоких кирпичных стен, старательно обходя большие лужи. Они оказались перед металлической дверью. Двумя этажами выше находилось разбитое окно, в которое влезла Амандина.

Один из коллег повернул ручку.

– Открыто.

– Они не потрудились запереть за собой. Знали, что их засекли, и по-быстрому бежали с корабля.

Они вошли. Перед ними тянулся длинный темный коридор. Полицейский, который шел первым, зажег фонарь. Чуть дальше его луч осветил черную кучу на полу. Она загоразживала проход. Дула пистолетов нацелились на неподвижное тело.

Амандина зажала рот рукой, тихонько вскрикнув. Лицо было исполосовано глубокими порезами, губы вырваны. Из большой черной дыры в горле текла кровь.

– Вы узнаете его? – спросил Ламордье.

– Это Эрве Кремье. Врач.

Окружной комиссар Ламордые перешагнул через труп и пошел дальше. Амандина застыла столбом перед открывшимся ей страшным зрелищем. Кремье смотрел на нее большими пустыми глазами.

Николя протянул ей руку:

– Идемте.

Она шагнула, прижимаясь к стене, задела неподвижную голову и побежала. Они открыли вторую дверь и увидели винтовую лестницу.

– Куда идти?

– Вниз.

Они стали спускаться один за другим. Подошвы стучали по ступенькам inferнальной спирали, лучи фонарей шарили во тьме. Ламордые шел впереди, как вожак стаи, сжав зубы, – он, обычно не покидавший своего кабинета и руководивший двумя сотнями человек. Все присутствующие полицейские были из разных команд, они знали друг друга только в лицо, встречались в коридорах, толком не разговаривая. Но вот уже несколько дней они делали общее дело, и достаточно было увидеть, какие взгляды они бросали на Николя, чтобы понять, что все пойдут до конца. Спаянные воедино.

Они вошли в большой зал, где кончались железнодорожные пути. Неон еще потрескивал, ящики и мешки лежали на прежних местах. Николя замедлил шаг, его одолели тягостные воспоминания. Он вновь увидел себя идущим по рельсам в подземных карьерах... И страшное видение в конце. Камиль...

Далеко впереди команда уже добралась до открытой двери. Из комнаты просачивался белый свет. Ламордые сделал знак Амандине оставаться сзади с Николя.

Окружной комиссар и трое его людей вошли попарно. Они скрылись за дверью. Амандина затаила дыхание и тоже вошла.

Справа и слева сотни крыс в штабелях клеток высотой несколько метров грызли прутья своих маленьких личных тюрем.

Молодая женщина застыла на месте, не в силах сделать ни шагу. На левых клетках в середине висел большой листок, на котором было написано: «Здоровые особи». А на правых – «Зараженные особи».

Амандина посмотрела на свой большой палец сквозь латексную перчатку.

Палец правой руки.

Она подняла глаза на крыс справа: в этих клетках зверьки лежали на боку или сбились в углах, дрожащие, агонизирующие. Некоторые были мертвы, явно сраженные болезнью.

Она в панике сорвала перчатку, вылила на палец половину антисептика из бутылочки, энергично растерла его и лихорадочно натянула новую перчатку. Николя смотрел на нее с тревогой. Он уловил связь с раненым пальцем.

– Вы знаете, что происходит?

Она не ответила: сердце колотилось слишком сильно, страх душил ее. Страх микробиолога, предчувствующего что-то серьезное.

Собрав последние силы, она вслед за полицейскими шагнула между штабелями клеток. В углу под люминесцентным светом она увидела средства защиты. Комбинезоны, маски, упакованные перчатки. Рядом – радиатор, увлажнитель и маленький морозильник, который один из полицейских уже открыл. Она наклонилась, и ее перепуганное лицо оказалось в квадрате света.

Во льду лежали десятки маленьких мешочков с кровью и замороженные крысы.

Стоя перед морозильником, полицейский не двигался, словно замороженный его зловещим содержимым. У Амандины не шли из головы больные крысы, те самые, одна из которых ее укусила. Дрожа, она направилась к перегородке и прошла в другую комнату, задохнувшись в липкой атмосфере. Двое других полицейских уже были там, стояли неподвижно, обливаясь потом. В свете мощной лампы она увидела стекла. Справа и слева, как клетки с крысами. Слышался тихий гул. Что-то вроде дыхания, порожденного движением сотен, тысяч крошечных частиц, которые шевелились, подпрыгивали, бились о плексиглас.

Амандине сощурились глаза.

Блохи.

Бессчетное количество. Закрытые в прозрачных коробках, специальных вивариях, запертых, герметичных. В глубине комнаты на коврик валялись пустые пузырьки. Пробирки, пипетки, шприцы, одни еще в упаковке, другие окровавленные, тщательно завернутые в непроницаемые пакеты. А рядом – десятки крысиных шкурок, натянутых над специальными банками, тоже герметичными. Через систему насоса и трубок на эти шкурки капала кровь, пропитывая кожу. А снизу закрытые в стекле блохи присасывались к этой коже и пили кровь.

Они питались.

Амандина в ужасе уставилась на свой палец сквозь перчатку и вдруг почувствовала себя очень легкой. Все закружилось вокруг нее. Лица, крысы, блохи.

– Мадам?

Чья-то рука поддержала ее, когда она уже падала. Она ухватила за плечо полицейского, сделала глубокий вдох и с трудом сглотнула:

– Только не трогайте здесь ничего.

Николя слышал слова Амандины. Он тоже стоял неподвижно перед открытым морозильником и смотрел на своего коллегу с испуганным видом. Лицо Белланже покрылось крупными каплями пота. Он поднял глаза на защитные комбинезоны, маски, очки, надпись «Зараженные особи» и услышал голос Ламордье, который спрашивал:

– Почему? Что происходит?

– Выйдите! – крикнула Амандина. – Выйдите отсюда сейчас же!

И от следующих слов, которые она произнесла, он испытал самый большой страх в своей жизни:

– Чума! У этих крыс может быть чума.

Бертран Казю, Жак Леваллуа и двое полицейских из антикриминальной бригады ехали в направлении Нуази-ле-Сек, северо-восточного предместья Парижа.

У Леваллуа было осунувшееся лицо, черные круги под глазами. Грипп мучил его четыре долгих дня, не давая передыху. Его нынешняя подруга не заразилась. Он был еще не в лучшей форме, но не мог больше сидеть дома и бить баклуши, когда его коллеги были на передовой. Войдя рано утром в офис и увидев пустые столы, он ощутил укол в сердце. После разыгравшейся драмы его команда никогда больше не будет такой, какой он ее знал.

Он обернулся к Бертрону Казю, заросшему светлой, почти седой щетиной. Они были не очень хорошо знакомы, хотя обычно работали почти рядом, в соседних кабинетах. Но, как правило, бригады уголовки между собой не смешивались. Однако эти двое всегда уважали друг друга.

Жаку захотелось нарушить молчание:

– По радио говорят, что его невозможно остановить, этот грипп. Что для него нет никаких преград и дело наверняка кончится пандемией в ближайшие недели.

Казю не сводил глаз с дороги. Ему явно не очень хотелось поддерживать беседу.

– Так странно знать, что ты в числе первых, кто его подцепил, – продолжал Жак. – Что это где-то и твоя вина, что он распространился.

Бертран Казю припарковался возле станции скоростного метро.

– А что ты мог поделать? Ты здесь, более-менее оправился от гриппа и снова готов работать, чтобы припереть к стенке этих сволочей, – вот что главное.

Четверо мужчин вышли из машин и направились к многоэтажному дому со спутниковыми антеннами. Выстроившиеся в ряд автомобили на стоянке, маленький запущенный парк с каруселями и горками для детей, жилыцы, входившие и выходившие с постными лицами, неся пластиковые пакеты. Жизнь без особых надежд, в ритме кризиса и депрессий.

Эмили Эзерштейн, двадцати семи лет, проживала по одному из адресов, сообщенных Шарко. На пятом этаже этого ветхого дома с облупившейся краской на лестничной клетке. Согласно картотеке, она не имела ни судимостей, ни проблем с полицией.

Два лейтенанта из уголовки встали по обе стороны двери, правая рука на рукоятке пистолета, а полицейские из антикриминальной бригады ждали поодаль, достав из спортивной сумки портативный таран, готовые в случае необходимости вышибить дверь.

Бертран Казю нажал кнопку звонка. Через несколько секунд за дверью послышался женский голос:

– Кто там?

– Полиция. Откройте немедленно.

Молчание, потом послышались торопливые шаги.

– Да-да, две минуты, хорошо?

– Сейчас же, или мы сами войдем!

Дверь оставалась закрытой. Бертран Казю сделал знак коллегам из антикриминальной бригады, и они двумя ударами тарана выбили замок. Раздался грохот. Молодая женщина что-то выбрасывала в мусоропровод. Казю и Леваллуа вскинули оружие.

– Не двигаться!

Эзерштейн была в спортивном костюме, волосы стянуты в конский хвост, миндалевидное личико. Мальчик не старше года стоял в коридоре и смотрел на них большими круглыми глазами. Леваллуа осторожно подошел, а двое из антикриминальной бригады с оружием в руках пошли обследовать другие комнаты. Они доложили, что все чисто, и побежали вниз проверять мусорные баки.

– Надо открывать, дамочка, когда вас просят. Что это вы там выбрасывали?

Молодая женщина выглядела перепуганной. Она подхватила заплакавшего ребенка и прижала его к себе, ничего не отвечая. Малыш успокоился.

– Полагаю, вы знаете, почему мы здесь?

Она покачала головой:

– Я не сделала ничего плохого. Вы ошиблись адресом.

– Нет, мы не ошиблись адресом. К вам уже несколько месяцев поступает почта из Польши. Полагаю, вам это о чем-то говорит?

– Не понимаю, о чем вы.

– Ах, вы не понимаете.

Они дождались одного из офицеров антикриминальной бригады, который вернулся, чуть запыхавшись, с двумя конвертами в руке.

– Вот это она выбросила в помойку.

Жак Леваллуа взял конверты, взвесил их на руке, перевернул в поисках адреса отправителя, но его не было. Судя по маркам, один пришел из

Италии, другой из Нидерландов.

– Что это такое?

Эмили Эзерштейн чуть не плакала.

– Я не знаю.

Леваллуа вскрыл конверты и достал тщательно упакованные в сложенную бумагу наркотики. Как минимум тридцать граммов белого порошка, судя по всему кокаина, в одном конверте и брусочек конопли в другом.

– Многовато для личного потребления.

– Я не прикасаюсь к этой гадости.

– В таком случае объясните нам, что у вас делают эти конверты.

Она положила сына на диван, что-то ему прошептала и вернулась к полицейским. С досадой посмотрела на наркотики:

– Клянусь вам, я не знала, что в этих конвертах, я только...

Слезы. Она смотрела на двух лейтенантов с видом побитой собаки.

– Ты служишь почтовым ящиком, да?

Она кивнула. Два лейтенанта устало переглянулись. Эта методика распространялась все шире, особенно в наркоторговле: поставщики посылали товар анонимам, служившим передаточной инстанцией за вознаграждение. Таким образом, не было никакой прямой связи между поставщиком и дилером. Желающих хватало, это были легкие деньги без большого риска. Некоторые даже оставляли дубликат ключей своим «клиентам», а когда попадались, уверяли, будто понятия не имели, что их почтовым ящиком кто-то пользуется.

Леваллуа помахал пакетиком с кокаином:

– Как на тебя выходят?

Эзерштейн отмалчивалась, но сыщики надавили на нее, и она сдалась. Она показала на свой компьютер:

– Я использую Darknet. Один друг рассказал мне о нем где-то год назад, раньше я не знала. Я зашла только заглянуть – но это с ума сойти, какие там возможности.

Она грустно посмотрела на своего сына:

– Мне нужны были деньги, надо поднимать Гектора, а работы не было.

И я... я записалась в службу «виртуальный почтовый ящик».

– Только она была совсем не виртуальная.

– Да. Люди связывались со мной через Dark.Cover, платили половину суммы в биткойнах, и мне приходили их конверты или посылки. Когда я их получала, я сама связывалась с ними через сеть, и мы договаривались о месте встречи. Часто я оставляла посылки на скамейках в безлюдных

местах, которые мне указывали, и уходила. После этого мне выплачивали вторую половину денег. Я не знала, что было во всех этих конвертах.

– Но ты же догадывалась, что там не открытки, а?

Она отошла к сыну. Бертран Казю положил наркотики на столик и вздохнул, сознавая их бессилие перед подпольной сетью Интернета. Теперь криминал был доступен кому угодно, он мутировал, как вирусы, приспосабливался, преображался. Преступники всегда имели фору перед силами правопорядка. Это был бесконечный бой, заранее проигранный, затронувший все слои общества. Молодых, старых, бедных, богатых.

Казю и Леваллуа подошли к ней.

– Расскажи нам, как это было с посылками из Польши.

Она сказала, что это началось в начале года. Некто под ником «Человек в черном» связался с ней в сети и платил в биткойнах около пятисот евро за одну посылку. Эти посылки она должна была прятать всегда в одном и том же месте, под горшком с цветами на старой могиле городского кладбища. Потом, в начале октября, все прекратилось: не было больше ни посылок, ни контактов.

– Но они были не только из Польши, – добавила она. – Посылки, за которые этот тип мне платил, приходили еще из Мексики, Португалии и Румынии.

– Всегда с одним и тем же содержимым, как по-вашему?

– Я не знаю. Это были маленькие сверточки, хорошо упакованные и очень легкие.

– Вы помните, из каких городов они были отправлены? Какие стояли штемпели?

Она покачала головой:

– Не помню... В Мексике, кажется, Мехико. В Португалии Лиссабон. Всегда большие города.

Казю вздохнул. Добраться до отправителей было нереально.

– Идемте на кладбище.

Она тепло одела ребенка. Все вместе они отправились на кладбище. Тайник находился на его западной оконечности, место было хорошо скрыто деревьями и растительностью. За большинством могил в этой части давно никто не ухаживал. Жак Леваллуа приподнял тяжелую жардиньерку, наполненную камнями. Разумеется, под ней ничего не было. Он выпрямился, потирая руки, сделал панорамный снимок местности.

– Это ничего не даст.

Оставалось наведаться по другим адресам, сообщенным Шарко, но, скорее всего, они столкнутся с той же схемой, с тем же «модус операнди».

Если только не взять получателя с поличным, не подкопаешься.

Бертран Казю грустно улыбнулся ребенку. Его мать была лишь побочной жертвой системы, но ей предстояло дорого за это заплатить. А этот мальчуган, где он кончит? Какое будущее уготовано ему среди всей этой жестокости?

Он отвернулся, когда малыш ответил на его улыбку.

Время остановилось перед дверью подпольной лаборатории.

Четверо полицейских смотрели друг на друга, не понимая, что происходит. Не в силах поверить словам, которые произнесла молодая исследовательница. Амандина прислонилась к стене, ей было плохо. Она не сводила глаз со своего пальца под латексной перчаткой.

– Не исключено, что... что в этой лаборатории содержатся бактерии чумы.

Чума, страшное слово, всплывшее из глубины веков. Синоним смерти и ужаса. Перед глазами Николя встали четыре всадника Апокалипсиса, вооруженные бедствиями. Он подумал о «сеятеле смерти», пришедшем распространить болезнь и уничтожить мир.

Мужчины запаниковали, побледнели. Один из них нервно взъерошил волосы и сплюнул в угол. Клод Ламордье провел рукой по лицу. Он не был уверен, что все правильно понял.

– Боже мой, вы говорите нам, что чума, та самая пресловутая чума, убившая миллионы людей в прошлом, здесь, за этой дверью?

Амандина ответила не сразу:

– Это только предположение, я не хочу быть категоричной. Блохи и крысы в таком окружении наводят на мысль о чуме. Но... Это худший из возможных сценариев. Речь может идти о других болезнях, переносимых риккетсиями^[26] и бактериями-паразитами. Мышинный тиф, туляремия...

Для микробиолога это был кошмар наяву: столкнуться, возможно, с худшим из микробов, тем, который прячут в самых стерильных и недоступных лабораториях мира. Вдруг глаза ее расширились. Она испуганно посмотрела на полицейских:

– Я сейчас вспомнила венецианскую маску, силуэт, который видела ночью. Этот человек как будто... был в одежде, которую носили врачи в четырнадцатом веке, чтобы защититься от эпидемии черной смерти. Они одевались именно так. Их называли чумными докторами.

Один из полицейских, даром что крепыш, сполз по стене.

– Где могут быть бактерии? – спросил Ламордье. – В морозильнике?

– Да, в мешочках с кровью. Но также и в крови этих крыс, и в пищеварительной системе блох. Вся правая часть лаборатории, возможно, заражена микробом, который убивает крыс.

Николя смотрел на закрытую дверь так, будто ждал, что она откроется

и вырвется чудовище. Он испугался, когда увидел, как исказилось лицо Амандины. Молодая женщина была на грани паники. Речь шла не об анализе чумных бактерий в ультрастерильной лаборатории уровня биологической безопасности NSB3+ или NSB4, за непроницаемыми комбинезонами и выверенными до миллиметра протоколами. Речь шла о разведении блох в виварии и животных – носителей страшной бактерии в простых клетках за запертой на замок дверью. Она попыталась успокоиться, сказав себе, что пока все это лишь предположения. Впервые в жизни она надеялась ошибиться.

– Вас укусили, – сказал Николя. – Вы...

Амандина провела рукой по лбу. Глаза ее закатились.

– Мне нехорошо. Дайте мне телефон, я срочно вызову группу микробиологического реагирования.

Николя протянул ей свой, Ламордые между тем тоже достал мобильник:

– Мне надо вызвать команду к телу Кремье.

– Нет. Никто не подойдет к этому телу, пока один из наших экспертов не укажет порядок действий. Какой бы ни был микроб в этой лаборатории, он убивает. Он невидим, он может быть повсюду, в том числе и на трупе. Ни в коем случае нельзя рисковать, надо следовать протоколам... – Амандина перевела дыхание. – Я думаю, после того, что произошло с гриппом в ресторане Дворца правосудия, вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

Она с трудом набрала номер, так дрожали руки.

Yersinia pestis. Чума.

Ожидая ответа Жакоба, она обвела всех пристальным взглядом и заявила:

– С этой минуты никто ни с места.

Александр Жакоб почувствовал, что мир рушится, когда позвонила Амандина.

Подпольная лаборатория посреди Парижа? Крысы, блохи, агонизирующие животные в клетках? Амандина, укушенная крысой? И все это связано с тем или теми, кто распространил грипп птиц?

Он немедленно вызвал четырех членов ГМР, брошенных на прорыв в Центр изучения гриппа, в том числе Жоана, связался с Себастьяном Садуином, специалистом по патогенным организмам *Yersinia* из парижского Института Пастера и помчался на место со своей командой и оборудованием в двух машинах без опознавательных знаков. В это воскресное утро он также счел необходимым предупредить по личному телефону директора ИЭН и изложить ему ту немногую информацию, которой располагал.

Улица Фриго. Команда вышла из машин, стараясь не привлекать внимания, нагруженная оборудованием в объемистых кубических чемоданах, вошла в большой квадратный двор и оказалась у главного входа в здание, в недрах которого скрывалась лаборатория. У стены, подальше от посторонних глаз, они облачились в защитные комбинезоны, маски, перчатки, шапочки, бахилы и только после этого вошли внутрь. С ужасом они увидели лежащий посреди коридора труп.

Жакоб запер входную дверь.

– Пьер и Фредерик, вы займетесь телом. Надо будет проинструктировать полицейских насчет дальнейшего. Если потребуется вскрытие, его сделают в лаборатории высокой степени защиты. Чтобы никакого риска.

Двое ученых поставили свои чемоданы, а Жакоб и еще трое осторожно прошли над трупом. Они закрыли вторую дверь и стали спускаться по винтовой лестнице.

Полицейские и Амандина ждали их, напряженные, притихшие. Молодая женщина сидела, прислонившись к стене, в стороне от группы. Жакоб, держась на расстоянии, устоялся на ее руку с хорошо видимым следом засохшей крови под перчаткой.

– Когда ты надела перчатку?

– Сразу после того, как меня укусили. Предварительно продезинфицировала. Бактерия не вышла из этой лаборатории, я почти

уверена.

Руководитель ГМР быстро переглянулся с Себастьяном Садуином и снова повернулся к молодой женщине:

– Сейчас мы установим обеззараживающий душ, и вы все через него пройдете. Амандина первая. Свою одежду лучше больше не надевай. Потом мы отвезем тебя в Сен-Луи. – Он посмотрел на Жоана. – Я предупредил профессора Швейцера, он в курсе дела и ждет вас там.

После этого он обратился к Ламордье:

– Мы обрызгаем вас инсектицидом от блох, а потом из распылителя обработаем ваши тела антибактериальным веществом. Никто, абсолютно никто, кроме присутствующих здесь, не должен знать о том, что происходит. Не говорите ни вашим семьям, ни коллегам, дайте нам делать нашу работу. О чуме речи нет. Этого микроба не существует, понятно? Вы легко можете представить себе последствия, если об этом узнают население или СМИ.

– Хорошо.

– Я рассчитываю на вас, на ваш профессионализм.

Один из членов ГМР поставил на пол большую сумку с укрепленными ручками и достал конструкцию из полиуретана, которая сама надулась всего за минуту. Образовался параллелепипед, два метра в высоту, метр в ширину. Две эластичные трубки свисали с потолка, а объем можно было регулировать с помощью гибких панелей на молнии. Ученый достал также канистру с прозрачной жидкостью и большой баллон инсектицида.

Амандина пошла первой. Она разделась внутри кабины. Ее трясло. Худшая из бактерий, одна из величайших убийц человечества, возможно, угнездилась в ней.

Кто-то снаружи продел руки в два резиновых «рукава», отходящих от одной из стенок, и облил ее инсектицидом и антибактериальным веществом с головы до ног. То же сделали с ее одеждой, которую потом убрали в пластиковый мешок. Она вышла в новеньком комбинезоне, в двойных перчатках, в дыхательной маске FFP2. К ней подошел Жоан с ключами от машины в руке:

– Поехали.

Амандина бросила печальный взгляд на полицейских и вышла. От группы отделился Николя и шагнул к душе. Он пристально посмотрел на Жакоба:

– Какой бы там ни был микроб, я хочу войти с вами в лабораторию. Я хочу понять, что происходит и чем это нам грозит. Это мое расследование: моя подруга была жестоко убита этими людьми.

Жакоб несколько секунд поколебался, посоветовался со специалистом по чуме, и тот кивнул:

– Хорошо, но только вы. Не надо создавать там толпу. Наденете защитную одежду... И примите мои соболезнования.

Николя коротко кивнул и посмотрел на Ламордые, который согласно дернул подбородком:

– Идите, встретимся на Орфевр. Я пошлю людей к Эрве Кремье с обыском, предупрежу патрона, судью и судмедэксперта. – Он покосился на Жакоба. – Выбора нет, их нужно посвятить...

Руководитель ГМР кивнул, а Николя, следуя инструкциям, прошел в кабину. После дезинфекции он подошел к Жакобу и специалисту по чуме, готовый вернуться в лабораторию. Они больше не разговаривали, были сосредоточенны. Момент был слишком серьезный, а последствия этих открытий, если они подтвердятся, чудовищны. Уже столкнувшись с угрозой гриппозной пандемии, Жакоб даже представить не мог, какой хаос и ужас породит на французской территории присутствие чумы.

Себастьян Садуин поднял тяжелый саквояж и протянул Жакобу цифровой фотоаппарат:

– Вы будете делать снимки. Там может быть любой микроб, не только чума убивает крыс, понятно? И не только она опасна. Ни к чему не прикасайтесь, и все будет хорошо. Никакой паники, сохраняем спокойствие и действуем методично.

В свои пятьдесят два года, за тридцать лет карьеры, специалист изучал чуму только под микроскопом, используя штаммы, хранящиеся в Институте Пастера в жидком азоте. Он бодрился, но и у него взмокли руки под перчатками.

Он осторожно открыл дверь. В лицо повеяло теплом. Он проверил, хорошо ли держится маска, и пошел между рядами клеток, наблюдая за поведением животных, особенно тех, что содержались под табличкой «зараженные». Зверьки дрожали, съежившись, некоторые лежали на боку, открыв пасть, словно ловя каждую молекулу воздуха. Их организм, должно быть, был насыщен миллиардами и миллиардами микробов.

– Снимайте, пожалуйста.

Жакоб закрыл за собой дверь и включил аппарат. Из-за удушающей жары дыхание под масками стало тяжелым. Чуть дальше Садуин заметил термометр и гигрометр, установленные рядом с электрическим радиатором. Николя шел следом, с комом в горле, шумно дыша. Запах инсектицида на комбинезонах смешивался со звериной вонью.

– Двадцать восемь градусов по Цельсию, влажность восемьдесят

процентов.

– Что это вам говорит?

– Мы, очевидно, имеем дело с блохами, которым нужны тепло и насыщенный влагой воздух. Возможно, с блохами, живущими в тропиках.

Себастьян Садуин осторожно открыл морозильник, помня, что смертоносные бактерии могут быть повсюду, сотнями: на ручках, на приборах, на столах. Если так, они попадали на перчатки, и он сам распространял их на все, к чему прикасался... Он взглянул на содержимое, ничего не тронув, и направился в следующую комнату. Поправив свои маленькие круглые очки рукой, которой ни к чему не притрагивался, он увидел феноменальное количество блох, которые прыгали или висели, присосавшись к крысиным шкуркам.

Николя почувствовал, что волосы у него встают дыбом. У полицейского не укладывалось в голове происходящее здесь, он не мог наполнить конкретикой слово «чума», которая для него была лишь болезнью Средневековья.

– Здесь тысячи блох, – сказал Садуин. – Страшное дело.

Ученый повернулся к двум своим собеседникам:

– Это выглядит серьезно. Очень серьезно.

Он обежал глазами виварии, увидел упаковки шприцев, пробирки. В мешке для биологических отходов использованные шприцы. Он внимательно рассмотрел систему кормления насекомых, все устройство лаборатории.

– Я никогда не видел ничего подобного. Надо сказать, сделано все для обеспечения постоянного и оптимального воспроизводства, чтобы число блох неуклонно росло.

Жакоб снимал во всех ракурсах.

– Как все это работает? – спросил Николя.

– Устроить такое сложно, потому что чума убивает все на своем пути, как грызунов, так и блох. Стратегия бактерии поистине замечательна. Делясь, она насыщает желудок блохи. Тогда мы говорим о заблокированной блохе. Таким образом, заблокированная блоха не переваривает пищу и постоянно голодна. Она принимается кусать все, что может, чтобы поесть, заражая здоровых грызунов. Эти здоровые грызуны заболевают и умирают быстрее, чем блохи, за несколько дней. Тела остывают, а поскольку блохи любят только теплую кровь, они перебираются.

– И, стало быть, заражают других особей.

– ...пока сами не умрут от голода. Они умирают, но свое дело они сделали: обеспечили выживание и распространение бактерии. Таким

образом передается чума. Это настоящий биологический убийца, способный разрушить любую иммунную систему. В том числе и нашу.

Все трое обливались потом под комбинезонами. Себастьян Садуин снял запотевшие очки.

– На мой взгляд, вот как работает эта «ферма»: шприцем берут зараженную кровь у больных крыс и заливают ее в кормушку. Кормушка такого типа обеспечивает очень жесткий контроль над блохами, позволяет подсчитывать их и, главное, не допустить, чтобы они выпрыгнули или затерялись в шерсти живого или даже мертвого животного. Вы только представьте, если хоть одна выберется из этого вивария...

Да, это Николя легко мог себе представить. Достаточно одной, чтобы разразилась мировая санитарная катастрофа.

– ...Так, питаюсь, здоровые блохи становятся зараженными. Бацилла делает их вечно голодными. Через несколько дней кормушку меняют, дают им шкурку со здоровой кровью, взятой у здоровых особей. Эта кровь, в свою очередь, заражается, и ее впрыскивают здоровым крысам, у которых развивается болезнь, что позволяет бактерии спокойно размножаться в их организме. И цикл начинается сначала...

Николя потер лоб рукавом комбинезона:

– Это сложно.

– Наоборот, очень просто. Не нужен ни микроскоп, ни питательные растворы, ни совершенное оборудование. Всего лишь несколько пробирок, достаточно здоровых крыс, блохи... Но само собой разумеется, тот, кто создал эту подпольную лабораторию, – профессионал. Ученый, который в этом разбирается, умеет манипулировать без страха, знает циклы репродукции блох и всю механику развития бактерии. Надо быть очень организованным и скрупулезным, чтобы избежать распространения бактерии, с которой обычно имеют дело только в ультрастерильных лабораториях.

Николя думал о Человеке-птице, в маске с клювом, убийце Камиль. Кровожадное чудовище, импульсивная натура, быть может, один из тех, кто работал в канализации. Полицейский плохо представлял себе, чтобы он мог создать эту лабораторию. А Эрве Кремье? Блестящий профессиональный врач, по словам Амандины, специалист по болезням, связанным со сточными водами. Он должен разбираться в микробах, но такая лаборатория – не слишком ли для него? Так, может быть, все это устроил Человек в черном? И здесь осуществлял свои самые дьявольские замыслы? Или он со своими двумя подручными основал эту окаянную «ферму» и передал ее потом в руки Кремье и Человека-птицы?

Николя посмотрел на виварии:

– Где практикуют такое разведение блох для изучения бактерии?

– Если говорить о чуме, есть лишь несколько мест в мире, где ее еще изучают таким образом – *вживую*, можно сказать. Разумеется, это делается не в таком масштабе – блох гораздо меньше – и в условиях куда большей безопасности: в Институте Пастера в Лилле и в Форт-Детрике в штате Мэриленд... Есть подозрения, что еще некоторые страны тоже в прошлом использовали эту технику. Япония, Россия и другие, но это дела давние.

– Какова цель этой лаборатории? Распространить чуму?

– Я бы очень удивился, будь это только в исследовательских целях.

– А как? Как распространяют эту бактерию?

Садуин задумался.

– Если бы мне требовался максимум жертв в минимум времени, я вырастил бы максимум здоровых блох, инфицировал бы их всех одновременно, кормя зараженной кровью, выждал бы четыре необходимых дня, чтобы они стали наиболее заразными, и выпустил бы в месте большого скопления людей: на вокзале, в аэропорту, в торговом центре. Голодные блохи кусали бы любое попавшееся им теплокровное животное и умирали через сорок восемь часов. Через неделю у людей во всей Франции, а то и во всем мире обнаружилась бы болезнь.

У Николя оставалось еще много вопросов, но сил больше не было. Все смешалось в его голове, это было слишком ужасно, слишком убийственно, слишком бесчеловечно. Он ощутил слабость, вдруг подумав о Камиль, и пошатнулся. Жакоб поддержал его.

– Выходим, дезинфицируемся. Сделаем нашу работу здесь, возьмем пробы, отправим блох на анализ в Пастер и Сен-Луи... Надо действовать быстро.

Выйдя из лаборатории, Себастьян Садуин обратился к коллеге, стоявшему рядом с двумя большими закрытыми сумками:

– Распыляем инсектицид для блох и CO_2 с дозой изофлюорана для крыс. И хорошенько. Чтобы ни одного живого существа здесь не осталось через полчаса.

– Амандина говорит, что, когда она спустилась, замок на двери был открыт, – сказал Николя. – И она видела одного из тех двоих со спортивной сумкой. Вы... думаете, они могли вынести блох из лаборатории?

Садуин молчал, но его молчание само по себе было ответом. Жакоб опередил его:

– Теперь дайте нам работать. Нам понадобится как минимум

двенадцать часов. Подведем итоги с вами завтра. Давайте сохранять оптимизм.

Он переглянулся с коллегой, когда Николя шагнул под душ: его взгляд говорил обратное.

Амандина лежала в отдельном боксе, запертом на электронный замок, в инфекционной больнице Сен-Луи.

Здесь правила предусматривали ношение маски для всех, очень строгие процедуры санитарной обработки помещения, посуды и белья, запрет покидать палату. Молодая женщина была также окружена «пузырем» из прозрачного пластика.

В самых стерильных условиях у нее взяли кровь из места укуса и начали превентивное лечение антибиотиками, в частности ципрофлоксацином. Теперь надо было дожидаться результатов, убедиться, что с течением времени состояние ее здоровья не ухудшится. В первую очередь было необходимо узнать больше о бактерии, находившейся в подпольной лаборатории. Чума или нет? Резистентный штамм или нет?

В любом случае Амандине не скоро предстояло покинуть эти четыре стены. Карантин. Она подумала о Фонге, о том, как ему сообщить. Просто позвонить представлялось ей невозможным. *Алло, милый? Как дела? Знаешь, у меня чума.* Как он воспримет эту новость?

Вдруг дверь открылась. Глаза ее полезли на лоб, когда появился ее муж, в маске, в перчатках, в стерильном комбинезоне. Она успела мельком увидеть Жоана и врача с магнитным ключом, и дверь закрылась.

– Фонг? Боже мой. Кто тебе сообщил?

– Жоан заехал ко мне. Он все мне рассказал и привез меня сюда.

– Тебя не должны были впускать!

– Не забывай, что я руководил отделением в этих стенах и знаю большинство персонала. Они были рады узнать, что я... еще жив.

Он улыбнулся, но Амандине было не до веселья.

– Я хотел тебя увидеть, хотя бы на пять минут. Пять минут – и смоюсь, все шито-крыто. При том, что происходит, многие видные персоны здравоохранения захотят тебя навестить. В том числе военные и контрразведка. Все принимают это дело очень всерьез. Ты станешь аттракционом. Настоящей звездой.

Он подошел ближе, оставив, однако, метр между собой и Амандиной.

– Они тебя вылечат, меры были приняты вовремя, и ты все сделала правильно, сразу после укуса.

Амандина знала, что инкубационный период чумы у человека длится от трех до семи дней. Надо было действовать быстро, ибо, если не лечить

чуму с первых же признаков, вылечить ее невозможно: тело заполняют миллиарды бактерий, которым нипочем иммунная система, они уничтожают все.

– А если штамм резистентен к антибиотикам? – спросила она. – Ученые создавали таких монстров в прошлом в лабораториях: модифицированные бактерии, против которых не существует никакой защиты.

Фонг думал о такой возможности, но не показал виду. В частности, во время холодной войны биологи искали самое смертоносное оружие – так появились витаминизированная чума, милитаризованная сибирская язва... Эти монстры наверняка еще хранились в морозильниках лабораторий.

– Этого не будет, Амандина.

Молодая женщина опустила глаза:

– Прости, что ничего тебе не сказала. Я лгала всем, в том числе самой себе.

– Но ты дала властям возможность обнаружить эту подпольную лабораторию. Представь, что было бы, если бы не ты.

– Может быть, уже слишком поздно, Фонг.

– Может быть... но может быть, и нет. В любом случае, как только в Центре изучения *Yersinia* установят бактерию, они наверняка запустят план «Биотокс». У них будут глаза и уши повсюду, они вооружатся перед лицом угрозы. Доверяй им, и пусть работают. А тебе надо отдохнуть, хорошо? Здесь ты в самых надежных руках.

В этом был весь Фонг, неисправимый оптимист. Стальной характер, ничем его не проймешь. Она протянула к нему руку, потом снова убрала ее под простыню.

– Подумать только, что эта больница была создана в начале семнадцатого века, чтобы разгрузить Отель-Дье во время эпидемии чумы, – сказала она. – Какая злая шутка судьбы, что первый случай чумы на нашей территории вернулся сюда четыреста лет спустя, правда?

– Мы еще ничего не знаем наверняка. Надо дождаться результатов анализов.

Она задумчиво уставилась в потолок:

– Я всегда боялась, что это ты окажешься здесь, на моем месте. Странные вещи вытворяет с нами судьба, а?

– Я гораздо крепче, чем ты думаешь.

– А я умираю от страха.

Фонгу хотелось прижать ее к себе.

– Ты не должна бояться. Страх заразнее бактерий и блох. Это он

заточил нас вдвоем в нашем лофте, сделал из нас двух лабораторных крыс. Это из-за него негодяи по ту сторону границы могут выиграть партию. Страх все подтачивает, все разрушает. Что бы ни случилось, как бы ни развивались события дальше, обещай мне, что никогда больше не будешь бояться, Амандина.

Молодая женщина почувствовала печаль в голосе Фонга. Взгляд его помрачнел.

– Что с тобой, Фонг?

– Ничего. Просто обещай мне.

– Я постараюсь. Обещаю.

Фонг послал ей воздушный поцелуй:

– Какой прогресс, Амандина. Раньше нас разделял плексиглас в три сантиметра толщиной, а теперь пластиковая пленка всего в несколько миллиметров. Скоро ничего не останется. Мы будем свободны, ты и я.

– С головой у меня было не все в порядке, да?

Фонг сжал губы. Он долго смотрел на нее, не двигаясь. Амандина чувствовала, что ему надо сказать ей что-то важное, но он молчал. С печальным лицом он направился к выходу и скрылся за дверью.

У него вдруг защекотало в ноздре. В коридоре он приподнял маску и чихнул. Огляделся, убедившись, что никто его не слышал, и в последний раз посмотрел на запертую дверь палаты Амандины.

В эту минуту он понял, что никогда больше ее не увидит.

Обыск у Кремье шел уже добрых два часа, когда Николя присоединился к своим людям. Его выбор был сделан, он официально вернулся к своей должности. Он решил вымотаться на земле, чтобы работа и усталость притупили боль, биться, сколько позволят силы. Ламордье прекрасно понимал: то, что сыщик имеет личный интерес, для расследования не подарок. Но кто знал досье лучше Николя? Так что окружной комиссар поставил условие: пока никакого служебного оружия и, куда бы Белланже ни пошел, его всегда будут сопровождать.

Обыск у врача мало что дал. Жак Леваллуа оставил у входа четыре больших металлических ящика с деловыми бумагами, в которых еще предстояло разбираться. Где-то на верхнем этаже гудела дрель.

– Это дом господина Кто-Угодно, – объяснил Леваллуа. – Есть даже собака, ее заперли в кухне, йоркшир. Бертран наверху со слесарем вскрывает сейф.

Надев латексные перчатки, Николя подошел к книжному шкафу рядом с телевизором. Много классики, книги по истории, по музыке. Никаких медицинских трудов. Он поднялся по лестнице и вошел в спальню. Сейф был встроен в стену. Большая картина – лесной пейзаж – стояла в изножье кровати. Письменный стол в углу, на нем ноутбук. Подошел Бертран Казю, ему пришлось кричать, чтобы перекрыть оглушительный гул дрели. Он указал на стол:

– Я заглянул в компьютер Кремье. Навигатор SCRUB установлен, но на первый взгляд нет ничего компрометирующего. Ни открытых окон, ни какого-либо общения. Опять этот окаянный Darknet с его анонимностью.

Письменный стол, большой, из массивного дерева, с ящиками, стоял слева. На подносе в беспорядке – стаканчик для карандашей, ножницы, самоклеящиеся листочки. Николя открыл ящики – там были только бумаги и канцелярские мелочи. Он наклонился и поднял мусорную корзину.

– Она была пуста?

– Да. Все мусорные ведра, кстати, пусты.

– Очень аккуратный...

Николя подвигал мышку ноутбука. Рабочий стол тоже чистый, функциональный. Он поискал почтовый ящик, но тщетно: вероятно, Кремье пользовался почтой Darknet. Гул дрели вдруг смолк. Слесарь положил тяжелый инструмент на пол и с удовлетворенным видом потянул

на себя дверцу сейфа.

– Открыто. Работенка была не из легких.

Убедившись, что замок не защелкнется, он собрал свои инструменты, пожал руки двум полицейским, перекинулся с ними парой слов и ушел. Николя подошел и открыл дверцу. Внутри, посередине, в окружении дорогих драгоценностей и небольшого количества наличных денег, стояло письмо на подставке. Николя всмотрелся внимательно, и в груди у него все сжалось. Цвет, текстура, плотность... Он осторожно приподнял подставку. Поверхность письма, очень белая, затрепетала. Сыщик повернулся к своему подчиненному:

– Это... на том же материале, что и письмо, которое я получил больше года назад. Человеческая кожа.

Бертран Казю стиснул зубы и ничего не сказал. Полоса кожи, прошитая по краям черной ниточкой, была натянута на рамке, точно произведение искусства. Письмо было написано от руки, изящным почерком, тушью, как и в первый раз.

Наверху стояла дата. 28 ноября 2013, прошлый четверг, – как раз перед тем, как они взяли хакера. Николя и Бертран прочли одновременно вполголоса.

Дорогой Эрве,

хорошо иногда взяться за перо и вынырнуть ненадолго из глубин виртуального мира. Не будем забывать, что изобретение письменности часто использовалось, чтобы отличить доисторические времена от исторических, примата от мыслящего существа. Не станем же от нее отрекаться и понесем ее так далеко, как только сможем. Это одна из редких ценностей, которую мы должны сохранить от этого прогнившего мира.

Надеюсь, что вы оцените качество материала, который я использую только по особым случаям. Когда-нибудь я объясню вам его происхождение. Вы посмеетесь.

Вы работали по сей день просто замечательно. Ваша самоотверженность все эти долгие месяцы, ваше терпение, ваша способность убеждать и эти идеи, которые мы разделяем вот уже целый год, отвечают моим самым смелым ожиданиям. Я не ошибся в вас.

Скоро этот мир, зараженный посредственностью, убожеством и изживенчеством, воспламенится, а затем изменится. Эта Земля, пришедшая в упадок, должна глубинно преобразиться, возродиться на здоровых основах. Жизнь будет наконец очищена, и из семени прорастет

лучшее. Человек, такой, каким мы его знаем, – худший вирус планеты. Он размножается, разрушает, исчерпывает собственные резервы, без всякого уважения, без стратегии выживания. Без нас эта планета несется прямиком к катастрофе. Нужны чистые люди, отобранные среди лучших, а остальных – следует истребить. Микробы – вот решение. Я в свое время потерпел неудачу с чернокожими. Но надо учиться на своих ошибках, и на этот раз у нас все получится. Мы вычистим всех, без различия цвета кожи, без границ.

Но прежде вы должны знать, до какой степени я рассчитываю на вас и на будущую операцию. По окончании ее вы угостите моими особыми конфетками вашего рекрута. Он становится нестабилен и опасен для нас. И сожжете бардак, служащий ему жильем. Мы не должны рисковать.

Между тем вы заслужили доступ к самым глубинным тайнам нашего мира: тем, что закрыты в Черной комнате. Там, где одни идут к свету, другие же неустанно спускаются во тьму. Там, в этих безднах, мы чувствуем себя лучше всего. Это наша территория, кладезь всех наших надежд.

Я пошлю вам сегодня же вечером через Darknet GPS-координаты, которые позволят вам добраться до Черной комнаты. Выучите их наизусть и уничтожьте. Когда вы войдете в Комнату, выйти уже не сможете. Такая ей дана власть. В первое время вы сможете смотреть, не прикасаясь. Вы будете просто зрителем, но зрителем весьма привилегированным.

Со всем моим восхищением,
Человек в черном.

Время остановилось. Бледный свет лампочки заострил два лица, углубил морщины. Сыщики переглянулись, ошеломленные этим чудовищным текстом. Бертран Казю был вне себя.

– Кремье мог сказать нам, где находится Черная комната. И он мертв.

– Это письмо – как награда. Повышение в чине. Человек в черном приглашает Кремье проникнуть в свои тайны. Бороться вместе с ним за очищение расы. Он говорит о неудаче с чернокожими, с людьми, которым нет места. Этот тип, должно быть, ставил в прошлом эксперименты над этими народами...

Казю смотрел на слова, написанные изящным почерком на том, что было когда-то человеком.

– Кремье был убит Человеком-птицей через несколько дней после получения этого письма. Если Человек в черном так его уважает, почему же

его убрали? Нелогично.

Николя положил письмо на край сейфа.

– Нет, все логично. Амандина Герен назвала имя Эрве Кремье, когда была заперта в подпольной лаборатории. Человек-птица понял, что Кремье засекли, что его вот-вот возьмут. И что он может выдать его. Поэтому он его убил.

– Значит, их группа разваливается?

– Я думаю, что Человек-птица вышел из-под контроля. Наверняка все эти убийства, этот всплеск насилия ударили ему в голову. Теперь он действует один, не знает границ, и я думаю, что на этой стадии Человек в черном больше не имеет над ним власти. Он ведь и сам пишет об этом в письме: «Он становится нестабилен и опасен для нас».

Николя вздохнул. Он думал о Камиль. Распятое тело неотступно стояло перед глазами, и ему пришлось приложить все силы, чтобы сохранить самообладание.

– Он говорит в письме о GPS-координатах. В машине Кремье нашли навигатор?

– Да, в бардачке. Но в него уже заглянули – пусто.

Николя почесал подбородок, подойдя к письменному столу. Он смотрел на шариковую ручку, лежавшую справа, рядом с пачкой самоклеящихся листочков.

– GPS-координаты – штука сложная, их так просто не запомнить.

– Если он их где-то записал, то наверняка позаботился все уничтожить.

Николя осторожно приподнял пачку чистых самоклеящихся листочков, лежавших прямо перед ним.

– Не скажи. Кое-что надо попробовать.

В это воскресенье под вечер Шарко приехал на набережную Орфевр со своим чемоданом на колесиках прямо из аэропорта Шарль де Голль.

Он рассчитывал до вечера закончить служебную записку о Человеке в черном, которую начал в самолете. К тому же Николя попросил его срочно приехать на работу, не объяснив, в чем дело.

Когда он вошел в контору, Бертран, Николя и Жак сидели, уткнувшись в экраны и досье. Франк поставил чемодан в угол и пожал руки коллегам. Перед ним были мрачные, замкнутые лица. Поздоровавшись, он осведомился о здоровье Жака Леваллуа, потом остановился перед Николя:

– Хорошо, что ты здесь.

Франк заметил папку с судебно-медицинским отчетом о вскрытии Камиль, лежавшую на столе Николя.

– Не от хорошей жизни. Но скажем так, стечение обстоятельств не оставило мне выбора.

– Нет, выбор у тебя был. Что бы ты ни говорил, ничто не мешало тебе уехать.

Николя встал, закрыл дверь и направился к черной доске для записей. Тряпкой стер все и повернулся к Шарко, который тем временем садился за свой стол.

– Ты должен составить служебную записку о Человеке в черном, так?

– Да, сегодня к вечеру. Документ, который будет разослан всем действующим лицам.

– Тогда слушай, что мы тебе скажем, потому что есть кое-что новое. Даже много. Ламордые сейчас совещается поочередно с учеными из ГМР, сотрудниками эпиднадзора и высокими чинами из Министерства внутренних дел.

– Дай я угадаю: грипп перешел в стадию пандемии, да?

– Если бы *только* это.

Шарко не понравилось, как переглянулись трое его коллег.

– Я, кажется, что-то пропустил.

– Сегодня рано утром мы накрыли подпольную лабораторию в зданиях старых парижских холодильных складов. Похоже, после гриппа те, за кем мы гоняемся, намереваются распространить чуму.

Шарко тяжело сел на стол. Дрожь пробежала по всему телу.

– Бред!

– Мы еще ни в чем не уверены, ждем. Ученые получают информацию завтра, когда будут готовы анализы. Вот, взгляни.

Николя протянул Шарко отпечатанные рисунки. На листках был изображен человек в жутком одеянии, в перчатках, с раздвоенной палкой в руке. Маска с птичьим клювом закрывала его лицо.

– Вот кого я преследовал в канализации. Только у него были когти вместо перчаток.

– Я распечатал это из Интернета. Таких врачей называли чумными докторами. Они работали главным образом во время эпидемии черной чумы в четырнадцатом веке. Этой палкой они прикасались к зачумленным. В маске были только две узкие прорези, для носа и глаз. Видишь, как жутко выглядит этот костюм? Чтобы внушать страх и почтение. Люди трепетали перед этими врачами, никто к ним не приближался.

Шарко, как и все, читал и слышал об эпидемиях чумы, имевших место в истории, особенно о самой страшной эпидемии черной чумы. В школе, в кино, в книгах. Перед глазами встали картины: люди, ползающие по черным от грязи улицам, горы разлагающихся трупов, люди в масках, сжигающие кучи мертвецов, пытаюсь остановить бич Божий. Вначале было всего несколько крыс на корабле в Марсельском порту, а в итоге вымерла треть европейского населения.

– В нос маски этих врачей вставлялась губка, пропитанная пряностями и ароматическими травами. Мята, уксус, тимьян... Чтобы отбить запахи, потому что тогда думали, что они – главная причина эпидемии. Что микроб летает в воздухе с миазмами. Но на самом деле черную чуму распространяли...

– ...крысы.

– Крысы носили на себе блох, и те передавали болезнь, кусая людей.

Николя распечатал также фотографии из подпольной лаборатории, которые Жакоб выложил в полицейскую компьютерную сеть. Он показал их Шарко:

– Наш Человек-птица полностью вошел в свою роль. Он бродит по канализации вместе с крысами и участвует со своими сообщниками в разведении блох. Может быть, все это бред и нет никакого заражения, а крысы в лаборатории умирают, потому что... потому что их травят ядом, как отравили Северину Карайоль. Но может быть, все это правда.

Пока Франк с ужасом смотрел на снимки, капитан полиции подробно изложил их открытия: подозрения Амандины и ее приключения, обнаружение лаборатории на улице Фриго, труп врача, изувеченного пресловутым Человеком-птицей.

– Со стороны судмедэкспертизы, Поль Шене сейчас разбирается с учеными. Вскрытие будет сложным из-за процедур биологической безопасности, но оно наверняка только подтвердит, что Кремье был зверски убит когтями. Сегодня у врача провели обыск, он продолжался около четырех часов. В сейфе, спрятанном в его спальне, нашли... вот это... – Он протянул Шарко новые фотографии.

Письмо. Франк сразу узнал материал. На крупном плане он внимательно прочел текст и поднял голову, ошеломленный.

– У нас нет GPS-координат, но я отдал на экспертизу самоклеящиеся листки, как знать. Возможно, записав координаты на верхнем листке, Эрве Кремье оставил невидимые следы на нижних.

Николя пошарил в карманах, нашел электронную сигарету и зажал ее губами. Шарко заметил, как дрожат его руки и как неуверенны движения. Только сила духа еще удерживала его на ногах.

– Молодой эксперт-компьютерщик Гийом Томео сейчас сидит с ноутбуком Кремье, который нашли в его кабинете. Он взломал пароль Windows. По его мнению, Кремье общался только через Darknet. SCRUB и все сопутствующие программы установлены. И, судя по всему, в компьютере не осталось никаких следов.

– Мобильного телефона, похоже, тоже нет, – вмешался Жак Леваллуа. – Мы ничего не нашли. Ни аппарата, ни счетов. Я пошлю запросы основным поставщикам, но сильно сомневаюсь.

– У них не бывает мобильных. Они не оставляют следов, общаются только через Интернет и анонимно. Их письма, их разговоры теряются в безднах Darknet'а. И ничего с этим не поделаешь.

Рядом с Жаком Леваллуа стояли четыре больших металлических ящика. Он открывал их и перебирал содержимое.

– Эти ящики нашли у него на чердаке. В первых двух хранятся все документы, связанные со зданиями на улице Фриго. Старые, нотариально заверенные акты, контракты на аренду, налоговые квитанции. На первый взгляд Кремье, похоже, унаследовал все эти здания лет пятнадцать назад. Судя по всему, они были заброшены после смерти его отца, Кремье ничего с ними не делал, занимался себе медициной... – Он выложил перед собой счета. – Потом он влез в долги и два года назад начал ремонтные работы. Из контрактов, которые я нашел, следует, что он сдает некоторые из этих зданий после ремонта для вечеринок, семинаров предприятий и всевозможных манифестаций, требующих оригинальных помещений. Это очень популярно на сегодняшний день.

– Он, стало быть, затеял этот бизнес после своего исключения, –

сказал Николя Шарко. – Надо же ему было на что-то жить.

– И из моих поисков следует, что последний контракт был подписан в июне этого года. С маркетинговой фирмой. С тех пор он перестал сдавать помещения в аренду.

– Хотел, чтобы никто больше не заходил в эти здания, так?

– Наверняка, чтобы спокойно заниматься своей подпольной лабораторией.

Шарко помассировал виски, закрыв глаза. Все казалось ему таким безумным, нереальным. И возникало столько вопросов о лаборатории, о чуме. Что будет, если микроб начнет циркулировать среди населения вдобавок к вирусу гриппа? Он повернулся к Жаку Леваллуа:

– А адреса, на которые приходили анализы, что это дало?

– Мы с Бертраном побывали в трех местах. Получатели сидят в КПЗ, с ними работают Шарль Марнье и ребята из антитеррористической бригады. Все они просто служили почтовыми ящиками. Они тоже выходили на сервер Darknet'а и делали свое дело за вознаграждение. Все уверяют, что не знали, кто приходил за посылками, но мы полагаем, что это был сам Эрве Кремье. Он получал пробы напрямую и передавал их Северине Карайоль на анализ.

– А разнообразие адресов позволяло избежать подозрения почтальона или почтового ведомства, я полагаю.

Опять этот окаянный Darknet, подумал Шарко. Глубинный веб, поднимающий дьявольские армии, пагубный интеллект новой эры.

– Письма приходили не только из Польши, – добавил Жак Леваллуа. – Еще из Румынии, Португалии и Мексики.

Франк воспринял эту новую информацию спокойно. Он подумал и сказал:

– Это значит, что не только Польша служила полем для взятия проб. Промышленное свиноводство, лагуны со свиным дерьмом наверняка существуют и в других странах и наносят такой же вред окружающей среде. Разные климатические условия, возможно, вызывают другие мутации вирусов. Человек в черном множил свои шансы вытянуть нужный номер.

Он вспомнил большие бурые лужи, тысячи насекомых, круживших над поверхностью. Вспомнил маленькие свинарники в садах деревенских жителей, сосуществование людей, животных и микробов, которое могло привести к самым чудовищным вещам.

– Можно держать пари, что «БарнФилд» или другие предприятия по переработке свинины работают в этих странах. Каждый комбинат является

в каком-то смысле очагом постоянно мутирующих вирусов. Опасных с микробиологической точки зрения, но глобально всем, похоже, на это плевать. Кроме Человека в черном.

– Значит... если пробы приходили из этих стран, Человек в черном везде сбил с пути истинного врачей?

– Да, через Darknet. Опять и снова Darknet. Это невидимая паутина, в которой любой чувствует себя в безопасности. Полная дематериализация криминала. Каждое звено цепи думает, что не делает ничего плохого. Речь ведь даже не идет о должностном преступлении. Они берут мазки из ноздрей, посылают их по почте. Ничего преступного на первый взгляд. Но если сложить все детали...

Николя взял маркер:

– Теперь у нас есть более полное представление об их организации. Я попробую обобщить.

Он набросал на белой доске схему, упорядочив на ней информацию. На вершине дерева – Человек в черном, манипулирующий людьми, которые в большинстве своем друг друга не знали, но работали вместе, распространяли Зло и ткали дьявольскую паутину. Там были Эрве Кремье, хакер, польский врач, Северина Карайоль, Человек-птица, получатели посылок...

– Мы здорово разворошили муравейник, но осталось двое худших. Человек в черном и Человек-птица. Что мы в точности знаем о каждом из них? Подведем итог. Сначала Человек-птица...

Голоса зазвучали наперебой.

– Крепкий, довольно молодой на первый взгляд. Перевернутые распятия, цепи, выкрашенные в цвета всадников Апокалипсиса, говорят о том, что он верит в дьявола и тому подобную чушь.

– Он знает канализацию, возможно, работает там.

– У нас есть список из трехсот пятидесяти человек, над которым трудятся пятеро полицейских. Пока поиски мало что дают. Коллеги выделили в первую очередь определенные профили: холостяков, тех, кто отсутствовал в последнее время. Они учли также географический аспект, близость к Медону. Они просматривают рабочие графики, будут задавать вопросы непосредственно в парижской мэрии...

Николя посмотрел на доску и задумался.

– Надо непременно найти информацию о процессе, возбужденном против Эрве Кремье парижской мэрией. В результате этого процесса его исключили. Возможно, там мы найдем ответ.

– Я думаю, эти документы есть в ящиках, – отозвался Жак. – Займусь

этим в течение часа.

Шарко смотрел на схему, особенно на клеточку Человека в черном. Потом он перечитал свои записи.

– Профиль Человека в черном вырисовывается. Во-первых, физически: лет шестидесяти, черные глаза, седеющие волосы, рост около метра восьмидесяти. Одет в черный костюм и шляпу того же цвета. Вместе с расплывчатой фотографией, сделанной в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году перед испанской клиникой, это единственные физические данные, которыми мы располагаем. В профессиональном плане – поляк полагает, что он тоже врач или, во всяком случае, тесно связан с медицинской средой.

Шарко пропустил часть, описывающую убийство Камиль и хирургические подробности. Все было в отчете судмедэксперта, который вскоре предстояло прочесть Николя. Франк откашлялся и продолжил:

– Он сведущ во многих областях науки. Химия, вирусология, атом... Евгенические идеи, чистота рас...

Он полистал страницы своего блокнота.

– Пьер Фулон, один из худших серийных убийц, шесть лет находящийся в тюрьме Сен-Мартен-де-Ре, приговоренный к пожизненному заключению, слышал о Человеке в черном, находясь в своей камере^[27]. Один аргентинский журналист видел его в восьмидесятых годах у дверей клиники по пересадке органов в Корриентесе, в Аргентине. Есть также подозрения, что он был замешан в чудовищном деле, которое мы раскрыли в России, досье Атомка^[28]. Это было в две тысячи одиннадцатом. А сегодня, в две тысячи тринадцатом, вирусы. Каждый раз непомерные ужасы. Драмы, трафик органов, когда людей похищают, убивают. Сложно организованные крупномасштабные преступные сети. Глубинное неуважение к человеку.

Шарко ткнул пальцем в фотографии письма на коже:

– *В свое время я потерпел неудачу с чернокожими*, пишет он в письме. В переписке со своими сообщниками он говорит о негритятах, которых убивает, заимствуя сюжетные ходы Агаты Кристи. Есть все основания предполагать, что он основал масштабную преступную организацию, касающуюся чернокожих народов. Чернокожие умирают от яда.

– Он употребляет слово «негритята», – добавил Бертран Казю. – Негритята должны означать африканское население.

– Африка...

Четверо мужчин обменивались информацией. С каждым словом

Шарко вносил уточнения в профиль. Николя смотрел на доску, на сложную организацию, которую Человек в черном сумел создать на французской территории.

– Замешаны ученые, задействованы большие деньги. И это по всему миру все эти годы. Как Человек в черном ухитряется совращать с пути истинного всех этих людей из разных краев, таких далеких друг от друга? Как он мог оказаться в Аргентине в самую пору диктатуры? В российской глубинке? В Испании? Для въезда в эти страны требуются разрешения, визы. Он как будто невидимка, он как будто все самое порочное, самое извращенное в каждом из нас. Просто силуэт, обобщающий наши идеи, наши самые глубокие пороки, исчезающий, стоит подойти к нему поближе.

Шарко помахал своим блокнотом.

– Вот только он реально существует. Он такой же человек, как ты и я. И у него тоже есть слабости.

– Слабости? Сколько лет мы их искали, эти слабости?

– Они есть. Это главное.

Тут у Николя зазвонил телефон. Поговорив несколько секунд, он повесил трубку.

– Я сбегая тут рядом. Заканчивается исследование самоклеящихся листков, кажется, они что-то нашли.

Жак Леваллуа встал. Николя знаком велел ему сесть:

– Брось! Не надо, это же рядом!

– Я должен тебя сопровождать. Это приказ Ламордье, и...

Но Николя уже вышел.

В офисе экспертно-криминалистической полиции, секторе экспертизы отпечатков и документов, Николя не сводил глаз с EDD, Electrostatic Detection Device, большого кубического аппарата размером с ксерокс, позволявшего обнаруживать тиснение, то есть следы давления, к примеру грифеля, на бумаге.

Исследование было довольно сложным. Первый листок блока поместили на подносик из пористой бронзы в условиях отрегулированной температуры и влажности. Далее следовал ряд манипуляций – обработка документа всасывающим насосом, электризация листка, распыление проявляющего порошка, оседавшего в складках бумаги, – который должен был показать наличие или отсутствие отпечатков.

Сейчас эксперт покрывал листок прозрачной клейкой пленкой, чтобы зафиксировать тиснение.

– Отлично сработало. Следы очень четкие и не оставляют места сомнениям. Вот что записал ваш человек на предыдущем листке.

Николя осторожно взял бумажку. Там действительно были GPS-координаты.

11°23'40.40"N

142°38'48.38"E

Радость вспыхнула в нем, огонь разжег тлеющее пламя, доказав ему, что его гонка не была тщетной. Как говорил Шарко, и у этих людей есть слабости: как будто возведенное ими здание пошло трещинами. Он тщательно переписал координаты. Листок будет помещен в опечатанный конверт и приобщен к вещественным доказательствам по делу, как и это письмо на коже, которое тоже всесторонне исследуют.

Николя поблагодарил эксперта и вернулся в офис. Шарко увидел, как он кинулся к своему компьютеру.

– Ну что?

– Есть.

Николя запустил GoogleEarth, мощную программу, позволяющую с большой точностью локализоваться в любом месте планеты, в частности исходя из GPS-координат. Остальные придвинулись к нему. Четыре пары усталых глаз были теперь прикованы к земному шару в трехмерном изображении, который капитан вывел на экран. Он ввел точные координаты в окно поиска. Достаточно было нажать на клавишу... Просто нажать – и

программа выдаст им местоположение Черной комнаты. Он посмотрел на своих коллег:

– На что ставите?

Казю пожал плечами:

– Не знаю. Надеюсь только, что эта Черная комната где-нибудь в окрестностях Парижа, чтобы можно было действовать быстро и накрыть эту мерзость.

Николя сглотнул слюну и, уставившись на экран, нажал клавишу «Enter». Земной шар, высветивший поначалу в центре экрана Францию, начал вращаться к востоку. Проплывали страны, словно над ними летел спутник, находящийся в тысяче километров в небе. Восточная Европа... Россия... Монголия... Китай... Шарко смотрел на сменяющие друг друга территории. Куда Человек в черном заведет их на этот раз? Какие ужасы готовится он открыть им через это рукописное послание?

Земля продолжала вращаться, потом спутник, казалось, начал падать, пролетая над северо-западом Тихого океана. Синевя воды заполонила весь экран, спутник падал так быстро, что полицейские не успели точно увидеть, на какое место в мире он нацелился. Он замер в нескольких сотнях метров от поверхности воды.

Вода повсюду. И желтая точка, поставленная программой посреди воды, в точном месте, указанном GPS-координатами. Франк сощурил глаза:

– Ничего. Ты уверен в координатах?

Николя сравнил введенные цифры с теми, которые он записал в своем блокноте.

– Да.

Он покрутил колесико мышки, набирая высоту. Тысяча метров, пять тысяч, двадцать тысяч... И по-прежнему океанская синевя... Когда спутник оказался на высоте в тысячу километров, на этой бесконечной синеве проступили изгибы. Программа показывала теперь подводный рельеф. Большая черная щель, казалось, разорвала океан. Две тысячи километров... Бертран Казю чуть не вскрикнул, увидев на левой стороне экрана землю.

Филиппины.

– Эти координаты, я бы сказал, указывают точно на Марианскую впадину.

Николя нахмурился. Он смотрел на экран, ничего не понимая.

– Марианская впадина? А что там?

– Ничего, только океан и бездны. Если я правильно помню школьные уроки, до дна больше десяти километров.

Николя схватился за голову:

– Не может быть. И что мы теперь будем делать? Пошлем субмарину?

Разочарованные, все разошлись по своим местам. Бертран Казю указал подбородком на огромную пачку бумаг, которые достали из металлического ящика и положили на его стол.

– Будем работать. Вернемся на землю и разберемся в этих документах.

– А я займусь служебной запиской о Человеке-птице, – сказал Леваллуа.

– Я тоже, о Человеке в черном, – добавил Шарко. – Ну, за работу, чтобы ничего не упустить.

На лицо Люси отчасти вернулись краски, когда около одиннадцати вечера Шарко вернулся домой, волоча за собой чемодан. Конечно, стометровку ей бы сейчас не пробежать, но она уже сидела на диване с журналом в руках. Она поправила маску на лице и крепко обняла мужа:

– Я по тебе скучала.

Шарко закрыл глаза, зарывшись носом в шею жены. Он составил служебную записку о Человеке в черном, передал ее Ламордье, который лично выложил ее на защищенный сервер криминальной полиции, как его попросили в Министерстве внутренних дел, и затем разослал всем входящим в их антикризисный комитет: службе антитерроризма, армии, Институту Пастера...

Теперь Шарко хотелось ни о чем больше не думать, продлить мгновение навеки. Счастье было совсем рядом, а он мог лишь коснуться его, и всякий раз оно исчезало.

Он заглянул к сыновьям, которые крепко спали. Адриен уткнулся лицом в прутья кровати, а Жюль лежал ровно посередине матрасика, подняв ручки. Шарко тихонько взял стул и сел между двух кроваток. Он смотрел на их такие безмятежные лица. Так он просидел долгие минуты, поджав губы, переполненный нежностью и гневом. Он чувствовал себя таким бессильным, он был всего лишь жалким полицейским, зависящим от такой сложной системы. Он пытался делать свою работу правильно, каждый день, уже много лет, но что это в конечном счете давало? Разве это могло сделать мир, в котором будут расти его дети, менее жестоким?

Когда он вернулся на кухню, Люси, как обычно, засыпала его вопросами. Она требовала своей дозы адреналина, своей ежедневной инъекции тьмы. Что он обнаружил в Польше? Зачем его срочно вызвали на набережную Орфевр? Почему он вернулся так поздно?

Шарко отвечал уклончиво, он рассказал ей правду о своей поездке за границу и сказал, что вернулся поздно, потому что Ламордье потребовал отчета. Он ни словом не обмолвился о подпольной лаборатории, на это не было сил. Во всяком случае, не сегодня вечером. В конце концов, еще оставалась надежда, что все это нереально. Что речь идет всего лишь о блохах и крысах, содержащихся в виварии.

Что это кошмарный сон...

– А как Николая, есть новости?

- Он вернулся на работу. Наверно, это лучший выход.
- Ты предложил ему прийти побыть немного здесь?
- Он дал мне понять, что откажется.

Шарко ел мало. Слишком много узлов затянулось внутри. Люси решила, что еще две ночи будет спать одна в большой кровати, чтобы быть уверенной, что уже не заразна. Даже у себя дома они больше не были свободны, рабы преступников, отравивших им жизнь.

Шарко поцеловал ее в щеку, провел рукой по длинным светлым волосам, от которых так хорошо пахло. Что случилось бы с ним без семейного оплота? Без этой нежности, этой любви, озарявших его жилище?

– Завтра меня, наверно, уже не будет, когда ты проснешься. Мне надо рано быть на работе. Когда все кончится, поедem с тобой на пляж, на белый песочек, с детьми. Будем смотреть на море.

Люси заглянула ему в глаза. Взгляд ее спутника ускользал.

- Ты весь ледяной. У тебя гусиная кожа. Что с тобой?
- Усталость, сырость, все вместе.

Люси не настаивала. Франку надо было отдохнуть. Они расстались в час ночи. Он грустно посмотрел ей вслед и, оставшись один, налил себе большую порцию виски. Без выпивки ему было не уснуть, несмотря на усталость. Он впервые пил так, в одиночестве. Но бороться желания не было. Временная анестезия принесет ему облегчение.

Со стаканом, в тишине, он уселся за компьютер и достал GPS-координаты, которые записал на клочке бумаги. Он снова ввел их в GoogleEarth и вышел на то же место: Марианская впадина, тысяча семьсот километров к востоку от Филиппин. Шарко всмотрелся в карту внимательнее. В этих краях было много островов – остров Гуам, Марианский архипелаг, – но они находились больше чем в трехстах километрах от места, указанного координатами.

Непонятно.

Шарко отпил глоток и запустил интернет-навигатор. В поисковой системе нашел информацию о Марианской впадине. Это было самое глубокое и одно из самых негостеприимных мест планеты. Открыли ее в конце XIX века. Лишь несколько безумцев – в том числе режиссер Джеймс Кэмерон – спускались в эти глубины с помощью усовершенствованных мини-субмарин. Цифры были поразительны и доказывали, что бездны хранят еще немало тайн. Под двухсотметровым слоем воды оставалось лишь десять процентов жизни. Глубже пятисот метров не проникал никакой свет. На глубине царило давление, которое расплющило бы любое человеческое существо. Даже кит не может нырнуть глубже двух с

половиной тысяч метров. До дна этого перевернутого Эвереста не достать.

И все же там, где, по идее, не должно существовать никакой жизни, ученые обнаружили чудовищные живые организмы, словно сошедшие со страниц научно-фантастического романа. Рыбы без глаз, с огромными клыками, кошмарных форм, способные излучать свет, чтобы привлечь добычу. Немыслимые, но превосходно приспособленные к глубинам органические структуры, которые ухитрялись жить, питаться, размножаться в этих черных водах, близких к точке замерзания. Они не знали о существовании жизни на поверхности. Их миром была тьма.

Шарко кликнул на картинку, уставился на жуткую рыбу на экране. Черный дьявол, засекавший редкие жертвы благодаря вибрациям воды. Совершенно неподвижный, он бросался на них, когда они проплывали мимо, и сгрызал острыми клыками.

Сыщик посмотрел на свои руки: Люси была права, у него гусиная кожа. Он все же попытался подумать еще немного. Итак, GPS-координаты вели к чудовищам бездн. Была ли это только символика, связанная с тремя кругами? Способ сказать, что во мраке, в последних кругах остались только самые порочные существа, затаившиеся чудовища, которые ждут своего часа под началом единственного хозяина, именуемого Человеком в черном?

Где же эта пресловутая Черная комната? Что она такое? *Когда вы войдете в Комнату, выйти уже не сможете. Такая ей дана власть.*

Эта Комната интриговала его, бесила. Шарко не находил ответа, как ни искал, он не понимал смысла этой загадки. Он закрыл навигатор, выключил компьютер и залпом допил виски. Потом лег на диван и свернулся под одеялом.

Он то закрывал, то открывал глаза, но черный дьявол все равно был здесь, перед ним.

Он широко разевал пасть, чтобы сожрать его.

Понедельник, 2 декабря 2013 года

Александру Жакобу казалось, что прошедший день был худшим в его жизни.

Глубокой ночью он сидел в своем кабинете, один, за закрытой дверью. Он был сильным и умел держать удар. Но на этот раз агрессивный неоновый свет действовал ему на нервы. Он не мог больше его выносить. Кошмар наяву, вот что он переживал уже который день подряд. Самый катастрофический из возможных сценариев был запущен, и если через несколько часов последние результаты спектрального анализа подтвердят то, что уже вырисовывалось как очевидность, значит...

Это было немыслимо, и даже в его картезианском уме, привычном к санитарным тревогам, не укладывалось, что может произойти. Десятки лет угрозы биотерроризма были вполне реальны, но никогда не достигали такого размаха. Речь шла о сотнях тысяч жизней, возможно, о миллионах.

Взгляд его блуждающих, погасших глаз упал на письмо, пришедшее на электронную почту. Оно было из криминальной полиции и имело заголовок: «Дело гриппа птиц: профиль двух главных подозреваемых». За ним стоял красный восклицательный знак и пометка «срочно». В ту же минуту Жакоб получил СМС-сообщение, приглашающее прочесть электронную почту. На часах было 1:25.

Жакоб ознакомился с посланием, в котором его просили связаться по адресу, сообщенному Ламордье, с защищенным сервером криминальной полиции, куда уже были выложены фотографии подпольной лаборатории. Что он и сделал.

Он получил доступ к различным документам, в том числе составленным Жаком Леваллуа и Франком Шарко, суровым полицейским, явно выдавшим виды, которого он уже несколько раз встречал. В тишине своего кабинета, заваленного бумагами последних дней, несмотря на физическую и моральную усталость, он сосредоточился на записках Леваллуа и Шарко.

И тут вариации света, попадавшие на его сетчатку и через зрительный нерв в кору головного мозга, пробудили в ней другие зоны, связанные с памятью, эмоциями и анализом. В его голове сигналы, вызванные чтением

второго файла – касающегося Человека в черном, – включились один за другим, точно огни, встречающие вернувшийся в порт корабль.

Александр Жакоб провел рукой по лбу, когда кора головного мозга сгенерировала картину, точнее – портрет, буквально взорвавшийся зримый образ.

Он несколько раз перечитал отчет, чтобы убедиться, что не заблуждается. Негры, Африка, отравления, идеи отбора, чистки, евгеники... Полицейские искали монстра, который много путешествовал, гения Зла, человека, без малейшего зазрения совести убивавшего, совращавшего, уничтожавшего.

Это мог быть он.

Руководитель Группы микробиологического реагирования несколько секунд взвешивал данные, потом дрожащей рукой взялся за телефон.

Через полчаса Жакоб встретил Николя Белланже и Клода Ламордые в проходной Института Пастера:

– Идемте.

Он уже удалялся по паркингу, где осталось лишь несколько машин. Ночью здания Института Пастера выглядели зловеще, и Николя снова содрогнулся, подумав о микроскопических монстрах, закрытых в этих стенах. Их хватило бы, чтобы уничтожить человечество. Луна то появлялась в небе, то пропадала, затянутая облаками, которые, казалось, летели в одном направлении.

Подошел Ламордые:

– Каков ваш процент уверенности в личности Человека в черном?

– Никогда нельзя быть уверенным до конца. Но если надо назвать цифру, я сказал бы, девяносто процентов.

Николя сжал кулаки. Девять шансов из десяти – это было очень много.

– Есть новости о бактерии из подпольной лаборатории?

– Я предпочитаю дождаться результатов, которые будут рано утром, прежде чем сообщать вам что бы то ни было.

– Вы можете сказать нам хоть что-нибудь?

Жакоб открыл главную дверь большого здания и пропустил их вперед.

– Ничего хорошего.

Они шли молча. У Николя стоял ком в горле, желудок скрутило узлом. Возможность распространения чумы среди населения и смерть Камиль лишали его всякого удовлетворения, которое он мог бы ощутить в этот момент расследования, когда лассо могло затянуться на шее виновного. Действительно ли руководитель ГМР опознал Человека в черном? И молодой капитан полиции через несколько минут узнает, кто тот монстр, что разбил его жизнь?

В кабинете Жакоб пригласил полицейских сесть, уселся напротив и повернул к ним экран своего компьютера. Появилось лицо. Николя с редким вниманием всмотрелся в черты, ничего ему не говорившие. У человека лет сорока на снимке были абсолютно черные глаза, настоящие колодцы, казалось поглощавшие свет. Черная бородка, подстриженная каре, как у легионеров, что маршируют по Елисейским Полям 14 Июля. Две глубокие горизонтальные морщины на лбу, похожие на зарубки от ножа. У Николя по спине побежали мурашки. Встретила ли Камиль перед смертью

этот безумный взгляд? Было ли это дьявольское лицо последним, что она видела?

– Кто это?

– Джош Рональд Саваж. Родился в тысяча девятьсот пятидесятом году в Претории, блестящий военный врач, специализировавшийся в кардиологии. О его молодости мало что известно. Отец – африканер французского происхождения, мать – южноафриканка. Саваж занял высокую должность в программе биологических и химических исследований ЮжноАфриканской Республики в конце семидесятых годов. Этот человек подозревается в ужасных экспериментах, массовых убийствах и отравлении чернокожих.

Семидесятые годы, Южная Африка, апартеид, биологическое оружие... Николя едва мог усидеть на стуле. Неужели их страшные поиски наконец дадут результат? Жакоб продолжал свои объяснения:

– Надо знать, что в ту пору все крупные страны продвигали свои программы создания биологического оружия. В Южной Африке она была основана изначально для борьбы с гражданскими войнами, грозившими привести к краху страны. Спецслужбы собрали лучших ученых и врачей для разработки самого смертоносного оружия. Эти ученые проявили недюжинную изобретательность, когда речь зашла об истреблении мятежных чернокожих народов: отравление водоемов холерой, одежда, пропитанная смертоносными бактериями, которую раздавали бойцам. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году угольная бацилла, пресловутая сибирская язва, выкосила триста тысяч животных в сельских районах Родезии, и партизанское движение задохнулось в тисках голода. Южноафриканское государство отрицает свою причастность, говорят о естественных причинах, ибо угольная бацилла содержится в чистом виде в некоторых почвах. Как доказать причастность страны? Невозможно. Но гнусности не ограничивались экспериментами на природе. Говорят, что близ Маунт-Дарвина существовал засекреченный центр заключения, где подопытным кроликам вводили смертоносные бактерии.

– И Джош Рональд Саваж в этом участвовал?

– Его роль не очень хорошо известна в этот период, когда он еще не стал руководителем биологической и химической программ. Страна с ее политикой апартеида закрыта для внешнего мира. Саваж очень рано востребован армией, он ведет исследования. Из документов известно, что микробы увлекали его с самых юных лет. Он имеет доступ к конфиденциальным данным, бумаги подтверждают его присутствие в тайных лагерях. В чем мы можем быть уверены сегодня – что он был во

главе проекта Coast, совершенно секретного «оборонного» проекта биологического оружия, родившегося в тысяча девятьсот восемьдесят первом году в Южно-Африканской Республике. В рамках своей миссии Саваж сначала колесит по миру, собирая за границей секретную информацию о программах создания биологического оружия в западных странах и СССР. Он участвует во многих конференциях в Техасе, на Тайване, в Израиле, в Германии, в Великобритании, во Франции... Создает невероятно обширную сеть связей и партнеров. Он умен, убедителен и умеет вести переговоры.

Чем больше говорил Жакоб, тем больше Николя убеждался, что Саваж – именно тот, кто им нужен. Возраст, профиль, путешествия по миру... Многие элементы его личности подходили под описание. Похоже, костюм Человека в черном был южноафриканцу как раз впору.

– В Центре ветеринарных исследований, расположенном в пятнадцати километрах от Претории, Саваж руководил сотней человек в лабораториях третьего и четвертого уровня безопасности. В ходе всего проекта он отдавал только устные приказы. Официально проект Coast не существовал.

Жакоб поставил экран на место. Глаза у него были налиты кровью.

– Его прозвали Доктор Смерть. Саваж был одержимым: он хотел уничтожать все больше, все эффективнее. Быстро и успешно. Он также в каком-то смысле мнил себя богом, играя с оружием природы. Он – классический пример извращения науки. Мало ему было генетических манипуляций над микроорганизмами, такими как ботулизм, гангрена, сибирская язва, чума, Саваж еще и стремился создать этническое биологическое оружие.

– Вы хотите сказать, микробы, поражающие только чернокожих?

– Точно. В целях стерилизации и истребления.

– Ему это удалось?

– Вероятно. Но мы, как всегда, сталкиваемся с проблемой доказательств, свидетелей. Известно, что он руководил МСЮА, Медицинской службой южноафриканской армии. Эта служба много занималась исследованиями меланина, пигмента кожи, она провела много тайных операций. Целые деревни, отрезанные от мира, были выкошены смертельными болезнями, но никогда не было весомых доказательств. В некоторых деревнях больше не рождались дети, а матери необъяснимым образом стали бесплодными. В тот период наркотики, такие как экстази и метаквалон, хлынули в города с преобладанием чернокожего населения. Подозревают, что Саваж раздавал их в астрономических количествах, платил дилерам. Результат: множатся сексуальные связи, свирепствует

СПИД. Параллельно многие противники режима апартеида умирают при подозрительных обстоятельствах. Поговаривали об отравлениях, не оставляющих никаких следов, во всяком случае, в то время выявить их было невозможно. И всякий раз витает тень Доктора Смерть, его имя произносят шепотом...

Жакоб помолчал. Николя видел, до какой степени ученого разволновал собственный рассказ.

– ...В конце эпохи апартеида, в начале девяностых, когда проект Coast был свернут, большая часть бактерий, изучавшихся в секретных лабораториях Южно-Африканской Республики, бесследно исчезла. Но был обнаружен целый арсенал находок, одна другой оригинальнее. Вещи, по словам Саважа, сугубо экспериментальные, содержащие яды, токсины. Были, в числе прочего, стиральный порошок со взрывчаткой, банки пива и молока, отравленные таллием, сигареты со спорами сибирской язвы, зонтики, зараженные ядом черной мамбы, и... шоколадки с цианидом. Саваж обожал эти «гаджеты».

Николя и Ламордые серьезно переглянулись. Жакоб покачал головой:

– Не могу поверить. Саваж – фигура из прошлого, сегодня ему должно быть шестьдесят три года. Как он может...

Он не закончил фразу, задумавшись.

– Он не был арестован? – спросил Ламордые.

Жакоб помедлил с ответом. Его взгляд был устремлен на экран компьютера. Притянутый глазами Доктора Смерть. Наконец он вспомнил о собеседниках.

– Да, в самом начале. Комиссии под названием «Правда и Примирение» было поручено пролить свет на годы апартеида и этот проект создания биологического оружия. Саважу предъявили больше сорока статей обвинения, в том числе убийства, похищения, торговля наркотиками, использование биологического оружия и так далее. Каких только преступлений он не совершил. Он предстал перед судом Претории под председательством – догадайтесь кого? – белого, бывшего судейского чиновника, приверженца режима апартеида...

– Наверняка это помогло.

– Саваж стоял на том, что проект Coast был создан исключительно в оборонительных целях, и отрицал любые агрессивные действия. Ключевые вопросы о распространении опасных веществ, росте заболеваемости среди чернокожего населения, передаче наработок частным группировкам и иностранным режимам так и остались без ответа. Микробы невидимы, поэтому очень непросто собрать доказательства. Однако некоторые ученые,

задействованные в проекте Coast и работавшие под началом Саважа, подтвердили агрессивный характер миссии. Нашлись и конфиденциальные документы, в которых излагались методы отравлений и убийств, но это были... лишь рассказы о методах, а не весомые доказательства. После тридцати месяцев процесса Саваж был оправдан и выпущен на свободу. Южноафриканское государство подало апелляцию в Верховный суд, но последний отказал в новом процессе. Сегодня Саваж свободен как ветер.

Свободен. Свободен путешествовать... Свободен сеять дурное семя... Свободен строить новые дьявольские здания в других местах. В Южной Америке, Европе... Николя затошнило. Камиль могла бы быть здесь, рядом с ним, если бы этого монстра не выпустили на волю.

– Вы знаете, что с ним случилось? Где он?

– Не знаю. Прошло больше тридцати лет. Его, надо полагать, некоторое время защищали африканские спецслужбы, учитывая, сколько он знал. Но потом...

Ламордые встал:

– У вас нет более свежей фотографии?

– Нет.

– Можете дать мне эту? Я передам ее службам польской полиции, они арестовали врача, тоже замешанного в этом деле, который видел подозреваемого в прошлом году. Возможно, он сможет его опознать и подтвердить, что это действительно он. Я передам информацию в Управление международных связей, в армию, pošлю запросы в библиотеки, – продолжал окружной комиссар. – Можно предположить, что он был на нашей территории несколько дней назад. Наверняка летал самолетами. Теперь, когда мы знаем его имя, мы должны быстро его отыскать.

Окружной комиссар протянул руку:

– Спасибо...

Жакоб тоже встал и попрощался с ними:

– Увидимся через несколько часов, по поводу результатов анализов. Поймайте его как можно скорее, ради бога!

В большом офисе в последние несколько часов все резко ускорилося.

Адамчак, польский врач, безусловно опознал Джоша Рональда Саважа, несмотря на маску на его лице и разницу в возрасте между человеком на фотографии и реальным Саважем. Ламордье в ту же минуту передал информацию на самый верх, главе государства. Все службы, от служб антитеррора до разведки, объединяли усилия и обобщали данные, чтобы найти этого человека как можно скорее.

Франк явился в контору в семь часов утра и узнал новость от Николя перед кофейным автоматом, еще не успев зайти в общий зал. Джош Рональд Саваж... Южноафриканец, вероятно уже убивший тысячи человек в ходе южноафриканской биологической программы.

Шарко поднес чашку с кофе к губам:

– Ты как, держишься?

Николя выпил напиток в несколько глотков и сполоснул чашку. Он не спал всю ночь и выглядел взвинченным, как бык на арене.

– Теперь-то я не отступлюсь. Бертран ночь напролет рылся в бумагах Эрве Кремье. У нас есть и серьезный след, касающийся Человека-птицы. Я сообщил Ламордье, он должен зайти.

– Сегодня что, Рождество?

– Идем.

Франк почти бегом последовал за шефом и вошел в офис. Казю так и сидел на своем месте со вчерашнего дня. Рубашка его была помята, волосы взъерошены. На столе были разложены листки со списком рабочих канализации.

– Валяй, расскажи ему, – сказал Николя.

– Коллеги могли еще долго перелопачивать этот список. Кристофа Мюрье, тридцати четырех лет, там нет. Он больше не работает в канализации, уже два года.

Шарко нахмурился:

– Кристоф Мюрье? Кто это?

Казю протянул ему фотографию:

– Нашел среди бумаг с процесса в одном из четырех ящиков.

Шарко внимательно всмотрелся в снимок. Сухой профиль, впалые щеки, зато шея мощная, с выступающими жилами. Орлиный нос. Пронзительные черные глаза и выпирающие под футболкой бицепсы. Природная сила.

– Мы просветим тебя коротко, – сказал Николя. – Около трех лет назад Кремье выписал своему пациенту, Кристофу Мюре, свидетельство о производственной травме. Документ связывал глубокую депрессию, которую переживал в то время Мюре, с его работой в канализации. С этой бумагой в руках, по совету Кремье, Мюре подал претензию в соответствующие инстанции и потребовал у одного из подрядчиков мэрии компенсацию в пятьдесят тысяч евро за «моральный ущерб».

– Составляя эту бумагу, Кремье прекрасно знал, что посягает на парижскую мэрию, – добавил Бертран Казю. – Но у него были свои убеждения, и он был уверен в своей правоте. Была битва адвокатов, и в итоге мэрия и субподрядчик выиграли. Они утверждали, что врач не имел права связывать психологические страдания с условиями работы. Иными словами, Кремье полез не в свое дело.

– Кристоф Мюре не добился никакой компенсации, ни сантима. Кремье же сначала получил предупреждение от сообщества врачей. Но он не отступился, попер на рожон, и в результате его исключили. Запретили заниматься медициной до конца дней.

Николя протянул Шарко листки. Копии медицинских справок. Все касалось Кристофа Мюре.

– Через несколько месяцев после исключения Кремье вновь проявил интерес к Мюре, в частности – к его психиатрическому досье. Ему удалось раздобыть конфиденциальную информацию. Заключение отменное.

– Через несколько недель после проигрыша в инстанциях Мюре зарезал собаку, он изловил ее на автомобильной свалке своего дяди, у которого жил. Он прикончил пса длинным охотничьим ножом. А потом отрезал себе язык, вот так, одним ударом.

Бертран Казю изобразил жест. Шарко поморщился.

– Мюре провел несколько месяцев в психиатрической больнице с тяжелой депрессией и суицидальными мыслями. Из-за своего увечья он не мог говорить. Погрузился в молчание... Можно держать пари, что Кремье не раз его навещал. Этих двоих связал процесс, они вместе потерпели крах: один потерял работу, свое кредо, все свои убеждения, а другой вновь оказался во власти психологических отклонений, присущих ему с детства.

Казю встал.

– В этом досье содержится полный профиль Мюрье, можно сказать, что Кремье сделал за нас всю работу. Сирота, вырос у дяди, который держал автомобильную свалку, рука у дяди тяжелая, кочевая юность... Очень рано проявились признаки жестокости, например по отношению к животным.

Шарко вздохнул:

– Случай из школьного учебника.

– Учился спустя рукава, но парень далеко не глуп. Судя по записям и исследованиям Кремье, Мюрье проявляет склонность к биологии, читает много книг по медицине, в частности о препарировании. Но он интересуется также сатанизмом, оккультными науками, ритуальными жертвоприношениями. Выпускной клапан, убежище... Он верит в дьявола, прячется под его крыло, когда ему плохо, ходит на кладбища. Вокруг свалки и на соседних улицах пропадают собаки и кошки.

В две тысячи первом Мюрье по объявлению устраивается на работу в канализацию, – продолжал Казю. – Ему двадцать два года, он крепок, здоров, не боится темноты. Несмотря на бурное детство, у него нет судимостей. На первый взгляд он чист. Разумеется, никому не пришло в голову копнуть глубже или поинтересоваться его психическим здоровьем. И вот он под землей, в темных туннелях.

– Он чувствует себя там как рыба в воде, – сказал Шарко. – Крысы, темнота, одиночество...

– Все это ему очень подходит. Кто знает, что он на самом деле делает там, внизу? Он работает, не поднимая волны, много лет, до этого пресловутого процесса и встречи с Кремье, из-за которой все и рухнуло.

Он вздохнул и посмотрел на доску, где была нарисована схема со стрелками.

– Очевидно, Эрве Кремье, сам попавший под влияние Человека в черном, завербовал Мюрье, чтобы сделать его своим орудием. Исполнитель – безмолвный, действенный, лишенный чувств. Убийца, знающий канализацию как свои пять пальцев, похищает клошаров и заковывает их в цепи. Он готов даже съездить в Польшу, чтобы истребить целую семью. Он...

Воспоминание о подземных штольнях не дало Николя договорить. Он вздохнул, подошел к доске и написал под квадратиком «Человек-птица» «Кристоф Мюрье». Под квадратиком «Человек в черном» – «Джош Рональд Саваж». Потом прикрепил магнитом фотографию Мюрье. Всмотрелся в его лицо с невыразимой ненавистью в глазах. Шарко же смотрел на фото Джоша Рональда Саважа.

– Я жду санкции прокуратуры, которая должна прийти с минуты на минуту, и мчимся в Масси. Там обретается Мюрье, насколько нам известно. Мы прижмем этого сукина сына и, надеюсь, вскоре доберемся и до Саважа.

Тут открылась дверь. Вошли окружной комиссар и Александр Жакоб с серьезными лицами. Ламордье закрыл за собой дверь, глубоко вдохнул и выпалил:

– Наша радость последних часов оказалась, к сожалению, недолгой. Потому что новости скверные. Очень скверные.

Второе лицо криминальной полиции и исследователь сели в центре кабинета. Александр Жакоб откашлялся и взял слово:

– Во-первых, Амандина Герен чувствует себя хорошо. Она по-прежнему в больнице Сен-Луи и, разумеется, будет на карантине, чтобы врачи наблюдали за состоянием ее здоровья.

Он подпер кулаками подбородок, задумался и продолжил:

– Далее, в хронологическом порядке, вот что произошло после обнаружения вчера подпольной лаборатории. Прежде всего, Себастьян Садуин, наш специалист по чуме, вскрыл вчера днем одну из зараженных блох в нашей лаборатории Института Пастера. Эта сложная манипуляция позволила ему обнаружить блокировку пищеварительной системы насекомых в силу аномального размножения бактерий. Он провел тест, окрасив бактерии и понаблюдав за ними под микроскопом. Форма, размер, стратегия бактерии на блохах сразу вызвали очень сильное подозрение на *Yersinia pestis*. Известную вам чуму. Затем мы пригласили энтомолога, который установил тип блохи. Безусловно, речь идет о *Xenopsylla cheopis*, и это вердикт: чума. Идеальная кандидатка для оптимизации и развития смертоносной бактерии. Но эта блоха капризна, она нуждается в своем комфорте и не выживет в иных условиях, кроме тех, в которых ее обнаружили: жара и сильная влажность.

– Откуда эти блохи? – спросил Франк.

– Точно локализовать нельзя, они встречаются в разных странах, на разных континентах, везде, где соблюдены условия влажности и температуры. Бактерии, извлеченные из пищеварительной системы этих блох, были помещены в микробиологическую лабораторию больницы Сен-Луи незадолго до того, как вы пришли ко мне сегодня ночью. У них там есть замечательный аппарат, спектрометр, способный анализировать характеристики многих бактерий. Результаты пришли сегодня рано утром. Это она. Чума.

Шарко пришлось присесть на стол, у него подкосились ноги: люди, безумцы, монстры хотели распространить среди населения мира чуму. Тут появился Жак Леваллуа. Он поздоровался со всеми коротким кивком, сел на свое место и сразу включился в работу.

– Результаты спектрометрии позволяют точно установить штамм. Как и для гриппа, все известные штаммы чумы зарегистрированы вот уже

десятки лет. Мы знаем, откуда взялась бактерия, заразившая этих крыс и этих блох: с Мадагаскара. Учитывая происхождение, я думаю, что микроб вышел не из лаборатории, что Джош Рональд Саваж – теперь мы можем называть его так – взял его непосредственно у больного. У мальгаша, сельского жителя, заразившегося этой болезнью. Ему надо было всего-то взять у него кровь, законсервировать ее, проделать несколько манипуляций, чтобы извлечь бактерию, и готово дело. Кто угодно может приехать в эти отрезанные от мира деревни и действовать таким образом. Достаточно белого халата и кое-каких познаний в микробиологии...

– У больного? – повторил Шарко. – Вы хотите сказать, что... что люди на нашей планете болеют чумой?

– Конечно. Так же, как лихорадкой Эбола. Микробы никуда не делись. В Конго, в Китае, в Соединенных Штатах, в частности в индейских резервациях, регулярно встречаются случаи чумы. Она ежегодно свирепствует на острове Мадагаскар, там находятся самые крупные очаги. За последние десять лет зафиксировано около двадцати тысяч смертных случаев по всему миру.

Жакоб видел, до какой степени не укладываются в голове его объяснения. Он подкрепил свои слова:

– Двадцать тысяч умерших – вам это кажется слишком мало, не так ли? Почти безобидно в сравнении со страхом, который вызывает болезнь, которая еще существует, хотя мало кто об этом знает. Что убило миллионы человек в старину, так это невозможность бороться с болезнью. Ее не могли изучить, не знали, как она распространяется. Не будем забывать также об ужасающих санитарных условиях, способствовавших распространению чумы: большая часть населения была бедна, люди жили с крысами и блохами, без всякой гигиены... Сегодня чуму знают, она под наблюдением. На Мадагаскаре, например, все, от сельских жителей до врачей, знают, что чума латентна. Больному известны симптомы, ставят диагноз и лечат быстро. Существует даже вакцина против этой болезни, к сожалению в небольших количествах.

– Значит, не так страшно, как мы могли бы вообразить, если чума распространится среди нас?

– Не скажите. В развитых странах чума – болезнь из прошлого. Ни один врач не способен распознать ее до первых смертных случаев, а к тому времени она успеет захватить большие территории. Массовое производство вакцины займет недели. Джош Рональд Саваж прекрасно это понимает. Надо знать, что после укуса блохи чума развивается в одной из трех форм: бубонная чума, септическая чума и легочная чума. Нельзя предсказать,

какая именно чума разовьется у того или иного человека, есть только вероятности. От бубонной умирают от сорока до семидесяти процентов больных, но врачи усмотрят лишь воспаление или кисты, сделают анализы, но будут искать не там, где надо. Бактерию обнаружат далеко не сразу. А при легочной чуме смертность стопроцентная, если не лечить ее с появления первых же признаков. Во Франции, в Европе, в Соединенных Штатах люди будут умирать от нее, потому что... потому что врачи не учились распознавать чуму. Но хуже всего, хуже всего... – он провел рукой по лицу, – что наши врачи, скорее всего, спутают легочную форму с вирусной пневмонией или гриппом. Симптомы очень близки.

Молчание. Полицейские переглянулись.

– Боже мой, – произнес Николя. – Вы хотите сказать, что... что Саваж, по всей видимости, распространил вирус гриппа, чтобы... чтобы...

– ...подготовить распространение чумы по всей планете, весьма вероятно. Утопить страшную болезнь в массе и захватить всех врасплох. Переполнить больницы, медицинские центры, заставить системы здравоохранения работать на пределе возможностей с целью их дезорганизации. Вообразите, какой будет нанесен урон, если смешаются легочная чума и грипп. Тем более что в отличие от других форм легочной чуме не нужны для распространения блохи, она заразна, как грипп. И она будет систематически убивать. С социальной и поведенческой точек зрения одни люди будут бояться друг друга, сидеть взаперти, но другие распространят болезнь по всем регионам мира в силу индустриализации, транспорта, крайней плотности населения в больших городах. Ужас и коллективная истерия не уступят временам Средневековья, развитые страны будут полностью дестабилизированы, нынешняя экономическая система рухнет. Короче, наступит невообразимый хаос.

Шарко пытался сохранить хладнокровие, но это было непросто. Он думал о детях, о Люси... О своей семье, которую хотел защитить. Глаза его устремились на лицо монстра на белой доске. Потом он перевел горящий ненавистью взгляд на Жакоба:

– Мы можем надеяться, что помешали им, обнаружив эту лабораторию?

– Это еще одна плохая новость. Себастьян Садуин констатировал, что в виварии осталось мало здоровых блох, если сравнить с количеством зараженных. Это ненормально, слишком большой дисбаланс, чтобы обеспечить функционирование лаборатории. Он думает, что Саваж и его присные взяли здоровых блох, заразили их всех, накормив инфицированной кровью, и увезли. У них, должно быть, тысячи

насекомых. Эти люди явно действовали спешно, надо думать, они знали, что вы идете по следу.

– Они поняли это в прошлый четверг, когда мы взяли хакера, – отозвался Франк. – И решили приступить к активным действиям раньше, чем планировали. Может быть, они хотели вынести еще больше блох в ту ночь? Хотели опустошить все виварии, но Амандина им помешала?

Николя был на ногах, расхаживал взад-вперед, держась за подбородок. Он обратился к Жакобу:

– Если предположить, что в их распоряжении зараженные блохи, сколько у них времени, чтобы распространить их?

– По словам Садуина и энтомолога, *Xenopsylla cheopis* становится заразной примерно на четвертый день после первого кормления зараженной кровью. Тогда она, голодная, принимается кусать что попало и распространять болезнь. Она умирает через промежуток времени от двадцати четырех до сорока восьми часов.

Полицейские переглянулись, потом Шарко посмотрел на схему на белой доске и сделал в уме быстрый подсчет. Результат был утешающий.

– Иначе говоря, если предположить, что блохи были заражены в четверг, лучший момент для оптимизации распространения чумы – это...

– ...сегодняшний вечер. Момент, когда они заразны с наибольшей продолжительностью жизни.

Николя больше не мог устоять на месте. Он кинулся к своему столу, схватил куртку, вернулся к окружному комиссару и показал на имя на белой доске.

– Больше девяноста пяти процентов вероятности, что человек, переодетый птицей, и тот, кто вынес блох – это он: Кристоф Мюрье. Нам нельзя терять ни секунды.

– Хорошо, я займусь бумажными делами с судьей и дам вам команду из антикриминальной бригады через час, – ответил Ламордье. – Это все, что у меня пока есть под рукой. Вы установили, где он живет?

– У нас есть его последний известный адрес. Будем надеяться, что он еще там. Мы знаем также, что у Мюрье есть машина, пикап «форд» девяностого года. Номер у нас есть.

Окружной комиссар снял с доски фотографию Мюрье и внимательно всмотрелся в нее.

– О'кей. Разошлем его портрет как можно скорее, информацию немедленно передадим в министерство, – сказал Ламордье. – Через несколько часов все полицейские Франции, вплоть до уличных регулировщиков, будут искать этот номер, если вы не возьмете Мюрье

раньше. Мы их прижмем, и его, и Саважа. Где бы они ни были.

Он обратился к капитану:

– Нет ничего хуже загнанного зверя. Будьте настороже и поймайте скорее этого негодяя.

Операция готовилась спешно.

Ламордые смог собрать команду из пяти членов антикриминальной бригады. С Николя, Бертраном и Франком всего их было восемь. Жак Леваллуа остался в офисе, чтобы заняться другими линиями расследования.

Не было ни планировки, ни наблюдения, ни изучения местности. Только люди, вооруженные винтовками или «зиг-зауэрами» – кроме Николя, – защищенные пуленепробиваемыми жилетами, в этот полуденный час приближались к гигантской автомобильной свалке. Гора покореженного железа, зажатая между заводами и автострадой, на периферии Масси, в парижском предместье. Место было мрачное, серое, гнетущее. Люди из Института Пастера приехали вслед за полицейскими машинами. Они ждали поодаль, в своих автомобилях, готовые вмешаться в случае необходимости.

Моросило, мелкий дождик леденил лица. Просветы чередовались в небе с темными тучами, под которыми тускнели краски, стирались контрасты и сглаживались рельефы. Плотная группа полицейских миновала высокую решетку, потом большие листы зеленоватого железа, заменявшие стену, и оказалась у ворот, запертых на висячий замок. Полицейские сбили его в считанные секунды, осмотрелись и разделились на две группы.

Франк и Николя последовали за двумя коллегами из антикриминальной бригады, которые бежали к старому трейлеру, расположенному справа, рядом с большим ангаром под рифленой крышей. Залаяла собака. Глухой, густой, злобный лай гулко разносился вокруг. Полицейские пошли осторожнее. Разбитые машины лежали на платформах или над ямами, полными масла. В метре от земли был подвешен на цепях двигатель, ремни свисали вдоль поперечин.

Сапоги хлюпали по черным лужам, поднимая брызги воды и грязи. Внезапно дверь трейлера открылась и, выпустив босерона, захлопнулась вновь. Квадратная морда, мощные клыки, грубая животная сила. Собака бежала в их направлении.

Первый полицейский вскинул винтовку и открыл огонь. Пес с воем отлетел на три метра. Полицейские кинулись к жилищу, криками подбадривая друг друга, а другая группа вдали, встревоженная выстрелом,

повернула к ним. Один полицейский встал у железной стены, другой вышиб дверь ударом тарана. Николя, стоявший чуть позади, заметил тень, которая, воспользовавшись тем, что их внимание отвлеклось на собаку, выскочила из трейлера сзади и помчалась в сердце свалки.

– Там!

Двое полицейских среагировали мгновенно и побежали в указанном направлении, вскинув оружие.

– Стой!

Но беглец скрылся между двумя горами покореженного железа. Николя и Шарко развернулись и побежали по проходу слева, а их коллеги двинулись направо. Дорожки из красной глины превратились в адское месиво, столько пролилось дождей в последние дни. Шарко чуть не потерял ботинок. Куски металла, стекла, всевозможные обломки мешали идти. Тень появилась между двумя складками железа и нырнула в другой проход. Николя кинулся следом, злясь, что у него нет оружия, Шарко побежал наперерез. Он увидел двух полицейских на другом конце и махнул им рукой.

Тип, выпустивший собаку, появился в другом проходе, выбравшись из остова машины. Дородный, с густой бородой, в майке и военных башмаках. Запыхавшийся. Он хотел развернуться, но коллеги уже подоспели сзади. Взятый в клещи, человек поднял руки:

– Я ничего не сделал.

Не дожидаясь Николя, коллеги из антикриминальной бригады без церемоний прижали его к земле. Защелкнув на руках наручники, резко подняли за загривок. Подбежал Белланже, следом Шарко.

– Это не он.

Белланже склонился к самому лицу беглеца:

– Где твой племянник?

Толстяк указал подбородком на самый дальний угол огромной свалки, на другом ее конце:

– Он живет там.

Николя и Франк побежали, не теряя ни секунды, пробрались между машинами и оказались в узком проходе. Лежащий на боку автобус, разбитый спереди, был разобран до электрических проводов, змеившихся в пазах на потолке. Как в лабиринте, они видели время от времени головы коллег, подавали друг другу знаки, перебрасывались короткими фразами. Шарко тяжело дышал, сжимая в руке оружие, перепрыгивал через лужи, быстро осматривал каждый уголок, каждую прогалину в этом зловещем окружении. Выстрел наверняка встревожил Мюрье.

Сваленные в кучу остовы высились непреодолимой преградой. Настоящая китайская стена из покоруженного металла с единственным отверстием, как раз войти человеку, забаррикадированным дверцей от автобуса. Сыщики с трудом расчистили проход, тараном сшибли запертые на замок цепи и вошли внутрь. В центре круга из покоруженных машин появился длинный трейлер. Мюрье создал себе кокон из всего этого металла, неприступное замкнутое пространство, где он, должно быть, чувствовал себя хорошо. Спокойно.

Жилище выглядело еще более грязным, чем дядино. Пол касался земли, колеса на три четверти ушли в грязь. Окна были мутные, покрытые красной пылью и жиром снаружи.

Сотни предметов валялись вокруг, гора шин, куски брезента, сваленные детали, старые инструменты. Стоял таз, наполненный черной водой, рядом паяльник, погнутые металлические пластины. Шарко заметил в углу толстые цепи и банки с краской. Очевидно, то, что использовалось для четырех узников из канализации.

Коллеги из антикриминальной бригады нагнали их и пошли вперед. Они вышибли дверь трейлера и вбежали внутрь. Николя и Франк вошли следом. Всем там было не поместиться. В трейлере царил невообразимый хаос, отражение больного и замороженного ума. Содранный линолеум, стопки газет во множестве, старые книги вдоль стен, громоздившиеся до потолка, – все это сводило ширину коридора к каким-то пятидесяти сантиметрам. Кухня была почти недоступна. В ней, вероятно, был пожар, о чем говорили черные следы на стенах, оплавившийся пластик. Пища прилипла к составленным кое-как кастрюлям, прогорклый запах наполнял ноздри. На полу лежала мышь, почти разрубленная пополам одной из многочисленных мышеловок, валявшихся под ногами.

Двое коллег вернулись из другого конца узкого коридора.

– Никого нет.

Мышеловки хлопали под их тяжелыми шагами, как оголодавшие рты. Шарко серьезно посмотрел на Николя. Мюрье был не так глуп, чтобы прятаться в своем логове в ожидании «боевых действий», нет, он затаился где-то еще.

Всем пришлось освободить помещение, чтобы двое коллег из антикриминальной бригады смогли выйти. Потом Франк и Николя вернулись внутрь и пошли один за другим по коридору. Они обошли последние мышеловки и попали в маленькую гостиную. Старенький телевизор, радиоприемник, хромоногий стол, нарезанная мята. На стене, как трофей, висели черные перчатки с двумя длинными изогнутыми лезвиями, безупречно начищенными, почти сверкающими. Шарко разглядел гайки, винты, следы пайки. Должно быть, потребовалась кропотливая работа, чтобы изготовить это смертоносное оружие.

Рядом с перчатками он заметил банку со скальпелем и маленькими кусочками человеческой кожи. Всмотревшись внимательнее, увидел характерные бороздки: этот психопат срезал себе кожу с кончиков пальцев.

– Он с виду придурок, но это не так. Ум у него организованный, ясный, прилежный. Он точно знает, что делает. Иначе мы взяли бы его гораздо раньше.

Он заглянул в другие части трейлера. На одной стене висела большая карта Парижа. И снова кипы книг, сводившие свободное пространство до минимума. Те же заскоки, та же организованность, скрытая в полнейшем раздразе. Порядок в недрах хаоса. В этом интерьере был весь Мюрье. Самый показательный срез его больного ума. Франк вернулся к Николя в гостиную.

– На вид никаких следов вивариев или блох. Но надо все обыскать, невесть сколько часов придется разгребать это дерьмо. Не понимаю, как можно было нагромоздить столько вещей в такой тесноте.

Николя глубоко вздохнул, положив ладони плашмя на стол.

– Мюрье залег где-то со своими блохами, он наверняка предвидел, что мы придем. Он знает, что загнан в угол. Кремье больше нет, контролировать его некому. Он нанесет удар, как только сможет, Франк. Сегодня вечером, ночью, завтра утром... Он захочет навредить как можно скорее, оставить метку, будет следовать их плану и завершит свою миссию, что бы ни случилось.

Николя отошел от стола и теперь ходил кругами, всматриваясь в кипы бумаг, книги по эзотерике, биологии, медицине, труды по религии и

сатанизму, высившиеся стопками до потолка.

– Он захочет наполнить смыслом все это. Свое безумие, свои убеждения. То, что он готовится сделать, будет завершением, кульминацией его мести обществу.

Шарко посмотрел на две смертоносные перчатки и глубоко вздохнул:

– Ответы наверняка здесь, в его логове. Эти двадцать кубических метров листового железа – все, что у него есть, вся его жизнь. Мы должны найти его. Должны узнать, где он нанесет удар.

Он посмотрел на часы: почти полдень.

– И, боже мой, у нас осталось на это всего несколько часов.

– И ты спустил на нас собаку только потому, что загнал краденую медь?

Сидя на стуле, Альбер Мюрье, дядя, смотрел в пол, точно пойманный с поличным ребенок. Шарко был один с ним в трейлере, он расхаживал взад-вперед, отчего дрожала посуда и ходил ходуном пол.

– Ты имеешь представление, где может прятаться твой племянник?

– Только здесь, больше ему некуда податься. Он что-то натворил?

– Да, много чего. И это очень серьезно.

– Я знать не хочу этого психа. С тех пор как случилась эта штука с языком, я его боюсь еще больше, чем раньше. Так странно жить с кем-то, кто не разговаривает. И что-то нехорошее у него в глазах, когда он на вас смотрит. Чем меньше я его вижу, тем лучше.

Шарко высунулся из окна. Трое из пяти коллег из антикриминальной бригады курили возле ангара, двое других были в трейлере Кристофа Мюрье.

– Тебе отлично видно, кто входит сюда и выходит. Когда ты видел своего племянника в последний раз?

Мюрье зажал толстые руки между колен.

– Вчера вечером он довольно поздно уехал на машине. С тех пор не показывался.

– Он не может прятаться еще у кого-нибудь из родни? У друга?

– Родня? Не смешите меня! А друзья... Нет у него друзей, никогда не было.

Шарко рвал и метал. Мюрье тщательно затаился, возможно, в где-то в глубинах канализационной системы, и найдут они его не скоро.

– К нему сюда никто не приходит?

Мюрье покачал головой, потом вдруг вспомнил:

– Приходил один тип пару раз, но давно уже. Несколько недель, наверно.

Шарко присел перед ним и поймал его взгляд.

– Опиши его мне.

– Довольно высокий, с залысинами, круглое лицо, маленькие усики. Приходил всегда пешком, наверно, парковал машину где-нибудь подальше. Не знаю.

Короткое описание подходило под портрет Эрве Кремье.

– Этот человек и твой племянник подолгу были вместе?

– Ага, иногда часами. Я еще удивлялся, что Кристоф его впускает. Попробуй кто войти в его автобус, мой племянник тут же вытолкает его пинками под зад.

– А ты заходил туда, в его трейлер?

– Спятили? Он бы мне кровь пустил. Вы видели Кристофа? Таких не тронь, себе дороже. Я это быстро понял, когда в пятнадцать лет он вымахал на голову выше меня. Я оставил его в покое, пусть живет своей жизнью, сам справляется.

Шарко задал еще несколько вопросов, но мало что узнал. Кристоф Мюрье был одиночкой, жестоким, нелюдимым, навсегда сохранившим печать тяжелого детства. Сыщик понимал, что больше ничего не выжмет из допроса. Кристоф Мюрье не произносил ни слова, с тех пор как отрезал себе язык; эти двое не общались. Теперь было важно найти его убежище и выяснить, где он нанесет удар. Психологический профиль уже мало что значил.

Лейтенант полиции вывел дядю и сдал его на руки коллегам из антикриминальной бригады, после чего присоединился к Николя, Бертрану и другим сыщикам. Они довольно долго выкладывали книги на расстеленный перед трейлером брезент. Книг было уже не меньше сотни, самых разных. Шарко заметил несколько Библий, разных изданий. Казю вынес новую порцию.

– Опустошаем потихоньку, разбираемся. Уже нашли интересные вещи за книгами, иди взгляни.

Шарко вошел в трейлер. Николя, надевший латексные перчатки, сидел за столом в крошечной гостиной над раскрытой тетрадью. Другие тетради были сложены стопкой слева от него. Он со вздохом поднял голову и протянул Шарко тетрадь, которую держал в руках:

– Эта самая интересная и, очевидно, самая свежая из всех. Смотри.

Тетрадь была исписана аккуратным мелким почерком, черными чернилами. Мюрье старательно выводил каждую букву, каждое слово, каждый рисунок. Франк полистал страницы. Повсюду наброски перевернутых крестов, лица дьявола, крысиные головы, полная схема анатомии блохи со стрелками, указывающими названия различных органов. Рисунки выполнены совершенно. Приходилось признать, что у Мюрье был талант.

Дальше, на левой странице – полное и аннотированное описание костюма чумного доктора, а на правой и следующих – выкройки точно такого же костюма, с маской и перчатками, к которым Мюрье добавил

острые лезвия. Человек-птица использовал ткань, газетную бумагу, клей, краску, металл из остовов машин...

Шарко еще полистал страницы. Между рисунками убийца заносил личные записи и цитаты из религиозных книг, большинство – из Библии.

Он же поведет последний приступ Сатаны на Христа и его учеников, дабы перед вторым пришествием Иисуса Христа на землю воцарить на ней Царствие Свое...

Николя поднял глаза на Бертрана Казю, который стоял перед ним тоже с тетрадью в руке.

– И еще одна. Эта была спрятана за кипой книг в кухне. Похоже, Мюрье оборудовал немало тайничков, чтобы его маниакальные игрушки были под рукой.

Николя с опаской взял тетрадь, положил перед собой и принялся листать. Там чудовищным лоскутным одеялом были наклеены фотографии. Расчлененные животные, выпотрошенные кошки, и всякий раз – короткая подпись. Снимки были датированы 2011 годом. Дальше шли люди. Бедолага из Медона и его собака. Под снимками значилось: «Медонский лес, 25 ноября 2013».

– Памятный альбом его преступлений.

Николя перевернул еще несколько страниц и остановился на снимках четверых людей, прикованных цепями в подземной канализации. Нос его сморщился.

– Боже мой.

Пленные бомжи были больны. Живые трупы, которые, корчась на полу, тянули руки к фотографу, словно умоляя их прикончить. У одного лицо было обезображено большими черными прыщами, другой – кожа и кости, словно выжженный изнутри. Он лежал в своей моче и испражнениях. Этих людей поразил разрушительный недуг.

Шарко тоже всмотрелся в снимки:

– Мы думали, что бомжи служили подопытными кроликами для испытания вируса гриппа... Но от гриппа такого не бывает.

– Это чума. Они привили им чуму.

Шарко воочию увидел, что творит эта болезнь с человеком. Жуткая картина. Эти люди, использованные для опытов, дошли до последнего предела мучений. Их низвели до состояния сырья. Полицейский вспомнил мертвых крыс в канализации и трупик грызуна, покрытый блохами. Николя хотел перевернуть страницу, но Шарко удержал его за руку:

– Теперь лучше оставь это мне.

Николя покачал головой:

- Все в порядке, Франк.
- Ты уверен?
- Все в порядке, говорю тебе.

Франку же и не надо было смотреть дальше. Он со вздохом поднялся и пошел помогать коллегам. Он прекрасно знал, что увидит Николя на следующих страницах. Зачем он обрекал себя на эти муки? Его ненависть и без того была достаточно сильна, чаша переполнилась. Но Николя хотел дойти до конца туннеля. Ничего не упустить. Это было самое главное: сделать так, чтобы Кристоф Мюрье заплатил за свои преступления.

Шарко оказался в спальне, в глубине трейлера.

Никто здесь ничего не трогал. Большая карта Парижа была приколоты кнопками к пробковой доске прямо напротив него. Рядом – символ из трех кругов, нарисованный на приклеенном к стене листке бумаги. Мюрье поставил в кругах точки, словно планеты на орбитах зловещей Солнечной системы. Много точек во внешнем круге, во втором поменьше, а в третьем только одна: Человек в черном, властелин этого мира безумия и смерти, способный пересекать континенты и эпохи.

Взгляд Шарко привлекли координаты, записанные карандашом в правом нижнем углу карты Парижа. Бледные – Мюрье едва нажимал на грифель.

142°38'48.34"E

11°23'40.43"N

Он нахмурился, достал бумажку и сравнил их с координатами, найденными у Кремье.

11°23'40.40"N

142°38'48.38"E

Они были почти идентичны, только последние цифры разнились. Шарко ничего не понимал. Он ввел данные в систему GPS своего телефона и снова попал на Марианскую впадину.

В комнату вошел Бертран Казю:

– Уже почти два, я схожу куплю сэндвичей. Тебе какой? С тунцом и майонезом?

Казю проследил за взглядом Шарко и тоже уставился на карту столицы, заметив написанные внизу координаты. Шарко показал ему экран своего мобильного.

– Черт, ничего не понимаю, – хмыкнул Казю.

– Да, задача.

Бертран почесал в затылке и снова всмотрелся в план Парижа.

– Это ни к чему, я уже только что под лупой не разглядывал, – сказал Шарко. – Кроме этих GPS-координат, тут ничего не найдешь. Никаких карандашных пометок, никакого знака, указывающего на определенное место. Мы не знаем, где он выпустит своих блох.

– Ты думаешь, что Мюрье нанесет удар в столице?

– Эта карта – единственная новая вещь в этом бардаке, она здесь не

для украшения. Мюрье каждый вечер засыпает, видя перед собой план Парижа. Может быть, он уже представляет себе хаос, который готовится посеять со своими блохами? Если ограничиться этим планом, аэропорты исключаются.

– Какую же он тогда выберет цель? Вокзал?

– Он выберет ту цель, которую указал ему Кремье. И которую, стало быть, Джош Рональд Саваж имел в виду с самого начала. Это может быть Лувр, прогулочный пароход, туристический автобус... Почему бы не Галери Лафайет? Есть кварталы, где полно китайских туристов, и они смогут привезти чуму на свою территорию... Целей может быть много. Хоть собери все силы полиции и армии, если он хочет нанести удар, он его нанесет. Время идет, Бертран, а мы тут листаем бредовые тетради этого выродка в надежде найти зацепку.

Он кивнул в сторону коридора:

– Я слышал, как Николя говорил по телефону с Ламордые. Есть новости о Саваже?

– Пока не нашли. Запросы идут во все концы: налоговый центр, социальное страхование, Интерпол, спецслужбы разных стран. Поступают приказы из Министерства внутренних дел, там тоже, скажу я тебе, горячо. На всех давят.

Бертран взял стопку книг. В дверях он остановился и посмотрел Шарко в глаза:

– Отпечатки пальцев...

– Что – отпечатки пальцев?

Казю указал подбородком на план:

– Кремье был в этих стенах, он мог показать на карте место, где Мюрье должен нанести удар? В таком случае его отпечатки остались на бумаге.

Глаза Шарко блеснули.

– Сейчас же отправлю это в лабораторию. Молодец!

Казю вышел. Франк сидел неподвижно, глядя на экран своего телефона и странные GPS-координаты. С помощью навигатора он обозначил виртуальной «кнопкой» указанное место, потом ввел другие координаты, найденные у Кремье. Снова обозначил место. Программа показала, что расстояние между двумя точками меньше трех километров.

Три километра посреди океана. Что же это значило? А эти координаты, записанные Мюрье, тоже давали доступ в Черную комнату? Что она вообще такое, эта окаянная комната? Реальна она или это лишь химера? Проклятое место, которого не существует?

И вдруг Франка осенила одна идея. Нет, это была очевидность.

Ну конечно! Черт побери!

Он злился на себя, что не додумался до этого раньше. Речь действительно могла идти о GPS-координатах, но не для перемещения в физическом мире. Слова Гийома Томео, их компьютерного аса, зазвучали в его голове: «Всякий желающий может бесплатно сесть в субмарину и спуститься в глубины, чтобы встретить там монстров из тьмы, которых никогда не увидишь на поверхности».

Darknet был полон монстров и бездн, одни других гнуснее.

Darknet *был* этими безднами.

«Адреса фантомных сайтов представляют собой лишь набор цифр и букв...» – добавил тогда программист.

Шарко вдруг ощутил себя наэлектризованным. Подстегнутым адреналином. Он взял пробковую доску с планом и почти выбежал из трейлера, уверенный, что эти GPS-координаты, если их соединить, представляют собой фантомный адрес.

Дверь, ведущую к самым глубоким безднам Darknet'а.

Почти три часа дня.

Время бежало с ужасающей скоростью.

Шарко слушал радио по дороге в отдел экспертно-криминалистической полиции. Грипп птиц окончательно заполонил новостные программы. Число случаев заболевания неуклонно росло, было уже тысяча восьмьсот больных и трое умерших. К списку затронутых европейских стран прибавились Швейцария и Болгария, и один случай был выявлен в Нью-Йорке в ночь с воскресенья на понедельник, а это означало, что в ближайшие дни ВОЗ объявит высший уровень тревоги: пандемию.

Ученые и журналисты начинали задаваться вопросом, каким образом грипп перешел от птиц к человеку, и не приходилось сомневаться, что рано или поздно они докопаются до правды. В парламенте оппозиция нещадно нападала на действующее правительство, обвиняя его в ошибках, промахах и сокрытии информации. Начали поднимать досье, разгребать грязь, интересоваться фармацевтической промышленностью и производством вакцин. Как всегда в таких случаях, рождались теории заговора, а тем временем школы закрывались, если был выявлен хоть один случай. Медперсонал бастовал, тогда как больницы были переполнены, водители городского транспорта отказывались выходить на работу, боясь подцепить микроб, и выдвигали требования через СМИ: они хотели усиления мер безопасности и надбавки за риск. Производители птицы не могли продать свой товар, их бизнес рушился...

Разброд наступил в большом и в малом, список был бесконечен. Но это было ничто в сравнении с тем, что могло произойти, если среди населения начнет распространяться чума. Шарко осознал, до какой степени неустойчиво равновесие общества. Оно зиждется на песке, и природа, о которой мы слишком часто склонны забывать, может поколебать его в любой момент. В тот день, когда она решит вновь вступить в свои права, когда ей надоест беспечность людей, она обрушит на них такое бедствие, которое сметет человечество в два счета. Земля будет по-прежнему существовать, но без нас. И это не помешает ей вращаться.

Франк занес пробковую доску с картой в отдел дактилоскопии, попросив срочно сделать анализ. Ему пообещали результат через два или три часа, предположив, что для такого рода бумаги потребуется особая техника фумигации. Потом он помчался в контору, благо дом 36 был рядом.

Запыхавшись, взбежал на третий этаж, вошел в общий зал, закрыл за собой дверь и сел за свой стол, обливаясь потом.

Жак Леваллуа, бывший в курсе ситуации, поднял голову:

– Вам, кажется, опять попался тот еще молодчик.

– Дядя, да... Но это ничего нам не дало. Человек-птица по-прежнему в бегах.

Компьютер был готов. Шарко сосредоточился на экране и запустил навигатор SCRUB. Одновременно он развернул бумажку с координатами, полученными благодаря тиснению на самоклеящемся листке.

11°23'40.40"N

142°38'48.38"E

В навигаторе SCRUB анонимная сеть была уже загружена и готова к работе. С комом в горле Франк ввел в адресную строку цифры без пробелов: 11234040N142384838E.dkw – и кликнул.

Появилась черная страница с символом из трех кругов посередине. Ниже – фраза на английском, которую Франк мысленно перевел: *Добро пожаловать в Черную комнату. Самое глубокое место Darknet.*

Шарко ощутил безмерную радость, которую тут же захлестнула волна тревоги: он был наконец у дверей пресловутой Черной комнаты. Сейчас он узнает ее страшные тайны. Он поднял глаза на фотографию Джоша Рональда Саважа. Посмотрел на него вызывающе, словно тот был перед ним во плоти.

Им предстояло встретиться очень скоро, Шарко был в этом уверен.

Взгляд его снова устремился на экран. Средний палец дрогнул, когда он подвел курсор мышки к клавише «Enter» на странице Darknet.

Он нажал.

Шарко смотрел на экран, и ему казалось, будто он стоит между высоких каменных стен лабиринта. В этом виртуальном лабиринте расходились три пути, словно зубья трезубца. Слева на закрытой двери было написано по-английски: «Мои дела», посередине – «Моя лаборатория», а справа – «Кто я?». Франк странно себя чувствовал, понимая, что проникает в тайну, к которой лишь немногие – наверно, самые чудовищные существа на планете, те, что совершили худшие преступления, – имели доступ.

Он входил в интимное пространство Человека в черном.

Он хотел открыть дверь «Кто я?», чтобы окончательно убедиться, что это именно Саваж, но появилось окошко с текстом, запрашивающим пароль. Шарко набрал что попало, кликнул, но ничего не произошло. Окошко осталось на месте и требовало новый пароль.

– Да что же это такое?

Он махнул рукой, закрыл окошко и кликнул на левую дверь, «Мои дела». На этот раз код доступа не потребовался. Адрес с окончанием. dkW изменился, превратившись в другую бесконечно длинную цепочку знаков. Появилась страница с длинным списком линков, каждый представлял собой место и дату. Окинув ее быстрым взглядом, Шарко увидел, даты от 1963 до 2013 года. Он кликнул на первый линк: *Озеро Виктория, Танзания, 1963*. Попал на страницу, написанную по-английски от первого лица.

...Я работал над разведением нильского окуня в озере Виктория. Эта рыба – свирепый хищник, я изучал ее и знал, что за несколько лет она размножится с колоссальной быстротой и уничтожит двести других видов рыбы в озере...

...Эта рыба очень ценится, и торговля ею процветает сегодня в Европе и, в частности, в России. Масштабный экспорт белого мяса этих рыб и вытекающие из него экономические ставки позволили развить все типы трафиков, связанных с интенсивной урбанизацией вокруг озера Виктория. Проституция, наркотики, насилие...

...СПИД продолжает свирепствовать, распространяясь среди населения и уничтожая дурное семя...

...Вокруг озера я наладил также трафик оружия на русских и

украинских грузовых самолетах, которые прилетают с автоматами Калашникова, спрятанными под гуманитарной помощью для Руанды и Анголы, и улетают с сотнями тонн рыбы. Чернокожие убивают друг друга благодаря этому оружию. Вот как...

И так далее в том же духе. Там были страницы и страницы, но Шарко, преодолевая отвращение, дочитал до конца. У него даже живот разболелся. В тексте объяснялось, как Человек в черном совращал, разрушал, сеял войну и болезни в этой части Африки. Как это делал и хакер, этот негодяй излагал свой *curriculum vitae*, не раскрывая своего имени.

Шарко понял, что каждый линк в списке – очередная гнусность, язва, которую Человек в черном открывал на теле цивилизации и оставлял воспаляться. *Я работал... Я участвовал... Я создал...*

Так, исходя из дьявольской идеи, подлинной воли к злу, он основывал организацию трех кругов, и его присные работали на него, а он исчезал, чтобы сеять свое дурное семя в других краях. Он эксплуатировал все пороки рода человеческого, все его слабости, все искушения. Он разливал свой отравленный мед по всей планете, совращая ее, унижая, причиняя боль.

Что-то не давало Шарко покоя. Дело в Танзании было начато в 1963 году, судя по дате, указанной на линке. А ведь Николя говорил ему, что Саваж родился в 1950-м. Значит, ему было тогда всего 13 лет. Как он мог запустить нильского окуня в озеро? Наладить трафик оружия?

13 лет... Ребенок... Но ведь польский врач безусловно опознал Саважа. Весь в черном, фетровая шляпа, та же внешность... Мы знаем, что это он. Может быть, ребенком он помогал кому-то? Отцу? Наставнику?

Так и не развеяв этих сомнений, Шарко лихорадочно прошелся курсором по разным рубрикам. Алжир, 1966... Чили, 1973... Эквадор, 1978... Южно-Африканская Республика, 1979... Он остановился на последнем линке.

...Участвовал в разработках биологического и химического оружия. Южно-Африканская Республика располагала лучшими учеными, которые на протяжении десятилетий изучали непрестанные волны бедствий и болезней, обрушивающиеся на континент...

Вирусы и бактерии – вот ключ. Невидимый и эффективный способ чистки. Но подлинная опасность состоит в том, что

микробы могут обернуться против тех, кто их использует. Надо было создать на генетическом уровне микроорганизмы, способные различать народы...

...Мои «этнические бомбы» не были эффективны на 100 %, и их нельзя было использовать масштабно. Вирусы порой ошибались мишенью. Тесты показали, что они непонятным образом убивают и белых, пришлось остановиться...

...Но это была лишь отложенная партия, я знал, что за микробами будущее...

Шарко продолжал экскурсию по этой части Черной комнаты. Увидев линк *Испания, 1983*, он вспомнил прошлогоднее дело, расплывчатую фотографию Человека в черном перед клиникой Сан-Рамон. Джош Рональд Саваж...

...участвовал в создании треугольника смерти «клиника Сан-Рамон, Санта-Кристина и родильный дом О'Доннелл» и обеспечил бесперебойный трафик младенцев...

...Благодаря мне сотни тысяч детей поставлялись в некоторые страны Европы и страны Южной Америки до начала 2000-х годов, чтобы служить лучшим людям... Я занимался...

Страницы и страницы.

Канада, 1986... Ливан, 1991... Руанда, 1995... Теперь Шарко прокручивал линки, не кликая, понадобились бы часы, чтобы все прочесть, во всем разобраться, а он хотел поскорее открыть другие двери.

Он, однако, задержался на Аргентине, 1997... Шарко хотел убедиться, он уже знал, что там найдет... Одно из худших преступлений, с которыми ему приходилось сталкиваться в своих расследованиях.

...Развитие трафика органов для снабжения параллельной сети пересадки почек и роговицы...

...Истребить дурное семя, изымая органы, дабы наилучшим образом обеспечить выживание тех, у кого есть деньги и власть...

...Использовать в качестве сырья заключенных, калек и...

Замбия, 2002... Эфиопия, 2006... Амазония, 2009... Сердце его сжалось еще сильнее, когда он увидел следующий линк: Россия, 2011. Дело «Атомка»... Он снова пересек границу Зла, кликнув, и прочел по

диагонали.

...разработал систему криогенизации при помощи облучения с целью обеспечить выживание лучших экземпляров нашего вида...

...С этой технологией изъятые живые органы могут теперь храниться *ad vitam aeternam*^[29] и пересаживаться когда угодно. Цель – запастись этими органами в количествах сообразно нашим нуждам. Когда наша почка или легкое износятся, достаточно будет их заменить...

...Найти сырье – не проблема... Черпать из дурного семени...

И эти идеи, одна другой мрачней. Эти черные, евгенические мысли, стремление ломать слабых, уничтожать ради создания исключительных существ. Слова повторялись то и дело, *дурное семя, естественный отбор, истреблять, убивать...* Шарко словно стоял на краю пропасти, его компьютер был черной дырой, пытающейся засосать его, низвергнуть в бесконечные бездны. Вот уже несколько лет они с Люси преследовали воплощенное Зло, но так ничего и не поняли. За каждым убийцей, встреченным ими в крупных международных расследованиях, возможно, маячила тень Джоша Рональда Саважа. Печать его пагубного ума.

Осталось два линка – *Франция, 2012* и *Франция, 2013*. Шарко просмотрел первый и вновь столкнулся с их прошлогодним делом.

Потом он кликнул на последний линк и впился глазами в появившиеся строчки текста.

...давно пора покончить с человеческим вирусом, который, подобно нильскому окуню, расточает все свои ресурсы до удушья и в конечном счете сам себе вредит...

...Слабый и порочный человек есть худшее из зол, которые встречало человечество. А чтобы бороться с худшим из зол, нужно худшее из зол, являющееся в моих глазах единственным антибиотиком для лечения рода человеческого...

...Да, вирусы и бактерии – ключ, я всегда это знал. Я очищу цивилизацию, мы построим новый мир на здоровых основах, с новыми органами, и, используя упомянутые выше технологии, мы будем жить на этой планете долго, за гранью старости и смерти... Наши дети унаследуют лучшие гены... Мы все

построим заново, в то время как угаснет остаток рода человеческого...

– ...Кофе?

Шарко поднял глаза. Леваллуа стоял перед ним и ждал.

– Э-э... нет-нет, не надо кофе.

– Что с тобой, Франк? Ты странно выглядишь.

– Я...

Он не закончил фразу и снова опустил взгляд на экран. Бездны притягивали его. Длинный перечень преступных деяний, с 1963-го до 2013-го.

Пятьдесят лет тьмы, массовых убийств, диктатур, войн. Как это возможно? Как мог Джош Рональд Саваж каждый раз присутствовать и ускользать из Сети? Оставаться невидимым, исчезать, стоило только произнести его имя? Ни разу не попасться?

Шарко не хватало кислорода. Он подошел к окну и распахнул его настежь. От свежего воздуха ему полегчало. *Мы будем жить на этой планете долго, за гранью старости и смерти...* Шарко почувствовал, как ледяной сквозняк пробежал по его спине. Он вздрогнул и закрыл окно. Снова сев за стол, он вернулся на титульную страницу Черной комнаты и вошел на этот раз в среднюю дверь: «Моя лаборатория».

Адрес снова изменился, и Шарко понял, что он совпадает с координатами, найденными у Мюрье, если сложить их вместе: 142384834E11234043N.dkw. Стало быть, Человек-птица имел доступ в эту часть Черной комнаты, «Моя лаборатория», но не в другие: Человек в черном ограничил его поле деятельности.

На экране высветились маленькие окошки веб-камер. Десятки безымянных пиксельных квадратов. Шарко кликнул на один из них и увидел чернокожую молодую женщину, подвешенную за руки в каком-то темном месте. Неподвижную. С окровавленным лицом. У нее были отрезаны груди, и два больших рубца шли от уголков рта, образуя ангельскую улыбку. Кровавый пузырек лопнул у нее на губах. Она была жива.

В поле зрения появился великан в рабочей спецовке и большом белом фартуке. На нем была хоккейная маска, в руке клещи. Он посмотрел в объектив, подвинулся, чтобы тело его жертвы было видно целиком, и поднес клещи к половому органу. Шарко затошнило, он закрыл окошко и откинулся на стуле, словно отброшенный назад жестокостью картины.

Все окошки веб-камер жили. Они приглашали его открыть запретное, невообразимое, сокрушить все границы, делавшие из него человека.

Шарко кликнул на другую камеру. Деревня среди джунглей. Три раздутых трупа на земле, явно сраженные смертельным недугом. Силуэт в каскетке и темных очках облил бензином соломенную хижину и поджег. Пожар распахнул свою пасть – и камера погасла, экран стал черным.

Новый клик, новая веб-камера... Дети с выбритыми головами в каких-то горизонтальных аквариумах, казалось, спали, плавая в жидкости, в белоснежном, как в больнице, помещении. Маленькие пузырьки всплывали порой на поверхность. Сколько их было? Десяток? Шарко вспомнил технологии, которые обнаружил в России. Вся эта аппаратура, по идее, была уничтожена. И все же вот они, здесь, перед ним.

Можно уничтожить аппаратуру, но не знание.

Вот человек с южноамериканскими чертами, заснятый в помещении, похожем на подвал, связанный, искалеченный, почти без сознания...

Другие картины: грязная комната, насильник в действии, с чулком на лице, терзает жертву с азиатскими чертами.

Шарко смотрел на другие ужасы, совершенно раздавленный. Перед

ним было изображение без прикрас трех последних кругов ада. Люди – серийные убийцы, насильники, извращенцы, организаторы, врачи, безумные ученые – снимали свои дела. И предлагали их посмотреть, через Черную комнату, всем желающим. И их общему господину: Человеку в черном.

Франк достал фотографию сыновей, спрятанную в бумажнике, погладил пальцем их мордашки со слезами на глазах. Он уже был готов открыть шлюзы, выплеснуть свой страх и свой гнев. Но сдержался, потому что вошел Леваллуа с кофе. Убрал фотографию и снова посмотрел на экран. Он хотел было уйти с этой страницы, но тут взгляд его упал на засветившееся окошко. Все его чувства обострились.

Он кликнул. Комната, односпальная кровать в середине. На кровати – виварий, черный от блох, и большая открытая спортивная сумка.

– Иди сюда, Жак! Иди скорее!

Леваллуа подбежал:

– Что?..

– Это он. Человек-птица. Он включил камеру и снимает.

На экране появилась венецианская маска, человек склонил голову, словно переглядываясь с кем-то через камеру. Два маленьких кружочка на месте глаз, длинный крючковатый нос. Леваллуа инстинктивно отпрянул от компьютера:

– Он меня напугал, этот придурок.

Нереальная фигура постояла несколько секунд неподвижно, потом удалилась от объектива. Мюрье был в своем маскарадном костюме, в длинном черном балахоне, но без перчаток, оставшихся в трейлере. Шарко разглядывал каждую деталь комнаты, пытаясь высмотреть табличку, надпись, какое-нибудь указание на то, где находится Мюрье.

– Где он, по-твоему, может быть?

– Номер в среднестатистическом отеле, так мне кажется. Старая обстановка, смешная кровать. Одна звезда или две. Кажется, есть план эвакуации на стене в дальнем углу.

Да, похоже, но прочесть было невозможно. Человек-птица вновь появился в поле зрения, чуть поодаль. Он взял бутылочку из коричневого стекла, лежавшую на кровати, вылил часть ее содержимого в ложку, нагрел ее пламенем зажигалки и вдохнул.

– Этот психопат ловит кайф.

Двое полицейских увидели, как человек бросил ложку на кровать и сел на стул за маленьким столиком с ручкой в руке. Шарко следил за каждым его движением.

– Кажется, он делает записи в одной из своих тетрадей. Значит, у нас есть немного времени.

Он посмотрел на часы. Пятый час. Он вернулся на титульную страницу и кликнул на последнюю дверь, «Кто я?». Снова появилось окошко, запрашивающее пароль. Несколько букв или цифр отделяли его от монстра. Он попробовал приходящие на ум слова, печатая их по-французски и по-английски. Саваж, Джош Рональд, Бездна(ы), дьявол, круг(и), Зло, Darknet, darkweb, darkroom... Хотел набрать «Человек в черном» (maninblack), но в пароле должно было быть не больше восьми знаков.

– Подскажи мне пароли, которые придут тебе на ум. Которые характеризовали бы Человека в черном, его дела, его мотивации. Мне нужен пароль из восьми или меньше знаков, который он сам бы выбрал для

доступа к его самой тщательно охраняемой тайне – его личности.

– Мы же все равно знаем, кто это.

– Я все-таки хочу взглянуть.

– Э-э... восемь букв максимум, говоришь. Не знаю, мне пришел в голову символ из трех кругов. Ад? Данте? Люцифер? Еще – власть? Потому что Человек в черном имеет власть.

Шарко ввел слова, которые диктовал ему Леваллуа, – безрезультатно. Ни одно не сработало. Слово... Единственное... Франк закрыл лицо руками, зажмурился, пытаясь сосредоточиться. Думать больше не получалось. Слишком велики были ставки. Через несколько минут он взял телефон и набрал номер Гийома Томео, эксперта-компьютерщика. К счастью, тот был еще на работе. Шарко рассказал ему о своих открытиях, продиктовал адрес. Томео подключился с помощью навигатора SCRUB.

– Черт побери... – выдохнул он в трубку.

– Можно проследить, откуда идет связь?

– Нет, невозможно, из-за этой проклятой анонимности, связанной с функционированием Darknet'а, я же вам объяснял. Мы можем только смотреть. Зато для пароля у меня есть программа-робот, которая может тестировать автоматически. Я могу настроить ее в несколько кликов, чтобы протестировать все слова из словаря максимум из восьми букв. А если это не работает, программа применит «Грубую силу», то есть испробует все возможные комбинации знаков, пока не найдет нужную.

– Сколько времени?

– Трудно сказать. Я должен ее запрограммировать, и на каждый запрос робота придется ждать ответа. В зависимости от скорости сайта и сложности пароля это может занять от нескольких часов до одного-двух дней. Я приступлю сейчас же.

– Позвоните мне, как только что-то будет.

– Хорошо. Не забывайте, что они анонимны, но и мы тоже. Это значит, они никак не смогут узнать, что мы пытаемся взломать их систему.

Шарко отключился и тут же набрал номер Николя, не сводя глаз с окошка веб-камеры Человека-птицы. Он смотрел на блох, открытую спортивную сумку и флакон лауданума.

Теперь он был уверен: Кристоф Мюрье нанесет удар сегодня вечером.

Клод Ламордые и Николя вошли в общий зал одновременно. За ними следовал Казю, нагруженный коробкой с тетрадами. Все трое уселись перед экраном Франка, и тот коротко ввел их в курс дела. В офисе повисла тишина, когда он показал разные окошки, убийства, заснятые напрямую, творящиеся по всему миру ужасы.

– Все это происходит прямо сейчас. В реальном времени. Люди умирают, их пытаются. Убийцы в белых халатах ставят над ними опыты. Саваж работает на несколько фронтов и каждый день пожинает плоды посеянного им семени.

В завершение он вывел на весь экран гостиничный номер Мюрье с его зараженными блохами.

– Уже больше часа он не двигается с места и пишет, не снимая маски.

Николя внимательно всмотрелся в человека, убившего Камиль.

– Ты имеешь хоть малейшее представление, где он находится? Париж? Предместье?

– Думаю, Париж, вспомни карту в трейлере. Я поискал в Интернете. Только двухзвездных отелей почти две тысячи. А зарегистрировался Мюрье, скорее всего, под вымышленным именем.

– Глаз не сводите с этого экрана, – приказал Ламордые.

Он вышел на середину офиса и направился к белой доске. Ткнул указательным пальцем в клеточку «Человека в черном».

– Хорошая новость: Джоша Рональда Саважа нашли, информация поступила из Управления международных связей меньше часа назад. По данным воздушной полиции, некий Джош Рональд Саваж, шестидесяти трех лет, американский гражданин, вылетел из аэропорта Шарль де Голль в Бразилию два дня назад. Он приземлился в Сан-Паулу. Наши службы связались с федеральной полицией Бразилии. Саваж принял американское гражданство лет десять назад и владеет домом в гиперохраняемой резиденции в Тамборе, пригороде Сан-Паулу.

Он показал фотографии, снятые с воздуха. Снимки пошли по кругу. Райское местечко на краю леса. Огромные дома, ландшафтные сады с бассейнами, теннисные корты, повсюду деревья, широкие, почти пустые аллеи. Картинка идеального счастья, о котором мечтала бы каждая семья.

– Его называют «Тамборе зеро». Местечко для богатых, построено четыре года назад. Три десятка вилл за несколько миллионов евро, повсюду

камеры, частная охранная служба. Резиденция обнесена стеной высотой больше десяти метров, с колючей проволокой и охранниками по периметру. Все инфраструктуры и оборудование финансируются собственниками. Такие резиденции называют *condominios fechados*. Тамборе zero, насколько мне удалось выяснить, место особое. У жителей свои магазины, парикмахерский салон, у детей частные учителя... Маленький город в городе. Никто не может войти туда без разрешения. Резиденция живет в автаркии, люди практически никогда оттуда не выходят, не смешиваются с местным населением. Вот среди этих собственников и прячется Человек в черном.

Шарко уже доводилось слышать о таких резиденциях. Чистые продукты сегрегации, расслоения общества, они росли как грибы, и в них укрывалась элита. Их можно было найти по всему миру, даже во Франции они уже появились.

Он с горечью посмотрел на фотографии:

– Подумать только, они ведь, по идее, обеспечивают безопасность. А кто остальные жители?

– Не знаю. Промышленники, богатые бизнесмены, которые прячутся за стенами от тех, кто наполняет их бумажники. Но... нас-то интересует Саваж.

Ламордье посмотрел на свой завибрировавший телефон. Ответил, сказал, что перезвонит, и отключился.

– Все закрутилось очень быстро. Я жду с минуты на минуту утверждения министерством международного судебного поручения. Мы готовим операцию с бразильцами, чтобы взять Саважа, передаем им все важные документы. Дело это деликатное, из-за того, что Саваж много знает, в частности о распространении вируса гриппа и том факте, что наше правительство дезинформировало общественность. Будет тонкая игра на дипломатическом уровне, но я бы сказал, что это нас не касается.

Он посмотрел на часы.

– Я получил добро Министерства внутренних дел на отправку двух человек на место для участия в операции. Белланже, вы руководите здесь. Шарко, Казю, прямой рейс на Сан-Паулу вылетает в двадцать часов. Вы готовы отправиться надеть наручники на этого мерзавца?

Казю ответил утвердительно, не скрывая своего энтузиазма. Шарко не сводил глаз с экрана. Человек-птица продолжал лихорадочно писать. Что такое мог записывать этот психопат?

– Я знаю, вы только что вернулись из Польши, Шарко, – добавил Ламордье. – Я могу вас кем-нибудь заменить, но знаю, что это и ваше

расследование, и...

– Я не упущу этого ни за что на свете.

В темноте воды Сены были черными, смолистыми, точно больные бронхи. Частый дождь лил и лил, как будто какой-то небесный шлюз забыли закрыть. Николя смотрел на город из окна кабинета, ощущал биение его сердца, кровотоки по запруженным артериям, всю эту сложную механику, делавшую его живым организмом. Кто-то готовился выпустить в него смертоносную бактерию, микроб, который внедрится в каждую его клетку и уничтожит их.

Если они не поймают Мюрье, Париж сгниет изнутри.

– Мюрье вышел, Николя!

Капитан полиции почувствовал, как учащенно забилося его сердце. Он подбежал к Жаку Леваллуа, который сидел, не отрываясь от компьютера, как, наверно, сидели сейчас и агенты других служб, и чиновники Министерства внутренних дел.

И Человек в черном.

Блохи были по-прежнему на месте, в виварии. Костюм чумного доктора с венецианской маской лежал на кровати.

– Он писал, – объяснил Жак. – Потом посмотрел на часы, снял маску, костюм, надел куртку и ушел.

– Уже девятый час. Куда его понесло?

– Может быть, у него встреча?

– С кем?

Ужасно было смотреть, не имея возможности действовать. Николя вспомнилось письмо на человеческой коже, адресованное Кремье:

В первое время вы можете видеть, не прикасаясь. Вы будете просто зрителем, но зрителем очень привилегированным.

Он вернулся к своему компьютеру. На его глазах умирала женщина, запертая в мрачной комнате где-то в этом большом мире. А Камиль – она тоже появлялась на этих экранах? Ее смерть транслировали онлайн?

Николя сжал голову руками, словно хотел раздавить ее в тисках. Впору было сойти с ума – сидеть здесь, рыться в тетрадах Мюрье, читать его мерзости в надежде отыскать ниточку. Но не нашлось ничего, связанного с операцией, которую он готовился осуществить. Тетрадь, содержащая последние секреты, была там, по ту сторону экрана.

Зазвонил его телефон, он ответил и тут же вскочил:

– Я скоро.

Надев куртку, он бросил Леваллуа:

– Я рядом, к экспертам. Есть следы пальцев на найденном у него плане Парижа.

Не прошло и пяти минут, как он, отряхивая дождевые капли, стоял перед лаборантом, который сделал анализ.

– Пришлось использовать технику фумигации, чтобы хоть чего-то добиться, этот тип бумаги плохо удерживает жир. Это даже не отпечатки, скорее нечеткие следы. Пальцами водили по карте, они скользили по ней, если угодно.

План, помещенный под прозрачную защитную пленку, лежал на большом столе. Николя внимательно всмотрелся. Следы сходились, образуя белесое пятно в треугольнике между авеню Оперы, улицей Риволи и улицей Пирамид. Еще один след шел по улице Пти-Шан, сворачивал на улицу Ришелье и кончался ровно посередине. Николя представил, как Кремье давал указания Мюрье, водя пальцем по улицам. Он сосредоточился на зоне, находившейся на стыке двух первых округов столицы.

– Одно из самых туристических мест в Париже... Музеи, Пале-Рояль, Лувр... Они, возможно, колебались, следов столько, что... очень большая зона, поди знай. Большинство музеев в этот час уже закрыты. Может быть, он и не нанесет удар сегодня вечером.

– Есть еще Опера, – добавил эксперт. – И она-то наверняка открыта.

– Опера, да.

Капитан полиции ткнул пальцем в улицу Ришелье, в то место, где кончался след.

– А здесь что?

– Улица Ришелье? Да ничего особенного.

– Вы можете выяснить, есть ли там отели?

Эксперт подключился к Интернету и ввел данные в поисковик. Появился результат.

– Есть три отеля на этой улице. Два трехзвездных и один двухзвездный.

Николя склонился к экрану:

– Точный адрес двухзвездного?

– Улица Ришелье, четырнадцать-бис.

– Совпадает с местом, где на плане кончается след.

Капитан полиции выпрямился:

– Там... Там прячется этот психопат, я уверен.

Он поблагодарил эксперта и побежал по набережной Орлож к дому 36.

На бегу он набрал номер Ламордье:

– Кажется, я знаю, где он, комиссар. На улице Ришелье, в десяти минутах отсюда.

– Секунду...

Николя слышал, как он обменялся несколькими словами с коллегой.

– Я здесь с Леваллуа, он сейчас подъедет на машине ко входу, – ответил Ламордье. – Езжайте быстро оба, не теряйте ни секунды. Я сейчас перед веб-камерой. Мюрье вернулся, промокший, пять минут назад. Он принес большой брусок льда.

– Брусок льда?

– Он положил его под виварий, и блохи все попадали. Я на связи с Александром Жакобом, он объяснил мне, что холод мгновенно усыпляет блох. Мюрье укладывает их в два пакета на молнии, которые приклеивает скотчем к своей груди. Белланже, он наверняка куда-то пойдет и нанесет удар.

– Не может быть.

– Я вам перезвоню...

– Подождите, план с отпечатками остался в лаборатории. Невозможно узнать, где точно он будет действовать, но круг очень узкий, квартал Риволи, Опера. Пошлите кого-нибудь к Парижской опере, он может нанести удар там, если мы упустим его в отеле.

– Окей. И я пошлю кого-нибудь забрать план.

– Мне нужно мое оружие, комиссар.

– Не может быть и речи. Оружие будет у Леваллуа, а я вызову подкрепление. Вперед!

Николя пробежал вдоль набережной Орфевр и оказался у поста охраны. В глубине двора появился Жак, он быстро шел к служебной машине с ключами в руке. Он подобрал Николя на ходу и поставил на крышу мигалку. Взревел мотор, и машина помчалась по набережной Конти с зажженными фарами.

– Живей, живей!

Николя одной рукой сжимал ручку дверцы, другой свой телефон. Движение на набережных было еще оживленное, ехалось трудно из-за дождя. Машина с мигалкой петляла, отчаянно сигналила.

– Шевелитесь же, черт побери!

– После набережной Вольтера сверни на улицу Пирамид. Четыре минуты – и мы на месте. Если хочешь побить рекорд скорости, самое время.

Под шорох дворников они пересекли Сену по мосту Руаяль. Длинная прямая линия через сад Тюильри. Какой-то грузовичок чуть не врезался в их машину на пересечении улицы Пирамид и авеню Опера. Зазвонил телефон. Это был Ламордье. Николя включил громкую связь.

– Экран веб-камеры погас! Мюрье уложил свой костюм в маленькую спортивную сумку и выключил веб-камеру секунд двадцать назад. Мы его упускаем! Вы где?

– Еще минута или две. Едем по улице Терезы.

– Я связался с подкреплением, они будут готовы действовать через четверть часа.

– Это слишком долго!

– Справимся. ГМР поднята по тревоге и тоже выезжает. Действуйте, и будьте осторожны. Этот мерзавец нарочно оставил спящих блох в постели в своем номере.

Николя сунул телефон в карман и убрал мигалку.

– Он начал сеять за собой смерть.

Леваллуа стискивал зубы, сосредоточившись на дороге. Большие османовские здания проносились мимо с впечатляющей скоростью. Машина замедлила ход у фонтана Мольера и въехала наконец на улицу Ришелье.

– Еще сто метров – и приехали.

Николя вытер каплю пота, затекшую в правый глаз, и посмотрел на

прохожих на тротуарах. Справа и слева черные тени, капюшоны, зонты. От слепящих фар встречных машин и капель на ветровом стекле он ничего не видел. Они проехали мимо старого «форда» 1990 года, аккуратно припаркованного. Номер совпадал.

– Вот его машина!

Внутри никого не было. Отель находился подальше, метрах в пятидесяти, на другой стороне улицы. Жак выключил фары и припарковался во втором ряду, двое полицейских перебежали улицу под отчаянный скрип тормозов.

Леваллуа толкнул дверь отеля, сжимая под плащом оружие. Звякнул колокольчик, они быстро огляделись. Никого ни в холле, ни за стойкой портье. Жак встал у лестницы – лифта не было, – а Николя тем временем ожесточенно тряс колокольчик на стойке. Из задней комнаты вышел человек:

– Иду, иду.

Николя показал ему свою карточку. Жак подошел к коллеге и протянул фотографию Мюрье, которую снял с белой доски в офисе:

– Он здесь?

Тот кивнул:

– Со вчерашнего дня, кажется.

– Выходил?

Портье посмотрел в компьютер:

– Он в тридцать пятом, третий этаж. Оплатил до завтра... – Он указал подбородком на ключ, лежавший в корзинке на стойке. – Его ключ здесь. Я слышал колокольчик за минуту или две до вашего прихода. Вероятно, он ушел из номера. А что он натворил?

Николя вырвал из рук напарника ключи от машины:

– Поднимись с ним. Убедись, что никого нет. Но только не входи. Блохи.

– Куда ты? Ты без оружия!

Капитан полиции не ответил и бросился к выходу. Они чуть-чуть отстали от Мюрье. Пикап был на месте, значит Мюрье ушел пешком. На сколько он их опередил? Двести метров? Триста? С улицей пересекались другие, справа, слева. Дождь застил поле зрения. Николя всмотрелся, насколько мог, пошел наобум, вернулся, все бегом. Вскочил в машину, потонул в потоке движения, по пробкам, по светофорам закружил по прилегающим улицам. Он резко затормозил, увидев человека, одетого в длинное черное платье, – верхнюю часть тела скрывал зонт. Он выскочил из машины, готовый броситься на него, но в последний момент

остановился: это был парень лет двадцати, не больше, с густо набеленным лицом и толстой цепью на шее. Два острых клыка торчали из его открытого рта. Ясно, одет вампиром.

Без единого слова Николя развернулся и погнал к отелю. Слишком много народу, слишком мало света, а время шло. Мюрье приближался к своей цели.

Он кое-как припарковался и бросился в холл отеля. Леваллуа был внизу с портье. Их взгляды встретились.

– Ничего! – рявкнул Леваллуа.

– У меня тоже. Живо к Опере.

– Ты думаешь, что...

– Других вариантов пока нет.

Они вышли, теперь уже оба, и побежали в направлении авеню Опера. Дождь лил, слепил их, но они не сдавались. Николя вдруг остановился, и Жак врезался в его спину.

– Костюм... – выдохнул капитан полиции, обернувшись.

– Что – костюм?

Николя перевел дыхание:

– Ламордье ведь сказал, что... что Мюрье взял с собой свой костюм в... в спортивной сумке?

– Да. И?

– Если бы он шел в Оперу, зачем бы ему брать с собой костюм?

Он посмотрел в противоположную сторону, упершись руками в колени и жадно глотая воздух.

– Я встретил минут пять назад типа, одетого вампиром... На улице Мольера... Где-то там, может быть, костюмированная вечеринка, что-то в этом роде... Позвони Ламордье, пусть наведет справки... Потом иди... загляни в машину Мюрье, как знать... Там, может быть, бумаги, что-нибудь... Я туда.

Он посмотрел на часы: одиннадцатый час. Он снова побежал, насквозь мокрый от дождя и пота. Добежал до улицы Мольера, промчался быстро, как мог, по левому тротуару. Его пульс зашкалило, когда он нашел спортивную сумку, лежавшую в подворотне в нише. Она была пуста.

Николя огляделся: ничего, только дома.

– Где же ты, черт тебя подери?

Он стал останавливать редких прохожих, не убоявшихся стихии, спрашивал, не видели ли они людей в маскарадных костюмах, и тут заметил пару, переходившую улицу метрах в двадцати, на углу. Он был одет пещерным человеком, с палицей на плече. Она – феей. Оба пытались как

могли защититься от дождя под двумя большими зонтами. Николя кинулся к ним, размахивая полицейской карточкой:

- Мне надо знать, куда вы идете.
- На улицу Риволи. В «Спираль». Там костюмированный бал.
- В котором часу?
- По идее, начался час назад, мы опаздываем, и...

Николя не дослушал, пересек улицу, не глядя, и помчался, на бегу набирая номер Леваллуа. Он был в двух минутах от «Спирали». Места, где людей – как сельдей в бочке.

Это был один из крупнейших ночных клубов Парижа.

На улице стояла очередь. Странные создания, супермены, колдуны, ведьмы. Пестрая праздничная вереница. Над ними, в длинном крытом холле, который вел к входной двери, бежала светящаяся надпись: «2 декабря самый большой костюмированный бал года в „Спирали“!»

Николя и Жак прошли мимо очереди, разглядывая каждого стоящего, – не обошлось без протестов. Они прикинули, что Мюрье должен быть на месте уже с четверть часа.

Они показали свои карточки на фейс-контроле:

– Криминальная полиция, набережная Орфевр, тридцать шесть. Человек в венецианской маске с птичьим клювом, в черном платье – видели такого?

– Он вошел пять минут назад.

Николя и Жак переглянулись.

– С этой минуты никого больше не впускайте и не выпускайте, закройте двери.

Вышибала загородил дверь своей внушительной фигурой. Он посмотрел на карточку Николя и вернул ее ему:

– Это все прекрасно, но сегодня у нас вечеринка года. У вас есть официальные бумаги?

Капитан полиции не мог устоять на месте. Этим типам к полиции не привыкать, без судебного поручения они не шевельнут и пальцем. У Николя не было времени ни спорить, ни ждать подкрепления. Он прорвался внутрь, и Жак последовал за ним. Они пробежали мимо кассы в длинный коридор, освещенный черным светом. Сквозь стены уже звучали басы.

– Я поищу внутри! Останься здесь на всякий случай! Сообщи Ламордье, что мы на месте! И спроси его, куда запропастилось подкрепление!

Леваллу кивнул и схватил Николя за плечо, когда тот уже убегал:

– Постой!

Он приподнял шляпу парня, одетого как Братя Блюз, и снял с него очки.

– Сними куртку и надень хотя бы это, если не хочешь бросаться в глаза, как нос на лице. И звони, если его увидишь.

Николя бросился на арену. В лицо повеяло жаром. Большой центральный танцпол, бары, кресла брали с боем. Яркие краски, свет,

цветные прожектора плясали на потолке, отбрасывая лучи во все стороны. Маски сновали туда-сюда, выходили из темных ниш, возбужденные музыкой, притикали друг к другу. Они были повсюду.

Николя поднял глаза и увидел большие вентиляторы, встроенные в стены за публикой, опиравшейся на парапет вокруг огромного круглого танцпола. Грандиозная спираль вздымалась ввысь метров на десять. При такой плотной толпе и планировке клуба нетрудно было представить, что могут здесь натворить блохи.

Капитан полиции добрался до небольшого возвышения и всмотрелся в зал, сдвинув очки на нос. Потом стал расхаживать, лавировать между креслами, вдоль барных стоек, по коридорам. Вдруг взгляд его остановился на человеке, неподвижно стоявшем, опираясь на бетонный столбик, в стороне от танцпола, с другой стороны. Профиль с птичьим клювом вырисовывался в сине-зеленом свете. Николя весь напрягся. Отойдя в угол, он позвонил Леваллуа:

– Я его вижу. Когда придет подкрепление?

– Шесть человек будут через две-три минуты. Люди из Пастера следом, другие едут в отель, чтобы заняться блохами. Здесь становится горячо, ребята из охраны говорят с физиономистом на входе. Скоро они нарисуются и потребуют у нас объяснений.

– Черт, он уходит! Подходи к бару!

Леваллуа присоединился к нему, без маски. Человек-птица отошел к другому столбику, чтобы сменить угол зрения, по ту сторону танцпола, метрах в двадцати. Двое полицейских спрятались в нише.

– Что бы мы ни сделали, рискуем вызвать панику! – крикнул Леваллуа в ухо Николя.

– Выбора нет. Он наблюдает, вот-вот нанесет удар. Если через минуту никто не придет, набрасываемся на него. Застигнем его врасплох.

Они замерли, начеку. Каждая уходящая секунда была пыткой. Вдруг Человек-птица вышел на середину танцпола.

Николя кинулся в обход бара, вдоль стен, Леваллуа следом. Они пробежали за креслами, там, где сновали официанты. Музыка грохотала. Наполнялись бокалы. В стробоскопическом эффекте маски и костюмы, казалось, парили в воздухе, точно призраки. В этом хаосе Леваллуа покосился на вход и увидел, как много людей вбежало в коридор. Вероятно, команды подкрепления уже подросли и объединили усилия со службой охраны.

– Кажется, подкрепление уже здесь!

Но Николя не слушал, он спустился на несколько ступенек, пробился к

танцполу и оказался прямо за Человеком-птицей, который стоял неподвижно, в черном капюшоне поверх маски. Двое полицейских были всего в двух метрах от него. Они переглянулись и бросились на цель.

В долю секунды Жак обхватил его одной рукой за шею и повалил на пол, а Николя заломил правую руку за спину. Щелкнули наручники. Раздались крики, зазвенело разбитое стекло, толпа прихлынула к ним, точно волна на поверхности воды.

– Расступитесь! – заорал Леваллуа. – Назад! Назад!

Жак пытался справиться с людским потоком. Николя, воспользовавшись этим, приподнял полу его куртки и выхватил оружие, засунутое за пояс брюк. Сжав в кулаке «зиг-зауэр», он приставил дуло к адамову яблоку подозреваемого, которого успел перевернуть.

– Николя! Не дури!

Николя тяжело дышал, пот заливал ему глаза. Звуки долетали до него искаженными, ниже, медленнее. Его указательный палец дрожал на спусковом крючке, а прямо за его спиной вопила в истерике какая-то женщина. Николя оставалось сделать только одно движение. Нажать. Перед глазами его стояла Камиль, распятая на рельсе. Словно очень издалека он слышал крик своего напарника: «Не стреляй!» Толпа расступилась, вбежала группа полицейских.

Леваллуа опустил перед ним на колени и протянул руку, требуя оружие.

– Не губи себя...

Николя посмотрел ему в глаза, чуть не плача. Он все же нашел в себе силы убрать оружие от шеи подозреваемого и сорвать с него птичью маску.

Ему показалось, будто в животе у него разорвалась граната.

– Это не он, мать твою!

Жак Леваллуа вырвал у него из рук пистолет и тоже констатировал их ошибку. Их сбил с толку костюм. Николя с трудом поднялся, как оглушенный и в такой же панике, как и люди вокруг него. Человек, которого они взяли, был словно парализован и не мог сказать ни слова. Это был блондин, а у Мюрье были черные волосы.

Николя кружил на месте, затянутый в адскую круговертъ. Вспышки, звуки, толпа – все било его по нервам. Дыхание у него перехватило, он поднял глаза к небу, словно в поисках воздуха, и тут увидел его – наверху, перегнувшегося через парапет второго этажа.

Николя вскинул руку, заметил окаменевшие лица коллег, которые тоже подняли глаза и увидели над собой Человека-птицу. Они с криком кинулись сквозь толпу к лестницам.

Дальше все произошло как в замедленной съемке. Человек-птица раскинул руки, держа в каждой по прозрачному пакету, перевернутому и открытому. Николя скорее угадал, чем увидел тысячи черных частиц, которые рассыпались в воздухе угольной пылью, попадая в потоки воздуха от вделанных в стены вентиляторов, рассеивались по самым дальним уголкам ночного клуба и оседали, невидимые, на волосах, затылках, плечах гостей.

Большое черное покрывало накрыло заведение.

А Человек-птица вскочил на парашют, широко раскинул руки и прыгнул головой вниз.

Он упал десятью метрами ниже.

Вторник, 3 декабря 2013 года

Шарко и Казю узнали новость по телефону одиннадцать часов спустя в зале прилета международного аэропорта Гуарульяс в Сан-Паулу, в 4:12 утра по местному времени.

Кристоф Мюрье был мертв, но он успел выпустить тысячи блох в большом парижском ночном клубе. Ученые из Института Пастера и ИЭН продолжали постепенно эвакуировать тысячу сто двенадцать человек, присутствовавших на тот момент в заведении. Все выходы были заперты, обработаны инсектицидом, и четыре дезинфекционных душа надуты в холле, ведущем в «Спираль», там, где люди вчера стояли в очереди. Начиналась долгая и тяжелая процедура медицинского контроля. Хоть пресса уже толпилась на улице Риволи, никто еще не произнес слова «чума». Но пожар в СМИ вряд ли можно будет долго сдерживать.

Драмы можно было бы избежать, они не успели совсем чуть-чуть. Шарко все еще вспоминал страшные картины вебкамер. Кто знает, что затевается в этот самый момент в других местах в мире? Что это будет в следующий раз? С этим надо было кончать как можно скорее. Арестовать Человека в черном и погасить один за другим все зажженные им фитили.

Пройдя контроль и получив багаж, двое полицейских встретились с тремя бразильскими коллегами, ожидавшими их на выходе в зале прилета. Знакомство состоялось быстро. Майор Эдуардо Фагундес, с густыми черными усами и очень короткой стрижкой, был человеком крепким и солидно выглядел в темно-синей форме со значком «Polizia». Он без обиняков сообщил им, что дан приказ действовать немедленно, с учетом того, что происходит сейчас во Франции на улице Риволи. Тамбореzero располагался в пятидесяти километрах от аэропорта, в северо-восточном пригороде. Он сказал также, что, по данным их спецслужб и спутниковой съемки, машина Джоша Рональда Саважа въехала в охраняемую резиденцию двадцать часов назад и больше не выезжала.

Все сели в полицейскую машину, перед которой ехали еще четыре. По дороге Шарко просмотрел сообщения в своем телефоне. Томео, программист, так и не связался с ним по поводу пароля, который дал бы доступ к личности Человека в черном.

– В команде двенадцать человек, – сказал Фагундес, – плюс мы четверо, всего шестнадцать. Полиция никогда не бывала в Тамборе зеро, но у нас есть точный план местности. Даны инструкции взять Джоша Рональда Саважа живым и поместить его под арест. В участке мы дадим вам его допросить.

– Хорошо.

Сидя на заднем сиденье с Казю, Франк снял пиджак и расстегнул воротник рубашки. Было около 24 градусов по Цельсию.

– Теперь все пойдет очень быстро, – выдохнул Казю, тоже сняв пиджак. – Мы почти у цели.

Бертран устал от перелета, но глаза его горели возбуждением. Он принял это расследование слишком близко к сердцу.

– Все пойдет очень быстро, – повторил Шарко с глубоким вздохом. – Это наше дело, а мы не более чем зрители. Мы не владем ситуацией, просто слушаемся, как хорошие песики. Саважа выдадут только после долгих недель процедур, и бразильцы предоставят нам лишь ту информацию, которую захотят дать.

– Главное – покончить с этим, тебе не кажется? И обезвредить Саважа.

– Семена, посеянные им, будут прорастать.

– Но некому больше будет поливать их, и они зачахнут.

Возможно, в конечном счете он был прав. Франк Шарко откинул голову на спинку сиденья и уплыл в свет города. Огни небоскребов вздымались так высоко, что смешивались со звездами. Сан-Паулу казался бесконечным. Полицейский вспомнил Буэнос-Айрес в прошлом году. Рядом с южноамериканскими мегаполисами Париж смахивал на деревню.

Они приближались к цели. Пейзаж изменился на подъезде к северному пригороду, после получаса пути. Небоскребы сменились огромными серыми стенами, увенчанными колючей проволокой, ярко освещенными, вдоль которых они ехали километры и километры. Казю был впечатлен.

– По-моему, это пресловутый Альфавиль. Я видел по телевизору. Больше сорока тысяч жителей, закрытых, как кролики, в ограде. Один из самых больших комплексов охраняемых кварталов для обеспеченных семей мира.

Шарко вспомнил фильм Годара «Альфавиль». Безжизненный город за много световых лет от земли... Компьютер, правящий всем городом... Никаких человеческих чувств внутри ограды. Франк подумал, что реальность, пожалуй, не так далека от вымысла.

Пейзаж снова изменился. Сан-Паулу казался теперь очень далеко. На смену бетону пришли небольшие холмы, раскинулся лес, густой и

душистый. Цепочки фонарей современного дизайна освещали широкие шоссе, обсаженные пальмами. Больше всего впечатляло, наверно, отсутствие жизни. Конечно, была глубокая ночь, но нигде никакого движения, ни машины, ни животного, ничего. Как будто в этой части мира, хоть и такой близкой к мегаполису, не было ни одного живого существа.

Чуть дальше показались первые ограды комплекса Тамборе. Высокие стены в зелени, посты охраны, похожие на сторожевые башни, откуда струился оранжевый свет, большие запертые решетки с заостренными концами. Машины миновали несколько охраняемых островков, рассеянных в темном лесу, и добрались до последнего из них, скрытого за деревьями. Эдуардо Фагундес повернулся к двум французам:

– Команды пойдут вперед, мы следом. Оставайтесь позади со мной, ясно?

Шарко ничего не оставалось, как кивнуть. Машины припарковались у поста охраны, и двенадцать бразильских полицейских, все в тяжелом обмундировании и вооруженные – каски с забралами, пуленепробиваемые жилеты, штурмовые винтовки и собаки, – выскочили оттуда во главе с шефом. Эдуардо Фагундес с коллегой, Шарко и Казю пошли следом. Команда кинулась к сторожевой будке, где уже суетились два охранника с рацией в руках. Через несколько секунд ворота открылись. Все полицейские устремились внутрь, кроме двоих, вставших у входа с собаками, с оружием на правом боку.

Конец был близок.

Шарко следовал за безмолвной армадой с ощущением, будто видит сон. Гигантские, искусно освещенные дома, слишком прямые улицы, пестрые магазины выглядели какими-то бестелесными, двухмерными. Все казалось ему фальшивым, словно из папье-маше.

На бегу он бросил взгляд на двухэтажное бетонное строение справа, которое в темноте было девственно-белым. Над входом – надпись «Clinica». Шарко замедлил шаг и нахмурился, озадаченный. Ему показалось, будто он видел, как закрылись автоматические двери.

Казю толкнул его в спину, чтобы нагнать группу, и азарт действия повлек его дальше, а повсюду на виллах между тем залаяли собаки.

Полицейские пересекли ландшафтный сад и выбежали на обсаженную цветами аллею. Большой «рейнджровер» был припаркован перед огромной виллой, на втором этаже которой горел свет.

Быстрыми и точными жестами шеф дал своим подчиненным команду к штурму. Дверь разлетелась в щепки, взвыла сигнализация. Все зажали руками уши. Один из полицейских нашел сирену, но она была слишком высоко, не добраться. Тогда он открыл огонь. Наступила тишина, барабанным перепонкам стало легче. Они кинулись на второй этаж, подняв фонари и винтовки, и вбежали в спальню, откуда шел свет.

Комната была пуста. Справа мерно попискивал включенный экран, показывавший вход и полицейских перед ним, значит Саваж знал об их присутствии. Полицейские обыскали весь дом, но не обнаружили никаких признаков жизни. Шеф бригады поставил побольше людей у главных ворот Тамборе и вызвал подкрепление.

Саваж прятался где-то в резиденции.

Полицейские попарно рассеялись в разных направлениях. Сады, центральная аллея, ограда. В конце аллеи виллы Саважа Эдуардо Фагундес выбил из пачки сигарету и предложил Шарко и Казю, которые отказались.

- Он в ловушке, отсюда ему не выйти. Мы его возьмем.
- Когда прибудет подкрепление? – спросил Шарко.
- Больше тридцати человек и вертолет будут здесь минут через двадцать.

Шарко проследил взглядом за двумя полицейскими, направлявшимися к клинике, метрах в тридцати.

– Я пойду с ними.

Не дожидаясь ответа Фагундеса, Шарко побежал в их направлении и нагнал их, когда они входили в здание. Он заговорил с ними по-английски:

– Я пойду с вами, проверю. Только что, когда мы пробежали мимо, я, кажется, видел, как закрылись двери. Там наверняка кто-то есть.

Двое полицейских посоветовались между собой, и тот, что повыше, повернулся к нему:

– Хорошо, но держитесь позади.

Раздвижные двери открылись перед ними автоматически. Они шагнули к освещенной стойке приемной, потом пошли по единственному коридору, уходившему влево. В конце был лифт и, подальше, закрытые двери. Двое вооруженных полицейских открыли их одну за другой и обнаружили медицинский кабинет, еще один, зубоврачебный, реабилитационный зал и маленькую операционную.

Один из них рассмотрел различные аппараты.

– Пластическая хирургия. Ничего необычного.

Они вызвали лифт. Этаж был только один, но замок под кнопкой «0» привлек внимание Шарко. Он указал на него полицейским. Старший по званию достал телефон и вызвал коллегу, способного заняться таким замком. Тем временем они наведались на второй этаж, где были три пустые ультрасовременные палаты. Шарко бросил взгляд в окно, выходившее на центральную аллею. Он увидел вдали Казю и Фагундеса, по-прежнему стоявших у виллы Саважа.

Когда они спустились, офицер из команды уже ждал их с сумкой через плечо. Через пять минут приборный щиток лифта был снят, обнажилась электронная начинка. Офицер жестом пригласил их в лифт, вошел следом и изогнутым медным проводом соединил два контакта. Лифт начал спускаться, это заняло всего несколько секунд. Шарко стоял в углу тесной кабины, а трое бразильцев загораживали его, вскинув оружие, один на корточках, двое стоя, готовые открыть огонь в случае необходимости.

Двери разъехались. Неоновые лампы сами собой зажглись над ними, как только они ступили в подземный коридор безупречной чистоты. Полицейский, шедший во главе, толкнул ногой первую же дверь. И снова неон осветил комнату. Они вбежали внутрь и тут же замерли.

Широко открытые глаза Джоша Рональда Саважа смотрели на три ствола, нацеленные на его лицо. Но он не шелохнулся. Шарко увидел его лежащим на полу посреди лаборатории, пальцы сжимали открытую и почти пустую бутылочку. Черная фетровая шляпа лежала рядом. У него была густая борода, глубокие морщины на лбу, вся одежда черная.

Один из полицейских жестом дал понять, что все кончено. Все опустили оружие, подняли забрала и выдохнули. Шарко подошел ближе, не веря своим глазам. Саваж – вот он, перед ним. Наконец-то. Ему было необходимо потрогать тело, удостовериться, что все кончено. Он опустился

на колени и убедился, что Саваж не дышит, а его большие глаза с расширенными зрачками неподвижны. Он бросил взгляд на бутылочку из коричневого стекла, которую убийца держал в руке.

Очевидно, он отравился.

Франк Шарко выпрямился, ему было горько. Не на такой конец он надеялся. Джош Рональд Саваж ушел, не заплатив за свои преступления, в сердце своей маленькой подземной лаборатории. Вокруг стояли пузырьки, пробирки, всевозможные вещества, яды змеи, скорпиона, жабы. Рядом – различные предметы вроде зонтиков с металлическим острием, тростей с «начинкой».

Один из полицейских позвал их из другой комнаты. Они вышли, прошли мимо операционного блока, совсем не похожего на тот, что был на первом этаже. Он был куда лучше оборудован, со сложной аппаратурой, всевозможными мониторами и хирургическими инструментами, упакованными и аккуратно разложенными. Полицейские недоумевали, для чего все это может быть нужно.

От того, что они увидели в соседней комнате, у них подкосились ноги. Небольшие кубы с прозрачными стенками были выстроены в ряд и подключены к различным аппаратам. Внутри находились органы и ткани, присоединенные к датчикам и стрелкам, связанным с трубками. Сердца, печени, почки, куски кожи, сухожилия, кости – десятками.

Слова теснились в голове Шарко. *Трафик органов, убийства, консервация...*

– Они нашли технику консервации живых органов. Они хранят их здесь как запчасти, готовые к использованию. Когда одна из них выходит из строя, они ее заменяют. Они хотят оставаться здоровыми и дееспособными, несмотря на старость и уходящее время.

– Кто – «они»?

Шарко не слышал вопроса. Он заметил дверь в глубине комнаты. Подошел и с опаской толкнул ее. То, что он обнаружил, было еще хуже: голые, выбритые тела взрослых, пожилых людей плавали в больших вертикальных аквариумах в жидком азоте при температуре –180 градусов. Их лица, казалось, были скованы кристалликами льда. Настоящий патологический музей существ, которые не были ни живы, ни мертвы. Полицейский знал, что это криогенизация, он видел такие ужасы на одной из веб-камер и, главное, в одном из предыдущих расследований. Он понял, что, невзирая на все их тогдашние усилия положить конец этим мерзостям, методика криогенизации тел была вывезена из России, возможно, учеными, исследователями, которым, как Саважу, удалось ускользнуть от правосудия.

Кто были эти люди, плавающие в азоте? Шарко подошел, всмотрелся в каждое лицо.

– Они не хотят умирать. Хотят оставаться совершенными, здоровыми, они идут сквозь эпохи, ожидая прогресса науки и медицины. – Он постучал по толстому стеклу. – Другие сумеют вернуть этих людей к жизни, у них есть необходимые технологии, а Тамборе зеро – стена, ограждающая их от внешнего мира.

Он обернулся; другие полицейские лишились дара речи, словно парализованные увиденным. Завибрировал его телефон, руки судорожно сжали аппарат, когда он взглянул на экран. Это был программист Томео.

– Шарко!

– Лейтенант, послушайте меня. Пароль – «Жерминаль». Он дал мне доступ не к личности, как мы ожидали, а к диалоговому окну Dark.Cover.

Шарко уловил в голосе программиста нотки паники. Он серьезно посмотрел на своих коллег, прижимая к уху телефон.

– Человек в черном не один, верно?

– Именно так, их несколько. У них нет имен, ники, которые беседовали минут десять назад, были «Человек в черном 1», «Человек в черном 2» и так далее. Так они друг друга называли. Номерами.

Шарко провел рукой по лбу:

– Сколько их?

– Много. Десять, двадцать, может быть, больше. Они будто один человек. Любопытно, как они общаются. И вот еще что: сначала я думал, что они разговаривают из разных мест мира, но похоже... что эти люди находятся в одной географической точке.

– Почему вы так решили?

– Они сейчас говорили о вторжении к ним. Один из них сказал: «Выживших не будет».

Шарко отключился и бросил по-английски:

– Джош Рональд Саваж не единственный Человек в черном. Их много. Весь Тамборе зеро принадлежит им. Мы приземлились в самую середину муравейника.

– Вы хотите сказать, что...

– Все виллы... Все жители этой резиденции. Они все одна шайка и попытаются нас убить. Предупредите ваших людей.

Вдруг на первом этаже раздался выстрел. И сразу еще один. Трое полицейских бросились к лифту. Шарко хотел подняться с ними, но один из полицейских, опустив забрало, оттолкнул его:

– Оставайтесь здесь, в безопасности, будет горячо. Мы придем за вами

потом.

Двери закрылись за тремя головами в касках.

Шарко заколотил кулаками по металлическим стенкам, но тщетно.

Бой состоится без него.

Время тянулось бесконечно.

Сидя у стены коридора, Шарко слышал гул вертолета и выстрелы вот уже десять минут. Пули, казалось, летели отовсюду, лопались стекла, люди кричали. Вдобавок Казю не связывался с ним по телефону, вероятно, он тоже попал под огонь.

Друг друга убивали в нескольких метрах над ним, а он чувствовал себя слепым и бессильным зрителем чудовищной драмы. Он сидел неподвижный, безмолвный, гнев и страх переполняли его. Он всегда думал, что они имеют дело с одним человеком, а между тем Людей в черном было целое войско. Имя им легион.

Каждый из этих монстров наверняка сеял Зло на свой манер, в своей стране, в свою эпоху. Франк понял, что страница Darknet'a, где перечислялись даты с 1963-го по сегодняшний день, была лишь компиляцией «подвигов» их всех. Одна черная волна негатива была их общим двигателем, и они естественным образом сблизилась, как частицы, которые притягиваются и в конечном счете соединяются, где бы они ни находились. Интернет, потом Darknet им в этом помогли. Они собрались в гетто, построили роскошные дома, чтобы множить там свои преступления в еще большем масштабе.

Вдруг Шарко услышал звук совсем близко, слева: как будто бутылка покатила по плиточному полу. Сердце его чуть не выскочило из груди: звук шел из лаборатории.

Он бесшумно поднялся, прижимаясь к стене, затаив дыхание. Неоновые лампы над ним зловеще гудели. *Кто-то* был в подвале, хотя единственным выходом был лифт, а полицейские тщательно обыскали каждый уголок. Франк сделал несколько неслышных шагов. От того, что он увидел, подойдя к дверям лаборатории, его качнуло.

Джош Рональд Саваж стоял на коленях, упираясь ладонями в пол. Голова его раскачивалась вправо-влево. Морщась, он ухитрился встать. Оперся о стену, согнувшись, и поднял глаза. Он сжал губы, увидев Шарко, который стоял прямо перед ним. Зрачки его сузились.

– Я хотя бы попытался, – с трудом выговорил он по-французски.

Он глубоко, со свистом вдохнул и надолго закашлялся. Шарко стоял перед ним неподвижно.

– Вы были мертвы.

Саваж отдышался, держась за сердце, и указал подбородком на разноцветные пробирки, стоявшие в застекленном шкафу.

– Я хотел... последнюю шутку... Вы даже не представляете всего, что можно делать с ядами... Особенно с ядом определенного вида угря. Дозировка, разумеется, одна миллионная литра... – Он снова закашлялся. – Достаточно чуть превысить дозу, и состояние клинической смерти после приема превращается в настоящую биологическую смерть... Я принял яд, когда услышал вас в лифте, надеясь потом ускользнуть от вашего бдительного ока, но... похоже, я ошибся. Вы здесь, передо мной. Вы, опять и снова вы. – Он окинул Шарко своим ледяным взглядом. – Давненько уже вы попадаетесь на моем пути... Вы упорный, кремь, а не человек. Как, кстати, поживает ваш друг, молодой капитан полиции Белланже?

Саваж не выказывал никакого страха, ни малейшего признака слабости. Он хотел нагнуться, чтобы поднять свою шляпу, но Франк наступил на фетр ногой.

– Все кончено, Саваж. Ваша великая мечта о разрушении не осуществится.

Саваж сумел улыбнуться. Ряд зубов появился над седеющей бородкой, подстриженной каре.

– Ничего не кончено, наоборот. Послушайте, там, наверху... Эти люди не боятся смерти, потому что они знают, что работа сделана. Семя посеяно, это главное. Скоро придут новые Люди в черном, друзья из второго круга, способные пойти дальше, принять эстафету, как мог это сделать Эрве Кремье. Они воссоздадут структуры, подобные Тамборе, где-нибудь еще в мире. Новые технологии, современные средства связи сближают нас. Вам никогда нас не победить. Вы можете убить нас, но не наше знание и не нашу волю.

Он сделал круговое движение рукой:

– Что вы сделаете? Запрете меня? Тюремная решетка ничего не изменит. В тюрьмах много слабых и неустойчивых людей, вы знаете? Думаю, мне там будет хорошо, не в пример вам и иже с вами. Нет... Вы никогда не будете в безопасности.

Пули вдруг перестали свистеть. Саваж выпятил грудь, нагнулся и дернул свою шляпу, зажатую под подошвой Шарко. Он наклонил голову:

– Полноте, лейтенант *Франк Шарко*. Будьте хоть немного джентльменом, прошу вас. Мы же с вами цивилизованные люди, не правда ли?

Шарко стоял неподвижно, нависая над Саважем. Пламя бушевало в нем, и горькая память об этих последних годах, за которые он столько у них

украл, у него и у Люси, всплыла на поверхность. Он глубоко вдохнул, полужакрыв глаза, и почувствовал, как мощная волна поднимается из самой глубины его существа. Его кулаки разжались, и, выдохнув, он убрал ногу. Саваж снова улыбнулся, выпрямился и отряхнул шляпу. В мгновение ока сыщик прижал его к стене и сдавил горло.

– *Вы не цивилизованный человек.*

Франк душил его изо всех сил, оторвав от пола. Глаза Саважа закатились, он выронил шляпу, попытался что-то сказать, но только нечленораздельный звук вырвался из его горла. Его пальцы вцепились в запястья Шарко, чье лицо было в двух сантиметрах от лица Саважа. Толстая вена выступила у него на лбу. Он смотрел, как жизнь медленно покидает его противника, поймал его последний вздох и сжимал еще долго.

– *Унеси мое лицо с собой в ад, Саваж.*

Потом он бросил его на пол, как простой мешок с цементом.

Шарко тяжело дышал, плечи его поднимались при каждом вздохе. Он посмотрел на свои раскрытые дрожащие руки, потом закрыл глаза и мало-помалу успокоился. После этого он вытащил тело на середину комнаты, в точности туда, где нашел его. Он знал, что следы удушения обнаружатся при вскрытии, в частности из-за перелома подъязычной кости, но его никто не заподозрит: трое бразильских полицейских подтвердят, что Саваж был уже мертв, когда они его обнаружили.

Шарко не знал, сколько прошло времени. Он помнил только, что сидел у стены лицом к лифту, когда двери открылись и первым вышел Казю. Еще он помнил, что лейтенант протянул ему руку, чтобы помочь подняться, и сообщил, что все кончено.

Людей в черном больше не существовало.

Теплый ветер оведал широкую главную дорогу Тамборе зеро, однако за всю жизнь Шарко не было так холодно. Из жителей резиденции ни одного не осталось в живых. Люди в черном, которые не погибли под пулями и оказались загнаны в ловушку внушительными силами полиции, покончили с собой, убив также своих жен и детей, у кого они были. Без жалости, без сострадания. Да и откуда им взяться у тех, кто убил тысячи человек?

Было больше шестидесяти трупов, в том числе пять полицейских. В этой страшной гекатомбе Франк узнал среди убийц два лица, которые встречал в прошлом. Первым был Антонио Веласкес, бывший директор клиники Сан-Рамон, ответственный за один из самых крупных трафиков детей в семидесятых и восьмидесятых годах. Второй – Лео Шеффер, один из безумцев, за которыми Шарко несколько лет назад гонялся в России. Шеффер был изобретателем метода криогенизации, способного приостановить жизненные функции человека и возобновить их через любой промежуток времени. Считалось, что он умер на российской территории, но Шарко так и не видел его трупа. И Веласкес, и Шеффер, и столько других, им подобных негодяев со временем стали Людьми в черном.

Франк смотрел, как суется полицейские. Они были в шоке, потрясенные тем, что должно было быть всего лишь арестом, а обернулось кровавой баней.

Это не могло закончиться иначе.

Франк присел на край тротуара, один. Он так устал. Первые лучи рассвета забрезжили на горизонте. Дивные, лиловые и желтые, цвета надежды, разгонявшие тьму, отталкивающие ее далеко в небо.

Надежда...

Франк знал, что ему снова придется жить с тяжелым бременем на сердце, с тайной, которую он не сможет открыть никому: тайной смерти Саважа. Он убил хладнокровно. Так чем он лучше тех, за кем охотится? У него еще будет время об этом подумать.

Он достал телефон и набрал номер Люси:

– Алло, милая? Это я. Да, все хорошо. Все кончено... Жюль и Адриен... Я хочу поговорить с ними, да... Мне надо сказать им что-то важное...

Эпилог

Семь месяцев спустя

Амандина идет, потупившись, держа в руке кожаные шлепанцы. Ветер теплый, почти жаркий, он скользит по ее прекрасным рыжим волосам, которые она зачесала назад, и колышет длинное летнее платье из льна. В небе слышится птичий крик. Амандина открывает глаза и смотрит на большой клин перелетных птиц. Дикие гуси великолепны, когда летят, наслаждение смотреть. Их длинные шеи вытянуты, и кажется, будто странная сила направляет их, что-то, глубоко скрытое в каждом и заставляющее пересекать тысячелетия и земли, несмотря ни на какие препятствия.

Слаженным, точным движением стая снижается и исчезает за дюнами Маркантера. Амандина смотрит на них, сколько может, сама вытягивая шею, как гуси. Она стоит неподвижно, одна перед Бэ-де-Сомм, а солнце клонится к закату.

Она так любит природу. Любит, как любил ее Фонг.

Она садится на песок, нагретый этим чудным солнечным днем, и, как почти каждый вечер, остается на диком берегу, пока не сядет солнце. Потом она уйдет в свой маленький домик в Кротуа, у самой бухты, всего в нескольких метрах от пляжа. Ничто больше на нее не давит. Ни профессиональные обязанности, ни эта сумасшедшая жизнь в парижском муравейнике. Она все бросила практически в одночасье. Без сожалений.

Она кладет ладони на свой круглый живот, и, как обычно, ребенок реагирует на шум моря и на нежную ласку мамы. Амандина знает, что он тоже будет приходить сюда. Когда подрастет. Ему понравится слушать, как мягко разбиваются волны, и чувствовать белую пену между пальцами ног. Ловцы креветок и собиратели ракушек будут рассказывать ему старые сказки, и он будет смеяться, а может быть, даже плакать. А она – она будет за ним, всегда рядом. Будет беречь его, как берегла Фонга. Насколько позволят ее материнские силы.

Ее муж ушел без мучений, так ей сказали. Насморк, который не повредил бы и младенцу, унес его в два дня, и когда его нашли мертвым в постели, лицо у него было спокойное, безмятежное, на груди лежала роза оригами. Как будто он крепко спал. Ее друг Жоан сообщил ей о его смерти,

когда она лежала в больнице Сен-Луи.

Фонг оставил короткое письмо на ночном столике. Амандина знает наизусть каждое слово, каждый знак препинания.

Моя любимая,

наша мать Природа сделала свой выбор. Я уйду без страха и уношу в сердце счастье оттого, что знал тебя. Ты будешь со мной всегда, где бы я ни был. И я тоже буду рядом с тобой, я это знаю. Помнишь поцелуй, что ты мне подарила в тот вечер, – это был мой лучший день за два последних года. Я знаю, что он значил для тебя и каких усилий тебе стоил, но ты ничего не сказала. Мы были вместе, ты и я, в тот вечер, впервые за очень долгое время. Пусть этот прекрасный поцелуй и наше последнее объятие будут для тебя последней страницей сказки, которая была чудесной. Или первой нового приключения.

Я люблю тебя сверх всех разумных пределов и вопреки болезни.

Фонг

Амандина утирает слезу и с еще большим пылом гладит свой живот. На этот раз с плексигласом покончено. Больше никогда. Только тонкая мембрана жизни еще отделяет ее от ее ребенка. Она смотрит на алеющее небо и знает, что Фонг близко, что он бережет их обоих и в каждой звезде, что скоро зажгутся в небе, будет легкий отблеск его души.

Тюлень высовывает голову из воды вдали и плывет к своим собратям и малышам на песчаную отмель, окруженную сетями. Один из них охраняет стаю, всматриваясь в горизонт. Скоро он уснет или отправится рыбачить, а его сменит другой. Так идет цикл жизни: она продолжается, что бы ни случилось.

Повсюду вокруг Амандины все еще свирепствует пандемия гриппа. Она косит популяции птиц, но у людей идет на убыль, с тех пор как на рынок поступили вакцины. В очередной раз человек вышел победителем из битвы с микробом, он сумел задуть пламя, остался лишь маленький язычок, но как скоро огонь разгорится вновь? Как скоро лихорадка Эбола или другой убийца людей отыщут слабинку? Вирусы и бактерии существовали задолго до человека, и, можно не сомневаться, они его переживут. Мы лишь временные гости на этой земле. Один вид из многих. И далеко не лучше всех адаптированный.

Блохи, рассыпанные в парижском ночном клубе, покусали сотню гостей, но благодаря развернутым процедурам безопасности зараженным людям вовремя оказали помощь, и, главное, распространения бактерии

удалось избежать. Вследствие шумихи в прессе многие члены правительства ушли в отставку, а в международном сообществе это дело вызвало настоящее землетрясение, причем во всех областях: в науке, в сфере биологической безопасности, экологии, борьбе с терроризмом, международной политике... Волны этого стихийного бедствия продолжают распространяться по сегодняшнему миру и, может статься, сделают его лучше и надежнее, как знать?

О расследовании полицейских с набережной Орфевр, 36, Амандина узнала только, что оно закончилось смертью многих людей, входивших в крупные преступные организации. Франк Шарко, Люси Энебель и Николя Белланже пришли выразить ей свои соболезнования после смерти Фонга. С тех пор она их не видела.

День угасает, прилив поднимается еще немного, и молодая женщина встает. Она идет вдоль пляжа, и вода стирает ее следы. Скоро их не будет вовсе, настоящее станет прошлым, и от ее присутствия останутся лишь воспоминания тех, кто видел ее, одинокую и меланхоличную, в этот вечер. Амандина еще не знает, что готовит ей будущее, но она идет, прямая и безмятежная, гордясь тем, что скоро станет матерью и будет продолжать худо-бедно жить, как семь миллиардов других людей на этой прекрасной голубой планете.

Благодарности

Мир бесконечно малого крайне сложен, но он завораживает, как никакой другой. Мне хотелось взяться за эту тему уже очень давно, но я не знал, как начать и с какой стороны к ней подойти: ведь книг об этом написано немало.

Моя встреча с исследователями, увлеченными своим делом, которые работают в стенах Института Пастера в Лилле, наши бесконечные разговоры дали мне толчок. Двигатель идей был запущен, и дело пошло. Полет был феерическим, а приземление через шестьсот с лишним страниц позволило мне постепенно вернуться с планеты Воображаемого в ослеплении от собственных открытий.

Я писал последнюю четверть романа, где-то в сентябре 2014 года, когда сюжет, над которым я работал, настигла жизнь. Недели тревоги для народов, ученых, политиков, сводившиеся к одному слову – «Эбола». Я видел ее лицо в ходе моих изысканий, и меня пробирал озноб. И вот один из худших бичей человечества внезапно выплеснулся волнами за пределы Заира. Гвинея, Сьерра-Леоне, Либерия, Нигерия... Он проник даже на американскую территорию.

Реальность догнала вымысел. И наоборот.

Я хотел бы горячо поблагодарить исключительно славных людей, всегда готовых поделиться, которых я встретил в Институте Пастера в Лилле. Я думаю прежде всего о Мари-Жозе Эрман, без которой всего этого не могло бы быть, и о Матье Сидро, открывшем мне многие двери. Большое спасибо профессору Даниэлю Камю за его готовность помочь и очень доходчивые разъяснения по гриппу и доктору Мишелю Виалетту, давшему мне идею для начала романа. Я благодарю их также за то, что они прочли этот роман и сделали весьма ценные замечания. Большинство затронутых в книге элементов взяты из жизни, поэтому ошибки и неточности, которые все же могли вкратиться в текст, остаются целиком на моей совести. Из соображений конфиденциальности я позволил себе адаптировать некоторые термины.

Я также провел чудесное время в обществе Жан-Пьера де Кавеля, заведующего лабораторией, и доктора Флорана Себбана, от чьих блох у меня вставляли дыбом волоски на руках. Спасибо и всем другим увлеченным людям, которых я встретил на улице Профессёр-Кальметт,

позволившим мне проникнуться «духом Пастера», воочию увидеть лабораторию, наблюдать бактерии под микроскопом... Мои скверные персонажи-ученые так далеки от вас, каковы вы есть на самом деле.

Два последних приключения Франка Шарко и Люси Энебель, которые я писал практически как одну большую книгу, не смогли бы увидеть свет без помощи нескольких человек, которых я хочу поблагодарить здесь (я намеренно не сделал этого в конце «Страха», потому что именно здесь по-настоящему завершается история Человека в черном). В частности, докторов Турнеля, Деланнуа, Стекера, Шарлье за их ценные советы по судебно-медицинской экспертизе и всему, что касается пересадки органов.

Я думаю также о майоре Фредерике Эвраре и его терпении, о внятности его ответов и его ценной редакции. Пользуясь случаем, приветствую жандармов, с которыми познакомился в Вильнев-д'Аск, всегда встречавших меня с улыбкой.

Спасибо Кариму и Режису за их советы на тему экспертно-криминалистической полиции, Эрве Журдену, полицейскому и собрату по перу, за его всегда ценные и внятные ответы на мои порой странные вопросы. Спасибо *Мисс Маллок* за ее редактуру и уточнения по гриппу.

Спасибо моей семье и моим друзьям за их поддержку, за их присутствие.

И если эти книги существуют, это потому, что есть вы, мои дорогие читатели. Я никогда не смогу выразить вам всю мою благодарность за ваше доверие и верность и говорю вам: до скорого. К тому моменту, когда вы будете читать эту книгу, я, весьма вероятно, уже погружусь в какую-нибудь мрачную историю.

Примечания

Уровень биологической безопасности 2. (Здесь и далее примеч. автора, кроме оговоренных случаев.)

Национальная жандармерия Французской Республики – части внутренних войск (ВВ), судебного конвоя, региональной и военной полиции Французской Республики двойного подчинения (Министерству внутренних дел и Министерству обороны Французской Республики). Наряду с Национальной полицией является важнейшей составной частью административного аппарата системы исполнительной власти Республики.

Институт эпидемиологического надзора.

4

Национальное санитарное агентство.

Вирус птичьего гриппа.

Всемирная организация здравоохранения.

Имя Амандина по-французски означает «миндалина». (Примеч. перев.)

Лицензия на руководство исследованиями.

Strategic Health Operation Center – Стратегический операционный центр здоровья.

Global Public Health Intelligence Network – Глобальная публичная информационная сеть здравоохранения.

Региональные группы наблюдения за гриппом.

См. роман «Страх».

Последняя фраза является почти дословной цитатой из романа Эмиля Золя «Жерминаль» (перев. А. Дмитриевского).

Известный французский политический деятель Жорж Клемансо (1841–1929) получил прозвище Тигр за жесткий характер и непримиримость к политическим противникам. (*Примеч. перев.*)

Бригада борьбы с преступлениями против личности.

Базовый уровень заболеваемости. Количество вторичных случаев, вызванных в среднем одним случаем в течение всей заразной фазы среди восприимчивого населения и в отсутствие мер контроля.

Traitement informatisé de la gestion du réseau des égouts –
компьютерная обработка управления сетью канализации.

В общих чертах (*лат.*).

Центральное национальное бюро, входящее в Центральное управление криминальной полиции.

Роман Мориса Леблана из серии о приключениях «джентльмена-грабителя» Арсена Люпена.

Имеется в виду картина В. Васнецова «Воины Апокалипсиса» (1887).

Отк. 6: 8.

Профессиональный врач – врач, который специализируется на охране здоровья трудящихся на производстве.

Название улицы Frigos означает «холодильники».

Henri Ommeno – Homme en noir.

Риккетсии – род бактерий – внутриклеточных паразитов. Названы по имени Ховарда Тейлора Риккетса, в 1909 году впервые описавшего возбудителя пятнистой лихорадки Скалистых гор.

См. роман «Страх».

См. роман «Атомка».

Вечно (*лат.*).